

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

Ю. Я. Перепелкин

Кэйе и Семнех-ке-рэ

**К исходу
солнцепоклоннического
переворота
в Египте**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979**

Книга ученого-египтолога, автора монографии «Переворот Амен-хотпа IV», непосредственно касается двух известнейших в наше время деятелей фараоновского Египта — царя-солнцопоклонника Амен-хотпа IV (Эх-не-йота, «Эхнатона») и его жены царицы Нефр-эт («Нефертити»), его юных преемников — Семнех-ке-рэ и Тут-анх-йота (переименовавшего себя впоследствии в Тут-анх-амуна, «Тутанхамона»), а также примечательной особы, «жены-любимицы» Амен-хотпа IV — Кэйе (Кийа). В книгу включены новые данные о Кэйе, которые стали доступны благодаря изданию множества памятников, связанных с этой соперницей царицы, но не разгаданных издателями.

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979.

ПРЕДИСЛОВИЕ

После выхода в свет моей книжки «Тайна золотого гроба» (М., 1968; изд. 2, 1969) было издано огромное количество памятников, связанных с соперницей царицы Нефр-эт (Нефертити). Если прежде таких изображений и надписей из города Шмуна (Ермополя) было издано очень немного, то теперь они обнародованы сотнями, и данные их, естественно, включены в эту книгу. Поскольку ряд памятников, считавшихся изображениями Амен-хотпа IV с его преемником Семнех-ке-рэ, мог быть с большим правом сочтен за изображения царя-солнцопоклонника вместе с его возлюбленной, то встал вопрос, что же на деле представлял собой преемник Амен-хотпа IV. Поэтому значительная часть книги уделена Семнех-ке-рэ, причем использованы как общеизвестные, так и новые источники.

С искренней признательностью вспоминаю всех, кто так или иначе содействовал моим изысканиям. Особенно благодарен я за предоставление необходимых изданий Олегу Дмитриевичу Берлеву и Евгению Степановичу Богословскому.

ОБ ОБОЗНАЧЕНИЯХ, ПРИНЯТЫХ В КНИГЕ

В этой книге приняты в общем те же обозначения, что и в моем исследовании «Переворот Амен-хотпа IV» (Ч. 1. М., 1967), и ссылки на параграфы относятся именно к тому изданию.

Для удобства читателей и ввиду некоторых изменений, внесенных в настоящую книгу, целесообразно и в ней коснуться принятых обозначений.

В примечаниях внизу страниц вынесены ссылки на мнения и наблюдения ученых, ссылки же на памятники включены в изложение. Названия книг и современных изданий, в которых воспроизведены или описаны памятники, представлены начальными буквами слов, составляющих эти названия; при этом предлоги и союзы, а в западноевропейских языках также определенные и неопределенные члены не принимались во внимание. В виде исключения издание *N. de G. Davies. The rock tombs of El Amarna* обозначено не четырьмя, а двумя начальными буквами, т. е. буквами ЕА, а не RTEA; это сделано для сохранения единства обозначения с моим исследованием «Переворот Амен-хотпа IV», где ссылки на названное издание самые частые. В конце книги приложен список сокращений, причем они расположены в порядке последовательности больших букв (маленькие буквы введены главным образом для различения иначе совпадающих сокращений).

Если за сокращением названия следует до двоеточия римское число, то оно обозначает отдельную часть или выпуск издания; стоящее до двоеточия четырехзначное арабское число обозначает год. Римское число, поставленное после двоеточия, указывает лист (таблицу), арабское же число — страницу. Число или буква, напечатанные курсивом за ссылкой на лист или страницу, обозначают отдельные воспроизведения на листе или странице. Число или буква, поставленные в круглых скобках за показателем страницы, обозначают примечание. Единица, двойка или тройка вверху строки непосредственно за сокращением названия указывают на издание книги.

Поясним сказанное примерами. ИДЕ: 132 = Искусство древнего Египта, стр. 132. TVR: XXXIII = The tomb of the vizier Ramose, лист 33. RFM 1932: 10 = Rapport sur les fouilles de Médamoud, за 1932 год, с. 10. JEA XVII: XXVII 4 = «The journal of Egyptian archaeology», vol. 17, лист 27, воспроизведение 4. TTA: 168 CXCV = Texts from the time of Akhenaten, с. 168, надпись, CXCV. [3] CA III: 151 (2) = The city of Akhenaten. P. 3, с. 151, примеч. 2. BPh²: 184 = Die Blütezeit des Pharaonenreichs, изд. 2, с. 184.

Поскольку издание *N. de G. Davies. The rock tombs of El Amarna* совершенно необходимо каждому, кто пожелает проверить изложенное в моих исследованиях о солнцопоклонническом перевороте, я ограничиваюсь в случае воспроизведенных в том

издании памятников ссылками на одно ЕА. На иные издания воспроизведенных там памятников ссылки делаются только тогда, когда другие издания в чем-нибудь восполняют ЕА. Для прочих памятников указаны по мере возможности разные издания, где можно найти воспроизведения, хотя эти указания и не притязают на исчерпывающую полноту. Вовсе оставлена забота о полноте в случае некоторых бесконечно часто воспроизводившихся памятников.

У читателя могут вызвать недоумение непривычные передачи египетских имен собственных. Привычная, но непоследовательная и часто произвольная передача древнеегипетских имен заменена единообразной передачей на египетский, хотя и поздний, именно коптский, точнее, саидский лад.

Таким образом, вместо привычных, обыкновенно греческих и арабских, обозначений городов и местностей употреблены их коптские соответствия. Так, вместо «Коптос», «Мемфис», «Фивы», «Илиополь», «Фаюм», «Асуан», «Эсне», «Мединет Абу», «Ахмим», «Ермополь» в книге значится: «Кебто», «Мэнфе», «Нэ», «Он», «П-йом», «Свэн», «Снэ», «Чэме», «Шмин», «Шмун». Более древнее название страны между южными и северными нильскими порогами «Куш» заменено восстановленным на коптский лад произношением «Кош». «Эп-эсове», употребленное вместо современного наименования «Карнак», представляет предположительное восстановление древнего названия, основанное на закономерностях египетского языка. Произношение «Висе», одного из обозначений Фив, основано на известной греческой передаче «Хамоис» египетского имени *X^c-м-в'ст*.

Имена древнеегипетских божеств звучат в этой книге настолько сходно с привычными их передачами, что вряд ли нуждаются в пояснении. Существенно отличны от обычных разве лишь три обозначения: коптское «Эсе» вместо греческого «Исида», коптское «Небт-хо» вместо ошибочного «Нефтида» и коптское «Мэ» («Правда») вместо условного «Маат».

По поводу имен частных лиц достаточно будет заметить, что там, где это было можно, они прочтены на коптский лад.

Из передач царских имен некоторые близки к привычным, и пояснять их нет надобности. Имя жены Амен-хотпа IV передано как «Нефр-эт», а не условно «Нефертити», на основании греческой передачи сходного египетского имени как «Нитетис» («Нефр-эт» — «Прекрасная пришла», «Нит-эт» — «Нэит пришла»), однако с учетом установленного наукой выпадения женского окончания *т* внутри сложных имен. Непривычно выглядят передачи царских имен, включавших в себя слово *хпр* (во множественном числе *хпрв* «явления»): «Нефр-шепр-рэ», «Анх-шепр-рэ», «Неб-шепр-рэ». Причиной тому замена на поздний лад звука *х* звуком *ш* в соответствии с греческим «Неферсофрис», которое склонны считать передачей наименования Тхут-мосе III *Нфр-хпрв* («Прекрасный явлениями»).

В сильнейшей мере отличает принятые здесь передачи от привычных произношение облюбованного Амен-хотпом IV наименования солнца *йтн* как «Йот» вместо ошибочного «Атон». Поскольку это наименование входит в состав ряда имен, они приобретают необычный вид: «Ах-йот» вместо «Ахетатон», «Эх-не-йот» вместо «Эхнатон», «Тут-анх-йот» вместо «Тутанхатон», «Ми-йот» вместо «Меритатон», «Анхес-эм-п-йот» вместо «Анхесенпаатон». Разностороннее обоснование правильного произношения наименования дано в статье Г. Фехта¹ (впервые правильное произношение было намечено в статье В. Ф. Олбрайта 1937 г.).² [4]

Египетские имена собственные, которые я не был в состоянии огласовать, переданы в составе одних согласных.

Устарелое слово «титло» предпочтено более привычному «титул». Слово «титул» в современном его восприятии означает обыкновенно определенный сан или звание, реже сочетание нескольких санов или званий. Тут же было необходимо слово, которое могло бы передавать ряд любых устойчивых обозначений того или иного лица, включая имя или

¹ G. Fecht. Amarna-Probleme (1-2) // ZAeSA. Bd 85, 1960. S. 83-118.

² W. F. Albright. The Egyptian correspondence of Abimilki, prince of Tyre // JEA. Vol. 23, 1937. P. 190-203.

имена. В таком смысле и применено здесь слово «титло».

Слово «кольцо» обозначает повсеместно в книге округлый ободок с перекрещивающимися сзади концами, в который вписано царское имя, так называемый картуш. «Кольцо» — перевод одного из египетских обозначений такого ободка.

Наконец, словом «сень» обозначено прямоугольное деревянное сооружение, словно глубокая крышка накрывающее гроб. В науке о русских древностях «сенью» зовется не только навес над гробом, но и легкая часовенка, прикрывающая его сверху и с четырех сторон, как и египетское сооружение. В переводах названий солнечных храмов или храмиков женских членов царского дома — «сень Рэ» такой-то царицы или царевны — слово «сень» употреблено в обычном своем значении.

При передаче источников употреблены следующие условные знаки. В круглые скобки заключены слова или части слов, никогда в источнике не имевшиеся и вставленные для ясности. В квадратные скобки заключены слова или части слов, восстановленные в разрушенных местах источника. Многоточием отмечены места, сохранившиеся в источнике, но опущенные при передаче. Прерывистой чертой отмечены места, ныне в источнике разрушенные и при передаче не восстановленные.

В целях облегчения печатания книги передача египетских согласных латинскими буквами с различительными надстрочными и подстрочными значками заменена передачею русскими буквами без каких-либо различительных значков над или под строкою. Разумеется, это — чисто условная передача, ни в коей мере не притязающая на языковедческую точность.

'	' над строкою	h с дужкой	х
j	и	h с черточкой	хь
c	c над строкою	z	з
w	в	s	с
b	б	s с птичкой	ш
p	п	k с точкой	къ
f	ф	k	к
m	м	g	г
n	н	t	т
r	р	t с черточкой	ч
h	^x над строкою	d	д
h с точкой	хъ	d с черточкой	дж

[5]

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЦАРИЦА НЕФР-ЭТ

Раньше, чем говорить о сопернице царицы, надо сказать о ней самой. Ведь особенно охотно влияние на государственные дела приписывают супруге Амен-хотпа IV. То выдающееся необыкновенное положение, которое она занимала рядом с ним, как будто оправдывает такое мнение.

«Она о бок с Ва-н-рэ вековечно, вековечно (подобно тому), как небо остается с тем, кто в нем (т. е. с солнцем)» (ЕА VI: XXV, строки 23-25). «Одарило оно (т. е. солнце) его (т. е. фараона) тысячью тысяч празднеств тридцатилетия, (тем временем как) жена царева великая, возлюбленная его, владычица обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно! — о бок с Ва-н-рэ» (ЕА VI: XXV). «Поставило ты (т. е. солнце) сына твоего, возлюбленного твоего, живущего правдою, владыку обеих земель [Нефр-шепр-рэ] Ва-н-[рэ] (так, что) он жив с тобою вековечно, — (тем временем как) жена царева великая, возлюбленная его, владычица обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно! — (находится) о бок с ним, — творя то, чем довольно сердце твое, видя, что творишь ты повседневно, (и) ликует он при виде красоты твоей» (ЕА I: XXXVI). «Она глядит (на) властелина постоянно непрестанно» (ЕА VI: XIV).

И действительно, изображения на стенах гробниц, храмов, дворцов, на их столбах, на божницах, на плитах неизменно показывают царицу рядом с супругом. Что их изображают вместе в семейном кругу, у себя дома, понятно само собой (ЕА II: XXXII, ЕА III: IV, VI, XVIII, XXXIV, ЕА IV: X, JEA VII: II = ИДЕг: 369, BPh¹: 157 = Eg: 183 = EHBAIV: 20 = Eg: 228 = BPh²: 184 = ARK: XXVIII = SA III: 313 = KEAZ: 14-15 = RID: 3 = EPh: 84-85 = NKAP: VIII = BiPh: против 208 = EgPh: XV B = ZCEER: против 177 58 = ZZR: против 128, MDOGB LII: 27 = PKN: I = AeKHK: XIV = RID: 49 = ИДЕг: 349 = GMAAe: XVII = TST: 24, IKG: XXIV 10 = MDOGB LVII: 5 = PKN: 16, ABKK XXXIV: 138 = ZAeSA LII: 77 = ABPS XL: 61-62 = PKN: 26 = KEA II: V = ARK: XXII = AeKHK: XV a = RID: 41 = ИДЕг: 371 = BHeф: XLI, TEA: I 16, DAeS II: LXXXIII = BPh²: 185 = JEA XIV: XIV = OeA: между 114 и 115 = BHeф: XXXIII = FAAe: LXVII и во многих других изданиях). То же можно сказать о совместном оплакивании ими умершей дочери (MSECAE I: VI [= ИДЕ: 141 = [6] ИДЕг: 367 = BHeф: 82 = ZZR: 45], VII = VIII, X = XII). Но мы постоянно видим также царя и царицу служащими вместе лучистому солнцу (passim). Таких изображений в Ах-йот множество, а исключения — величайшая редкость. Без какой-либо спутницы царь служит лучистому солнцу обыкновенно лишь в ранние годы до выдвижения Нефр-эт (см. § 70); позже он служит без Нефр-эт разве только тогда, когда вместо нее с ним служит его побочная жена (см. гл. II) или его мать, вдовствующая царица Тэе (TQT: XXXII = XXIX, надгробная сень самой Тэе). Вместе царь и Нефр-эт отбывают в храм на разных колесницах (ЕА I: X = XVII, ЕА II: XIII = XVI) или оба на одной (ЕА III: XXX-XXXII + XXXII A), вместе вступают на наружный двор храма (ЕА I: XXV = XXVII, MSECAE I: I = ИДВ I: 310 = ДМ I: 5 = VMPh: 104), вместе поднимаются на площадку перед жертвенником на следующем дворе (ЕА II: XVIII), вместе покидают храм на колеснице (ЕА IV: XX). Вместе царь и царица посещают гробницу приближенного (ЕА VI: III).

Рядом с царем показывается царица и на выходах чисто государственного порядка. Если она присутствует бок о бок с царем во дворцовом окне, когда награждается вместе с мужем Эйе ее кормилица Тэе (ЕА VI: XXIX = XLII) или же ее собственный домоправитель Ми-рэ (ЕА II: XXXIII = XXXIV), то это можно объяснить близкими взаимоотношениями с награждаемыми. Присутствие царицы при награждении верховного жреца семейного храма царской семьи (ЕА IV: VI-IX) тоже не вызывает вопросов. Но царица показывается в окне с супругом и тогда, когда золотом награждаются правитель Ра-мосе (FTEQ: XV = EW: XV = DGKAIV: VI = ABPK XL: 217-218 = AeKHK: XI = TVR: XXXIII = LIII), стольник П-рен-нуфе (JEA IX: XXIII = XXIV 1, ЕА IV: IV = IX), второй жрец государственного храма Пи-нхас (ЕА II: X). Она стоит рядом с царем, когда тот на дворе перед храмовыми складами осыпает золотом верховного жреца солнца Ми-рэ (ЕА I: XXV = XXX). Она сидит рядом с мужем во дворце, когда фараон дарует временщику Туту доходы с государственных и храмовых должностных лиц

(EA VI: XVII). И она же появляется в окне с царем при возведении Туту в верховного жреца фараона (EA VI: XIX) и Ми-рэ в верховного жреца солнца (EA I: VI = VII). Вместе с царем ее несут в золотых носилках принимать дань подвластного мира (EA III: XIII), и рука об руку сидят они оба на возвышении, обозревая доставленное (EA II: XXXVII = XXXVIII). На одной колеснице с мужем царица объезжает столичные заставы (EA IV: XX = XII C, XXII = XLI), в сопровождении сановников, под приветствия городской стражи.

Царицу с царем показывают также вместе изваяния, хотя и не так бесконечно часто, как плоскостные изображения. То царь и царица стоят рядом, а ее левая рука покоится в его правой (STEA: 35 26 = VMPh: 134 = A: 23 = ZZR: между 128 и [7] 129; TEA: I 1 = STEA: 49 52 = A: 22), то они сидят вместе, причем царица обвивает одной рукой стан мужа (от царицы уцелела лишь эта рука, DAeS I: XLV = ОИДИ: 160 = STEA: 27 12-13, APHe: colour I). Вот оба стоят рядом друг с другом и держат перед собою скрижали с солнечными и царскими именами (EA V: XLI = XLIII + XXXVI [= XXXIV], XL, XXXVII, 23-27; ср. EA III: XXX). Подобные изваяния вырубались в скале подле надписей на рубеже новой столицы, т. е. подле памятников государственного значения.

Следует ли, однако, из всего сказанного, что царица Нефр-эт участвовала в управлении государством? Вычитать это из самих изображений нельзя, а то, что вместе с царем и царицей на плоскостных изображениях почти всегда, а в виде изваяний довольно часто представлены маленькие дочери, доказывает, что одно появление рядом с царем еще не свидетельствует о влиянии на государственные дела. Если девочек изображали не по причине такого влияния, то почему мать должны были изображать обязательно из-за него? Маленькие царевны сопровождают родителей даже на изображениях самого что ни есть государственного порядка: при назначении сановников, при награждении их, при приеме иноземной дани...

Но имеются и такие изображения, на которых царица как будто бы впрямь показана деятельно и самолично подвизающейся на государственном поприще. По крайней мере так подобные изображения подчас толковались современной наукой. Речь идет о росписях (?), покрывавших снаружи легкие сооружения на царских судах. Царица на таких изображениях не только глядит, как ее муж заносит оружие над головой неприятеля (RMVI: LIV 8, ср. EA V: V; подобное было изображено и на храме в Нэ: О XLII: XXXVII 1), но делает то же сама, к тому же единолично, одна, без супруга (ARHAC: 83 = ARH: CXCI PC 67 = APHe: XXIII). Однако никто, конечно, отсюда не сделает вывода, что Нефр-эт собственноручно поражала иноземных врагов Египта. А если эти изображения не более как условность, то умозаключать по ним о действительной, а не условной государственной деятельности царицы никак невозможно. В этом смысле ее воинственные изображения имеют не больше значения, чем ее звания «владычица обеих земель» (см. § 88), «госпожа Верховья (и) Низовья» (см. § 90), «госпожа земли до края ее» (см. § 90) или такие общие места, как «скажет она вещь всякую, (и) сотворятся те» (EA II: VIII). Бесспорно, Нефр-эт была «владычицею дворца» (JEA XVII: XXIV-XXV), «большою во дворце» (EA V: IV, XXVII, XXIX = TTA: 104), но ее значение вне дворца точнее, возможно, передавало обозначение «госпожа женщин всех» (EA II: VIII) — «женщин», не «мужчин».

То, что известно о хозяйстве царицы, тоже не дает оснований отводить ей какое-то самостоятельное, независимое место [8] в государстве. Ее домоправитель, т. е. управляющий хозяйством, «распорядитель дома, распорядитель дома белого (т. е. хранилища ценностей), распорядитель женского дома царева же[ны ца]ревой большой Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно! — писец царев Ми-рэ» (EA II: XXXI + XXIX, ср. XXX, XXXVI) был, несомненно, видной особою, как о том свидетельствует его довольно представительная гробница в скалах Ах-йот (EA II: I + XXVIII). Поэтому, как и в случае домоправителя вдовствующей царицы Хойе, носившего у нее те же три звания, что и Ми-рэ у Нефр-эт (EA III; сходные гробницы обоих расположены рядом), мы вправе включить, что домоправитель молодой царицы управлял значительным имуществом. К сожалению, о самом хозяйстве Нефр-эт мы осведомлены мало. Известно только, что в составе его имелись

виноградники, расположенные, по-видимому, в основном на «потоке западном», иными словами, в Низовье (СА I: LXIII 1, LXIV 1, ср. без имени, с безличным «жены царевой» СА I: LXIII G и ТЕА: XXII 11), но, видимо, также в «Котловине Южной» (т. е. в Южном Оазисе, СА I: LXIII K, безлично — «жены царевой»). Судя по относительному обилию винодельческих пометок на сосудах, упоминавших «дом (т. е. хозяйство) Нефр-нефре-йот Нефр-эт» (кроме перечисленных еще СА I: LXIV 2 = ТТА: 180 ССХVIII А, СА III: LXXXV 28, 29, 30), ср. закупорку сосуда СА III: LXXXI 24) или «дом жены царевой» (кроме уже названных еще ТЕА: XXIV 90), виноградники царицы могли быть значительных размеров. Имелся и склад [дома?] Нефр-нефре-йот [Нефр-эт], хранивший «вино доброе» (СА III: LXXXI 25). Но всего этого недостаточно, чтобы приписать хозяйству царицы особое значение в государстве.

Вышеупомянутый Ми-рэ был не только домоправителем и казнохранителем царицы: он был также «распорядителем женского дома царева жены царевой большой Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!». Выходит, что у царицы был свой «женский дом (*inm*)», обособленный от дворца фараона. О том же свидетельствует и обет царя, данный при основании новой столицы: «Сотворю я м[н]е дома (*nr̥im*) фараона — жив, цел, здоров! — сотворю я дома жене царевой в Ах-йот на этом месте» (плита Ах-йот К, строки 16-17 — ЕА V: XXX = XXXVIII = ТТА: 114; плита Ах-йот Х, строка 19 — ЕА V: XXXII). Спрашивается, можно ли опознать в развалинах дворцовых сооружений посреди Ах-йот остатки дворца царицы?

Бок о бок с основной каменной частью дворцовых развалин лежала кирпичная их часть, отделенная улицей с висячим переходом над нею. Кирпичное сооружение было обширным, хотя и не таким огромным, как каменное. С лицевой стороны кирпичного здания был разбит большой сад, с деревьями и цветами, пересеченный желобками оросительной сети. Спереди [9] в сад вели ворота с башнями по сторонам, а сбоку от него поверхность понижалась уступами в сторону упомянутой улицы. Внутри сооружение представляло сплетение дворов, переходов, больших и малых помещений со столбами или без них. Ближе к задней стене сооружения было откопано шесть спален, расположенных одни за другими по три в ряд, каждая с углублением в стене для кровати. В одном из помещений за спальнями пол и стены были испещрены разноцветными мазками, как если бы о них вытирали кисти. И действительно, тут нашлись как кисти-тростинки, так и сами краски (СА III: 87). Ближе к лицевой стене сооружения было раскопано просторное помещение с переднею и с умывальной по соседству и уже у самой этой стены — большая комната с возвышением в глубине.

В передней перед упомянутым просторным помещением имелась превосходная стенопись, изображавшая царское семейство у себя дома — царя, царицу и их шесть дочерей (JEA VII: II = IDEg: 369). Дж. Д. С. Пендльбюри, довершивший в 1931–1932 гг. раскопки сооружения, начатые в конце прошлого века В. М. Флиндерсом Питри, не без основания полагал, что в шести спальнях спали шесть дочерей Амен-хотпа IV и Нефр-эт.¹ В помещении же, испачканном красками, Дж. Д. С. Пендльбюри готов был видеть игральную царевен.² И действительно, они баловались живописью. В гробнице Тут-анх-амуна была найдена небольшая дощечка (палитра) из слоновой кости с шестью гнездами для красок, принадлежавшая сестре его супруги в бытность ее еще царевной — «дочери царевой от утробы его, возлюбленной его, Ми-йот, рожденной женою царевой великою Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!» (ТТ III: XXII А = Т III: XXI Е = ГТ: СХХIV = ТСТ: 55). Имеется такая же совсем игрушечная дощечка второй царевны — «дочери царевой от утробы его, возлюбленной его, Мек-йот, рожденной женою царевой великою Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!» (SE II: 296-297 = ZZR: между 128 и 129). Определителем к имени родительницы служит на дощечке Ми-йот знак царицы с «бичом» и в венчике, на дощечке Мек-йот тоже знак царицы с «бичом», но с высокими перьями на голове. Поэтому обе вещицы, вероятно, поры ранних солнечных колец (см. § 80), когда обе царевны были еще маленькими (см. § 91, 92). Если на дощечке Мек-йот корень *mr̥i* написан

¹ J. D. S. Pendlebury. Tell el-Amarna. L., 1935. P. 92; он же. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. L., 1951. P. 87.

² J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. P. 87.

действительно знаком протока, как представляется по снимку, то царевна была еще младенцем, когда для нее изготовили (впрок?) эту крошечную вещицу (см. § 104). У Ми-йот для *мрй* оба раза употреблен знак пруда, так что она могла быть уже девочкой, пускай небольшою, но все же «школьного» [10] возраста (см. § 104). Таким образом, ничто не мешает, напротив, все побуждает видеть в шести спальнях опочивальни шести царевен.

Дж. Д. С. Пендльбюри полагал, что помещение с передней и умывальной могли быть царской опочивальней.³ На царя или царицу намекает изображение царской семьи на стене передней. Никаких следов обитания здесь двух лиц нет. Наоборот, то обстоятельство, что умывальная одна и в ней всего одна каменная плита-лежанка со стоком для воды с нее в полу, позволяет предполагать, что тут обитало одно лицо. Предпочтение должно быть, конечно, отдано царице из-за расположенных неподалеку спален шести царевен, которые, как заявлял сам царь в одной из своих клятв о новой столице (EA V: XXVII-XXVIII), состояли непосредственно «под рукою» матери, а не отца. Выходит, что показания надписей об отдельном, особом местообитании царицы как будто вполне согласны с данными раскопок. Царь в таком случае должен был обитать в соседнем главном дворце. «Не жил ли он в том великолепном его боковом крыле, которое, как показала М. Э. Матье, без достаточных оснований принимали за женский дом фараона?»⁴ Действительно, вереницы связанных пленников, написанных там на полах (TEA: 13-14, I = Eg: 151 = AA: XVIII = BPh²: 174 = BiPh: против 209; CA III: 41), более подходили к покоям попиравшего их властелина, чем к жилищу его жен, среди которых имелись иноземные царевны. Длинный ход вдоль стен данного сооружения годился для обходов стражи самого фараона ничуть не меньше, чем для обходов стражи его женского дома. Что в этом крыле дворца не обнаружено помещения с углублением в стене для кровати, не имеет значения. На изображениях царского дворца в вельможеских гробницах Ах-йот ложе фараона в его опочивальне стоит то под навесом на точеных столбах (EA VI: IV, XXVIII, ср. XIX), то под кровлей, понижающейся с понижением самого ложа от изголовья к ногам (EA I: XVIII, XXVI, EA III: XIII, XXXIII), то, наконец, оно помещено таким образом, что постель можно стлать, стоя в его ногах (EA IV: VIII). Ясно, что ложе фараона художники представляли себе стоящим отнюдь не в углублении в стене.

Основывая новую столицу, царь клятвенно заверял, что воздвигнет также особый солнечный храм имени царицы: «Сотворю я сень Рэ жены царицы — Йо[т]у, моему от[т]цу, в Ах-йот в эт[о]м месте» (плита Ах-йот К, строка 15 — EA V: XXX = XXXVIII = JEA XXI: 136 = TTA: 113-114 = CA III: 190, ср. плита Ах-йот Х, строка 17 — EA V: XXXII). Насколько мне известно, надежных свидетельств касательно того, что обещанная «сень Рэ» была действительно воздвигнута, не имеется. «Сень [11] Рэ — жив, цел, здоров! — жены царицы — жива она! — на юге» (CA III: 201) названа в одной скорописной производственной пометке, сделанной, во всяком случае, после введения солнечных колец (кольцо вокруг «Рэ», см. § 16). Однако можно согласиться с Х. В. Фэрмэном, что эта южная «сень Рэ», вероятно, не что иное, как «сень Рэ» в царской усадьбе на юге Ах-йот.⁵ Ну, а та «сень Рэ» до передачи ее царевне Ми-йот принадлежала не Нефр-эт, а побочной жене царя (CA I: XXXIV 1 = LVI = TTA: 167 CXCI, CA I: XXXIV 2 = LVI = TTA: 167 CXCI, ср. CA I: LVI B, LVII 83, см. гл. II). Предположительные восстановления CA III: 171(2) не имеют доказательной силы, к тому же неясно, кто здесь «жена царицы» — Нефр-эт или Кэйе?

Отсутствие определенных известий о «сени Рэ» царицы вызывает некоторое недоумение, поскольку о «сенях Рэ» других представительниц царствующего дома сведения имеются. Известны «сень Рэ» вдовствующей царицы Тэйе (EA III: VIII = IX + X + XI + XII), «сень Рэ» старшей царевны Ми-йот (TRSLUK I: II = PSBA XV: 210-211 = TTA: 159 CLXXIII = HTES VIII: 28 = XXIV; другая ее «сень Рэ», переименованная из чужой «сени Рэ», — CA I: XXXIV 1 = LVI = TTA: 167 CXCI, CA I: XXXIV 2 = LVI = TTA: 167 CXCI, ср. CA I: LVI B, LVII 83, см. гл. II), «сень Рэ» третьей царевны Анхес-эм-п-йот (ZAeSA LXXIV: 105 — «сень [Рэ] дочер[и] царицы от утробы [его,

³ Ibid. P. 88.

⁴ М. Э. Матье. Искусство древнего Египта. Л., [1961]. С. 332.

⁵ H. W. Fairman // J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. P. 201.

возлюбленной его, Ан-хес-]эм-п-йот [в доме ликования] Йота [в доме Йота в Ах-йот]»; в цельном виде это название — MDAIAK XIV: X 1 = ARH: LV 450-VII A; не исключено, впрочем, что и эта «сень Рэ» переименована из другой «сени Рэ», см. гл. III), «сень Рэ» побочной жены царя (см. сказанное под «сенями Рэ» Ми-йот и Анхес-эм-п-йот). Приходит на ум даже мысль, вероятно неправильная, что «сень Рэ» царицы так и не была воздвигнута, потому что личный солнечный храм царской семьи «двор Йота» (CA III), полный изваяний ее членов (CA III: 186-187) и расположенный подле вероятного дворца царицы (см. выше), с лихвой заменил собою такую «сень», хотя первоначально царь имел в виду соорудить «сень Рэ» царицы особо от «двора Йота» («Сотворю я двор Йота Йоту, моему отцу, в Ах-йот в этом месте. Сотворю я сень Рэ жены царицы - - - Йо[т]у, моему о[т]цу, в Ах-йот в эт[о]м месте» — плиты Ах-йот К, строка 15, и X, строка 17: EA V: XXX = XXXVIII = JEA XXI: 136 = TTA: 113-114 = CA III: 190; EA V: XXXII).

И все-таки осколок столба с остатками надписи (CA III: CI 12) из того самого бокового крыла дворца, которое обычно принимают за женский дом фараона, мог бы свидетельствовать, что здесь или где-то поблизости находилась «сень Рэ» царицы. Правда, для этого надо, чтобы надпись можно было восстановить [12] таким образом: «[Ра-Хар-Ахт, ликующий в небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) йот, (кому) дано жить ве]чно, [векове]чно, [Йот живой великий, что в] празднестве [тридцатилетия], владыка окружаемого всего [солнцем, владыка кеба, владыка земли в(?) сени Рэ] жены царицы великой, [в доме ликования] Йота в доме Йота в [Ах-йот]». Размеры пробелов допускают такое восстановление, но только кружку «Рэ» пришлось бы тогда стоять одному посреди отвесной строки с пустотою справа и слева и даже без черточки. Зато «дом ликования Йота» был бы как раз подходящим местом, так как в нем были «сени Рэ» царевен и Кэ́йе (см. гл. III) и один из «домов ликования» был дворцовым (см. гл. III). Но только все целиком боковое крыло никак не могло быть «сенью Рэ», какою мы ее знаем по изображению в гробнице Хойе («сень Рэ» Тэ́йе, EA III: VIII = IX-XI), по остаткам в южной усадьбе и по камням из Шмуна («сени Рэ» Кэ́йе, впоследствии Ми-йот и Анхес-эм-п-йот; см. гл. II и III).

Другая вещь из восточного крыла дворца, которая могла бы намекать на связь его с царицей, — это обломок деревянной крышки от письменного прибора (от вместилища для писчих тростинок) с надписью «- - - вековечно! Жена царицы [велик]ая - - -» (CA III: 45). Значение эта находка имела бы только в том случае, если б титулу царицы предшествовали кольца солнца; если до нее был упомянут фараон, то прибор мог быть его, а не Нефр-эт. Однако последнее маловероятно, так как титул царя перед титулом царицы обычно не имеет — редкой вообще у царя — концовки: «жив он вечно вековечно!» (см. § 55). Но если б прибор и принадлежал Нефр-эт, то отсюда до заключения о принадлежности ей восточного крыла дворца было б еще очень далеко. В государственных учреждениях, расположенных поблизости от дворца, была найдена трубочка для глазного притирания, принадлежавшая четвертой дочери царской четы — Нефр-нефре-йот Малой (CA III: LXXVIII 7), но кто же сделает из этого вывод, что маленькая царевна проживала именно тут? А что касается куска от облицовки водоема, помещавшегося в восточном дворцовом крыле, то на ней значилось отнюдь не одно титуло царицы, но и титуло царя, как доказывает уцелевшая перед ее званиями концовка: «[большой по] веку своему» (TEA: X).

Но царица имела не только свое особое хозяйство, свое особое казнохранилище, свой особый дворец, она имела и свои особые царские корабли с кормилами, увенчанными ее резною (?) головою (EA V: V, ARHAC: 83 = 82 = ARH: CXCI PC 67 = APhE: XXIII), и с беседками, украшенными ее изображениями с мужем (EA V: V) и без него (ARHAC: 83 = 82 = ARH: CXCI PC 67 APhE: XXIII).

Но как бы то ни было, ни угоды, ни производства, ни сооружения, ни прочие известные нам богатства царицы не таковы, [13] чтоб на основании их одних можно было умозаключить о большом ее влиянии на государственные дела. Однако есть одно прелюбопытное явление, которого мы еще не коснулись. Имею в виду то отношение, в которое ставится к солнцу царица, отношение, напоминающее несколько то, в котором состоит к своему лучезарному «отцу» сам «Единственный для Рэ» — Амен-хотп IV.

Когда за именами царя следует имя Нефр-эт, им большей частью предпослано имя солнца (passim). Тем самым царица помещается как бы на одну доску с царственным светилом и его «сыном». На изображениях солнечный круг не простирает своих рук-лучей ни к кому из подданных (passim), даже к царевнам, даже, на первых порах, к побочной жене фараона (см. гл. III и VI): солнце простирает руки-лучи только к венценосным особам. Амен-хотпа IV и Нефр-эт оно обнимает лучами-руками, касается ими их венцов, поддерживает венцы, подносит к носам царственной четы знак жизни (passim). Правда, в солнцепоклоннической столице такого выдвижения в один ряд с солнечным именем удостаивались также имена покойного Амен-хотпа III и его здравствующей вдовы Тэ́йе (EA III: XXI четыре раза, возможно также XIX; CA III: LXIV 6 = 155; TQT: XXXI = 13 = TTA: 164 CLXXXVIII, TQT: XXXII = 14 = TTA: 165 CLXXXVIII, два раза). Равным образом каждому из них протягивает свои руки-лучи солнце и подносит к носу по знаку жизни (EA III: IV, XVIII, TQT: XXIX = XXXII = XXXIII, JEA XII: I = HTES VIII: XXII = AeKHK: XIII = STEA: 21 = CuAE: XXII b = VMPh: 147). Однако умерший фараон и его вдова далеко не часто появляются на памятниках новой столицы. Да и вообще все то, чего удостаиваются Амен-хотп III и Тэ́йе у лучистого «отца» их сына, не более как бледный сколок со взаимоотношений солнца и молодой царской четы: ведь до Амен-хотпа IV и Нефр-эт всего этого не было и в помине.

Любовь солнца к фараону — общее место в солнцепоклоннической письменности. Но не он один — «возлюбленный Йота». «Любимую Йота живого» является и Нефр-эт (EA V: IV). И если солнцу говорят: «Восходишь ты, чтобы дать ему (т. е. царю) вековечность, умиротворяешься ты (т. е. заходишь), (да) дашь ты ему вечность» (EA V: XXV, строка 4), то и для царицы «восходит Йот, чтобы дать ей жалование (т. е. милость), умиротворяется он, чтобы умножить любовь ее (т. е. любовь к ней)» (EA IV: XXI). И для обоих, для царя и царицы, солнце поднимает утром людей: «Поднимаешь ты их для сына твоего, вышедшего из плоти твоей, царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-[шепр]-рэ Ва-н-рэ, сына Рэ, живущего правдою, владыки венцов Эх-не-йота, большого по веку своему, (и) жены царицы великой, возлюбленной его, владычицы обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она, молода она вечно вековечно!» (EA VI: XXVII, строка 13). [14]

Знаменитая песнь солнцу из гробницы Эйе зовется не просто солнечным славословием, а «утренним прославлением Ра-Хар-Ахта, ликующего в небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) Йот, кому дано жить вечно вековечно, Йота живого, великого, что в празднестве тридцатилетия, владыки окружаемого всего солнцем, владыки неба, владыки земли, владыки дома Йо[т]а в Ах-йот, царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-[шепр]-рэ Ва-н-рэ, сына Рэ, живущего правдо[ю], владыки венцов Эх-не-йота, большого по веку своему, жены царицы великой, возлюбленной его, владычицы обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-[э]т — жива она, здрава, молода вечно вековечно!» (EA VI: XXVII, строка 1). Под сходным названием начало этого славословия было включено в другое сочинение в гробнице Мойе: «Утреннее прославление Ра-Хар-Ахта, ликующего в небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) Йот, кому дано жить вечно вековечно, царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, сына Рэ, живущего правдою, владыки венцов Эх-не-йота, большого по веку своему, жены царицы великой, возлюбленной его, владычицы обеих земель, большой любовью, Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!» (EA V: II, строки 1-2). Еще одно славословие озаглавлено таким способом у Эйе: «Утреннее прославление Ра-Хар-Ахта, ликующего в небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) Йот, кому дано жить вечно вековечно, царя (и) государя Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, сына Рэ Эх-не-йота, большого по веку своему, жены царицы великой Нефр-нефре-йот Нефр-э[т] — жива она вечно вековечно!» (EA VI: XXV, строка 1). Озаглавить так ухитрились даже сложное в честь милостивца-фараона «жизнеописание» Мойе: «Утреннее прославление Ра-Хар-Ахта, ликующего в [небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) Йот, кому дано жить вечно вековечно, царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель] Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, сына Рэ, живущего правдою, владыки венцов Эх-[не-йота], большого по веку своему,

повелительницы, большой во дворце, прекрасной ликом, приглядной в (головном уборе из) двух перьев, любимой Йотом живым, жены царевой великой, возлюбленной его, владычицы обеих земель Нефр-нефре-Нефр-эт — жива она вечно вековечно!» (ЕА V: IV). Таким образом, утреннее славословие обращают одновременно к солнцу, царю и царице — вместе с солнцем и царем молятся также Нефр-эт. И что то были не пустые слова, доказывают наглядно каменные плиты с изображением лучистого солнца и царской семьи, водружавшиеся верноподданными у себя дома для поклонения.⁶ [15]

Молитвы к царице могли быть не только ее прославлениями, но и прошениями к ней. Молебные просьбы к царице бывают начертаны по бокам дверей в вельможеских гробницах следом за подобными же обращениями к солнцу и царю. Вместе с ними и подобно им царицу призывают как подательницу различных благ. В одних случаях раньше, чем высказать просьбу, воздают хвалу, в других — начинают с древнего заклинания, которое египтяне с давних времен обращали к своим богам, поминая умерших: «жертва, данная царем» такому-то египетскому божеству (с тем, чтобы оно дало то-то и то-то покойному). Следовательно, в таких случаях царица занимала место прежних божеств наряду с солнцем и своим супругом. Соответственно и просьбы, обращенные к ней, многообразны, касаются как житейских, так и загробных благ.

«Хвала двойнику твоему, [Нефр-нефре]-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно! (Да) даст она принимать хлебы, (приношение), выходящее (на жертвенник) пред (солнце), студеною воду, жертву во дворе солнечного камня (т. е. в глубине главного храма столицы)» (ЕА II: XXI).

«Хвала двойнику твоему, Нефр-[нефре]-й[от] Нефр-эт — жива она вечно вековечно! (Да) даст она память добрую пред царем, жалование (т. е. милость) его постоянно (?) повседневно» (ЕА II: XXI).

«Жертва, данная царем, жен(е) царев(ой) велик(ой), возлюбленн(ой) его, владычиц(е) обеих земель [Нефр-н]ефре-йот Не[фр]-эт — жива она вечно вековечно! (Да) дашь ты славить царя в доме его, [м]оего владыку, образовавшего (меня), сотворившего меня, явившего (меня)!» (ЕА II: IX).

«Жертва, данная царем, жен(е) царев (ой) велик (ой), возлюбленн(ой) его, владычиц(е) обеих земель [Нефр-нефре-йот Нефр-эт] — жива она вечно вековечно! (Да) даст она входить (во дворец) жалуемым, выходить любимым, память добрую пред царем» (ЕА II: IX).

«Жертва, данная [ца]рем, [жен(е)] царев(ой) [велик(ой), возлюбленн(ой) его, владычиц(е) обеих] зем[ель Нефр-нефре-йот] Нефр-эт — жива она вечно вековечно! (Да) даст она входить жалуемым, выход(ить) любимым, сладость сердца в Ах-йот» (ЕА V: IV).

«[Жертва, данная царем, жен(е) царев(ой) велик(ой)], возлюбленн(ой) его, владычиц(е) обеих земель [Нефр-нефре-йот Нефр-э]т — жива она вечно вековечно! (Да) даст она жалование (т. е. милость) свое остающимся, твердым, плоть, приобщенною радости, что дает она» (ЕА V: IV).

«[Жертва, данная царем,] - - - высок(ой) двумя перьями, блистательн(ой) венцами (?), любим(ой) (?) владык(ою) обеих земель! (Да) дашь ты видеть Йота - - -» (ЕА IV: XXXIX).

Очевидно, у солнцепоклоннических вельмож царица находилась на положении богини. Недаром кормилица ее величалась [16] «взрастившею божественную» (ЕА VI: XXIV, XXV, XXXI два раза).

Молиться можно было, правда, и Тэ́е. Домоправитель вдовствующей царицы Хойе поместил одно такое небольшое обращение к ней в своей гробнице в Ах-йот: «Хвала двойнику твоему, владычица обеих земель, освещающ(ая) обе земли красотой своею, м[ать] ца[ре]ва, жена царева великая Тэ́е, владычица пищи, многая довольствием... - - - в жизни доброй, в приобщении к радости в... - - -» (ЕА III: XIX). Но это — молитва в гробнице собственного служащего Тэ́е. Впрочем, в самом солнцепоклонническом городе была найдена плита молебного вида с изображением Амен-хотпа III и его вдовы под лучистым

⁶ L. Borchardt. Porträts der Königin Nofret-ete aus den Grabuneren 1912/13 in Tell el-Amarna. Lpz., 1923.

солнцем их сына (JEA XII: I = ARK: VII = HTES VIII: XXII = AeKHK: XIII = STEA: 21 = CuAE: XXII b = VMPh: 147 = APhE: XXX). Однако эти единичные примеры почитания Тэ́е не более как подражание тому поклонению, которым окружили себя Амен-хотп IV и Нефр-эт.

Откуда же пошло такое боготворение молодой царицы? Ни об одной другой царице за все предшествующие две тысячи лет существования фараоновского царства не известно ничего подобного. Известно, что Тэ́е чтилась как божество в особом храме, но то было далеко на юге, около третьих порогов, за пределами Египта. А Нефр-эт чтили повсеместно и непрестанно вместе с солнцем и его сыном в самой столице государства.

Никакими догадками о том, что Амен-хотп IV мог быть обязан престолом женитьбе на «наследнице» Нефр-эт, боготворение ее, как и необыкновенное положение ее в целом, объяснить невозможно. Да и сами такие догадки лишены всякого основания, более того, начисто опровергнуты памятниками. Слабым опровержением была бы, конечно, ссылка на то обстоятельство, что среди известных нам по имени дочерей Амен-хотпа III нет Нефр-эт: ведь и о самом Амен-хотпе IV, несомненном сыне Амен-хотпа III и Тэ́е, ничего не слышно до воцарения. Не является решающим и то, что надписи, без счета величая Нефр-эт «женою царевой великой», ни разу не добавляют «дочь царева»: добавлять это было не обязательно, а при том необыкновенно высоком положении, которое царица занимала рядом с Амен-хотпом IV как его супруга, быть может, даже неуместно. То, что опровергает те догадки, — это титул сестры царицы Нефр-эт, не раз появляющейся на памятниках солнцепоклоннической столицы вместе с царской четою и ее дочерьми. Будь эта особа дочерью Амен-хотпа III, ее не преминули бы величать «дочерью царевой»,⁷ как величали при солнцепоклонническом дворе дочь покойного фараона и Тэ́е Бок-йот («дочь [17] царева от плоти его, возлюбленная его, Бок-йот» — EA III: IV, VI, VIII = IX, XVIII; «дом дочери царевой Бок-[йот]» — CA III: LXXXVI 42). На деле же сестра царицы именуется всего лишь «сестрою жены царевой великой Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно! — Бенре-мут» (EA VI: IV, XXVI = XXXI, в поврежденном виде — EA II: VII, ср. EA V: III, EA VI: XVI; тоже в поврежденном виде, но со вставкой перед именем царицы: «возлюбленной [его], владычицы обеих земель» — EA II: V, также, возможно, до разрушения — EA II: V; кратко: «сестра жены царевой [велик]ой [Бенре]-мут» — EA V: V).

Если сестра царицы не была царской дочерью, то таковою не была и она сама. Это, конечно, не означает, что Амен-хотп IV и Нефр-эт не были родственниками. По всей видимости, они были даже близкими родственниками. Когда еще не были выяснены отличительные признаки голов Амен-хотпа IV и Нефр-эт,⁸ их, случалось, путали, а иногда это происходит и сейчас. Удивляться тому не приходится, потому что сходство действительно велико. У обоих утонченные худощавые лица с тяжелыми веками и нежно очерченным носом, черепа с выступающим затылком, длинные, тонкие шеи. То, что отличает голову царя от головы царицы, — это узкость лица, пухлые губы, отвислый подбородок и выгнутость назад шеи (у царицы шея выгнута вперед). Но эти отличия ни в коей мере не нарушают общего сходства. Амен-хотп IV и Нефр-эт были родственниками, но такое родство никак не объясняет необыкновенного положения царицы.

Объяснение дают сами солнцепоклоннические памятники. Они непрестанно восхваляют обаяние Нефр-эт и ее способность внушать любовь к себе. Она — «прекрасная ликом, приглядная в (головном уборе из высоких) двух перьев» (EA II: VII, EA V: IV, XXVII, XXIX, строка VII = TTA: 104), «умиротворяющая Йота голосом сладостным, своими руками приглядными со гремушками» (во время храмовой службы, EA VI: XXV, строки 21-23), «сладостная голосом во дворце» (EA V: XIII) и вообще «та, слыша голос коей ликуют» (EA V: XXVII, ср. XXIX, строка VII [= TTA: 104] и XXXI, строка X). Она — «владычица приязни» (EA III: VI, EA IV: XXXI, EA V: XXIX = TTA: 104, строка VIII, TEA: XII 1, 2), «сладостная любовью» (EA III: VI, TEA: XH 1, 2), «большая любовью» (EA V: XXIX = TTA: 104, строка VIII, ср. AJSLL XXV: 71), «большая любовью в доме Йота» (JEA XVII: XXIV-XXV, HTES VIII: XXVI = 29). «Восходит Йот, чтобы дать

⁷ Ch. Desroches-Noblecourt. Vie et mort d'un pharaon Toutankhamon. [P., 1963]. P. 123.

⁸ H. Schäfer. Altes und Neues zur Kunst und Religion von Tell el-Amarna // ZAeSA. Bd 55, 1918. S. 9-13.

ей пожалование (т. е. благорасположение), умиротворяется он, чтобы умножить любовь ее (т. е. к ней)» (ЕА IV: XXXI). Она не только «жена царева великая, возлюбленная его» (*passim*), но и «[л]юбимая владыки обеих [18] земель» (ЕА IV: XXXIV), «т(а), образом кое(й) доволен владыка обеих земель» (ЕА V: XXIX = ТТА: 104, строка VIII, ср. ЕА V: XXXI, строка X), «омывающая (т. е. радующая) сердце царя в доме его, т(а), сказанным кое(й) всем довольны» (ЕА II: VII).

Однако все уверения и похвалы, в которых вдобавок немало условности и лести, бледнеют перед собственным свидетельством царя о его великой любви к царице. В те годы, когда основывалась новая столица, царь принес солнцу клятву о его новом городе, полную зарок и обетов, принес ее в самой торжественной обстановке и затем увековечил в разных местах на скалах вдоль городских рубежей. И, принося такую клятву, фараон клялся своим отцом-солнцем и своею любовью к жене и детям: «(Как) живет отец мой Ра-Хар-Ахт, ликующий в небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) Йот, (кому) дано жить вечно вековечно, (как) услаждается сердце мое женою царицею да детьми ее, (из) которых (да) дастся состариться жене царицею великою Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно! — за эту тысячу тысяч лет, (в течение коей) была (бы) она под рукою фараона — жив, цел, здоров! (и да) дастся состариться дочери царицею Ми-йот (и) дочери царицею Мек-йот, ее детям, (тем временем как) были (бы) они под рукою жены царицею, их матери, вековечно вечно!..» (ЕА V: XXVII-XXVIII).

Не менее живым свидетельством великой любви фараона к Нефр-эт и необыкновенной задушевности их отношений могут служить многочисленные изображения, эти отношения увековечившие. Взятые в своей совокупности, подобные изображения представляют нечто необычное, свежее в многовековом развитии египетского искусства.

В дворцовом покое сидит на скамейке царь, а у его ног на большой подушке — царица. Рядом одна маленькая царица ласкает другую. Три царицы постарше стоят между родителями, и одна из них заигрывает с малышкой, которую держит мать (JEA VII: II = ИДЕг: 369). Царская семья собралась в дворцовом покое. Теперь оба супруга сидят на скамьях. Царь поднял и целует в губы старшую царицу. На это обращает внимание матери вторая дочь, сидящая у нее на коленях. Третья царица, совсем младенец, став на руку царицы, тянется за подвескою ее венца (BPh¹: 157 = Eg: 183 = ЕИВАIV: 20 = Eg: 228 = BPh²: 184 = ARK: XXVIII = SA III: 313 = KEAZ: 14-15 = Eph: 84-85 = NKAR: VIII = BiPh: против 208 = EgPh: XV B = ZCEER: против 177 = ZZR: против 128). Царь дарит серьги старшей дочери. Вторая опять сидит на коленях у матери, третья же, стоя на них, ласкает мать (MDOG B LII: 27 = PKN: I = AeKHK: XIV = RID: 49 = ИДЕг: 349 = GMAAe: XVII = TST: 24, ср. IKG: XXIV 10 = MDOG B LVII: 5 = PKN: 16). Иной раз царица сама забирается на колени сидящему в кресле супругу, прихватив [19] своих маленьких дочерей (TEA: 1 16). Четыре царицы стоят перед креслами царской четы и навешивают ей веерами прохладу. Царь обнимает царицу за плечи, она облокотилась о его колени и, обернувшись к нему, говорит что-то, указывая на детей (ЕА III: XVIII). Вечером при мерцающем свете светильника в увитой цветами садовой беседке царица наполняет мужу чашу, а дочери идут к нему с подношениями (ЕА II: XXXII). На прогулке Нефр-эт подносит плоды и цветы фараону (DAeS II: LXXXIII = BPh²: 185 = JEA XIV: XIV = OeA: между 114 и 115 = BHeф: XXXIII = FAaE: LXVII и во множестве других изданий). При случае она повязывает ему ожерелье, вплотную приблизив лицо к его лицу, как если б для поцелуя (ABKK XXXIV: 138 = ZAeSA LII: 77 = ABPS XL: 61-62 = PKN: 26 = KEA II: V = ARK: XXII = AeKHK: XVa = RID: 41 = ИДЕг: 371 = BHeф: XLI = ZZR: против 128). Так же сблизившись лицами, словно намереваясь поцеловаться, едут оба на колеснице вместе с маленькою царицею, погоняющей прутником коней. Так они едут в храм (ЕА III: XXX-XXXII + XXXII A), из храма на городские заставы (ЕА IV: XX = XII C) и от одной заставы к другой (ЕА IV: XXII = XLI). Но вот настал горестный день для царской семьи: скончалась вторая царица. Она лежит еще дома. Родители стоят у ее изголовья. Правые руки скорбно заломлены вверх, левой рукою царь сжимает левую руку жены между локтем и кистью (MSECAE I: VI [= ИДЕ: 141 = ИДЕг: 367 = BHeф: 82 = VMPh: 153 = ZZR: 45], VII-VIII). Затем всем семейством плачут перед изваянием почившей, установленным на возвышении посреди зелени, — отец, мать, сестры в одеждах, приспущенных с одного плеча, бурно выражают свою скорбь по умершей (MSECAE I: X-XIII). Необыкновенно задушевный смысл подобных изображений давно отмечен наукой.

Одна уже наружность Нефр-эт могла очаровать фараона, знавшего ее, вероятно, с детских лет. Любовь Амен-хотпа IV к Нефр-эт при общем его самовлюбленном, царепоклонническом умонастроении вполне объясняет то необыкновенное положение, которое царица заняла рядом с ним. И можно думать, что эта любовь возрастала с годами. Еще в Нэ за «замалчиванием» царицы последовало все более и более частое появление ее на памятниках (см. § 70-73). Если на первичных пограничных плитах Ах-йот (см. § 41) царь клянется своим солнцем особенно пространно, то клянется только им одним, а не им и любовью к царице и детям, как на вторичных и третичных плитах (см. § 41). Начало клятвы на более поздних плитах было приведено выше, на первичных же плитах оно звучало так: «(Как) живет отец (мой) Ра-Х[a]р-Ах[t], [л]икующий в небосклоне в [имени своем] как Шов, [ко]тор[ый] (есть) Йо[t], Йот большой жизнью, начавший (первым) жизнь, зеленеющий жизнью, мой отец - - - мой оплот в тысячу тысяч локтей, моя память на вековечность, мой свидетель этому на вечность, образовавший [20] себя сам руками своими — не познал его мастер - - - восходящий, умиротворяющийся (т. е. заходящий) повседневно, непрестанно — он на небе (и) на земле, и око всякое глядит (на) него, не - - - и он наполняет - - - луч[ами(?)] сво[ими(?)], животворит лицо всякое, — который дает насытиться глазам моим глядением (на) него постоянно, (когда) он взошел [Йот]-ом (?) [ж]ивым (?) в Ах-йот и наполняет его собою во плоти своей (т. е. собою самим) — [св]оими лучами, приглядными любовью, и полагает их на меня с жизнью (и) процветанием вековечно вечно!» (следует содержание клятвы, EA V: XXIX = XXXVIII = TTA: 111 — строки 8-11 + EA V: XXXI-XXXII, строки 11-13).

В старой столице царица показывается в торжественной обстановке: участвует в царском служении солнцу, правит ему службу (TRSLUK I: I 5 = ME: XI 3; ASAE XXXV: VI 2, 42, 47, ср. 48; ASAE LIII: XI B, ср. XIII B; REA II: III 2; RFM 1932: 10; ASAE XXII: IV; RA V: 63 = ME: X 1 = RKEA: II = ZAeSA LVIII: I = KAO: 360 3 = ARK: V = AeKHK: V; MDAIAK XXIX 1: XXVIII-XXIX; JARCE X: I и т. д.), присутствует при награждении вельможи (JEA IX: XXIII = XXIV 1; FTEQ: 15 = EW: 15 = DGKAIV: VI = ABPK XL: 217-218 = TVR: XXXIII = LIII = AeKHK: XI). За служением солнцу мы застаем ее и на древнейших памятниках новой столицы: EA V: XXVI = XXXIX, XXXIII = XL, XXXVI (= EA II: XXV), XXXVII (= ME: XIII), XXXVII (= DAeAe II: CXb), XLI = XLIII (= ME: XIV), XLII R (= MMPAIBL XL: I), XLII Q, TEA: XII 1, 2, 3, 4, CA III: LXVI 1, LXIX 4, 5 (= CM: № 10 = KOз: IX = НЭС XVII: VIII = SA III: 315 = STEA: 19 = KEAZ: XI = CuAE: XXIIIa = СПДЕ: XXIV = ИДЕ: 132 = ZZR: между 96 и 97), ср. CV 5, 10, MSEC AE I: 12 = KAeMC: XXVII = DAeS II: LXXXII = ЕРИИ I: 107 = ОИДИ: 156 = KAO: 361 = SA III: 314 = KAE: гус 9, SNE I: LXV = 214, MDIAeAK III: против 36b (= ARH: I), a (= IV = ARH: II). Все эти изображения времени I—III солнечных титул (см. § 34-36). Они приурочены к нему самими солнечными титулами, именем царя «Амен-хотп Нуте-хок-висе», простым именем царицы (см. § 75) или, наконец, способом изображения, близким к старинному или искажительному (§ 103). Изображений, на которых царская чета показана в задушевном общении, насколько мне известно, от этого времени не имеется. Все перечисленные выше задушевные изображения не древнее IV солнечного титула (см. § 37). Доказательство — употребленные на них титула солнца или способ изображения, уже не исключительный (см. § 103). Со времени IV солнечного титула «задушевные» изображения начинают оспаривать первенство у тех, на которых «задушевность» пускай подразумевается, но тем не менее явно не выражена.

Но, может быть, именно в силу любви к ней фараона царица не только заняла необыкновенное положение рядом с ним и в быту и в представлениях, но и могла в сильнейшей степени [21] влиять на государственные дела? Имеются недвусмысленные указания, что такого влияния она все-таки не оказывала.

Царица Нефр-эт ни разу не названа в сохранившейся части клинописной переписки между египетским царем и иноземными властителями, зависимыми от него и независимыми. В письмах Тушратты, царя Митанни, не раз упоминается вдовствующая царица Тэе, которую он то просит выслать обещанные дары, то молит повлиять на сына, то предлагает фараону в советницы как лучшего знатока международных дел его отца. Тэе даже переписывается с митаннийской царицей. А вот к Нефр-эт не отнести ни одного места в переписке, разве только что привет, который главы великих держав шлют обыкновенно женской родне фараона. При этом Тушратта митаннийский приветствует поименно Тэе и

Тадухепу, свою дочь, отданную в жены фараону, тогда как Нефр-эт в лучшем случае подразумевается под прочими «женами», которым шлется общий привет. Если цари великих ближневосточных держав и слышали что-нибудь о Нефр-эт, то выделять ее из жен фараона они, видимо, не чувствовали надобности.

Высказывалось мнение, что Нефр-эт — переименованная Тадухепа. В подтверждение иноземного происхождения царицы ссылались на самое ее имя, поскольку «Нефр-эт» значит «прекрасная пришла». Но имя тут, конечно, ни при чем, потому что его носили в те времена многие египтянки.⁹ Отмеченное же сходство Нефр-эт с Амен-хотпом IV никак не вяжется с иноземным происхождением.

Далее, нам известна кормилица Нефр-эт — Тэ́йе, жена Эйе, одного из первейших вельмож при дворе Амен-хотпа IV. Она величалась «кормилицей большою жены царевой великой Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!» (EA VI: I; без слова «большая» — EA VI: XXIV) или «кормилицей большою, возрадившей божественную» (EA VI: XXIV, XXV, XXXI два раза). Такой кормилицы не могло бы быть у Нефр-эт, если б она была иноземной царевной.¹⁰

Наконец, при дворе Амен-хотпа IV блистала сестра царицы, носившая тоже чисто египетское имя — Бенре-мут, Об этой особе у нас уже была речь. Из года в год мы находим ее на изображениях выступающей при торжественных выходах во главе царского сопровождения: EA II: V два раза, VII, VIII, EA V: III, V, XV два раза, XVI, EA VI: IV, XVI, XVII, XXVI = XXXI, XXVIII. Видимо, баловень царской четы и большая шутница, эта молодая особа — она почти всегда с боковой прядью волос, как юные царевны (EA II: V, VII, VIII, EA V: XV два раза, XVI, EA VI: IV, XVI, вероятно XXVI), — чувствовала себя при [22] дворе как дома и позволяла себе неслыханные вещи. Во время царских явлений двору и даже служения солнцу за нею нередко следовало двое колченогих карликов, изображавших не кого иного, как верховных сановников страны — верхового и низового правителей (EA II: V два раза, VIII, ср. VII, EA V: III, EA VI: XVII (?), XXVI, XXVIII). Обыкновенно они следуют непосредственно за нею (EA II: VIII, ср. VII, EA V: III, EA VI: XVII (?), XXVI; EA VI: XXVIII они изображены над нею, т. е. опять-таки за ней; только EA II: V они оба раза изображены под нею) и без нее никогда не появляются. Карлики носят служебное облачение двух высших чинов государства, и приписки величают каждого соответственно «правителем» (EA II: V оба раза, EA VI: XXVI, XXVIII). Подобная сестра царицы — живое опровержение построений, превращающих Нефр-эт в иноземную царевну.

Однако послушаем, как оценивал сам Амен-хотп IV возможность участия Нефр-эт в выборе места для новой столицы. Основывая ее, фараон на виду у всего двора воздел руку к «родившему его» и клятвенно заверил солнце в следующем: «Сотворю я Ах-йот Йоту, моему отцу, [в] этом месте. Не сотворю я ему Ах-йот на юг от него, на сев[ер] от него, на запад от него, на восток от него. Не миную я (т. е. не выведу город за) (пограничную) плиту южную Ах-йот на юг, и не миную я (пограничную) плиту северную [Ах-йот на север], чтобы сотворить [ем]у Ах-йот там, и не сотворю я ему (Ах-йот) на стороне западной Ах-йот (т. е. на противоположном берегу реки), но сотворю я Ах-йот Йоту, моему отцу, на стороне восходной Ах-йот, том месте, кое окружил он для себя [го]рою (?) сам, в сердце (т. е. посреди) коего он (остался) доволен (?), (с тем чтобы) приносил жертву я ему на нем. Оно (т. е. Ах-йот) это. И не скажет мне жена царева: „Вот есть место доброе для Ах-йот в другом месте“, с тем что я слушаюсь ее, и не скажет мне сановник всякий - - - из людей всяких, которые в земле (египетской) до края ее: "Вот есть место доброе для Ах-йот в другом месте", с тем что я слушаюсь их, будь оно вниз по течению (Нила), будь оно на юг, будь оно на запад, будь оно на восход. Не скажу я: "Брошу я Ах-йот, пойду я, сотворю я Ах-йот в этом другом месте добром - - - вечно" (?), но (?) [сотворю я (?) э]то Ах-йот Йоту, что возжелал он для себя сам, коим удовлетворился он, на вековечность и вечность» (плита Ах-йот К, строки 11-14 — EA V: XXIX-XXX = XXXVIII = TTA: 112-113; плита Ах-йот Х, строки 13-17 — EA V: XXXII).

⁹ H. Ranke. Die aegyptischen Personennamen. Bd 1. Verzeichnis der Namen. Glückstadt, 1935. S. 201, № 12.

¹⁰ Ch. Desroches-Noblecourt. Vie et mort d'un pharaon Toutankhamon. P. 123.

Свою клятву фараон велел начертать в трех местах на городских рубежах для всеобщего сведения. Перед всеми, во всеуслышание он не постеснялся заявить, что в деле первостепенном государственной важности — выборе места для новой столицы — царица значила не больше, чем последний из его подданных. Как ни казалась она вознесенной в один ряд с солнцем [23] и царем, на деле они обошлись без нее. Все совершилось между солнцем и его сыном, решение было принято единолично, безоговорочно и бесповоротно самим фараоном, в сердце которому, как уверял двор, Йот сам влагает мысль о любом месте, любезном ему («Он именно влагающий в сердце твое о месте всяком, любимом им», плита Ах-йот К, строка 5 — EA V: XXIX = XXXVIII = TTA: 109).

Итак, у нас множество свидетельств о необыкновенном положении Нефр-эт рядом с фараоном: о их неразлучности, о их задушевной близости, о их взаимной любви, о вознесении царицы в один ряд с солнцем и царем. Но из всего этого никак не следует, что царица оказывала и необыкновенно сильное влияние на государственные дела. Любовь царя к своей прекрасной супруге и его самовлюбленное, царепоклонническое умонастроение объясняют ее необыкновенное положение. При избытии свидетельств о царице полное молчание о ее государственной деятельности никак не говорит в пользу признания за ней особых устремлений к такого рода деятельности. Нельзя же, действительно, считать доказательством вмешательства царицы в государственные дела те изображения на беседах на ее личных кораблях, на которых она сама, и притом одна, поражает неприятеля (ARHAC: 83 = 82 = ARH: CXCI PC 67 = APHE: XXIII, JARCE XII: V b). Так как Нефр-эт явно не расправлялась единолично и собственноручно с иноземными врагами, подобные изображения — очевидная условность (JARCE XII: V b царица делает то же и в виде сфинкса). Зато имеются явные указания на то, что царица Нефр-эт не оказывала существенного влияния ни на международные, ни на внутренние дела своего мужа. Клинописная переписка между великими державами и собственные заверения фараона не позволяют как будто говорить о таком ее влиянии. Необыкновенное положение царицы рядом с фараоном было положением супруги, а не соправительницы. Областью Нефр-эт была семейная жизнь, пускай выставляемая на всеобщее поклонение, пускай возведенная в государственное действо, но тем не менее не какая иная, а семейная жизнь. Недаром, клянясь своей любовью к царице и детям, царь ставит ее под свою руку, а их — под руку матери: «(Как) услаждается сердце мое женою царицы да детьми ее, (из) которых (да) дастся состариться жене царицы великой Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно! — за (?) эту тысячу тысяч лет, (в течение коей) была (бы) она под рукою фараона — жив, цел, здоров! — (и да) дастся состариться дочери царицы Ми-йот (и) дочери царицы Мек-йот, ее детям, (тем временем как) были (бы) они под рукою жены царицы, их матери, вековечно вечно!» (EA V: XXVII-XXVIII). Дети — область деятельности царицы.

Да и вообще трудно было б ожидать, чтобы рядом с таким самовластным и целеустремленным властителем, каким был [24] Амен-хотп IV, могло стоять какое-либо другое венценосное лицо и оказывать направляющее влияние на ход государственной жизни.

При раскопках, обследованиях и особенно восстановительных работах в Нэ и его окрестностях были извлечены из разных мест десятки тысяч строительных камней с остатками изображений и надписей времени Амен-хотпа IV. Эти камни были взяты некогда из его тамошнего упраздненного солнечного храма и использованы при Хар-м-ха и его преемниках для новых сооружений.

За истекшие полтора столетия было издано много таких камней, но по сравнению с количеством неизданных, в основном из храма Амуна в Эп-эсове, издано бесконечно мало. Долгое время это скопление необнародованных важнейших памятников не привлекало к себе должного внимания, и только теперь американские ученые приступили вплотную к их изучению с использованием всех современных возможностей. И тут обнаружилось, что на множестве камней сохранились остатки изображений и надписей, представляющих царицу Нефр-эт почитающей лучистое солнце самолично, без своего супруга, нередко в сопровождении старшей дочери. Если одни исследователи воздерживались от выводов,

то другие умозаключали о необыкновенном значении Нефр-эт в годы, предшествовавшие переезду в новую столицу, и о едва ли не ведущем месте царицы в тогдашних преобразованиях. По переезде ее значение в таком случае должно было упасть, поскольку на памятниках Ах-йот она никогда не служит и не молится солнцу без своего царственного мужа.

Вообще говоря, само по себе появление Нефр-эт в Нэ наедине с солнцем, без Амен-хотпа IV, не такая уж новость. И до недавних изысканий были изданы камни из Нэ и его пригорода с остатками изображений царицы, «самочинно» служащей, с дочерью или без оной, царскому лучистому солнцу, а также камни с кольцами Нефр-эт, почтительно предстоящими кольцам солнца, непосредственно, без предпосланных колец царя. Таковы остатки изображений REA II: III 2, ASAE XXXV: 42 = TTA: 150 CL, ASAE LIII: XI B, XIII и кольца RFM 1927: 50 (= RFM 1932: 8), 146 = RFM 1932: 7 = TTA: 199 CLXXVIII, ASAE XXXV: 48. В случае второго изображения возможно, правда, сомнение, не был ли изображен и фараон по другую сторону лучистого солнца. За последние годы было издано еще несколько таких изображений (MDAIAK XXIX 1: XXVIII *e, f*, XXIX *b, d*, — то, что служит царица, доказывает двойной налобный аспид с солнцем и рожками на головках), а также колец царицы, предстоящих непосредственно солнечным (MDAIAK XXIX I: XXIX *a*). Сюда же относится, возможно, обломок NG CXXXVIII: 642 = Un CLXXVI: 11, но не исключено, что по другую сторону жертвенника был изображен также фараон. Ср. [25] еще восстановление NG CXXXVIII: cover = Un CLXXVI: 11, JARCE X: VII, Ar XXVIII: cover.

Изданы, однако, и такие камни из солнцепоклоннического храма в Нэ, на которых Амен-хотп IV был изображен один, без Нефр-эт. В числе камней, надписанных до заключения солнечного имени в кольца, имеется немало таких, на которых сохранились остатки изображений царя или его кольца, но нет ни одного камня, который содержал бы намек на царицу. Но и на камнях, отделанных при солнечных кольцах, фараон мог быть представлен без супруги: RA V: 63 = ME: X 1 = RKEA: II = ZAeSA LVIII: I = KAO: 360 3 = ARK: V = AeKHK: V; JEA V: VIII = SPAW 1919: 477 + 480 + JEA VIII: 200; ASAE XXII: IV; ASAE XXXV: 46, 48; RFM 1932: 5 = 62, 24 (= RE XX: 53), 26 (= RE XX: 53), Ex X: 25 = MDAIAK XXIX 1: XXIX *c*; RE XX: III A, B; NG CXXXVIII: 634 + 646 = Un CLXXVI: 4 + 9; JARCE X: I три раза, VI 1, 2; Ar XXVIII: 18. Возможно, на части этих камней ему и нельзя было быть изображенным вместе с царицей в силу совершения им особого фараоновского обряда, но любопытно, что как на первом камне, так и на камнях ASAE XXII: IV, ASAE XXXV: 48 и XXVIII: 18 она была втиснута впоследствии (о введении ее «задним числом» в изображения см. § 70). Особенно занятно получилось в двух случаях. На камнях NG CXXXVIII: 654 = Un CLXXVI: 15 царица, как ни плотно прижата к мужу, прямо-таки валится назад с колесницы. На камнях JARCE X: I крошечная царица позади большого царя трижды, как и он, подносит солнцу дары, и вот на двух изображениях солнечные руки-лучи тянутся к ее дарам не только от того солнца, которому она служит, но и от солнца на последующем, заднем изображении, а на одном изображении всего лишь от такого заднего солнца — солнца, что за ее спиной!

Конечно, все это нисколько не говорит о том, что Нефр-эт была душой и вдохновительницей переворота. Решить достоверно, почему она была изображена в определенных подразделениях солнцепоклоннического храма в Нэ одна, без супруга, служащего лучистому солнцу, до издания по крайней мере тех десятков тысяч камней, что уже извлечены из позднейших сооружений в Эп-эсове, вряд ли возможно. Можно, правда, высказать догадку, но та уведет нас еще дальше от признания камней из Эп-эсове свидетелями необыкновенного государственного значения Нефр-эт. Первоначально в солнцепоклонническом храме, по стародавнему обычаю, фараона изображали единолично служащим своему богу, так что царице надо было создать отдельные сооружения в храме, где она могла бы быть изображена служащей новому божеству. Затем по мере отхода от старины начали изображать царицу служащую солнцу вместе с мужем. Такие изображения тоже дошли из солнцепоклоннического храма в Эп-эсове: TRSLUK I: I 5 = ME: XI 3, DAeAeT III: 52, ср. и камни со вставленным позже изображением [26] Нефр-эт (за исключением, конечно, камней с царским выездом), ср. также восстановление Ar XXVIII: 19.

В новой, уже вполне солнцепоклоннической, столице изображать царя и царицу служащими вместе лучистому солнцу стало общепринятым. «Таким образом, единоличное служение царицы в Нэ и совместное с царем в Ах-йот можно понять не как умаление ее значения с переездом в новую столицу, а, наоборот, и притом более естественно, как постепенное выдвижение вперед на изображениях — от отсутствия при службе фараона солнцу и служения ему особняком до неизменного участия в службе ему вместе и наряду с царем. Уместно при этом будет напомнить, что Нефр-эт стала женою Амен-хотпа IV, по всей видимости, еще до заключения солнечного имени в кольца (см. § 72, ср. § 71).

Своим необыкновенным положением рядом с повелителем мировой державы Нефр-эт была обязана не рождению, не государственным способностям, а обаянию, от нее исходившему, власти над сердцем самовластного супруга. Что Нефр-эт была нежной матерью и женою, мы знаем. Были ли у нее еще другие душевные качества, способные пленить царственного солнцепоклонника, нам неизвестно. Но, судя по лучшим ее изображениям, у нее была обаятельная наружность, и в том виде, как та запечатлена в изваяниях, она покорила даже наше столетие.

Из бесчисленных изображений Нефр-эт особенно знамениты две головы, при общем сходстве настолько несходные, что кое-кому даже казалось и кажется, что они изображают разных лиц. Одна голова известняковая, раскрашенная, в высоком синем венце, с утонченными чертами лица, в которых спокойная приветливость почти заглушена выражением неприступности (РКН и несметное множество воспроизведений в разных изданиях). Другая голова песчаниковая, природного (песочного) цвета того камня, из которого изваяна, едва тронутая кистью, без головного убора, который еще должен был быть надставлен, с лицом невозмутимо-нежным, с необыкновенною улыбкою, бесконечно тихой и сдержанною (СПЦН и множество воспроизведений в других изданиях). Что известняковая голова изображала супругу Амен-хотпа IV, в этом никто никогда не сомневался. Сходство с надписанными плоскими изображениями здесь настолько велико, что сомнению даже невозможно было зародиться. Иное дело песчаниковая голова. Здесь совпадение с надписанными изображениями царицы далеко не так самоочевидно, и потому значительное распространение получило мнение, что песчаниковая голова — изваяние старшей дочери Амен-хотпа IV и Нефр-эт — Ми-йот.

Обосновать подобное суждение можно только путем сравнения надписанных изображений Ми-йот с песчаниковою головою. Но стоит только этим заняться, как различие между ними и ею [27] станет очевидным. Присмотревшись к хорошим (подробным) изображениям Ми-йот на гробничных стенах (MSECAE I: XXXIX = EA IV: XXXI = XLIV, EA VI: XXVI = XXIX = XLII), мы обнаружим, что подбородок у нее был отвислый, отцовский, а не материнский. Поэтому не без основания принимают за изображение Ми-йот в детстве головку GAe: CXXXV = ARK: XXIV = STEA: 47 46-47 = ИДЕг: 379 = ВНеф: XV-XVI (и во множестве других изданий). По этой головке видно, поскольку она не двух, а трех измерений, что подбородок был не только отвислым, но по-отцовски узким и острым. Более того, даже шея у головки выгнута назад, как у Амен-хотпа IV, в отличие от Нефр-эт, у которой шея была выгнута вперед.¹¹ Отвислый подбородок, впрочем, отличал не одну Ми-йот, но по крайней мере также царевну Мек-йот (MSECAE I: XXXIX = EA IV: XXXI = XLIV, EA VI: XXVI = XXIX = XLII). Его же мы находим и на ненадписанном наброске маленькой царевны, угощающейся уткой (ВНеф: XL = TST: 53 и многократно в других изданиях). На том же наброске у царевны отцовская, выгнутая назад шея, как и на тщательной стенописи из царского дворца в Ах-йот (первоиздание — ТЕА: I 12, в цвете воспроизведена JEA VII: I = КАО: XVII = ВPh²: против 184 = ТОМСЕ: II = АМ: 59 = ИДЕ: 151 = ВНеф: против 32; ТОМСЕ: II, видимо, цветной снимок). У песчаниковой же головы лицо широкое, подбородок не острый и не отвислый, а шея выгнута вперед, а не назад. Одним словом, имеются все признаки, отличающие Нефр-эт, и отсутствуют признаки, отличающие дочь.

¹¹ H. Schäfer. Altes und Neues zur Kunst und Religion von Tell el-Amarna. S. 9-13.

Многоцветная голова, видимо, очень верна действительности. Такою «госпожа земли до края ее» могла представлять перед подданными. Песчаниковая голова производит впечатление преображенной действительности. Обе головы изображают одну и ту же Нефр-эт, и если создал их один и тот же ваятель, то как объяснить столь различное художественное видение у одного лица, столь разные способы изображения у одного и того же мастера? Стало принятым приписывать обе головы одному ваятелю — Тхут-мосе, а мастерскую, в которой они были откопаны, считать его мастерской. Однако ни то, ни другое по-настоящему не доказано.

Обе головы были найдены зимою 1912 г. во время раскопок Л. Борхардта на месте солнцепоклоннической столицы. Они были открыты вместе с другими изваяниями в помещении дома, при котором находилась ваятельная мастерская. Во дворе дома в куче мусора был обнаружен костяной обломок, надписанный на имя «жалуемого богом добрым (т. е. фараоном), начальника работ, ваятеля Тхут-мосе» (РКН: 31 (1)). Но означает [28] ли это, что любое изваяние, найденное в мастерской, следует считать произведением этого ваятеля?

Нам доподлинно известно, что у «распорядителя ваятелей жены царевой великой Тэ́е», т. е. вдовствующей царицы-матери, по имени *Йвти* работал ряд подчиненных ему ваятелей. На изображении его мастерской в гробнице управляющего хозяйством — «распорядителя дома» — царицы Тэ́е представлено по меньшей мере шесть мастеров, надписанных каждый, в отличие от начальника, одним только словом «ваятель» (ЕА III: XVIII; изображение сохранилось не полностью, так что на нем могло быть показано еще несколько «ваятелей»). Да и сами развалины, в которых были открыты изваяния, позволяют исследователям полагать, что в тамошней мастерской было занято и обитало несколько мастеров. Начальником был, очевидно, хозяин дома, в домике поменьше проживал, как думают, его помощник, в однообразных скромных жилищах ютились рядовые работники. А что, если Тхут-мосе был не руководителем мастерской, но одним из подчиненных ваятелей? Конечно, он лицо заметное: его за что-то жаловал фараон, и он был начальником каких-то работ, тем не менее он не «распорядитель», не «начальник» ваятелей, а просто «ваятель». Можно ли поручиться, что именно Тхут-мосе, а не двум его товарищам по работе принадлежат прославленные изваяния?

Затем, полвека раскопок показали, что в солнцепоклоннической столице находилось в употреблении значительное число предметов, изготовленных в предшествующие царствования (см. ТЕА, СА I-III). Поэтому костяному обломку с именем Тхут-мосе не обязательно быть времени Амен-хотпа IV. Но если обломок подлинно этого времени, что, конечно, самое вероятное, то он был надписан никак не позже средних лет царствования. На нем Тхут-мосе «жалуемый бога доброго», а слово «бог» исчезло в Ах-йот из надписей вскоре после переделки солнечных колец из ранних в поздние (см. § 114). Да и сам Тхут-мосе в более поздние годы звался б, несомненно, не «Тхут-мосе» («Тховт рожден»), а «Ра-мосе» («Рэ рожден»), т. е. заменил бы в составе своего имени ссылку на древнего бога луны и письменности ссылкой на царское солнце (о переделке имен частными лицами см. во II части моего исследования «Переворот Амен-хотпа IV», подготовленной к печати). С окончательным отвержением солнцепоклонническим двором старого многобожия переделка имен в честь солнца — Рэ — стала самым обычным явлением, и нельзя себе представить, чтобы в самом местопребывании фараона придворный ваятель продолжал именоваться в честь отверженного Тховта. Мастерская же, откопанная Л. Борхардтом, существовала до последних дней солнцепоклоннической столицы.

Но кто бы ни были создатели изумительных изображений Нефр-эт, житейски достоверного и преображенно-прекрасного, [29] их творениями живой образ ее донесен до нас из бездны веков во всей полноте его обаяния. Имеется еще множество менее известных изваяний царицы и ее изображений, вырезанных на плоскости — на сооружениях и на отдельных плитах. Быть может, надежнейшими после двух голов будут небольшое известняковое изваяние из той же мастерской, показывающее Нефр-эт во весь рост, но какой-то изможденною, видимо стареющею (ВРн²: 179 = ГАе: CXXXI = АRK: XXI = STEА: 47 49 =

ИДЕг: 378 = ВНеф: XII = XIV = ZZR: между 48 и 49 и множество других воспроизведений), затем изображение на стене гробницы Эйе, близкого к царице лица, мужа ее кормилицы и воспитательницы Тэйе, в скалах позади солнцепоклоннической столицы (ЕА VI: XXVI = XXIX = XLII). К этим памятникам хотелось бы добавить своеобразную песчаниковую голову, найденную все в тех же городских развалинах, но позже и в другой мастерской (ЕА XIX: XII, XVIII 3, 4, STEA: 39, 41 35, ИДЕ: 140, ИДЕг: 386, ВНеф: XIX, XXI, ZZR: между 96 и 97 и многократно в других изданиях). Однако лицо этой не до конца отделанной головы, очень жизненное и выразительное при повороте в три четверти, спереди кажется излишне обобщенным и слишком правильным для Нефр-эт.

Судя по упомянутому стоячему изваянию царицы, ее лицо с годами похудело, и кости на нем обозначились заметней, от носа к уголкам рта пролегли резкие складки, груди немного отвисли, осанка стала чуть-чуть сутулой. Однако во цвете лет Нефр-эт должна была быть прекрасной, и одно обаяние ее красоты могло зачаровать навсегда сердце фараона.

Никогда ни одна чета на престоле фараонов не прославляла так, как эти двое, делом, словом, письмом, изображением перед лицом всех счастливую свою семейную жизнь, вечную любовь, их переполнявшую.

Потому велико было изумление ученого мира, когда во время раскопок на юге солнцепоклоннической столицы из-под земли вышли немые свидетели, которые с наглядною силою вещественных улик опровергали крепость любви Амен-хотпа IV и Нефр-эт. Не оставалось ничего другого, как поверить, что царица разделила участь некоторых близких к царю людей, стала жертвою его погибельного гнева или по меньшей мере подверглась полной опале. [30]

ЧЬИМИ БЫЛИ ЮЖНАЯ УСАДЬБА И СЕВЕРНЫЙ ДВОРЕЦ В АХ-ЙОТ?

Первые небольшие раскопки на южной окраине солнцепоклоннической столицы вел в 1896 г. М. Барсанти. Он откопал куски расписных полов, попавшие затем в Каирский и Берлинский музеи.¹ В 1907 г. на той же окраине производил на скорую руку разведку Л. Борхардт.² Сложилось мнение, что в этой местности расположены развалины какого-то дворца. Однако, когда в 1921–1922 гг. за последовательные раскопки принялся С. Л. Вулли, вместо дворца были вскрыты следы садов и остатки разбросанных по ним сравнительно небольших сооружений.³ Кирпичные (сырцовые) стены сохранились плохо, каменные исчезли вовсе — преемники Амен-хотпа IV вывезли почти весь камень из покинутого города. Однако уцелевшие части сырцовой кладки, следы камней на извести оснований, черные наметки на ней будущих зданий, обломки каменных стен и столбов, куски росписей, впадины в почве, остатки оросительной сети и иных садовых устройств, отпечатки растений на дне бывшего водоема, кости животных — все это, вместе взятое, позволило со значительной полнотой и точностью восстановить облик великолепной усадьбы.

Название ее было «М'рв Йота», но что значило м'рв в этом сочетании — спорно, и мы будем именовать ее просто южной усадьбой. Хотя она была названа в честь солнца, сооружений храмового порядка в ней было немного. Она состояла из двух больших смежных садов с разбросанными по ним зданиями. Каждый сад был вытянут с запада на восток, каждый заключен и прямоугольную ограду с одной общей стеной между ними. Северный сад был много больше южного (200×100 м и 160×80 м). [31]

Из средней части города, от главного дворца, сюда вела удобная для колесниц дорога, которая даже сейчас зовется у местного населения «царскою». Взорам того, кто приближался с севера к усадьбе, представляла глухая кирпичная стена, расчлененная, да и то через значительные промежутки, однообразными отвесными выступами. Но из-за стены выглядывала пышная зелень деревьев. Миновав с запада северный сад с примкнутой к нему снаружи маленькой псарней, оказывались перед стеною южного сада, за которою высилось каменное преддверие. Сквозь дверь в стене вступали в просторную проходную палату, где потолок поддерживало 36 каменных столбов, а в двери по сторонам видны были боковые покои со столбами и без них. С яркого солнца попадали в прохладный полусвет, достаточный, чтобы рассмотреть окружающую резную отделку: изображения царского служения солнцу на столбах, шествий и приемки дани на стенах. Проходная палата выводила в самый сад, снова на жаркое солнце. Прямо впереди блестел средней величины пруд, а в глубине сада за деревьями таились два домика, один побольше, другой поменьше.

Чтобы попасть в северный сад, надо было, не доходя до пруда, свернуть на север. Впрочем, к калитке в стене, разделявшей оба сада, можно было пройти и с улицы — через ворота между преддверием и этой стеною. Очутившись в северном саду, видели по левую руку убегающую вдаль прямую стену, за которой вдоль западной стены ограды тянулись службы, в том числе псарни и коровники (египтяне были любителями молока). По правую руку взорам открывался самый сад с огромным прудом посередине и разбросанными вокруг него сооружениями. Как первый сад, так и этот не совсем отвечали бы нашим представлениям о саде. Усадьба находилась на краю пустыни (строились по возможности не на плодородной, наносной почве), и потому деревья были посажены каждое в особую яму,

¹ T. E. Peet, C. L. Woolley. The city of Akhenaten. P. 1. Excavations of 1921 and 1922 at El-'Amarneh. L., 1923. P. 109-110. Ср.: F. W. v. Bissing, M. Reach. Bericht über die malerische Technik der Hawata Fresken im Museum von Kairo // ASAE. T. 7, 1907. P. 64-70.

² L. Borchardt. Voruntersuchung von Tell el-Amarna im Januar 1907 // MDOG. № 34, September 1907. S. 28.

³ T. E. Peet, C. L. Wolley. The city of Akhenaten. P. 1, p. 109-124, 142-143, 147-158, pl. XXIX-XL, LXI-LXII. Ср.: A. Badawy. Maru-Aten: Pleasure resort or Temple? // JEA. Vol. 42, 1956. P. 58-64.

наполненную землю и огражденную стенкою. Низенькие глиняные пересекающиеся перегородки делили почву на маленькие оросительные участки, в которых росли цветы и другие растения. Несмотря на свои большие размеры (120×60 м), пруд был неглубок (всего лишь в 1 м глубиной). По нему можно было плавать в плоскодонных лодках, но утонуть в нем было трудно. Его широкая голубая поверхность убегала далеко на восток, а с запада в воды пруда вдавался каменный мол. На конце его, посреди воды, возвышалась каменная постройка, покрытая резными изображениями, — роскошная пристань для лодок.

С северного берега в воды пруда гляделось кирпичное здание, похожее на небольшой дворец. В него входили с запада и, двигаясь по главной оси на восток, попадали сперва в покой с возвышением для царского кресла или царского изображения, с перекрытиями, покоившимися на столбах, затем в помещение, [32] где столбы обступали внутренний садик, образуя вокруг него крытый ход, наконец, в чертог, в котором потолок подпирали 12 столбов. Вдоль этих трех помещений, выходя в них дверями, с юга и севера расположились другие помещения без столбов внутри: спальня, лестница в верхнее жилье, кладовые, в том числе винные.

Небольшие постройки имелись также на западном и южном берегах — на южном берегу с водоемом спереди, густо засаженным папирусом и лотосами. Но самые любопытные здания заполняли северо-восточный угол сада.

Здесь, вдалеке за прудом, за кущами деревьев, виднелись сооружения, невеликие по размерам, но богато украшенные изразцами и вставками из дорогих горных пород. За восточным краем пруда посреди цветников бежала на север дорожка, подводившая прямо к воротам храма. Между двух башен вступали во двор, к которому справа примыкал собственно храм, и, пересекши двор в северном направлении, выходили через такие же ворота меж двух башен на мостик. Он был перекинут через широкий, полный водою ров, опоясывавший со всех сторон островок с тремя изящными зданиями. Вступив на остров, посетитель оказывался между двумя каменными «беседками», обращенными к нему своими богато отделанными полуоткрытыми лицевыми сторонами. Прямо впереди возвышался храмик, куда вела лестница в несколько ступеней. Стенки храма между разукрашенными столбами, поддерживавшими кровлю, тоже не были доведены доверху. Снаружи храмик был покрыт, что сетью, резными изображениями из жизни на лоне природы: людей в ладье, зверей в тени деревьев и в зарослях, птиц в древесной листве. Внутри были вырезаны изображения царского служения солнцу, как, вероятно, и на «беседках».

Обогнув храмик, выходили ко второму мостику, ведущему через ров дальше на север. Теперь дорога шла среди моря цветов в самый северо-восточный конец сада к длинной постройке, тянувшейся вдоль северной стены. Внутри этого здания столбы, поддерживавшие потолок, стояли в один ряд, каждый на крохотном островке между перемежающимися водоемами, водоемы в виде огромных Т, повернутых в верхнем ряду отвесным концом вниз, а в нижнем — вверх, вклинивались отвесными концами ряд в ряд, образуя вместе строгий узор. Перила и пол вокруг водоемов и даже стенки перил над водою были сплошь расписаны изображениями цветов и иных растений.

Такова была эта великолепная усадьба, полная водных затей, утопавшая в зелени и цветах, украшенная храмиками, похожими на драгоценные безделушки. В название усадьбы входило имя солнца, но кто же на деле был ее хозяином?

Подписи, найденные на месте сооружений в ее северо-восточном углу, присваивают эти роскошные постройки старшей [33] дочери Амен-хотпа IV и Нефр-эт — царевне Ми-йот (CA I: XXXII 2 = LVI M, XXXIII 2 = LVII 55 + 59, XXXIV 1 = LVI, LVI-LXI + 149-152). Здесь, по этим надписям, находилась «сень Рэ дочери царевой от утробы его, возлюбленной его, Ми-йот» (CA I: XXIV 1, 2, XXXIV 2 = LVI, LVI B, ср. LVII 66, 83). И эту царевну видим мы на обломках здешних изображений служащей с отцом лучезарному солнцу (CA I: XXXII 2, XXXIV 1, ср. LVII 53).

Однако такую мы видим ее впервые. Обычно на изображениях — а их ведь несчетное множество — Ми-йот не стоит непосредственно за отцом, когда тот служит солнцу. За царем следует царица, а за царицей — Ми-йот, всегда на третьем, а не на втором месте.

Да и вообще с царем без царицы Ми-йот не изображена ни на одном памятнике. При этом на бесчисленных изображениях семьи Амен-хотпа IV царица Ми-йот, хотя и старшая, представлена в виде небольшой девочки, а тут она взрослая женщина, сама сопровождаемая маленькой царицей! А такое титуло, как на этих изображениях и в некоторых других усадебных надписях, Ми-йот совсем не свойственно. Бросается в глаза отсутствие ссылки на мать, как бы в соответствии с отсутствием Нефр-эт на самих изображениях, и введение в титуло царицы имени отца вопреки принятому обыкновению.

Обычное титуло царицы было таким: «Дочь царицы, от утробы его, возлюбленная его, Ми-йот, рожденная женою царицы великой, возлюбленной его, владычицей обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!» А в занимающих нас сейчас усадебных надписях титуло царицы выглядит совсем иначе: «Дочь царицы Ми-йот царя (и) государя, живущего правдою, Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, (кому) дано жить вечно», а то еще титуло царицы предпосылается титуло родителя: «Властитель добрый, единственный для Рэ (разночтение: Властитель добрый, возлюбленный Йота) царь (и) государь, живущий правдою, владыка обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, (кому) дано жить вечно - - - Дочь царицы (разночтение: Дочь царицы от утробы его, также с добавлением: возлюбленная его) Ми-йот».

Б. Ганну принадлежит заслуга опознания вторичности этих странных титулов.⁴ Нынешние надписи стоят на месте другого титула, середину которого сохранили, а начало и конец изгладили. В только что приведенных переводах подчеркнуты слова, вставленные вместо изглаженных, не подчеркнуты слова, сохраненные от первоначального титула. В одних случаях нетронутая средняя его часть, т. е. звание и имя Амен-хотпа IV, которых, [34] очевидно, предпочитали не касаться, была использована — надо сказать, довольно неуклюже — для объявления царицы Ми-йот его дочерью. В других случаях та же средняя часть служит продолжением титула царя, предпосланного титулу Ми-йот. Но и в тех и в других случаях личные звание и имя царицы, приходящиеся то на начало и конец, то только на конец изглаженного титула, представляют позднейшие вставки. Б. Ганн подметил также, что на нескольких изображениях голова особы, выдаваемой за царицу Ми-йот, была удлинена на затылке, чтобы походить на головы дочерей Нефр-эт (CA I: XXXII 2 = LVI 271 J, M + 154, CA I: XXXIV 1 = LVI 273 obv. + 154 = T3Г: 70 = ZZR: между 128 и 129; ср. CA I: 154, XXXIV 2, затем CA I: 151, XXXV 8, 11).

Итак, первоначально храмы в южной усадьбе были не царицы Ми-йот. Да и не одни храмы. Сходные переделки наблюдаются на молу, вдававшемся в большой пруд (CA I: LVIII 128, LX 121, 124, 126 + 154), и на обломке плиты, найденном в преддверии (CA I: XXXV 9).

Но чью же тогда была усадьба до присвоения ее царицей?

Ответ напрашивался сам собой: царицы Нефр-эт. Ее имя было найдено в преддверии усадьбы (CA I: XXXII 1, XXXIV 5 + 151). В том же преддверии она была изображена на столбе с залепленным впоследствии венцом и частично изглаженным титулом, в котором, однако, имя «Нефр-эт» читается совершенно отчетливо (CA I: XXXIV 4 + 151). Кроме того, сквозь позднейшие вставки в других — переделанных — надписях Б. Ганн прочел слова «вечно (?) вековечно» (CA I: 153 + LVII 59 + LIX 40) и два знака *нфр* один над другим (CA I: 153 + LVI 271 J). Слова могли быть от заключительного многолетия титула царицы («жива она вечно вековечно!» — см. § 82), знаки — из самого ее имени «Нефр-нефре-йот Нефр-эт». В нем при отвесном написании два знака *нфр* действительно находятся друг над другом. Б. Ганн⁵ тщательно собрал и сопоставил остатки первоначальных писем в переделанных титулах и восстановил первоначальное титуло в следующем виде (курсивом переданы места, которые при переделке изглаживались):

«Жена - - - большая царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, [(такого-то — уцелел один определенный член *н'*)] - - - Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!»

⁴ B. Gunn, T. E. Peet, C. L. Woolley. The city of Akhenaten. P. 1, p. 152-154.

⁵ Ibid. P. 152.

А затем, не достаточно ли взглянуть на переименованные изображения, чтобы признать Нефр-эт первоначальной хозяйкой усадьбы? Взрослая женщина, служащая вместе с царем лучистому солнцу, может ли быть кем иным, как царицей Нефр-эт? Кто, как не она, изображена столько раз служащей с царем его солнцу, т. е. именно так, как на этих изображениях? [35]

Всего только раз ее в подобном случае замещает мать царя, вдовствующая царица Тэйе, да и то лишь на собственной надгробной сени (ТQT: XXXII). Где еще взрослая женщина служит вместе с царем лучезарному солнцу? Но тогда взрослая особа, служащая на усадебных изображениях совместно с царем его солнцу, как и в других бесчисленных случаях, не кто иная, как царица Нефр-эт, переименованная здесь очень нескладно в собственную дочь. А этой последней была бы первоначально та маленькая царица, что стоит за царем и его взрослой спутницей.

Но не означает ли это, что глубоко и нежно любимая супруга и друг царя-солнцепоклонника, вознесенная им на такую высоту, на которую ни один фараон не возносил свою царицу, под конец впала в полную немилость? Не значит ли это, что у Нефр-эт отобрали ее место почитания солнца, ее роскошную усадьбу и передали старшей дочери, в чьи изображения переделали изображения матери, чьими званием и именем заменили материнские, не присовокупив даже принятую ссылку на родительницу? И как ученый, так и неученый мир уверовали в печальную судьбу царицы, как ни поразителен, как ни неожидан был такой ее конец. Ведь до тех пор никто из ученых не наблюдал и следа нерасположения к царице со стороны солнцепоклонников. Если ее имя или изображение бывали разбиты на каких-нибудь памятниках, то это было делом рук приверженцев старины, которые, возобладав, преследовали память ненавистной царской четы. Однако после открытий в южной усадьбе Б. Ганн нашел еще один памятник, как будто бы подтверждавший преследование царицы самими солнцепоклонниками.⁶ На подножии изваяния царицы Ми-йот, давно хранившемся в Британском музее (TRSLUK I: II = PSBA XV: 209-211 = TTA: 159 *CLXXXIII* = HTES VIII: 27-28 = XXIV), имена царя, по крайней мере второе, не были намеренно повреждены, имя же царицы в обоих местах, где оно стояло на подножии, было изглажено, один раз более, другой раз менее основательно. Восемь лет спустя, в 1931 г., Ф. Л. Гриффит добавил к этому свидетельству еще одно: кусок подножия, только что найденный в солнцепоклоннической столице, на этот раз от изваяния третьей дочери Аменхотпа IV и Нефр-эт — царицы Анхес-эм-п-йот. Здесь тоже оба раза имя царицы было сознательно разрушено; изглажено было даже выражение «рожденная (такою-то)» после имени царицы (JEA XVII: XXVII 4-5).

И все-таки, так ли уж убедительны доводы в пользу того, что под конец царствования своего мужа Нефр-эт подверглась преследованию? Главным и основным доводом служила и служит замена в южной усадьбе титула ее первоначальной владелицы титулами царя и его старшей дочери. Но раньше, чем нам [36] заняться вплотную этими заменами, разберем второстепенные, добавочные доводы — рассмотрим три памятника, на которых имя Нефр-эт было разрушено как будто бы самими солнцепоклонниками без замены другим именем.

На обломке столба из преддверия южной усадьбы высокое двойное перо, венчавшее врезанное в камень изображение царицы, замазали, а ее титул, по-видимому, хотели стереть, но не довели дела до конца, так что имя «Нефр-эт» видно отчетливо (CA I: XXXIV 4 + 151). Однако переделке подвергся и венец на голове фараона, а двойное перо на голове царицы могли залепить просто потому, что при поздних солнечных кольцах Нефр-эт, судя по изображениям, охладела к этому головному убору, очень редко в нем показывалась (см. § 80), хотя прежде носила его довольно часто (см. § 77, 80; само усадебное изображение времени примерно III солнечного титула — см. § 36 — ввиду написания корня *мрй* знаком протока — см. § 104 — при уже сложном имени у царицы — см. § 78). Далее, за пропажей сопроводительной надписи к изображению фараона неизвестно, не были ли потерты и его

⁶ Ibid. P. 155.

имена. Может быть, обе надписи оказались бы полустертыми вовсе не по злому умыслу, а по естественным причинам. Титло царевны Ми-йот не тронули. Если ее изображение, ныне отсутствующее, тоже не было изглажено, то изображенная впереди взрослая женщина, что бы с ней ни проделали, оставалась бы матерью царевны — царицей Нефр-эт.

Не более доказателен и кусок подножия от изваяния царевны Анхес-эм-п-йот из Ах-йот, на котором имя царицы было разрушено дважды (JEA XVII: XXVII 4-5). Титло царя на обломке не сохранилось, и потому мы не знаем, не были ли разбиты и его имена. Во всяком случае, середину имени царевны Анхес-эм-п-йот ухитрились изгладить, хотя победившие враги имен царевен вообще не трогали.

Остается третий памятник — подножие изваяния царевны Ми-йот (TRSLUK I: II = PSBA XV: 209-211 = TTA: 159 *CLXXXIII* = HTES VIII: 27-28 = XXIV). Имя царицы, бесспорно, изглажено, один раз более, другой раз менее основательно. Считается, что имен царя «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» и «Эх-не-йот» не изглаживали. Это легко допустить для второго имени, где поврежден один средний знак, но в первом имени так или иначе повреждены все знаки, кроме двух кружков солнца (*рэ*), несмотря на то, что ободок вокруг имени в целостности и сохранности. Нечто подобное замечается на некоторых других памятниках: кружка солнца в ненавистном имени не трогают, а остальное содержимое ободка разрушают. Бывает также, что разбито первое имя, а второе имя — «Эх-не-йот» — сохранено. Это наблюдается, например, не менее двух раз на плите из города Она (SNE I: LXV = 214).

Но пускай ни одно из имен Амен-хотпа IV на подножии [37] преднамеренно не повреждено, а имя царицы дважды намеренно изглажено. Значение памятника как доказательства вражды царя к царице от этого ничуть не возрастает. Откуда происходит данное подножие? Как место почитания солнца в конце его титла на подножии названа «сень Рэ» царевны Ми-йот «в доме ликования Йота в доме Йота в Ах-йот». Сохранилось немало надписей из этого «дома ликования Йота в доме йота в Ах-йот», составлявшего часть той необъятно большой совокупности храмовых и дворцовых зданий, что были расположены в самом сердце солнцепоклоннической столицы. В числе надписанных памятников из этого самого «дома ликования» имеется увесистый черный камень, кусок перил, отделанный по верху, спереди и сзади. Вверху читаются имена солнца, царя и царицы, спереди и сзади царь, царица и царевна Ми-йот представлены служащими солнцу. Вверху камня (MDIAeA III: 35, ARN: I 137-III E + 23 + 25) ни солнечные кольца, ни имена царя не изглажены. Изглажено, по меньшей мере в одном из двух случаев, имя царицы. Однако с одной стороны перил (MDIAeA III: против 36 = ARN: II 137-III B) дважды изглажено солнечное имя, но ни разу не тронуты ни имена царя, ни имя царицы, хотя она поименована трижды! С другой стороны перил (MDIAeA III: против 37 = ARN: I 137-III D) солнечное имя опять повторно изглажено, изглажено также имя царя и в двух случаях имя царицы. Третье ее имя нетронуто. После этого стоит ли громоздить построения на таком непрочном основании, как данное подножие?

Итак, единодушному свидетельству памятников о дружбе царя и царицы также в пору поздних солнечных колец, более того, под самый конец царствования, после рождения пятой и шестой царевен (EAP: XXXIII = XXXIV, XXXVII = XXXVIII; JEA VII: II = ИДЕг: 369 = FААе: LVIII, см. § 95, 96), противостоит по-настоящему только переименование в южной усадьбе ее первоначальной владелицы в царевну Ми-йот. Но только действительно ли это настоящий довод, действительно ли царицу Нефр-эт переименовывали в ее дочь в южной усадьбе?

Б. Ганн вычитал из остатков первоначальных написаний звание «жена - - - большая», конец многолетия царицы «вечно (?) вековечно» и два знака *нфр*, стоявших один над другим, как в имени «Нефр-нефре-йот Нефр-эт» при отвесном его начертании. Да, слова «жена большая» в начале изглаженного титла читаются достаточно отчетливо (СА I: 153), но основания для восстановления в нем имени царицы ненадежны. В сочетании с последующими непеределанными, следовательно, тоже изначальными званиями и именем Амен-хотпа IV слова «жена - - - большая» доказывают, что хозяйкою усадьбы до передачи ее царевне Ми-йот была жена фараона. Однако сам Б. Ганн засвидетельствовал, что подобного

титла у Нефр-эт ему нигде больше отыскать не удалось. Действительно, [38] она всегда «жена царева», обычно с добавлением «великая», редко «большая», и титло ее мужа никогда не включено в ее титло, например: «Жена царева великая, возлюбленная его, владычица обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!», но никак не «жена - - - большая царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ - - -». Единственное сколько-нибудь сходное словосочетание, которое мог привести Б. Ганн, — это: «жена царева великая Единственного для Рэ» (ЕА V: XIII).⁷ Но это словосочетание не титло царицы, а всего лишь случайное ее обозначение, один только раз встреченное в Ах-йот на одной вельможеской гробнице (гробница № 18). Равным образом не титло фараона наименование «Единственный для Рэ», употребленное вдобавок с определенным членом как обиходное обозначение царя-солнцеклонника. Еще существеннее то, что в приведенном Б. Ганном словосочетании царица, как обычно, «жена царева», а не просто «жена» такого-то. Правда, что следовало за словом «жена» в усадьбе, оставалось неясным, однако, стой тут «жена царева», слово «царь» из почтения было бы выписано первым, чего на деле как раз и нет. Что касается слова «веко[веч]но», похожего на остаток многолетия царицы, то это слово сохранилось отдельно от предполагаемого остатка ее имени, в других надписях (СА I: LVII 59, LIX 40), где затем следует по пробелу, которому не место в конце титла царицы (слово это из многолетия царя в составе титла усадебной предшественницы Ми-йот, «который будет жив вековечно вечно», см. ниже). Предположительные же следы имени царицы сводятся к двум стоящим один над другим знакам, которые могли бы сойти за два знака *нфр* (СА I: 153), но, очевидно, настолько нечетки, что были сперва приняты за два знака льняного жгута — два знака для сильного *хъ* (СА I: LVI 271 J + 153 (2)). Точного воспроизведения этих писмен не было издано, и потому трудно судить о степени их сохранности. Несомненно только, что она не безупречна, раз оба эти знака сначала были прочтены и переданы совсем иначе, чем потом.

Не меньшее недоумение, нежели титло прежней хозяйки усадьбы, вызывают самые изображения этой особы. Если она царица Нефр-эт, то как же она повсюду без налобного царского знака — без украшения в виде змеи-аспида на лбу? Притом подряд на нескольких изображениях из одного и того же места (СА I: XXXII 2 = LVI 271 J, M, XXXIV 1 = LVI 273 = ТЗГ: 70 = ZZR: между 128 и 129)! Изображений Нефр-эт с царской змеею сохранилось великое множество, и я не могу назвать ни одного бесспорного случая изображения царицы без нее (JEA XIX: XV 2 = СА III: LIX 2 всего лишь набросок на куске известняка, и если нет змеи на венце спереди, то сбоку на нем их [39] целых две). Конечно, жена царя, служащая вместе с ним солнцу, на бесчисленных изображениях неизменно царица Нефр-эт, но почему тогда здесь в усадьбе она без налобного аспида?

В главном дворце солнцеклоннической столицы в разных его местах были откопаны известковые прописи — известковые слепки с частями надписей — именами и званиями солнца, царя, царицы (СА III: 46, 60, 72, 74, LXXI 7). Больше всего таких слепков нашлось на южном дворе дворца; под этим двором были обнаружены остатки снесенных впоследствии жилищ, должно быть, строительных рабочих. Новая столица строилась на пустом месте, и с поразительной быстротой. Быстрота была тем удивительней, что помимо многочисленных кирпичных зданий, где камень находил лишь ограниченное применение, воздвигались огромные каменные сооружения посреди столицы в честь солнца и царя, а за городом в скалах высекались обширные гробницы для царской семьи и вельмож. Для отделки сооружений изображениями и надписями нужны были бесчисленные умелые руки. Грамотных людей явно не хватало, приходилось привлекать и необученных. В помощь таким работникам и давали прописи — известковые слепки с кусками особенно частых надписей, сделанные с образцов, выполненных опытными или просто грамотными мастерами.⁸ Если такие прописи нашлись в главном дворце, то почему бы им не оказаться и в южной усадьбе? С помощью тех из них, по которым были выполнены надписи, впоследствии переделанные, можно было бы определить, кто был хозяйкой усадьбы до царевны Ми-йот.

⁷ Ibid. P. 153.

⁸ См.: J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. L., 1951. P. 60.

В самой усадьбе прописей не оказалось. Но за южной стеной ограды между нею и кучею мусора они нашлись. Их выбросили туда, когда надобность в них миновала. Вместе с прописями для имен царя и его солнца лежали слепки с точно такими же словосочетаниями, как в переделанных надписях усадьбы. Правда, тут была только часть прописей для нескольких надписей одинакового содержания, но, к счастью, куски титула взаимно дополняются, частично даже перекрываются: слово, которое стоит в конце одного слепка, оказывается в начале другого (CA I: XXXII 3 = TЗГ: 79 = ZZR: против 129). Так постепенно восстанавливается целое титуло, и восстанавливается почти без изъяна:

«Жена-любим - - -»

«- - - живущ[его] правдою, Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ»

«- - - [доб]р[ого] Йота»

«Й[ота] живо[го], который буд[ет]»

«будет жив [вековечн]о»

«[бу]д[ет] жив вековечно вечно, Кэйе»

«вековечно вечно, Кэйе». [40]

Пробел в начале третьего куска, несомненно, заключал в себе слово «отрок» (*ирй*) в смысле «сын», так как второй кусок после имени царя содержит еще определенный член мужского рода (*н'*), предшествовавший слову «отрок»; низы знаков вверху третьего куска вполне подходят к слову «добрый» (*нефр*). Пробел между первым и вторым кусками легко заполнить с помощью вычитанного Б. Ганном в начале титула слова «большая» и непеределанной части титула, именно ее первых слов «царя (и) государя».

Получаем почти что полное титуло, включающее в себя само имя загадочной женщины:

«Жена-любим - - - большая царя (и) государя, живущего правдою, Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, [отрока доб]р[ого] Йота живого, который будет жив вековечно вечно, Кэйе».

Теперь, когда мы знаем, что именно изглаживали в усадьбе, достаточно всмотреться в изглаженные места надписей, чтобы распознать проступающие то тут, то там полустертые остатки первоначального титула, как предваряющие, так и сопровождающие его нетронутую среднюю часть и то прочтенные, то не прочтенные Б. Ганном.

«Жена - - - царя (и) государя, живущего правдою, Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» (CA I: XXXII 2 = LVI 271 J).

«Жена - - - царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» (CA I: XXXIV 1 = LVI 273 obv. = TЗГ: 70 = ZZR: между 128 и 129, CA I: XXXIV 2 = LVI 273 rev. с «Нефр-шепр-[рэ]»).

«[Жен]а - - - живущ[его] правдою» (CA I: LVII 64).

«Жена - - - царя (и) государя, живущего правдою, Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, [от]рока» (CA I: LVI 271 B).

«Жена - - - большая царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ - - - б[удет] - - - веко[веч]но» (CA I: XXXIII 2 = LVII 55 + 59).

«большая (?) царя (и) государя» (CA I: LX 124, ср. LXI 6*).

«[Нефр-шеп]р-[рэ] Ва-н-рэ, от[рока]» (CA I: LIX 45*).

«[Нефр-шепр-рэ В]а[н-рэ], [о]тро[ка](?)» (CA I: LXI 41*).

«[Нефр-шеп]р-[рэ] Ва-н-[рэ], *н'* (определенный член от слова «отрок») - - - [которы]й - - - [ве]ко[ве]ч[но]» (CA I: LIX 40).

«Йота [живого], который [буде]т жив [вековеч]но» (CA I: LX 104).

«[векове]ч[но] (?)» (CA I: LIX 41).

«[Кэй]е» (CA I: XXXV 9).

(В сводку не включены те случаи, когда от первоначального титула уцелела одна средняя часть, не подлежавшая вообще уничтожению.)

Восстановленное титуло прежней владелицы усадьбы тождественно с тем, что стоит на двух небольших сосудах, изданных Х. В. Фэрмэном в 1961 г. (JEA XLVII: 29, 30). На них титуло значится в полной сохранности: [41]

«Жена-любимец (*мртй* — так на обоих сосудах) большая царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель (на одном сосуде звание "владыка обеих земель" опущено) Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, отрока доброго Йота живого (на одном сосуде ошибочно "Йота живого, живого"), который будет жив вековечно вечно, Кэйе».

Итак, то самое титуло, которое переделывали в южной усадьбе, и те изображения царственной женщины, что были им некогда надписаны, принадлежали первоначально не царице Нефр-эт, а Кэйе. У одной только Кэйе было такое необыкновенное титуло. У царевны Ми-йот подобное титуло появлялось только тогда, когда на ее имя переделывали титуло Кэйе. А эта последняя для нас теперь уже не какая-то безвестная наложница фараона, засвидетельствованная всего-навсего надписями на двух ничтожных сосудах, но хозяйка великолепной усадьбы с роскошными храмиками солнца ее, Кэйе, имени (в названии этого места почитания, «сени Рэ», имя Кэйе было заменено именем царевны Ми-йот, CA I: XXXII 2 = LVI 271 B, XXXIV 1-2 = LVI 273 = TЗГ: 70 = ZZR: между 128 и 129), где она изображена служащей солнцу вместе с царем на правах прямо-таки царицы. Правда, налобной царской змеи она не носит, ее имя не вписывают в кольцо, и лучистое солнце не протягивает ей знака жизни, как царице Нефр-эт. И тем не менее пожелание «жива она!», свойственное титулам цариц, начинается, возможно, сопровождать ее имя, только еще очень, очень редко (CA I: LIX 43).

Так что же осталось от пресловутого гонения на Нефр-эт, ставшего общим местом в статьях и книгах о солнцепоклонническом времени? Основой основ для таких построений служила замена на усадебных изображениях и в усадебных надписях царицы Нефр-эт ее дочерью Ми-йот. После того как выяснилось, что царевна заменила собой не мать, а Кэйе, от этой основы ничего не осталось. Вместе с тем исчезла и надобность ломать себе голову над непонятной странностью, почему Нефр-эт преследовали в усадьбе, а в прочих местах (на пограничных плитах столицы, на храмовых, дворцовых, гробничных стенах) солнцепоклонники ни титула, ни изображений царицы не разрушали и не видоизменяли.

* * *

В 1920-х годах под руководством английских ученых в северной части солнцепоклоннической столицы был откопан так называемый северный дворец (JEA X: 294-298, XXVIII-XXXI, JEA XII: 4-9, II-V, JEA XIII: 218, LIV). Сам по себе довольно внушительный (142×112 м), он должен был казаться совсем небольшим по сравнению с главным дворцом в средней части города (тот дворец имел в длину около 700 м, CA III: 33). Да и [42] сооружен был северный дворец из кирпича-сырца, если не считать известняковых столбов, косяков и т. п., в то время как главный дворец в основной своей части был из белого камня.

Северный дворец был обнесен толстой прямоугольной стеною. Посередине западной стороны, обращенной к реке, находились величественные ворота. За ними с запада на восток по главной оси здания следовали друг за другом два больших двора и дом фараона. Середину дома занимали три последовательно убывавшие по величине приемные; в задней, самой меньшей, стоял престол. По бокам приемных, с севера и юга, лежало по несколько помещений, в том числе опочивальня, умывальная, винные кладовые, пиршественные (?) чертоги.

По сторонам каждой из трех частей дворца, расположенных по главной оси здания, т. е. двух дворов и царского дома, лежало по особому сооружению.

С северной стороны на первый двор выходила своими внушительными воротами любопытная постройка. Посреди ее под открытым небом стоял на возвышении храмик, к которому с запада и востока было обращено своими входами по девяти одинаковых смежных помещений, каждый раз с общей лестницей, ведущей на кровлю. Внутри эти смежные помещения были украшены живописью, а на каменных наличниках дверей были вырезаны надписи. С южной стороны на первый двор выходило сложное и вместе с тем очень соразмерное сооружение, назначение которого совершенно неясно.

Ко второму двору, с большим водоемом (?) посередине, обсаженному кустами или деревьями, примыкал с севера обширный зверинец, в котором содержались различные животные (быки, козероги, антилопы), а с юга — замкнутый участок с жилыми постройками.

К северной стене царского дома было пристроено примечательное здание: садик, окруженный водою и обнесенный с трех сторон крытым ходом на каменных столбах со множеством расположенных позади помещений, выходивших в большинстве случаев своими дверями в крытый ход. По остаткам стенописи, изображавшей всевозможных птиц, не без основания полагают, что здание служило птичником. С юга царский дом переходил незаметно в постройку неясного назначения, завершавшуюся большим покоем с сорока пятью расписными кирпичными столбами.

Северный дворец с его водными затеями, зверинцем и птичником производил на исследователей впечатление увеселительного царского дворца. В этом смысле у него есть что-то общее с царской усадьбой на юге города. Оба сооружения явно отличны от величавых и строгих дворцовых зданий в средней части столицы.

Но северный дворец роднит с южной усадьбой еще одна важная особенность. В сооружении, расположенном с северной [43] стороны первого двора, в одном из девяти помещений западнее храма был обнаружен на своем исконном месте низ каменного дверного косяка с вырезанной на нем надписью: «- - дочь царева Ми-йот — жива она!» (JEA X: XXIII 3). Довольно беглого взгляда на снимок, чтобы заметить несоответствие между крупно написанным званием и именем царицы и более мелким многолетием «жива она!». Но странно и самое титул царицы. Вместо привычного «дочь царева, от утробы его, возлюбленная его, Ми-йот, рожденная женою царицы великою, возлюбленную его, владычицей обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!» читается всего лишь: «дочь царева Ми-йот», но зато с многолетием, которое отнюдь не было свойственно царицам! Тут явно что-то не в порядке. И действительно, мы узнаем, что обломок дверного косяка надписан именем Ми-йот поверх чего-то изглаженного и что это было сделано по всему зданию (JEA XII: 4). К сожалению, прочие случаи не были изданы.

Но кто же та женщина, чье имя изглажено и заменено именем Ми-йот? Она — жена царя, а не царица, поскольку царицам не подобало многолетие. Однако она не царица Нефр-эт, так как той задолго до отделки северного дворца — а его отделявали при поздних солнечных кольцах (JEA X: 298) — было присвоено пространное многолетие: «жива она вечно вековечно!» (§ 82). Тогда кто же эта особа?

Как в северном дворце, так и в южной усадьбе звание и имя царицы Ми-йот вставлены в чужое титул, в титул некоей женщины, чье имя было изглажено. Но этим сходство не ограничивается. В конце переделанных титул в усадьбе бывает такое же краткое и необычное сочетание «дочь царева Ми-йот» (см. выше). Краткость титул Ми-йот в усадьбе и в северном дворце объясняется одной и той же причиной: в предшествующей части надписи сохраняли при переделке что-то от прежнего состава титул. Во дворце пустое место, образовавшееся после уничтожения имени, было ограничено еще и снизу оставленным там исконным многолетием. Мы хорошо знаем, чье имя значилось первоначально в усадьбе и что там не смели трогать в предшествующей части надписи. Невозможно сомневаться в том, что и в северном дворце изглаженное имя было «Кэе», а над подлежащей переделке частью надписи было имя царя. Иными словами, можно спокойно восстановить на дворцовом косяке знакомое титул: «Жена... царя и государя... Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ... Кэе» с добавлением многолетия «жива она!». ⁹ Возможно или даже наверное, ее титул здесь был несколько укорочен, ср., например, ChE XLIX: 26-27 (за кольцом царя сразу «Кэе!»). ¹⁰ [44]

Но если сооружение, расположенное сразу налево от главного входа, так сказать, на самом видном месте, было домашним святилищем Кэе, то не была ли она хозяйкою северного дворца в целом? Или точнее: не был ли северный дворец местом совместного пребывания Амен-хотпа IV и Кэе, поскольку крошечный дворец у большого пруда в южной усадьбе вряд ли годился для чего иного, как для кратковременных посещений?

⁹ Ю. Я. Перепелкин. Тайна золотого гроба. М, 1968. С. 116-120.

¹⁰ Укороченным склонен считать это титул и издатель его Дж. Р. Харрис (J. R. Harris. Kiya // ChE. T. 49, 1974. P. 27, n. 3).

Веселый дворец на севере, веселая усадьба на юге — и то и другое связано с именем Кэйе, подобно тому как главный дворец царя возле главного храма солнца связан с царицей Нефр-эт. Не вносит ли это дополнительную черточку в образ любимицы Амен-хотпа IV?

По времени молельня Кэйе в северном дворце должна была быть близка к усадебной молельне — «сени Рэ» имени Кэйе. Обе молельни отделялись одинаково при поздних солнечных кольцах (CA I: XXXII 2 = LVI 271, XXXIV 1 = LVI 273 [= ТЗГ: 70 = ZZR: между 128 и 129], XXXIV 2 = LVI, JEA X: 298), но, возможно, южная была отделана несколько раньше, чем северная. В усадебных надписях многолетие «жива она» после изглаженного имени Кэйе засвидетельствовано самое большее один раз (CA I: LIX 43). В северном же дворце оно было не только в изданной надписи, но, возможно, и в других, однородных с ней. В таком случае ко времени отделки северной молельни положение Кэйе стало более царственным по сравнению со временем отделки усадьбы.

* * *

Итак, Кэйе стала хозяйкою дворца на севере и роскошной усадьбы на юге столицы. Скорописные производственные пометки на сосудах с припасами позволяют думать, что у побочной жены фараона было и свое обширное хозяйство.

Пометку CA II: LVIII 16 можно вполне надежно восполнить так: «[Год царствования 1]6. Вино дома честной (*m' шпст*) из (*н*) [(такого-то места)]. [Начальник] поливного хозяйства Ра-мосе». Что год царствования 16-й, а не 6-й, доказывает звание заведующего винодельческими угодьями: он начальник не «сада» (*к'м*), а «поливного хозяйства» (*б'хъ*), согласно обыкновению, утвердившемуся с 13-го года царствования¹¹ (см. § 113). Местом происхождения вина в солнцепоклоннических производственных пометках в подавляющем большинстве случаев оказывается «поток западный» (TEA: XXII-XXV, CA I: LXIII-LXIV, CA II: LVIII, CA III: LXXXV-XC), так что виноградники [45] «честной» были, по всей вероятности, в западной части Нижнего Египта.

Пометку TEA: XXV 95, где решающее место, к несчастью, недостаточно хорошо сохранилось, хотелось бы, с большой, правда, долей неуверенности, прочесть так: «Год царствования 11. Вино дома честной (?) Кэй[е](?) - - - (?) Начальник сада *Х'й*». От имени «честной» (?) уцелело два знака: первый — несомненное *к*, второй же знак ничто не препятствует читать как *й* (две черточки).

С большой долей неуверенности читается и пометка TEA: XXV 98, тоже несколько поврежденная в самом существенном месте: «*зрмт* (род напитка) добр(ый) жены царицы Кэйе (?)». Буква *к* — знак корзинки с ручкой — написана совсем иначе, чем в предыдущей пометке: там ручка корзины вытянута продольно, а здесь она отвесно, пожалуй, слишком отвесно опущена вниз. И тем не менее, право, не знаю, чем помимо *к* мог бы быть этот знак. Более чем странно, что под корзинкой не видно двух черточек *й*, неизменно выписывавшихся в имени Кэйе. Чтение следующих двух знаков как метелки тростника *й* и белоголового коршуна ' не представляет затруднений. Последний из сохранившихся знаков может вполне быть определителем женщины, мелко и бегло написанным (без отличительной точки сверху?).

То, что в первой пометке слову «честная» предпослан определенный член женского рода, указывает на то, что имеется в виду определенная «честная», единственная в своем роде, имени которой нет надобности называть, поскольку понятно, о ком идет речь. Ср. также словоупотребление в производственных пометках из солнцепоклоннической столицы применительно к «жене царицы»: «мясозаготовочная (*'хйт*) жены царицы — жива она!» (CA III: XCIV 245), «жены царицы — жива она!» (CA III: XCIV 246), «мясозаготовочная - - - жены царицы» (CA III: 171 (2)), «Сень Рэ — жив, цел, здоров! — жены царицы — жива она! — на юге» (CA III: 201), где словосочетанию «жена царицы» тоже предпослан определенный член

¹¹ W. Helck. Materialien zur Wirtschaftsgeschichte des Neuen Reiches. T. 4. Wiesbaden, 1963 («Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur (in Mainz)». Geistes- und sozialwissenschaftliche Kl. Jg. 1963, № 3). S. 728.

женского рода *т'*. Без определенного члена сочетание «жена царева» обходится в наименовании хозяйства царицы «дом жены царевой» (ТЕА: XXIV 90, СА I: LXIII G,K), но это древнее, плотно сросшееся обозначение, куда новоегипетскому *т'* нельзя было проскользнуть.

В пометке ТЕА: XXV 98 предположительная Кэ́йе названа не «честною», а «женою царевой». То же звание приложено к ней в пометке, частично изданной СА III: 201: «Сень Рэ — жив, цел, здоров! — жены царевой — жива она! — на юге», если вместе с издателем отождествлять эту «сень Рэ» с «сенью Рэ» в южной усадьбе.¹² Что Кэ́йе величали не только «женою-любимцем [46] большою» фараона, но также, когда хотели быть краткими, «женою царевой», доказывает усадебная надпись СА I: XXXIV = LVI 273 rev. Здесь после слов «сень Рэ» частично уцелело от первоначальной надписи звание прежней хозяйки усадьбы: «Сень Рэ жены царевой [Кэ́йе] в *М'рв Йтн* (т. е. в южной усадьбе) в Ах-йот».¹³

Когда в солнцепоклоннических скорописных пометках звание «жена царева» употреблено без последующего имени, составляя тем самым без него все обозначение царицы, слова «жена царева» пишутся неизменно в кольце: ТЕА: XXII 11, XXIV 90, СА I: LXIII G, K, СА III: LXXXVI 33, ХСП 208, ХСП 218, ХСIV 245, 246, 247, 171 (2), 201. Имя царицы «Нефр-нефре-йот Нефр-эт» пишется тоже в кольце в этих пометках: СА I: LXIII 1, LXIV 1, 2 (= ТТА: 180 CCXVIII A), СА III: LXXXV 28, 29, 30 («Нефр-эт» выписано сполна); также в кольце пишется имя вдовствующей царицы-матери Тэ́йе: ТЕА: XXII 14. А вот в пометке ТЕА: XXV 98 без кольца не только звание «жена царева», что было б вполне естественным ввиду после дующего имени, но и это последнее — предполагаемое имя «Кэ́йе» — оставлены без кольца. Отсутствие его вокруг имени могло бы указывать на неполноправность данной царской жены по сравнению с царицей. Подобный же случай — отсутствие кольца вокруг имени царской жены — мы имеем еще в одной пометке солнцепоклоннического времени СА III: ХСV 265. Здесь мы читаем: «[Год царствования (такой-то). Жи]р свежий бычий - - - жен[ы] царев[ой] Йот - - -». К несчастью, как год царствования, так и продолжение имени отбиты. Однако от имени уцелел еще кусочек знака, который больше всего походит на кончик ручки скорописной корзины *к* — по толщине и положению внизу строки. Если то действительно остаток буквы *к*, то имя могло бы быть «Мек-йот» или «Бок-йот». Первое имя, впрочем, исключено, потому что в солнцепоклоннической скорописи буква *к* в «Мек-йот» пишется в отрезке строки после *м*, а не под ним: *м*^{знак руки}*к*, а не знак *м* руки — ЈЕА X: 133, СА III: LXXXVI 37, 38, ХСV 272, ХСVI 292. Остается имя «Бок-йот». В нем буква *к* пишется непосредственно под знаком журавля *б'* — скорописная пометка из Ах-йот СА III: LXXXVI 42. Но царской жены по имени Бок-йот мы не знаем. В только что упомянутой пометке СА III: LXXXVI 42 речь идет о «доме (т. е. хозяйстве) дочери царевой Бок-йот». Царевна этого имени хорошо известна. В пору поздних солнечных колец она пять раз изображена и поименована в гробнице Хойе, домоправителя вдовствующей царицы Тэ́йе. Один раз Бок-йот обедает вместе с Тэ́йе и семейством царствующего фараона (ЕА III: IV), другой раз вместе с Тэ́йе же ужинает с ними (ЕА III: VI). Бок-йот [47] сопровождает царицу-вдову, когда ее сын вводит ее в солнечный храм ее имени (ЕА III: VIII = IX). Начальник ваятелей расписывает изваяние Бок-йот (ЕА III: XVIII). На двойном изображении двух царских семей представлены слева Амен-хотп IV, Нефр-эт и их четыре дочери, справа Амен-хотп III, Тэ́йе и Бок-йот (ЕА III: XVIII). Последнее изображение не оставляет сомнений в том, что Бок-йот — такая же дочь Амен-хотпа III и Тэ́йе, как царевны Ми-йот, Мек-йот, Анхес-эм-п-йот и Нефр-нефре-йот Малая — дочери Амен-хотпа IV и Нефр-эт. И то, что за обедом и ужином Тэ́йе с Бок-йот изображены вместе супротив Амен-хотпа IV, Нефр-эт и их дочерей, лишний раз подтверждает, что «дочь царева от утробы его, возлюбленная его, Бок-йот» — дочь вдовствующей царицы и, следовательно, Амен-хотпа III. В гробнице Хойе Бок-йот — царевна, не царица; «дочь царева» она и в пометке СА III: XXXVI 42. В пометке же СА III: ХСV 265 предположительная Бок-йот — «жена царева», не царевна. Гробницу Хойе отделявали при поздних солнечных кольцах, однако

¹² H. W. Fairman // J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten P. 3. Vol. 1. Text. P. 201.

¹³ О пометках ТЕА: XXV 95, 98, СА II: LVIII 16, СА III: 201 сказано в моей книге «Тайна золотого гроба» (М., 1968) на с. 120-121, 125.

не в самые последние годы царствования Амен-хотпа IV, так как в ней изображены самое большее четыре его дочери (ЕА III: XVIII), пятая же и шестая еще отсутствуют. Употребление даже в более поздней части гробницы знака игральной доски *mn* свидетельствует о том же (см. § 111, с. 194; § 115, с. 254-255). Нельзя ли в таком случае предположить, что Амен-хотп IV под конец своего царствования женился на своей сестре Бок-йот и она из «дочери царевой» превратилась в «жену цареву»? Невозможного в этом нет ничего, но только непонятно, почему имя новоявленной царской жены не заключено в кольцо? Неужели дочь Амен-хотпа III и вдовствующей царицы Тэие, сестра царствующего фараона, став царицей, не получила бы кольца вокруг имени, осталась бы неполноправной царской женою? Неполноправной царской женою... Но, может быть, «жена царева [Бок]-йот» вовсе не дочь покойного фараона и Тэие, а какая-то действительно неполноправная жена Амен-хотпа IV вроде Кэие? Конечно, у Амен-хотпа IV могли быть и действительно были жены из числа дочерей иноземных властителей, но ни одна из них не значится в египетских надписях, тем более со званием «жены царевой». Кроме Кэие, других побочных жен-египтянок Амен-хотпа IV мы не знаем. Ну а что, если «жена царева [Бок]-йот» не кто иной, как сама Кэие? «Кэие» ведь не полное, а сокращенное имя, вроде наших «Катя», «Ксюша». Так не будет ли «Кэие» сокращением «Бок-йот» (в произношении того времени имя «Кэие» могло бы звучать «Кийа», а «Бок-йот» — «Бак-йати»). Разумеется, все это не более как предположение, притом основанное на другом предположении — предположительном восстановлении имени «Бок-йот» в пометке СА III: XCV 265. Но поскольку такое предположение невольно приходит на ум, может быть, все же стоило высказать подобную догадку, как [48] бы ненадежна и шатка она ни была? Если бы, паче чаяния, она оказалась правильной, первоначальное имя Кэие, до оставления царем старых богов, могло быть в честь кого-нибудь из них, скажем «Бок-амун» — «Раба Амуна».

Примечание.¹⁴ Превосходное пояснение к обозначению «честная» в приложении к царской возлюбленной при одновременном употреблении применительно к ней звания «жена царева» представляет заключительная часть сказки о двух братьях (папирус д'Орбини, с. 12-18; см.: Select papyri in the hieratic character from the collections of the British Museum. P. II. L., 1860, табл. IX-XIX; G. Möller. Hieratische Lesestücke für den akademischen Gebrauch. H. II. Lpz., 1910; то же: Lpz., 1927; B., 1961, S. 1-20; A. H. Gardiner. Late Egyptian stories. P. I. Bruxelles, 1931 (Bibliotheca aegyptiaca I. P. I), p. 9-29a). Вообще говоря, эта часть сказки в описании дворцового быта может служить как бы письменным добавлением к соответствующим изображениям на памятниках солнцепоклоннической столицы. Явление царя во дворцовом окне, совместный выезд на колесницах царя и его возлюбленной, их совместное веселое времяпрепровождение, возлюбленная царя, наливающая ему вино, — все это приводит на ум сходные изображения из быта солнцепоклоннического двора. Так вот именно здесь, в заключительной части сказки, возлюбленная фараона постоянно обозначается как «честная», притом с определенным членом женского рода *m'*, как в пометке СА II: LVIII 16, см. в сказке страницы 15 (строка 8), 16 (строка 1), 17 (строки 5, 9, 10), 18 (строка 4 два раза). Без определенного члена это слово *инст* употреблено лишь на странице 12 (строка 3), но тут определенному члену и нельзя было быть, потому что речь идет не об определенной «честной», а о «честной» как сане, в который фараон возвел свою возлюбленную: «и произвели ее в честную большую». Определение «большая» (*'m*) перекликается с тем же словом в титуле Кэие («жена-любимец большая»), но внимания заслуживает то, что в «честную» производят (*δ'н*), так что это — звание, связанное с определенным положением при дворе. Ср. в той же сказке на странице 18 (строка 4) слова: «произвели его в сына царева по Кошу», т. е. в наместника Эфиопии. Но всего существеннее то, что на той же странице 18 (та же строка 4) царской любимице присвоены одновременно два звания — «жены царевой» и «честной»: «жена царева, честная», причем слово «честная» снабжено определенным членом. Совсем как в солнцепоклоннических скорописных пометках, где предположительная Кэие то «честная», то «жена царева»! Только в отличие от пометок ТЕА: XXV 98 и СА III: XCV 265, в которых за званием следует имя (правда, как оно, без кольца), слова «жена царева» предварены отвесною дужкой — передком скорописного кольца.

В сказке «честная» именуется дочерью самого бога солнца, она образована по его распоряжению самим Хнумом. Надписи на изваянии времени XIX царского дома, т. е. того же времени, что и рукопись сказки о двух братьях, знакомят нас с действительной роднёю одной из царских «честных». «Честная фараона — жив, цел, здоров! — *Йнив^хй*» была дочерью («жреца —) чистителя верховного Птаха Птах-май» и «певицы (?) Амуна, владычицы дома Ха-шепсове», сестрою же «слушающего зов (т. е. слуги) фараона — жив, цел, здоров! — Ра-мосе» и «владычицы дома, певицы Амуна Хен-тима» (AeISMB II: 6-8). Было бы, конечно, вовсе не правильным обобщить этот случай и предположить, что царские «честные» бывали обыкновенно из средних

¹⁴ Содержание этого примечания изложено в моей книге «Тайна золотого гроба» (М., 1968) на с. 121-126.

слоев общества. На одной гробничной принадлежности (так называемом конусе) времени XVIII царского дома в качестве хозяина гробницы значится «Усире, большой дома (т. е. покойный управляющий хозяйством) [49] честной нахараинской *Бнз'й*» (*N. de G. Davies, M. F. L. Macadam. A corpus of inscribed Egyptian funerary cones. P. 1. Oх., 1957, № 527*). Нахараин — это царство Митанни на среднем Евфрате. «Честная нахараинская» — некая определенная особа из Нахараин (недаром «честная» с определенным членом *m'*), вероятно, митаннийская царевна, присланная в жены фараону. Таким образом, царские «честные» могли быть, по-видимому, самого различного общественного происхождения, и умозаключать по наименованию кого-либо «честною» о родovitости или неродovitости данного лица невозможно. [50]

ИЗ ЧЬИХ БОЖНИЦ БЫЛИ КАМНИ ИЗ ШМУНА?

Во время раскопок Шмуна Гюнтером Рёдером в 1929–1939 гг. в кладке построек Ра-месэ-са II и позднейших домов было найдено много камней из снесенных солнцепоклоннических зданий. Камни были преимущественно небольших размеров, как то было принято у солнцепоклонников, и пестрели остатками солнцепоклоннических изображений и надписей. Большинство находок осталось в Египте, но некоторое количество попало в зарубежные собрания. Сводное издание этих, а также найденных по соседству с городом камней вышло в 1969 г.,¹ но, как полагают издатели, дальнейшие раскопки в Шмуне могли бы намного увеличить и без того огромное число находок.²

Первоначальное предположение, что камни происходят из разоренного солнечного храма в самом Шмуне, пришлось впоследствии оставить. Надписи на них указывали на соседнюю со Шмуном столицу Амен-хотпа IV Ах-йот как место происхождения. Именно ее упраздненные храмы послужили «каменоломней» строителям Ра-месэ-са II.³

В сводном издании некоторые храмы были надежно или предположительно отождествлены. Названа была, в частности, «сень Рэ» в царской усадьбе на юге столицы. Издатели отметили, что многие надписи на камнях из Шмуна переделаны на имя царевны Ми-йот способом, очень похожим на тот, которым переделаны на ее имя надписи в южной усадьбе.⁴ Издатели разделяли общее мнение, что усадебные надписи были первоначально составлены на имя царицы Нефр-эт, однако в отличие от других ученых издатели полагали, что ее имя заменяли именем Ми-йот не потому, что Нефр-эт впала в немилость, а потому, что с превращением Ми-йот в жену собственного отца усадьба перешла от матери к дочери.⁵

Тем не менее далеко не все надписи из Шмуна, в которых Ми-йот будто бы значится на положении жены Амен-хотпа IV, [51] издатели объявляли переделанными. Еще в меньшей степени поступали они так по отношению к надписям, которые якобы выдавали за жену Амен-хотпа IV царевну Анхес-эм-п-йот, хотя подчас издатели и отмечали, что ее имя стоит на месте чего-то изглаженного. По мнению издателей, обе царевны одна за другой состояли женами своего родителя, и у каждой из них было от него по дочери, Ми-йот Малой и Анхес-эм-п-йот Малой, тоже упоминаемых на камнях из Шмуна. Впоследствии, согласно тем же ученым, старшая Ми-йот и старшая Анхес-эм-п-йот стали одна за другою женами соправителя Амен-хотпа IV — Семнех-ке-рэ.⁶

Остается, однако, необъяснимым, почему обе дочери Амен-хотпа IV, став его женами, по-прежнему величались «дочерьми царевыми», а не «женами царевыми», и почему их имена не вписывались в кольца, как то подобало царицам. Необъяснимым остается также, каким, образом у Анхес-эм-п-йот могла быть дочь от Амен-хотпа IV, если он царствовал не более семнадцати лет,⁷ а Анхес-эм-п-йот родилась самое раннее в 8-м году его царствования (см. § 93). Ведь не могла же у ребенка семи-восьми лет быть дочь!

На некоторых, не слишком многочисленных камнях из Шмуна имеются изображения и надписи, с самого начала относившиеся к царице Нефр-эт и ее дочерям. Однако несоизмеримо больше таких камней, на которых изображения и надписи были присвоены дочерям Амен-хотпа IV и Нефр-эт только впоследствии.

Когда в 1968 г. было показано, что на камнях из Шмуна присваивались изображения и надписи, относившиеся не к царице Нефр-эт, а к побочной жене фараона Кэе и ее дочери,

¹ G. Roeder. Amarna-Reliefs aus Hermopolis. Hrsg. von R. Hanke. Hildesheim, 1969.

² Ibid. S. 1.

³ Ibid.

⁴ Ibid. S. 356-357.

⁵ Ibid. S. 356-358.

⁶ Ibid. S. 376, 379.

⁷ W. M. F. Petrie. Tell el Amarna. L., 1894. P. 32; H. W. Fairman // J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. L., 1951. P. 61.

показано это было по необходимости лишь на небольшом числе камней, изданных к тому времени.⁸ Теперь, после сводного издания 1969 г., в поле зрения оказалось уже огромное, можно сказать, трудно обозримое количество таких камней. И — что особенно хорошо — принадлежность изображений и надписей побочной жене фараона теперь даже не надо доказывать — титул Кэе на некоторых камнях стерто настолько плохо, что [52] его можно вычитать с них по частям, притом полностью включая имя. Надо только знать, что вычитывать.

Вспомним полное титул Кэе: «Жена-любимец большая царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, отрока доброго Йота живого, который будет жив вековечно вечно, Кэе». И вот мы находим это титул на камнях из Шмуна.

В приведенной ниже сводке остатков титула Кэе на камнях из Шмуна слово «кольцо» в круглых скобках означает, что кольцо вокруг имени царя сохранилось, но само имя «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» разрушено. Остатки титула Кэе на двух камнях PC 161 (ARH: CXCV) и 80-VIII (ARH: CLXI) приведены дважды — в начале и в конце сводки, потому что содержат как начальные слова, так и часть заключительных (остатки титула приведены вообще по возможности так, чтобы при чтении их одних за другими воссоздавалось полное титул).

«Жена - - - цар[я] (и) государ[я], живуш[его] правдою, владыки обеих земель [Нефр-шепр]-рэ [Ва-н-рэ] » (ARH: CLIII 784–VIII).

«Ж[ена] - - - царя (и) государя, живу[щего правд]ою — (кольцо) - - - [жи]во[го] (?), [котор]ый бу[дет жив векове]чно - - -» (ARH: CXCV PC 161).

«Же[на] - - - Нефр-шеп[р]-рэ [Ва-н-рэ] - - -» (ARH: CX 143–VIII C).

«Жена-любимец - - - [Нефр-шепр-рэ Ва-н]-рэ - - -» (ARH: CVIII 703–VIII C).

«Жена-лю[бимец] - - - Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ — который будет жив - - -» (ARH: CLXI 80–VIII).

«- - - любимец - - -» (ARH: LIII 499–VIII).

«- - - [лю]бим[ец] царя (и) государя - - -» (ARH: XXXVII 650–VIII A).

Слово «большая» проглядывает, возможно, на камне PC 161 (ARH: CXCV) перед словами «царя (и) государя». На камне 56–VIII A (ARH: CV) в титуле царевны, переделанном из титула Кэе, слово «большая» заимствовано, надо полагать, из первоначального титула: звание «жалуемая большая (хасйэ о) владыки обеих земель» совершенно несвойственно царевнам, и слово «большая» стоит на том самом месте, где оно должно было стоять в титуле Кэе.

«- - - царя (и) государя - - -» (ARH: CXCVII PC 187).

«- - - царя (и) государя - - -» (ARH: XVIII 684–VIII C).

«- - - царя (и) государя, живущего [правд]ою - - -» (ARH: CC PC 209).

«- - - царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ - - -» (ARH: CXI 438–VII A).

«- - - царя (и) государя - - -» (ARH: XIX 168–VIII A).

«- - - царя (и) государя, живущего правдою - - -» (ARH: XLIX 261–VI A). [53]

«- - - царя (и) государя - - -» (ARH: XXXIV 150–VIII D).

«- - - живуш[его] прав[д]ою - - -», «- - - [пра]в[дою], владык[и] обеих земель » (ARH: LIII 149–VIII C).

«- - - [живу]ш[его прав]д[ою], владык[и] обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ - - -» (ARH: CLIX 448–VIII).

«- - - живуш[его] правдою (кольцо) » (ARH: CLX 193–VIII A).

⁸ Что среди солнцеклоннических камней из Шмуна имеются камни с остатками изображений и надписей, относящихся к Кэе и ее дочери, было подробно показано в моей книжке «Тайна золотого гроба» (М., 1968, с. 101, 104–111, ср. с. 99–100). Распространение данного наблюдения на камни, изданные в 1969 г. Г. Рёдером и Р. Ханке, было естественным и неизбежным. На часть этих камней оно было распространено в статье: J. R. Harris. Kiya // ChE. T. 49, 1974. P. 25–30. Что переделывали изображения и надписи Кэе, Р. Ханке усмотрел в своей статье: R. Hanke. Änderungen von Bildern und Inschriften während der Amarna-Zeit // SAK. Bd 2, 1975. S. 79–93.

«- - - (кольцо) - - -» (ARH: CX 143–VIII C).
 «- - - (кольцо) *п'* (определенный член от слова "отрок") - - -» (ARH: XLIII 286–VI).
 «- - - [ца]р[я] (и) [госуда]р[я] Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, отрока до[б]ро[го] Й[о]та [жи]вого бу[дет] (?) ж[ив] (?)» - - -» (ARH: CLII 463–VIII).
 «- - - Нефр-шепр-рэ - - - [Ва-н-рэ] Й[о]т[а] - - -» (ARH: XXXI 195–VIII A).
 «- - - Йот(а) - - -» (ARH: CLIII 1030–VIII).
 «- - - (кольцо) - - - Йот[а] живо[го], который - - -» (ARH: XXIX 620–VIII C).
 «- - - Йот[а] живо[го], кото[ры]й [будет] жи[в] - - -» (ARH: CLXIII 1092–VIII).
 «Жена-лю[бимец] - - - Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ - - - который будет жив - - -» (ARH: CLXI 80–VIII).

«- - - царя (и) государя, живущего правдою - - - [Йо]т[а] (?) - - - [кото]рый (?) буд[ет] (?) - - -» (ARH: CXLV 524–VIII)

«Ж[ена]- - - царя (и) государя, живу[щего правд]ою - - - (кольцо) [жи]во[го] (?), [кото]рый бу[дет жив векове]чно - - -» (ARH: CXCV PC 161).

«- - - (кольцо) [веков]ечно вечно - - -» (ARH: CLIX 910–VIII).

«- - - (кольцо) *п'* (определенный член от слова "отрок") - - - [веков]ечно веч[но] - - -» (ARH: XVIII 652–VIII A).

«- - - (кольцо), отрок[а] - - - вековечно вечно, Кэ́е» (ARH: XXXII 153–VIII = LVII 135–VIII = SAK II: 88).

«- - - [Кэ́й]е» (MDAIAK XIV: XII 1 = ARH: XV 610–VII = ТЗГ: 101, ср. SAK II: 88).

«- - - [Кэ́й]е» (ARH: XXIII 376–VIII, ср. 176, 178, 258, 291, 367, SAK II: 88).

Некоторые титула, переделанные из титула Кэ́е, содержат после имени царевны многолетие «жива она!» (MDIAeAK IX: VII *d* = ARH: XIV 307–VI A; ARH: CXI 438–VII A), «жива она» (ARH: LIII 149–VIII C, CXXXIV 983–VIII A), «жива она вечно - - -» (ARH: CXXXIV 983–VIII C), «жива она вечно вековечно!» (ARH: CLIX 448–VIII). Ни на одном непеределанном памятнике никто из царевен никогда не удостоен какого бы то ни было многолетия. Здесь же, на камнях из Шмуна, оно встречается не только после имен царевен, но [54] один раз даже после имени дочери царевны: «- - - Малая — жива она!» (ASAE XXXVIII: LXXV = MDIAeAK IX: VIII *c* = ARH: XXIX 632–VIII A). В северном дворце солнцепоклоннической столицы многолетие «жива она!» замыкало титуло Кэ́е (см. гл. II), то же многолетие стояло, возможно, на ее гробе (см. гл. IV). Поэтому, казалось бы, мы вправе ожидать, что и среди многолетий из Шмуна по меньшей мере некоторые восходят к титулу Кэ́е. На деле, однако, ни об одном из них нельзя сказать с уверенностью, что оно не привнесено одновременно с переделкою титула на имя царевны. К этим многолетиям нам придется еще вернуться в дальнейшем (см. гл. VI).

Точно так же как в южной усадьбе, и на камнях из Шмуна из титула Кэ́е в титуло царевны перенимали в нетронутom виде одно лишь титуло царствующего фараона: «царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» (иногда с опущением того или иного звания перед именем). Кольцо царя считалось, очевидно, неприкосновенным. Исключения, когда и оно подвергалось замене, если только они вообще были, настолько редки, что с ними можно не считаться. И точно так же как в усадьбе, и на камнях из Шмуна последующие слова: «отрока доброго Йота живого, который будет жив вековечно вечно» — изглаживали и за царским кольцом ставили многолетие: «кому дано жить» (ARH: CXI 438–VII A), «кому дано жить» (ARH: XIX 504–VIII, CX 143–VIII A), «кому дано жить - - - вечно» (ARH: CLIX 910–VIII, ср. 179). В одном случае употреблено расширенное многолетие «кому дано жить вечно вековечно» (ARH: XVIII 652–VIII C), а в другом, напротив, многолетие вовсе опущено (ARH: CXCV PC 161).

Титуло Кэ́е на камнях из Шмуна проступает обыкновенно сквозь заменившее его титуло одной из дочерей Амен-хотпа IV и Нефр-эт, Ми-йот или Анхес-эм-п-йот, или же — что бывает реже (ARH: CX 143–VIII C, CLXI 80–VIII, CC PC 209) — сквозь титула одной из них и их дочерей Ми-йот Малой или Анхес-эм-п-йот Малой. На одном камне титуло Кэ́е переделано в титула Амен-хотпа IV и его дочери Анхес-эм-п-йот (ARH: CXI 438–VII A). На другом камне уцелело только титуло фараона, заменившее начало титула Кэ́е (ARH: LIV 698–VIII A, см. также 177).

Еще на одном камне титуло Кэ́йе переделали в титуло Амен-хотпа IV и, должно быть, его внушки, предпослав всему титуло его дочери (ARH: CLI 80—VIII). Переделки такого рода тоже находят себе соответствие среди усадебных переделок. В одном случае в титуло Амен-хотпа IV и царевны Ми-йот было переделано в усадьбе титуло Кэ́йе (CA I: LVII 55 + 59), в другом случае — титуло Кэ́йе и ее дочери (CA I: XXXIV 1 = LVI 22/273).

Совершенно особняком стоят титула на одном камне из Шмуна (ARH: CVI 451—VII A). Остатки их распределены по четырем строкам, и, хотя сквозь нынешние письмена ничего не проглядывает, [55] очень похоже на то, что титула заменили титуло дочери Кэ́йе. В первой строке имя царевны Анхес-эм-п-йот втиснуто в пространство для него явно недостаточное, если написать его не мелкими, как сейчас, а такими же крупными знаками, какими написаны предшествующие слова: «[дочь царева от утробы его, возлюбленная его». Также и имя «[Анхес-эм-]п-йот Малой», значащееся в третьей строке, ни на одном непеределанном памятнике ни разу не засвидетельствовано, но зато вполне обычно в надписях, переделанных из титула Кэ́йе и ее дочери. В восстановленном виде нынешние титула могли бы выглядеть так⁹: «[Дочь царева от ут]робы его, возлюбленная его, Анхес-эм-п-[й]от, [рожденная женою царицы великой, возлюбленной его, владычицей обеих земель] Нефр-нефре[-йот] Нефр-эт — жива она вечно [вековечно! Дочь царева от утробы его, возлюбленная его, Анхес-эм-]п-йот Малая, [рожденная дочерью царицы великой от утробы его, возлюбленной его, Анхес-эм-п-йот], рожденной же[ною] царицы великой [Нефр-нефре-йо]т [Нефр-эт — жива она вечно вековечно!]

Начало первой строки могло содержать до переделки собственно титуло дочери Кэ́йе, а конец — начало пространной ссылки на родительницу («рожденная женою-любимцем» и т. д.). На месте кольца Нефр-эт во второй строке могло быть кольцо с именем «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ», на этот раз — исключительный случай! — не сохраненным, а замененным именем царицы. Третья строка могла быть с продолжением титула Кэ́йе, а четвертая — добавлена при переделке.

Если эта надпись действительно переделана из титула дочери Кэ́йе, а для подобного предположения имеются веские основания, то перед нами был бы исключительный случай введения в переделываемую надпись имени царицы Нефр-эт. Другой такой случай могло бы представлять титуло царевны Ми-йот на камне из того же Шмуна (ARH: CXCIХ PC 210). Однако основания для отнесения этой надписи к числу переделанных довольно шаткие. Похожие на остатки знаков черточки и углубления могут быть всего-навсего трещинками и выбоинками, которых вообще много на поверхности данного камня.

Впрочем, из Шмуна дошло и некоторое количество камней, на которых изображения и титула Нефр-эт достоверно исконные, а не введенные при переделке. Поэтому, когда сполна или отчасти уцелело изображение царственной женщины, а надписание пропало, нельзя быть заранее уверенным, что изображена Кэ́йе, а не Нефр-эт. Но у изображений Кэ́йе есть свои особенности, отличающие ее от Нефр-эт, так что в большинстве случаев изображения побочной жены царя могут быть опознаны даже тогда, когда надписания погибли. [56]

На очень многих камнях из Шмуна царственную мать сопровождает всего одна дочь — точь-в-точь как на изображениях Кэ́йе в южной усадьбе (CA I: XXXII 2 = LVI J + 154, XXXII 2 = LVI M + 152, XXXV 9 + 151, см. гл. II). На тех камнях из Шмуна, на которых так или иначе уцелели титула Ми-йот и Анхес-эм-п-йот, старших и младших, переделанные из титула Кэ́йе и ее дочери, мать, разумеется, Кэ́йе. Но и там, где надписания пропали, присутствие всего одной царевны может указывать, что первоначально, скорее всего, была изображена побочная жена царя со своею дочерью. Дочери Амен-хотпа IV от Нефр-эт изображены на памятниках Ах-йот несчетное число раз, но чтобы там изобразили только одну из этих царевен, бывает далеко не часто. Вот перечень таких изображений.

Кусок дворцовых перил из Ах-йот: Ми-йот вместе с родителями служит солнцу (MDIAeAK III: против 36, $a = IV = 36 = TTA: 154 CLXII = ARH: II$, MDIAeAK III: против 36, $b = ARH: I$

⁹ Ср.: G. Roeder. Amarna-Reliefs aus Hermopolis. Hrsg. von R. Hanke. S. 174.

III титло солнца, см. § 36). Ср. три других куска дворцовых перил (TEA: XII 3; времени III солнечного титла ввиду пространного многолетия царицы — см. § 82, знака мотыки в имени Ми-йот — см. § 97 — и искажительного способа изображения — см. § 103; CM: № 10 = КОз: IX = НЭС XVII: VIII = SA III: 315 = STEA: 19 = KEAZ: XI = CA III: LXIX 5 = RID: 30 = GE: LIV = CuAE: XXIIIa = СПДЕ: XXIV = ИДЕ: 132 = ОеА: между 90 и 91 = ИДЕг: 319 = IFAOBE XXXII: 85 = VMPH: 129 = ZZR: между 96 и 97, III солнечное титло; CA III: LXIX 4, III солнечное титло). Ср. также обломок CA III: LXX 12 (времени III солнечного титла ввиду сложного имени и пространного многолетия царицы и знака протока для *mp* — см. § 104).

Обломки из Ах-йот: царевна позади матери (CA III: LXXXIII 1, времени III солнечного титла ввиду пространного многолетия царицы — см. § 82 — и искажительного способа изображения — см. § 103 — и LXXXIII 2, не раньше III солнечного титла ввиду сложного имени и многолетия царицы — см. § 78, 82). Ср. обломки оттуда же JEA XXI: XII = CA III: LXVI 1, 4 и CVII 1 (все три времени III солнечного титла ввиду пространного многолетия царицы и искажительного способа изображения) и обломок CA III: CV 5 (времени III солнечного титла ввиду сложного имени царицы — см. § 78 — и искажительного способа изображения).

Обломок столба, возможно, из Шмуна: Ми-йот вместе с родителями служит солнцу (WAeKFS: XIII 49, времени III солнечного титла ввиду знака мотыки в имени царевны — см. § 97 — и знака протока — см. § 104). Обломок столба из Шмуна: Ми-йот вместе с родителями служит солнцу (ARH: III, не древнее IV солнечного титла — см. § 37 — ввиду знака пруда для *mp* — см. § 104).

Гробница Ах-мосе в Ах-йот: царевна с родителями на колеснице. (EA III: XXXII + XXXII A, времени VI солнечного титла [57] — см. § 39). Гробница Пи-нхаса в Ах-йот: царевна вместе с родителями служит солнцу (EA II: VI три раза, VI солнечное титло). Гробница Ра-мосе, военачальника в Ах-йот: Ми-йот вместе с родителями служит солнцу (EA IV: XXXV; наверное, времени VII солнечного титла — см. § 40, 88). Гробница Мха в Ах-йот времени VII солнечного титла: Ми-йот вместе с родителями служит солнцу (EA IV: XV, XVI, XXIII) и едет в одной колеснице с отцом и матерью (EA IV: XX, XXII).

Итак, подавляющее большинство изображений царевны Ми-йот без сестер, с одними отцом и матерью, приходится или может приходиться на время не позднее III солнечного титла, когда Ми-йот могла быть еще на деле единственной дочерью у царской четы (см. § 92). Об одном изображении можно сказать только, что оно не древнее IV солнечного титла, четыре изображения современны VI солнечному титлу и шесть — VII. При этом на обоих изображениях царевны на одной колеснице с родителями отсутствие ее сестер более чем понятно: египетская колесница была маловместительна, рассчитана только на двух человек. Недоказательны также и три изображения в гробнице Пи-нхаса, так как помещаются на косяках ее наружной двери, где большему числу царевен было бы трудно уместиться.

Напротив, на камнях из Шмуна, притом именно таких, которые явно позднее III солнечного титла, хотя бы из-за неискажительного уже способа изображения (см. § 103), одна дочь со провождает царя и его царственную спутницу много раз; причем в большинстве случаев по переименованным надписям видно, что первоначально изображена была дочь Кэ́йе. Перечислим сперва надписанные изображения: MDIAeAK IX: VII d = ARH: XIV 307–VI A + 311–VI A (мать и дочь переименованы в «Анхес-[эм-п-йот]» и «Анхес-эм-[п-йот] Малую»), MDAIAK XIV: XII 1 = ARH: XV 610–VII (дочь «[Кэ́]йе» переименована в «- - [Ма]лую»), ARH: XV = XVIII 10–VIII A («Ми-йот», несомненно, переименованная дочь Кэ́йе), XV 688–VIII («[Анхес-эм-от-]йо[т]», несомненно, переименованная дочь Кэ́йе), XVII 500–VIII C (девочка переименована в «Ми-йот Ма[л]ую»), XVIII 340–VI A («Ми-йот», несомненно, переименованная дочь Кэ́йе), XVIII 652–VIII A (девочка переименована в «Ми-йо[т] Малую»), XVIII 652–VIII C (девочка переименована), XVIII 684–VIII C (переименованы Кэ́йе и ее дочь), XXIII 376–VIII (дочь «[Кэ́]йе»), CC PC 192 (девочка переименована в «Анх[ес]-эм-п-йот Малую»), XXIX 632–VIII A (девочка переименована в «- - - Малую»). Теперь перечислим ненадписанные изображения: MDIAeAK IX: VIII b = ARH: XIII 292–VI C, ARH: XI 750— VIII A, C, ср. ARH: XVI 406–VII A (девочка с двумя царями, см. гл. V), XII 406–VII D (на том же камне сбоку), ARHAC: II = ARH: CLXXXIII PC 24 (девочка позади царя). На камнях из Шмуна бывают изображены и совместные изваяния

царя, [58] взрослой женщины и ребенка (ARH: XX = XXI 454–VII C, XXII 421–VII) и взрослой женщины с ребенком без царя (ARH: LVI 494–VII). На последнем камне верх головы у женщины пропал, на двух других у царя на венце ясно виден царский аспид, у женщины же на лбу изображения царской змеи не заметно, хотя, правда, поверхность камней в соответствующих местах слегка повреждена. Если налобного аспиды у царской спутницы действительно нет, то она не царица Нефр-эт (см. ниже). На изображениях главного храма солнца в гробницах в Ах-йот тоже бывают показаны совместные царские изваяния, стоявшие в глубине сооружения перед «двором солнечного камня». Как в гробнице Ах-мосе (EA III: XXX, время VI солнечного титула, см. § 39), так и в гробнице Ми-рэ, жреца (EA I: X A = XI, время VII солнечного титула, см. § 40), каждому из двух изваяний царя в верхнеегипетском венце и одному из двух в нижнеегипетском придано по маленькому изваянию не то царевны, не то царицы. По величине маленькое изваяние вполне могло бы быть изваянием царевны, но разве поставили бы изваяние царя с царевной, но без царицы в самом главном храме столицы перед самой священной его частью? У Ах-мосе подле срединного жертвенника посреди этой части храма стоят совместные изваяния именно царя и царицы. Вдобавок у Ми-рэ надо лбом одного из маленьких изваяний издателем показана черточка, которая могла бы сойти за царского аспиды. А он был присвоен только царю и царице, а никак не царевнам (см. ниже). Поэтому можно вместе с издателем¹⁰ счесть за самое вероятное, что маленькие изваяния изображали царицу.

На камне из Шмуна PC 55 (ARHAC: 81 = AeKZKE: XXXI = ARH: CLXXXII) частично уцелело изображение царского корабля, на носу которого на стене палубной беседки представлен царь, поражающий иноземного врага в присутствии взрослой женщины и ребенка. Первое, что приходит на ум (и пришло в свое время также мне),¹¹ — это то, что взрослая женщина — царица Нефр-эт (ср. EA V: V). На другом камне из Шмуна, именно PC 67 (ARHAC: 83 = ARH: CXCI = APhE: XXIII), она сама показана поражающей иноземца на таком же изображении на стене судовой беседки, только на этот раз на корме. Что тут изображена Нефр-эт, не подлежит никакому сомнению. На воинственной особе женский синий венец, который носила царица, но не Кэйе, а кормовые весла украшены резными головками в головном уборе с двумя высокими перьями, присвоенном царице, но не Кэйе. Тем не менее на первом камне — PC 55 — могла быть изображена не Нефр-эт, а побочная жена царя. На голове у этой женщины так называемая ступенчатая прическа (из накладных волос), с которой Кэйе в бытность [59] побочной женою царя постоянно изображалась. Царицу тоже изображали с такою прической, только далеко не всегда. Поэтому на камне PC 55 могла быть изображена не Нефр-эт, а Кэйе, и с этим отлично согласовалось бы присутствие всего лишь одной дочери.

Ни на одном из изображений царственных родителей с одной дочерью ее голова не подвергалась переделке. Напротив, голова взрослой особы женского пола, которую можно счесть за побочную жену царя, сплошь и рядом оказывается переделанной. И это только естественно, раз данную особу переименовывали то в царевну Ми-йот, то в царевну Анхес-эм-п-йот. Обеих девочек изображали с вытянутым назад безволосым черепом, с которого лишь сбоку свешивается прядь волос. Поэтому при превращении взрослой особы в царевну срезали спереди и сзади накладные волосы, оставляя лишь те из них, что могли сойти за боковую прядь волос, а на затылке добавляли безволосую выступающую часть черепа. Иногда волосы не срезали, но и тогда добавлять голый затылок было необходимым для превращения изображения из женского в детское. Единственное, что нельзя было переделать, — это рост особы. На непеределанных изображениях царевны всегда девочки небольшого роста, а из взрослой особы после переделки получалась взрослая девочка — с детской прядкой волос и голым затылком. Такого рода превращения мы наблюдали уже в южной усадьбе (CA I: XXXII 2 = LVI 271 J, VII + 154, CA I: XXXIV 1 = LVI 273 obv. + 154 = TЗГ: 70 = ZZR: между 128 и 129; ср. CA I: 154, XXXIV 2, затем CA I: 151, XXXV 8, 11). Там Кэйе превращали

¹⁰ N. de G. Davies. The rock tombs of El Amarna. P. 2. L., 1905, c. 25.

¹¹ Ю. Я. Перепелкин. Тайна золотого гроба, с. 60.

в царевну Ми-йот, на камнях из Шмуна Кэ́е превращали в нее же или в царевну Анхес-эм-п-йот. В Ми-йот, по-видимому, превращена Кэ́е на камне 265–VI А — с наращенным сзади черепом, но с исконной прической (ARH: XIII), в Анхес-эм-п-йот — на камнях 311–VI А — со снятыми со лба волосами (MDIAeAK IX: VII *d* = ARH: XIV), 435–VII А — с черепом, наращенным сверху и особенно сзади (ARH: X), PC 161 — с наращенным сзади черепом (ARH: CXCV). Что на камнях 772–VIII (ARH: XXXII) и 652–VIII В (ARH: XVIII) особа с прической царевен переделана из Кэ́е, доказывает солнечный луч, что подносит к лицу особы знак жизни, чего царевны на непеределанных изображениях никогда не удостаивались. И там, где нет ни вторичных надписей, ни знака жизни у носа, достаточно, чтоб у взрослой особы были по-детски срезаны волосы на лбу или добавлен голый затылок, чтобы опознать в изображенной особе переделанную Кэ́е. Таковы, например, изображения 485–VII и, видимо, 458–VII А (ARH: XII, XXII), где срезаны волосы спереди и сзади и оголен затылок, ср. также 413–VII D и 58–VIII В (ARH: VII, IX = X) с оголенным лбом (затылочная часть не сохранилась). Что на камне AeKZKE: XXVII изображена Кэ́е, доказывают как оголенный [60] лоб и наращенный сверху и сзади оголенный череп, так и участие данной особы в царском служении солнцу (она возносит обеими руками цветы, а над нею видны большие ноги, несомненно, фараона, AeKZKE: 17). У изображений PC 17 (ARHAC: 30 = ARH: CLXXII) и PC 68 (ARH: CLXXX) оголен лоб, у первого еще наращен безволосый затылок, и у обоих не совсем понятным образом видоизменена прическа. Что PC 68 изображает Кэ́е, подтверждает остаток более крупного изображения (Амен-хотпа IV) перед нею.

Если отвлечься от изображений 265–VI А (ARH: XIII), PC 17 (ARHAC: 30 = ARH: CLXXII) и PC 68 (ARH: CLXXX), где не вполне ясна первоначальная прическа, то Кэ́е на всех обсуждавшихся нами изображениях, включая усадебные, носит ступенчатые накладные волосы.¹² Их подрезали более высоко сзади, но и спереди они не свисали ниже плеч, с макушки ниспадали ровными прядями, а на лбу и по сторонам лица были подстрижены ступеньками. Такие накладные волосы носила часто и царица, но только у нее они чередовались на изображениях с другими головными уборами, тогда как у Кэ́е они были ее постоянным признаком, и разве что только на названных трех камнях — 265–VI А (ARH: XIII), PC 17 (ARHAC: 30 = ARH: CLXXII) и PC 68 (ARH: CLXXX) — у нее были шаровидные накладные волосы. Ступенчатые накладные волосы носили обыкновенно придворные жены из царского сопровождения (например, EA I: XXV = XXVI, XXV = XXX, XXIX, EA II: VII, VIII, X, EA III: VIII = IX, XIII, EA V: V, EA VI: II, XVI, XXVI, XXVIII = XLII), но там, где взрослая особа с такой прической, не будучи царицей, пользуется определенным вниманием, выделена особо или изображена крупно, у нас есть основание предполагать, что представлена Кэ́е (ARH: LIX 113–VIII А, CLXXV PC 31). На нескольких таких непеределанных изображениях принадлежность их Кэ́е подтверждена и другими особенностями. На камне 108–VIII С (ARH: XXXVII) Кэ́е была переименована в Ми-йот, а на камне PC 192 (ARH: CC), судя по измененному титулу дочери, — в Анхес-эм-п-йот. Вдобавок Кэ́е стоит здесь, служа солнцу за фараоном, как и на камне PC 69 (ARH: CLXXXIII), где от прически уцелела только налобная часть, так что она могла быть и шаровидной. На камне PC 107 (ARH: CLXXXVIII) особа с накладными ступенчатыми волосами и веером следует за высоким человеком, наверное фараоном. На камне PC 27 (ARHAC: 27 = ARH: CLXXVI = SAK II: 83) голова женщины со ступенчатыми волосами, служащей вместе с царем солнцу, была переделана вместе с ее налобной царской змеею (см. ниже). Коленопреклоненная [61] женщина с молитвенно приподнятыми руками и ступенчатой прической на камне 292–VI А (MDIAeAK IX: VII *b* = ARH: XIV), несомненно, Кэ́е. Над нею должен был быть изображен царь, служащий солнцу, которому и молится Кэ́е. Такого рода двойное изображение засвидетельствовано упомянутым выше камнем AeKZKE: XXVII + 17, и на котором сверху видны остатки больших ног, очевидно, царя, а внизу женщина со срезанной на лбу и оголенном затылке ступенчатой прической возносит цветы.

¹² Ср.: Ю. Я. Перепелкин. Тайна золотого гроба, 1968. С. 87, 110; J. R. Harris. Kiya. P. 29. О прическах Кэ́е подробно говорится в статье: R. Hanke. Änderungen von Bildern und Inschriften während der Amarna-Zeit. S. 79-93.

Еще одна особенность отличает подавляющее большинство переделанных и непеределанных изображений Кэ́йе из Шмуна, разумеется тех, где уцелели щеки: большие круглые серьги, выглядывающие из-под прически. Такие серьги обычны на изображениях придворных жен из царского сопровождения, а также царевен, но исключительно редки на изображениях царицы Нефр-эт. На изваяниях Нефр-эт мочки ушей бывают показаны проколотыми. На одном изваянии, как было правильно указано М. М. Потаповым, в ушах у нее даже имеются крупные круглые серьги (BPh²: 179 = ARK: XXI = СПЦН: 14 = 17 = ИДЕг: 378 = ВНеф: XII = XIV и т. д.). Есть они и на изваянии STEA: 35 26 = AN: 63 = ZZR: после 128. На плоских ее изображениях, а их великое множество, мне совсем не встречались серьги, за одним только единственным исключением. Я имею в виду не то поврежденное изображение Нефр-эт в гробнице Ми-рэ, жреца, в Ах-йот, на котором непосредственно над ключицами видны концы каких-то подвесок. Последние свисают слишком глубоко, чтобы их можно было без натяжки отнести к серьгам (уши разрушены); проще всего вместе с издателем считать их кончиками прически¹³ (EA I: XXII). Я имею в виду одно изображение из Шмуна, на котором царица Нефр-эт действительно носит большие круглые серьги (ARNAC: 11 = ARN: CLXXII PC21).

Место находки этого камня и сами серьги в связи с отсутствием на нем имени царицы наводят на мысль, действительно ли эта царственная жена — Нефр-эт, а не та самая особа, которая на других камнях из Шмуна так упорно показывается всегда с большими круглыми серьгами? Правда, волосы царственной жены венчает на этом камне подобие повязки с царским аспидом спереди. Но разве не с аспидом на лбу видим мы ту особу на камне из Шмуна PC 27 (ARNAC: 27 = ARN: CLXXVI)? Пусть в южной усадьбе голову Кэ́йе не венчает такая повязка. Пусть нет ее и на голове у особы из Шмуна. Но и из числа более чем изобильных изображений Нефр-эт мне известны всего лишь несколько украшенных подобной повязкой (ZAeSA LV: 3 = I 5 = KEA II: XV = ARK: LVI = EA VII: XX 2, RMVI: LIV 9 = A: 45 — что изображена Нефр-эт, удостоверяют [62] длинные накладные волосы и ранние солнечные кольца на теле (CA III: LXVI 1, ASAE LIII: XIX = CMAV LXIV: Cover = 289, CMAV LV: 7 = CMAV LXIV: 290, EA VII: VI—IX, XIX). На изучаемом нами камне из Шмуна царица целует в губы маленькую дочь. В Ах-йот был найден обломок изображения, на котором поцелуи получает царевна Анхес-эм-п-йот (CA III: LXX 7), а на одной часто воспроизводимой плите царь целует старшую дочь Ми-йот (BPh¹: 157 = Eg: 183 = EIBAIV: 20 = Eg: 228 = BPh²: 184 = ARK: XXVIII = SA III: 313 = KEAZ: XIV-XV = RID: 3 = EPh: 84-85 = NKAR: VIII = BiPh: против 208 = VMPh: 164 = EgPh: XV B = ZCEER: LVIII = ZZR: против 128).¹⁴ Из того, что на камнях из Шмуна (как и в южной усадьбе в Ах-йот) нет больше таких изображений, не следует, конечно, что никто, кроме царя и Нефр-эт, не мог быть изображен целующим своего ребенка, тем более что и сама царская чета бывает представлена так исключительно редко. В пользу Нефр-эт говорит, казалось бы, имя «Ми-йот», уцелевшее в изглаженной надписи позади девочки.¹⁵ Однако С. Олдред замечает на это, что матерью девочки могла быть сама Ми-йот по воцарении со Семнех-ке-рэ, потому что у нее, согласно одному неизданному памятнику, была дочь «Ми-йот Малая», которая и могла быть девочкою Ми-йот на нашем камне.¹⁶ Нас это замечание С. Олдреда не может не насторожить. Мы уже слишком хорошо знаем, кто скрывается за царевнами с одноименными с ними дочерьми, чтобы не заподозрить и изучаемый нами памятник, не изображает ли и он все ту же Кэ́йе и ее девочку. Хотя тем самым и наш камень становится как будто подозрительным, однако подозревать его, кажется, не стоит.

Надпись позади маленькой царевны на камне изглажена, но кое-что от нее уцелело. Надпись состояла из трех отвесных строк. В первой из них уцелело имя царевны «Ми-йот», над ним поверхность камня разбита, но в самом верху виден знак ситовника, которым писалось слово «царь». Разрушенное пространство между этим знаком и именем точно подходит по величине к началу титула царевны, так что можно вполне восстановить «[Дочь] царева [от утробы его, возлюбленная его], Ми-йот». Внизу второй строки можно распознать

¹³ N. de G. Davies. The rock tombs of El Amarna. P. 1. L., 1903. P. 31.

¹⁴ Cp.: J. D. Cooney. Amarna reliefs from Hermopolis in American collections. [Brooklyn], 1965. P. 12.

¹⁵ Ibid. P. 10-12.

¹⁶ C. Aldred. [Рец. на:] J. D. Cooney. Amarna reliefs from Hermopolis... // JEA. Vol. 52, 1966. P. 188.

слово «Й[о]т», а под ним знак ребер — букву *м* и как будто бы часть знака руки. Таким образом, во второй строке могло стоять титуло второй царевны: «[Дочь царева от утробы его, возлюбленн]ая [его], Ме[к-]й[о]т» (конечная буква от причастия «[возлюбленн]ая» — знак хлеба *т*, видимо, проглядывает сквозь разрушения). Наконец, в третьей строке читаются не только следы знаков [63] пруда *мр*, тростника *й* и определителя солнца, но и такие знаки имени третьей царевны Анхес-эм-п-йот, как кусок дужки знака жизни (?), знак сложенного плата *с* и знак летящей утки-шилохвостки. Поэтому последнюю строку можно восстановить так: «[Дочь царева от утробы его] возлюбленн[ая его Ан]хес-[эм-]п-й[от]». Вторая и третья царевны были представлены, очевидно, на несохранившейся части изображения, равно как и сам фараон (о его присутствии издатель заключает по положению солнечного луча-руки вверху изображения¹⁷). Присутствие же трех дочерей Нефр-эт исключает как будто полностью возможность отождествления царственной матери с кем-либо, помимо Нефр-эт. Заметим, что шарообразные накладные волосы, как на нашем камне, Нефр-эт иногда носила, но Кэйе, возможно, нигде не изображена с иными накладными волосами, как «ступенчатыми». Следовательно, на камне из Шмуна мы имеем, по всей видимости, редчайшее плоскостное изображение Нефр-эт с большими круглыми серьгами.

Напротив, как сказано, Кэйе в большинстве случаев изображена с серьгами. Из числа обсужденных выше ее изображений она носит серьги на следующих: MDIAeAK IX: VII *b* = ARH: XIV 292–VI *A*, AeKZKE: XXVII + 17, ARHAC: 17 = ARH: CLXXII *PC* 17, ARHAC: 27 = ARH: CLXXVI *PC* 27, ARHAC: 31 = ARH: CLXXXIII *PC* 69, ARH: VII 413–VII *D*, IX 58–VIII *B*, XII 485–VII *A*, XVI 835–VIII *B*, XX = XXI 454–VII *C*, LIX 113–VIII *A*, CLXXX *PC* 68. Таким образом, серьги являются существенным отличием большинства изображений Кэйе от изображений Нефр-эт, почти всегда лишенных серег.

Еще более важным отличием побочной жены царя от царицы является отсутствие до определенного времени на изображениях Кэйе налобной царской змеи. Изображений Нефр-эт сохранилось великое множество, но я не могу назвать ни одного, где голова царицы уцелела б и на ней не было бы царского аспида. СА III: LIX 2 всего лишь набросок на куске известняка, и если здесь нет змеи на венце спереди, надо лбом, то сбоку их целых две и столько же их могло быть на настоящем таком венце с другой его стороны. Напротив, на изображениях Кэйе не только в усадьбе, но и почти на всех рассмотренных нами изображениях из Шмуна налобного аспида нет. Сомнительное исключение составляет камень 150–VIII *D* (ARH: XXXIV, ср. 127), несомненное — камень PC 27 (ARHAC: 27 = ARH: CLXXVI = SAK II: 83). На втором камне голова Кэйе со ступенчатой прической и серьгами была переделана, быть может, из сравнительно раннего — ввиду отвислого подбородка — изображения Нефр-эт с налобной змеей. Прделано это было настолько небрежно, что новый налобный аспид врезался в кисть солнечной руки. Одновременно нарастили руку Кэйе и вложили [64] в нее гремушку (сistr), которой царица и царевны, да и сама Кэйе (в частности, на усадебных изображениях СА I: XXXIV 1 = T3Г: 70 = ZZR: между 128 и 129), бряцали солнцу. Длинная лента, которую особа держала до того в руке, оказалась теперь уже не в ней. Что служила тут солнцу вместе с фараоном особа женского пола, а не какой-нибудь мужчина-соправитель, доказывает гремушка, которую «умиротворяли» солнце одни только женские представители царствующего дома.¹⁸ О том же свидетельствуют серьги, потому что ни на одном солнцепоклонническом изображении никто из мужских носителей налобного аспида, ни Амен-хотп IV, ни Семнех-ке-рэ, ни Тут-анх-йот, никогда не появляется с серьгами. Камень PC 27 важен для нас в двух отношениях. Во-первых, он доказывает, что, оставаясь побочной женой фараона, продолжая изображаться по-прежнему — со ступенчатыми накладными волосами, серьгами и гремушкой (все это было воспроизведено при переделке изображения!), — Кэйе получила наконец право на царскую налобную змею. Во-вторых, поскольку из всех памятников в усадьбе и в Шмуне камень PC 27 единственный или почти единственный свидетель ношения Кэйе на положении побочной жены Амен-хотпа IV царского аспида, такое состояние дел при дворе должно было быть весьма кратковременным.

¹⁷ J. D. Cooney. Amarna reliefs from Hermopolis. P. 12.

¹⁸ Ibid. P. 27.

В заключение скажем еще о местонахождении божницы Кэйе, откуда происходят те камни из Шмуна, на которых она была изображена и поименована. По надписям, сопровождавшим на них изображения царского лучистого солнца, оно почиталось как будто бы в двух сооружениях имени Кэйе, из которых одно было передано потом царевне Ми-йот, а другое — царевне Анхес-эм-п-йот.

Вот титуловые прозвания солнца из божницы, присвоенной царевне Ми-йот:

«[Йот ж]ивой великий, владыка празднества тридцатилетия, владыка окружаемого [всего солнцем], [владыка неба], владыка земли в доме дочери царевой Ми-йот в доме [ликования] Йот[а] в Ах-йот» (ARH: LIV 480–VII A).

«[Йот жив]ой (?) [великий, вл]адыка (?) празднества тридцатилетия, владыка окружаемого всего солн[цем, владыка неба, владыка земли в д]оме дочери царевой Ми-йот [в доме ликования] Йот[а] в Ах-йот» (ARH: CXCVIII PC 179).

К сожалению, то, что стояло в пробеле между словами «в доме» и «Йот[а]», ни в том, ни в другом случае не сохранилось, но легко восстанавливается по третьему титулу:

«[Йот жи]вой великий, владыка празднества тридцатилетия, владыка окружаемого всего [солнцем, владыка неба, владыка земли в доме дочери царевой, от утробы его], возлюбленной [65] его, [Ми]-йот [в] доме ликования [Йота в Ах-]йо[т]» (ARH: CXCVII PC 180).

Что в последнем титуле конец надо восстановить предложенным здесь образом, а не как «[Йота в доме Йота в Ах-]ой[т]», видно по положению солнечного луча-руки, который явно опускался косо на такое расстояние, что для слов «в доме Йота» не оставалось места. Что этих слов не было и в двух других титулах, доказывает величина пробела: для слов «в доме Йота» без предшествующего «в доме ликования Йота» пробел слишком велик, а для словосочетания «в доме ликования Йота в доме Йота» слишком мал. Конечно, концовка «в доме ликования Йота в доме Йота в Ах-йот» более обычна, чем сокращенная, без слов «в доме Йота», но и более краткая встречается на камнях из Шмуна помимо тех трех, о которых у нас сейчас идет речь. Подобная концовка читается полностью на камне PC 182 (ARH: CXCVII): «в доме ликования Йота в Ах-йот» — и с пропавшими первыми, словами на камне 204–III (ARH: CLXIX): «[в доме ликования] Йота в Ах-йот». Что в последнем случае спереди пропало не «в доме», а в «доме ликования», следует из того, что перед словом «Йот» стоят прилагательное принадлежности и определенный член мужского рода, которых в словосочетании «дом Йота» не бывает: «в доме Йота» было бы *м пр йтн*, «в доме ликования Йота» будет *м пр хъ^сй н п' йтн*.

Теперь о божнице, доставшейся царевне Анхес-эм-п-йот. Вот титуловые прозвания солнца оттуда:

«Йот живой великий, владыка празднества тридцатилетия, владыка окружаемого всего солнцем, владыка неба, владыка земли в сени Рэ дочери царевой от утробы его, возлюбленной его, Анхес-эм-п-йот в доме ликования Йота в доме Йота в Ах-йот» (MDAIK XIV: X 1 = ARH: LV 450–VII A).

«[Йот живой великий], владыка празднества тридцатилетия, владыка окружаемого всего солнцем, владыка [неба, владыка земли в] сени Рэ [дочери] царевой [от утробы его, возлюблен ной его], Анхес-эм-п-йот [в доме ликования] Йот[а в] - - - Й[от]» (ARH: XIX 207–VIII A + 234–VIII A).

«[Йот живой великий, владыка празднества тридцатилетия, владыка] окружаемого всего солнцем, [владыка неба, владыка земли в] сени [Рэ] дочери [царевой] от утробы [его, возлюбленной его, Анхес-эм-п-йот [в доме ликования] Йота в - - -» (ZaeSA LXXIV: 106 = ARH: CXLVIII 338–VI A).

«[Йот живой великий, владыка празднест]в [тридцатилетия], владыка окружаемого всего [солнцем владыка неба, владыка земли в сени Рэ дочери царевой от утробы его, возлюбленной его], Анхес-эм-п-[йот] в доме ликования [Йот]а - - -» (ARH: XLVII 443–VIII A).

Ср. странную ссылку на место почитания на камне PC 182: «Йот живой великий, владыка празднества тридцатилетия, владыка [66] окружаемого всего солнцем, владыка неба, владыка земли - - - (?) Анх[ес]-эм-п-йот (?) в доме ликования Йота в Ах-йот» (ARH: CXCVII + 144 + 153).

Поскольку на множестве камней из Шмуна титулами царевен Ми-йот и Анхес-эм-п-йот заменено было титуло Кэе, можно заранее подозревать подобную же замену и в названиях мест почитания солнца. Такое подозрение тем более оправданно, что эти названия значились в титулах солнца, начертанных подле его многорукого лучистого круга, а он входил в состав как раз таких изображений, на которых Кэе переименовывали в Ми-йот или Анхес-эм-п-йот. И состояние надписей подтверждает наши подозрения.

О названии божницы, присвоенной Ми-йот, сами издатели сообщают, что титуло царевны стоит в двух, а вероятно, и во всех трех случаях на месте чего-то изглаженного (ARH: 150, 176, 288), Снимки полностью подтверждают это заключение. Позднейшими вставками в название другой божницы выглядят и титула Анхес-эм-п-йот. На камне MDAIAK XIV: X 1 = ARH: LV 450–VII A бросаются в глаза странное начертание звания «дочь царева» и бессмысленная буква *m* перед именем царевны. На камне ARH: XIX 207–VIII A + 234–VIII A отвесная черта перед именем Анхес-эм-п-йот, отделявшая его от предыдущей отвесной же строки, была, видимо, заодно с прежним именем в значительной мере стерта и потом не восстановлена. На камне ARH: CXLVIII 338–VI A сквозь слово «йот», заключительную часть имени царевны, проступает плохо стертый округлый знак прежней надписи. На камне ARH: XLVII 443–VIII A перед именем царевны стоит ненужная черточка и первый знак его — знак жизни *ḥ* — странно заострен наверху, вероятно, вследствие использования остатка прежнего начертания.

У царевен Ми-йот и Анхес-эм-п-йот оказалось у каждой по божнице, доставшейся им от Кэе. Однако из этого не следует, что их было две и у самой Кэе, в одном и том же «доме ликования Йота». На камне PC 179 (ARH: CXCVII) в названии божницы «дом дочери царевой Ми-йот» первое слово — «дом» — представляет такую же позднейшую вставку, как и звание и имя царевны (ср. ARH: 150, 176). Ничто не мешает считать слово «дом» вставленным позднее и на камне 480–VII A (ARH: LIV). Таким образом, божница и на этих двух камнях могла первоначально называться не «домом», а «сенью Рэ», как она называется на камнях из божницы Анхес-эм-п-йот и как вообще прозывались подобные сооружения имени женских представительниц царского дома (Нефр-эт — EA V: XXX, строка 15 = XXXVIII = TTA: 113-114, EA V: XXXII, строка 17; Ми-йот — TRSLUK I: II = PSBA XV: 209-211 = TTA: 159 CLXXIII = HTES VIII: 28 = XXIV; Тэе — EA III: VIII = IX + XI). Да и правдоподобно ли, чтоб у Кэе были две божницы ее имени в одном и том же «доме ликования Йота»? Не вероятнее ли, [67] что у нее была там одна божница и та впоследствии была поделена между двумя сестрами — Ми-йот и Анхес-эм-п-йот? Согласно восстановлению, произведенным издателями свода камней из Шмуна, эти последние происходили не из одного, а из нескольких помещений солнцепоклоннического назначения.¹⁹ Если же божница была из нескольких помещений, то она могла быть поделена между царевнами.

Но тогда как объяснить наименование божницы у Ми-йот «домом», а у Анхес-эм-п-йот «сенью Рэ»? Почему божница Ми-йот не названа, по общепринятому обыкновению, «сенью Рэ», как смежная божница сестры, а странным образом обозначена как «дом» царевны? Это тем более странно, что в южной усадьбе божница Кэе, перейдя к Ми-йот, осталась «сенью Рэ» (CA I: XXXIV 1; = LVI 273 *obv.* = T3Г: 70 = ZZR: между 128 и 129, CA I: XXXIV 2 = LVI 273 *rev.*, ср. LVI 271 B). Ответить на это можно, к сожалению, лишь сугубо предположительно. У царевны Ми-йот еще при ранних солнечных кольцах в дни VI солнечного титула (см. § 39) была своя божница в том же самом «доме ликования Йота», где впоследствии при поздних солнечных кольцах появилась божница Кэе. Эта ранняя божница Ми-йот упомянута в конце титуловых прозваний солнца на подножии изваяния, должно быть, царевны и из данной божницы: «сень Рэ дочери царевой от утробы его, возлюбленной его, Ми-йот, рожденной женою царевой великой, возлюбленной его, владычицей обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она, здорова она вечно вековечно! — в доме ликования Йота в доме йота в Ах-йот» (TRSLUK I: II = PSBA XV: 209-211 = TTA: 159 CLXXIII = HTES VIII: 28 = XXIV). Так не из-за того ли, что у Ми-йот уже

¹⁹ G. Roeder. Amarna-Reliefs aus Hermopolis. Hrsg. von R. Hanke, *passim*.

была «сень Рэ» в «доме ликования Йота», доставшуюся царевне часть божницы Кэ́йе и называли «домом», а не «сенью Рэ»? Правда, на это можно возразить: зачем было Ми-йот отбирать еще часть божницы Кэ́йе у своей младшей сестры, у которой своей «сени Рэ» до того как будто бы не было, если у Ми-йот в этом месте издавна была своя божница? Однако, кроме подножия изваяния, никаких памятников из «сени Рэ» Ми-йот в «доме ликования» неизвестно. Надпись на подножии относится к последним годам ранних солнечных колец, ко времени VI солнечного титула, так что сама божница могла быть даже несколько древнее. Но и ко времени переделки солнечных колец из ранних в поздние старшей дочери фараона вряд ли было больше семи лет, и не приходилось бы удивляться, если б божница ребенка была много беднее божницы царской возлюбленной, можно сказать, второй царицы. Божница Кэ́йе состояла из ряда помещений, и до нас дошли оттуда, в отличие от «сени Рэ» Ми-йот в том же месте, едва ли не сотни камней [68] из числа тех, из которых были сложены стены, с остатками резных изображений и надписей. Ну, а в таком случае почему бы было Ми-йот не получить хотя бы часть роскошной божницы?

Определить точно, в каком месте солнцепоклоннической столицы находилась божница Кэ́йе в «доме ликования Йота», пока что невозможно, так как не определено само местоположение этого «дома ликования». Бесспорно только, что он был расположен в срединной части города, там, где находились большой храм солнца и большой дворец. «Дом ликования Йота» особенно часто упоминается надписями, найденными во дворце, но встречаются упоминания «дома ликования Йота» и в надписях из храма. Поэтому Х. В. Фэрмэн склонен допустить, что было два таких одноименных здания: одно — тождественное с дворцом, другое — часть храма²⁰. Х. В. Фэрмэн готов даже предположить, что эти два здания имел в виду Амен-хотп IV, когда клялся создать в новой столице два одноименных сооружения такого рода²¹: «Сотворю я дом ликования Йоту, моему отцу, на острове Йота, выделяющегося (в смысле) празднеств тридцатилетия, в Ах-йот, в этом месте. Сотворю (разночтение (!): сотворил) я дом ликования [Йота] Йоту, моему отцу, на острове Йота, выделяющегося (в смысле) празднеств тридцатилетия, в Ах-йот, в этом месте» (пограничные плиты Ах-йот К, строки 15-16: EA V: XXX = XXXVIII = TTA: 114 и X, строка 18: EA V: XXXII, JEA XXI: 136 = CA III: 190; отрывок восстановлен по обеим плитам). Однако подтвердить тождество «домов ликования», известных из храмовых и дворцовых надписей, с обещанными в пограничных надписях не так-то просто. Во-первых, дворцовое и храмовое сооружения назывались одинаково «дом ликования Йота», тогда как из обещанных построек только вторая, да и то предположительно, прозывалась бы таким образом. Догадка же, что под «островом Йота, выделяющегося (в смысле) празднеств тридцатилетия», следует разумеать срединную часть Ах-йот, где были расположены главный храм и большой дворец, пока что не слишком убедительна, и не только потому, что подобное употребление слова «остров» кажется несколько неожиданным. В царской клятве перечислен ряд зданий, которые должны были быть воздвигнуты и действительно были воздвигнуты в срединной части новой столицы. но ни об одном из них фараон не сообщает, что оно будет создано на «острове Йота, выделяющегося (в смысле) празднеств тридцатилетия», не сказано этого ни о главном храме, «доме Йота» (плита К, строка 14; плита X, строка 17), ни о [69] дворцовом храме, «дворе Йота» (плита К, строка 15, плита X, строка 17), ни о «домах» (*prîm*) фараона и царицы (плита К, строки 16-17, плита X, строка 19). Все эти сооружения должны были быть построены просто-напросто «в Ах-йот, в этом месте». Только в случае обоих «домов ликования» царь не поленился дважды добавить длинную ссылку на «остров». И если один из «домов ликования Йота» действительно находился в главном храме, то почему он как часть его не назван вслед за ним и почему он один из всех подразделений храма удостоился упоминания? В отношении «дома ликования Йота» слишком многое неясно, чтобы по нему можно было уточнить местонахождение божницы Кэ́йе. И все-таки благодаря указанию, что

²⁰ H. W. Fairman. Topographical notes on the central city, Tell El-Amarnah // JEA. Vol. 21, 1935. P. 137, 138; H. W. Fairman // J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. P. 195-197.

²¹ H. W. Fairman // J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P 3. Vol. 1. Text. P. 196.

эта божница помещалась «в доме ликования Йота в доме Йота в Ах-йот», мы можем с уверенностью утверждать, что Кэйе получила божницу в самом средоточии храмовой и государственной жизни столицы, где были главный храм солнца и царский дворец, или, выражаясь на солнцепоклоннический лад, был расположен «дом Йота», включавший в себя не только главный храм, но и значительную часть дворцовых сооружений.²²

У божницы Кэйе в «доме ликования Йота» есть нечто общее в смысле отделки с другою божницею ее имени — ее «сенью Рэ» в южной усадьбе. Дело, конечно, не в изображениях царского служения солнцу, которые были неизбежны и на том и на другом сооружении в силу самого их назначения. Как было уже сказано во второй главе, стены усадебного сооружения были украшены в изобилии изображениями из жизни природы. Немало остатков подобных изображений сохранилось и на камнях из Шмуна (например, ARH: XCIX, CI-CV, CLXXV, CLXXVII), и трудно допустить, чтобы все такие камни были обязательно из иных солнцепоклоннических построек, нежели божница Кэйе. На двух камнях из Шмуна, 477–VII = 113–VIII A (ARH: LIX) и PC 31 (ARHAC: 87 = ARH: CLXXV), мы видим даже особу, возможно Кэйе, — всего вероятней на втором камне, — затягивающую птичью ловушку то среди цветов, то посреди болотных зарослей. Заметим, что стенопись с изображением густых зарослей и множества птиц имела и в северном дворце (JEA XIII: LIV), а в тамошнем зверинце на кормушках были изображены сами животные (JEA X: XXX). [70]

²² См. упомянутые в примеч. 20 две работы Х. В. Фэрмэна на указанных страницах.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЧЬИМ БЫЛ ЗОЛОТОЙ ГРОБ ИЗ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ГРОБНИЦЫ ТЭЙЕ?

В 1907 г. в небольшом тайнике в ущелье царских гробниц в Нэ в окружении предметов, предназначавшихся первоначально для погребений двух или более членов царского дома, был найден загадочный гроб с не менее загадочными остатками трупа. Хотя надписи на гробе и на заупокойных кирпичах называли лишь титул Амен-хотпа IV, лежавший в гробу костяк был сочтен за останки царицы Тэйе,¹ чья надгробная сень и различные вещи были действительно найдены в тайнике. Мысль об обретении праха Тэйе пришлось скоро оставить, так как мертвец оказался не женщиной, а молодым мужчиной.² Г. Масперо готов был отождествить его с зятем и первым преемником Амен-хотпа IV — Семнех-ке-рэ,³ но, в согласии с надписями на гробе, умерший был большинством ученых признан за самого Амен-хотпа IV. Припомнили даже, что при вскрытии гроба на трупе видели золотые ленты с обозначениями, свойственными этому царю.⁴ Правда, врачебное исследование установило, что неизвестный, оказывавшийся Эх-не-йотом, умер в возрасте 25–26 лет или самое большее на несколько лет позже.⁵ Иными словами, царствовавший не менее 16 с лишним лет Амен-хотп IV должен был стать преобразователем еще в мальчишеском возрасте. В оправдание подобного допущения были приведены примеры из всеобщей истории.⁶

В 1916 г. Ж. Даресси изложил печатно⁷ сделанное им любопытное наблюдение, что в ряде мест надписи на гробе подверглись [71] изменениям. Листовое золото, на котором помещались письма, было местами вырезано, а взамен изъятого наклеено новое, однако обычно более тонкое со знаками, выполненными менее тщательно; там, где знаки были вырезаны в самом дереве, они были удалены, впадины заполнены известью и в ней вырезаны новые письма. В одном случае по недосмотру был сохранен первоначальный знак женщины для местоимения 1-го лица единственного числа, тогда как в остальных случаях там, где это местоимение уцелело, стоял на позднее наклеенных листочках знак мужского египетского божества с длинными волосами и загнутой бородою. Ж. Даресси совершенно основательно заключил отсюда, что гроб первоначально предназначался для женщины и лишь впоследствии был переделан в мужской. Во всех надписях на гробе самые значительные изменения были произведены до и после первого кольца царя и сопутствовавших обозначений. Предположив, что гроб первоначально предназначался для Тэйе, Ж. Даресси восстанавливал перед нетронутыми, кольцом и наименованиями фараона обозначение царицы-матери, а позади них — ее имя (царица-мать такого-то царя такая-то). Когда же гроб был переделан для Амен-хотпа IV, начальные обозначения царицы-матери должны были уступить место обозначениям фараона, а стоявшее в конце имя Тэйе — второму кольцу или иному какому обозначению ее сына. Одновременно Ж. Даресси дал простое объяснение золотым лентам, виденным на трупе при вскрытии гроба: надписи на листовом золоте, отклеившись от внутренней поверхности гроба, оказались лежащими на погребенном в нем трупе.⁸ Наблюдения Ж. Даресси не были оценены по достоинству, и гроб из ущелья царских гробниц продолжал слыхать исконным гробом Амен-хотпа IV.

¹ *Th. M. Davis. The finding of the tomb of queen Tîyi // Th. M. Davis a. o. The tomb of queen Tîyi. L., 1910. P. 3.*

² *G. E. Smith. A note on the estimate of the age attained by the person whose skeleton was found in the tomb // Ibid. P. XXIII-XXIV.*

³ *G. Maspero. Causeries d'Égypte. P., [1907]. P. 349.* Мнение Г. Масперо напомнил мне М. М. Потапов.

⁴ *A. E. P. Weigall. The life and times of Akhnaton pharaoh of Egypt. 2 impression. Edinburgh-London, 1911. P. 261-262; A. E. P. Weigall. The mummy of Akhenaton // JEA. Vol. 8, 1922. P. 196-197.*

⁵ *G. E. Smith. The royal mummies. Le Caire, 1912. P. 51-56.*

⁶ *G. Möller. Echnaton // ZAeSA. Bd 56, 1920. S. 100-101.*

⁷ *G. Daressy. Le cercueil de Khu-n-Aten // BIFAO. T. 12, 1916. P. 145-159.*

⁸ *Ibid. P. 149.*

В 1921 г. К. Зэте издал статью, опровергавшую тождество найденного в тайнике мертвеца с Амен-хотпом IV.⁹ Доводы К. Зэте допускали возражение, тем не менее они вызвали пересмотр врачебного заключения о возрасте умершего. В 1924 г. Дж. Э. Смит и В. Р. Доусон, пусть с колебаниями, но высказали предположение, что загадочные останки могли принадлежать мужчине значительно более старшему, чем думали первоначально. Странное телосложение Амен-хотпа IV, засвидетельствованное памятниками, могло быть вызвано редким недугом; другим последствием болезни могла быть задержка в сращении костей, так что состояние костяка, наблюдающееся обычно в 25-летнем возрасте, могло удержаться у царя даже лет на десять дольше.¹⁰ Однако в дальнейшем находка некоторых [72] недостававших лицевых костей и повторный пересмотр вопроса как будто окончательно устранили мысль о поражении черепа водянкой и возможном влиянии ее на сращение костей. Изучение останков привело Д. Э. Дэрри в 1931 г. к выводу, что костяк принадлежал молодому человеку, скончавшемуся, по всей вероятности, в возрасте не старше 24 или даже 23 лет. Еще раньше сличение черепа мертвеца с черепом Тут-анх-амуна обнаружило большое сходство в размерах, и это тем примечательнее, что предполагаемый череп Амен-хотпа IV отличается необычайным строением и шириной.¹¹ Тождество 24-летнего юноши с Амен-хотпом IV, приступившим к нововведениям уже в начале своего более чем 16-летнего царствования, исключалось, зато принадлежность останков члену царского дома представлялась несомненной. Сходство с Тут-анх-амуном и погребение в ущелье царских гробниц в царском гробу делали весьма правдоподобным мнение Р. Энгельбаха, что загадочный мертвец не кто иной, как преемник Амен-хотпа IV — Семнех-ке-рэ. Однако отсюда еще не следовало, что гроб был переделан в фараоновский для Семнех-ке-рэ.

В 1931 г. Р. Энгельбах издал исследование,¹² подтверждавшее наблюдение Ж. Даресси о переделке надписей на гробе, но толкование, данное Р. Энгельбахом этим изменениям, отличалось от предложенного предшественником. Предположение Ж. Даресси о первоначальной принадлежности гроба царице Тэе Р. Энгельбах отклонил, в частности потому, что кольцо царицы, будь, ею Тэе или Нефр-эт, пришлось бы на крышке гроба на резкий перегиб ее поверхности и оказалось бы переломленным пополам. Предложенное Р. Энгельбахом восстановление первоначального состава надписей исходило из допущения, что гроб изготовили для Семнех-ке-рэ, когда тот был еще частным лицом, но впоследствии переделали в фараоновский в связи с переменою в положении владельца. По Р. Энгельбаху, выражения с измененными началом и концом и с кольцом, и другими обозначениями царя посередине были сперва составлены по образцу «любимец такого-то царя такой-то», а затем из обозначения вельможи переделаны в обозначение фараона; «любимец» заменено царскими обозначениями, первое кольцо Амен-хотпа IV — соответствующим кольцом его преемника, а прежнее имя последнего — его же именем в царском кольце (такой-то и такой-то царь Семнех-ке-рэ). Исключение составляла бы одна надпись, где имя вельможи было бы заменено [73] хвалебным царским обозначением. По мнению Р. Энгельбаха, первоначально местоимение 1-го лица единственного числа было передано на гробе обыкновенным знаком сидящего мужчины, который затем для царя Семнех-ке-рэ был заменен знаком человекообразного египетского бога. Такому толкованию противоречит, однако, то обстоятельство, что в единственном месте, где местоимение 1-го лица не было удалено и сохранился первоначальный знак, — это знак не мужчины, а женщины. Р. Энгельбах объяснил подобное несовпадение ошибкою первоначального писца или резчика, поставившего по недосмотру женский знак вместо мужского, но такое объяснение не всех удовлетворило.

⁹ K. Sethe. Beiträge zur Geschichte Amenophis' IV. II. Das Lebensalter des Königs // Nachrichten von der k. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Kl., Jg. 1921. B., 1921. S. 122-130.

¹⁰ G. E. Smith, W. R. Dawson. Egyptian mummies. L., 1924. P. 96.

¹¹ D. E. Derry. Note on the skeleton hitherto believed to be that of king Akhenaten // ASAE. T. 31, 1931. P. 115-119; касательно водянки и сходства с Тут-анх-амуном см. также: D. E. Derry. Report upon the examination of Tut-anekh-amen's mummy // H. Carter. The tomb of Tut-anekh-amen. Vol. 2. L., 1927, Appendix I. P. 153-154.

¹² R. Engelbach. The so-called coffin of Akhenaten // ASAE. T. 31, 1931. P. 98-114, pl. 1-3.

Еще в 1933 г. Х. Картер глухо ссылался на мнение Э. Х. Гардинера, что надписи на гробе «относятся к женщине, а не к мужчине».¹³ В 1940 г. сам Р. Энгельбах признал, что гроб первоначально предназначался для женщины, не бывшей царицей.¹⁴ В 1955 г. за принадлежность гроба первоначально женщине высказалась К. Сил, полагая, что ею могла быть вторая дочь Амен-хотпа IV — Мек-йот.¹⁵ Переделанным для Семнех-ке-рэ из женского считал гроб в 1957 г. и С. Олдред, хотя склонен был приписать его старшей царевне — Ми-йот.¹⁶ В том же, 1957 г. загадочному гробу посвятил особую статью с весьма ценным переводом наиболее значительной на нем надписи (надписи F) Э. Х. Гардинер.¹⁷ Он указал, что при XVIII царском доме был обычай начертывать на подошвах человекообразных царских гробов речь Эсе к покойному как ее «брату», т. е. супругу, тождественному с Усире. При Амен-хотпе IV, по мнению Э. Х. Гардинера, заступить здесь отверженную Эсе могла с успехом царица, как и Эсе, «сестра», т. е. супруга, умершего. И это представлялось тем более правдоподобным, что по углам каменных царских гробов в Ах-йот вместо прежних богинь-хранительниц бывала изображена царица. Истребление впоследствии в речи на подошвах гроба имени говорившей и женских местоимений служило Э. Х. Гардинеру подтверждением принадлежности этой речи царице Нефр-эт, так как ему неизвестно было никакой другой женщины из царской семьи, чье имя подвергалось бы такому преследованию. При этом он ссылался на переделки в надписях усадьбы солнца на [74] юге Ах-йот, где имя Ми-йот, по общепринятому мнению, заменило имя матери. Но если первоначально к умершему как к своему супругу обращалась на правах заместительницы Эсе царица, оставалось только заключить, что гроб искони принадлежал Амен-хотпу IV. На этом основании Э. Х. Гардинер отказывался допустить мысль, что в прочих переделанных надписях на гробе мог быть когда-либо назван иной его владелец, чем Амен-хотп IV, хотя чистосердечно признавался, что не может объяснить переделки в этих надписях. Очень существенным было указание на то, что люди, ответственные за таинственное погребение, были уверены, что погребают Амен-хотпа IV: по погребальному помещению были расставлены, как полагалось, охранные волшебные «кирпичи» на имя этого фараона.¹⁸ Выводы А. Х. Гардинера набрасывали тень сомнения на точность врачебного заключения 1931 г. о возрасте погребенного.

В 1958 г. о загадочном гробе высказывался Г. Редер. По его мнению, гроб с самого начала предназначался для царя Семнех-ке-рэ, переделки же сводятся к исправлению погрешности мастера, начертавшего повсюду ошибочно знак женщины для местоимения 1-го лица единственного числа, да ко включению солнца в молитву на подошвах гроба, обращенную первоначально к одному Амен-хотпу IV.¹⁹

Под влиянием доводов С. Олдреда Э. Х. Гардинер к 1959 г.²⁰ изменил свое мнение и полагал уже, что гроб первоначально предназначался для царевны и только затем был переделан для Амен-хотпа IV, а надпись да подошвах гроба лишь косвенно отразила обращение к покойному от имени Эсе, принятое на многобожеских гробах. Однако свое убеждение в том, что совершавшие погребение считали покойника Амен-хотпом IV, Э. Х. Гардинер подтвердил с новою силою. Сам С. Олдред напечатал в 1961 г. статью,²¹ где, перебрав ряд возможных обладательниц из числа членов царского дома, остановился опять-

¹³ H. Carter. The tomb of Tut-ankh-amen discovered by the late earl of Carnarvon and Howard Carter. Vol. 3. London-Toronto-Melbourne-Sydney, 1933. P. 10.

¹⁴ R. Engelbach. Material for a revision of the history of the heresy period of the XVIIIth dynasty // ASAE. T. 40, 1940. P. 151-152.

¹⁵ K. Seele. King Ay and the close of the Amarna Age // JNES. Vol. 14, 1955. P. 173, n. 40.

¹⁶ C. Aldred. Hair styles and history // MMAB. Vol. 15, 1957. P. 141-147.

¹⁷ A. Gardiner. The so-called tomb of queen Tiye // JEA. Vol. 43, 1957. P. 10-25, pl. 3.

¹⁸ Ibid. P. 23.

¹⁹ G. Roeder. Thronfolger und König Smench-ka-Rê (Dynastie XVIII) // ZAeSA. Bd 83, 1958. S. 67.

²⁰ A. Gardiner. [Рец. на:] Tombs, temples and ancient art. By Joseph Lindon Smith. Edited by Corinna Lindon Smith. University of Oklahoma press: Norman, 1958 // JEA. Vol. 45, 1959. P. 107-108.

²¹ C. Aldred. The tomb of Akhenaten at Thebes // JEA. Vol. 47, 1961. P. 41-65. Впоследствии С. Олдред и А. Т. Сэндисон приняли выводы Р. Дж. Харрисона (о них см. ниже) — C. Aldred. Akhenaten, pharaoh of Egypt — a new study. L., 1972. P. 113.

таки на царевне Ми-йот как первоначальной хозяйке гроба. Вместе с тем С. Олдред отстаивал мнение, что труп, лежавший в гробе, переделанном для Амен-хотпа IV, мог быть действительно его. В подтверждение прилагалось врачебное заключение А. Т. Сэндисона, допускавшего, что в случае поражения [75] определенными болезнями покойник мог быть человеком средних лет.

В том же, 1961 г. появилась статья Х. В. Фэрмэна,²² в которой были впервые изданы надписи с двух сосудов, принадлежавших некой неизвестной жене Амен-хотпа IV — Кэе; в переводе одна из этих надписей была сообщена еще в 1959 г. В. С. Хэйсом.²³ Средние части титула этой особы совпадали со средними — непеределанными — частями титула на гробе, и Х. В. Фэрмэн полагал, что Кэе должна быть включена в список «кандидатов» в первоначальные обладатели загадочного гроба. В ходе последующих рассуждений этот список свелся у Х. В. Фэрмэна к Кэе и Ми-йот как «двум наиболее вероятным кандидатам». Однако, «хотя Киа, очевидно, имеет очень прочные права на предпочтение, поскольку она — единственная пока особа, которая связана с точно такими текстами, как находящиеся на гробе», Х. В. Фэрмэн объявил себя «сомневающимся и скептическим относительно ее прав». Поводом к тому служит усматриваемая им несоразмерность переделанных начала и конца титула на гробе и начала и конца титула Кэе, из которых последние предположительно должны были бы точно прийтись на первые. Поэтому, заключал Х. В. Фэрмэн, «серьезное внимание должно быть уделено правам» Ми-йот. Она — «единственная амарнская принцесса, от которой дошли надписи, без каких-либо больших трудностей укладывающиеся» в титуло, стоявшее на гробе. При раскопках южной усадьбы в Ах-йот был обнаружен ряд камней, на которых, по общепризнанному мнению, имя и звание Ми-йот были вписаны поверх изглаженных имени и званий царицы Нефр-эт. Средние части переделанного титула в надписях усадьбы и на гробе на треть или даже наполовину совпадают, однако продолжения средних частей представлялись Х. В. Фэрмэну тут и там неодинаковой длины, если — оговаривал он — точно показаны размеры пробелов Б. Ганном в его восстановлениях усадебных надписей. Х. В. Фэрмэн находил очевидным, что слова «дочь царева, возлюбленная», которые бывают вставлены в начале титула в усадьбе, точно укладываются повсеместно в начальные части титула на гробе, тогда как в конечные части могут вписаться звание и имя «дочь царева Ми-йот», встречающиеся во вставках в конце титула в усадьбе. Заключение Э. Х. Гардинера, что расстановкою в тайнике волшебных кирпичей на имя Амен-хотпа IV совершавшие погребение выказали уверенность в тождестве погребяемого с царем-солнцеклонником, Х. В. Фэрмэн пытался ослабить. Он сомневался в употребительности [76] волшебных кирпичей в конце царствования Амен-хотпа IV и особенно в возможности назвать тогда на них покойного царя «Усире», а также ссылался на нечеткость царского имени на одном из двух кирпичей, его сохранивших. Х. В. Фэрмэну представлялось, что покойник не может быть никем иным, как Семнех-ке-рэ. Подтверждение своему мнению, что гроб был переделан для этого фараона, Х. В. Фэрмэн усматривал в выражении «Будешь ты, как Рэ», общем одному из переделанных мест на гробе и одной из надписей внутри гробовидного ковчежца для внутренностей Семнех-ке-рэ.

В 1966 г. были обнародованы итоги долгожданного всестороннего врачебного обследования останков из золотого гроба. Обследование осуществил на уровне современных возможностей и знаний профессор анатомии Ливерпульского университета Р. Дж. Харрисон.²⁴ Он не только подтвердил заключение Д. Э. Дэрри, но пошел еще дальше в смысле снижения возраста мертвеца. По Р. Дж. Харрисону, он был несомненно моложе 25 лет и даже имеются все основания полагать, что он умер на 20-м году жизни. Признаков болезни, которая задержала бы возмужание, на костях не оказалось. Вопреки прежним утверждениям,

²² H. W. Fairman. Once again the so-called coffin of Akhenaten // JEA. Vol. 47, 1961. P. 25-40, pl. 6.

²³ W. S. Hayes. The scepter of Egypt. A background for the study of the Egyptian antiquities in the Metropolitan Museum of Art. P. 2. Cambridge, Mass, 1959. P. 294.

²⁴ R. G. Harrison. An anatomical examination of the pharaonic remains purported to be Akhenaten // JEA. Vol. 52, 1966. P. 95-119, pl. 20-30.

покойный юноша ни лицом, ни телосложением не походил на Амен-хотпа IV, каким его изображают памятники, хотя сильно напоминал Тут-анх-амуна. По способу исключения Р. Дж. Харрисон естественно пришел к выводу, что останки принадлежат Семнех-ке-рэ.

Надписи на гробе были впервые изданы Ж. Даресси в 1910 г.²⁵ и затем переизданы им же в более полном виде в 1916 г.²⁶ К сожалению, оба издания ограничивались воспроизведением надписей печатными знаками. Снимок гроба, приложенный к первому изданию, не может идти в счет, так как столбец иероглифов на гробовой крышке, единственно видный на снимке, вышел более чем неразборчиво; несколько лучше видна надпись на снимке налобной змеи, но и здесь более или менее четко вышло только второе солнечное кольцо. В издании 1916 г. места, опознанные издателем как позднейшие вставки, были подчеркнуты, но суждение о переделках было в высокой степени затруднено отсутствием более точного воспроизведения надписей. Его отсутствие было тем ощутимее, что второе издание содержало отклонения от первого, не оговоренные издателем. В третий раз надписи были изданы в 1931 г. Р. Энгельбахом.²⁷ Новое издание включало в себя подробное воспроизведение [77] от руки молитвы на подошвах гроба, выполненное по снимку Ахмадом Йусифом, и сравнительно четкий снимок крышки гроба с надписью на ней, воспроизведенной также печатными знаками. Только печатными знаками были изданы остальные четыре надписи; солнечные кольца на налобной змее не были включены в издание. Снимок крышки гроба сбоку имеется НР: 62, цветной снимок части ее — АРнЕ: XIV.

По обыкновению того времени гробу придано обличье спеленатого трупа. Надписи на гробе расположены так: стоячая строка А — снаружи посередине крышки от живота до подошв, лежащая строка В — снаружи по левому краю ящика, лежащая строка С — снаружи по правому краю ящика, стоячая строка D — внутри посередине крышки, стоячая строка Е — внутри посередине дна ящика, 12-строчная надпись F — снаружи на подошвах, стоячая строка G — на груди налобной змеи.

Знаки в надписях А, С, F, G смотрят вправо, в надписях В, D, Е — влево. Знаки А, В и С с многоцветными вставками, на полосе листового золота. Знаки D и Е вырезаны в дереве и затем выдавлены на положенном поверху золотом листе путем нажима на него. Надпись F прочерчена острием на листовом золоте. Солнечные кольца G помещаются на медной змее и позолочены.

Золотые листочки кое-где отклеились и отвалились, так что местоположение некоторых обрывков в строках не вполне бесспорно. Однако перепутаны могли быть лишь обрывки из D и Е, одинаково расположенных, направленных и исполненных;²⁸ для остальных надписей подобная путаница совершенно исключена.

Надписи А, В, С, D, Е даны ниже, в основном по изданию Р. Энгельбаха, с учетом изданий Ж. Даресси. В случае А помимо воспроизведений печатными знаками мог быть использован снимок Р. Энгельбаха. Надпись F дана по воспроизведению ее от руки по снимку Ахмадом Йусифом. Переделанные места отмечены двойной чертой, проведенной в стоячих строках сбоку, в лежащих строках — снизу. Где двойная черта заменена единичной, имеется расхождение издателей в определении исконности данного места; единичная черта снабжена буквою Д (Даресси) или Э (Энгельбах) в зависимости от того, кто из двух ученых считал спорное место переделанным. Надпись G на налобной змее приведена отчасти по печатному воспроизведению, отчасти по снимку.

Сличение разночтений показывает, что большинство вставок отсутствует в издании 1910 г., тогда как в издании 1916 г. все вставки уже имеются. Следовательно, большинство золотых [78] листочков, наклеенных при переделке надписей, отклеилось и отвалилось и

²⁵ G. Daressy. Catalogue of the objects found in the tomb of queen Tiye // *Th. M. Davis a. o. The tomb of queen Tiye*. P. 18-19, pl. 2, 30.

²⁶ G. Daressy. Le cercueil de Khu-n-Aten. P. 148-155.

²⁷ R. Engelbach. The so-called coffin of Akhenaten. P. 100-101, 104, pl. 1-2.

²⁸ Ср. мнение Р. Энгельбаха о возможной принадлежности конца надписи D надписи E (R. Engelbach. The so-called coffin of Akhenaten. P. 101).

было водворено на свои теперешние места в промежуток времени между первым обследованием гроба вскоре после его открытия в 1907 г. и вторым изданием Ж. Даресси в 1916 г. Это лишний раз подтверждает позднейшее происхождение наклеек, но одновременно заставляет пожалеть, что издатели не обосновали в своих трудах произведенного или принятого ими размещения отвалившихся частей. Неизвестно также, в какой мере надежно расположены в издании 1910 г. некоторые оказавшиеся измененными отрывки и не было ли кое-что из отвалившегося прикреплено к гробу более или менее наугад по его вскрытию? Об исконных, непривнесенных знаках в конце надписи D, стоящих на теперешнем месте уже в издании 1910 г., Р. Энгельбах высказывает мнение, что в действительности они, возможно, принадлежат надписи E.

ПЕРЕВОД НАДПИСЕЙ

А	В	С	Д	Е
Властитель добрый, знамение Рэ,	Властитель добрый, - - - - - -	Властитель добрый, воссиявший в белом венце,	Властитель любимая (!) большой,	Властитель добрый, большой, любимец.
царь (и) государь, живущий правдою, владыка обеих земель, [(такой-то царь)], отрок добрый				
Йота живого, который будет тут жив ^а (D, E) вековечно вечно,				
правый	- - -	сын	владыка	сын
на небе (и)	- - -	Рэ,	неба,	Рэ,
на земле	- - -	живущий	есмы я,	живущий
	- - -	правдою,	жить ^б	правдою,
	- - -	владыка	Д сердце его Э	владыка
	[(такой-то Э	венцов	на месте Э	- - -
	царь)],	Д [(такой-то	своем	- - -
	большой	царь)],		
		большой Э	видишь	- - -
		Д ты		
	по веку	по веку	- - -	- - -
	своему	своему		
			Ва-н-рэ (?) ^в	- - -
				повседневно
				непрестанно

^а Д и Е вставляют тут *дй* «тут», А, В, С опускают; это слово в подобных выражениях употреблялось с сильно ослабленным значением и потому могло быть без ущерба опущено.

[79]

^б Нет ожидаемого окончания 1-го лица ед. числа *квй*. Надпись явно не в порядке.

^в Последние два знака этой надписи, очевидно, выполнены или сохранились довольно плохо, если Ж. Даресси читал их в 1910 г. иначе, чем в 1916 г. Чтение Р. Энгельбаха, вероятно, передает не столько сами начертания, сколько предполагаемый их смысл, пользуясь знаками более привычными для *мр* и *н* в печати. Чтение «возлюбленный Ва-н-рэ» сомнительно уже потому, что требует перестановки знаков; ссылка на то, как написано наименование царя Семнех-ке-рэ «Ми-ва-н-рэ» («возлюбленный Ва-н-рэ») ТЕА: XV 95, 96 (ChE XLVIII: 244 F, так же CSBGF: 34 = X 272, CESBM 1: 278 2692, JNES X: против 234 R 19), вряд ли чем помогает, так как *мр* стоит там в начале выражения, где оно действительно читалось, и только знак солнца поставлен впереди *мр* из почтения и соображений чистописания.

TQT: 19	BIFAO	ASAE	TEA: XV
	XII: 149	XXXI: 100	95, 96
p^c	p^c	p^c	p^c
ϵ^c	ϵ^c	ϵ^c	mp
c'	mp	mp	ϵ^c
	n	n	n

F

1. Сказывание слов [(таким-то царем)], правым голосом:
2. Буду обонять^a д ыхание сладостное, выходящее из уст твоих.
я
3. Буду видеть я [кра]соту твою постоянно (— таково?) [м]ое желание.
4. Буду слышать [я]^b голос твой сладостный северного ветра.
5. Будет молодеть плоть (моя)^b в жизни от любви твоей.
6. Будешь давать ты мне руки твои с питанием твоим, буду принимать я его, буду жить я.
7. им. Будешь взывать ты во имя мое вековечно, не (надо) будет искать его
8. в устах твоих, (м)ой отец Ра-Хар-Ахт! [(Такой-то царь)], будешь ты, как Рэ,
9. вековечно вечно, живым, как Йот - - -
10. царь (и) государь, живущий правдою, владыка обеих земель [(такой-то царь)], отрок
11. добрый Йота живого, который будет тут
12. жив вековечно, вечно, сын Рэ [(такой-то царь)], пра[вый] голо[сом].

^a Сперва, по-видимому, глагол «обонять» был написан в неопределенном наклонении с женским окончанием *т*: «Обонять... (и) видеть... — мое желание»? Местоимение 1-го лица было прибавлено впоследствии и потому втиснуто под знак паруса (ср. Ж. Даресси, на с. 152 статьи 1916 г.).

^b «Я» только в TQT, в последующих изданиях отсутствует. [80] Значит ли это, что листик отклеился после открытия гроба и был помещен затем не на свое место или же что он был найден отвалившимся и неправильно наклеен в 1907–1910 гг.?

^b Согласно Р. Энгельбаху, здесь по ошибке было написано «твое», но затем уничтожено, хотя за отсутствием места местоимение 1-го лица уже нельзя было проставить (см. с. 104 статьи Р. Энгельбаха).

G

Поздние солнечные кольца.

Вывод, что надписи на гробе подверглись переделке в древности, был получен путем исследования начертаний знаков и золотого листа, на котором последние исполнены. Но к тому же заключению приводит рассмотрение содержания надписей.

Заключительная часть надписи D, начиная со слов «владыка неба», представляет собою набор слов, лишенный какой-либо внутренней связи,²⁹ однако неясно, что причиной тому: древняя переделка или неудачное размещение отпавших листочков после находки гроба.

Конец надписи A: «правый на небе (и) на земле» — после сложного относительного предложения с пожеланием вечного бытия выглядит довольно беспомощно.³⁰

В большинстве надписей, именно B, C, E, F, первое кольцо царя отделено от второго если и не точным переводом, то все же солнцепоклонническим новоегипетским пересказом старого звания «сын Рэ»,³¹ стоящего тут же перед вторым кольцом, и длиннейшею

²⁹ Ср.: A. Gardiner. The so-called tomb of queen Tiye. P. 21.

³⁰ Ср. Ibid.

³¹ Ср.: H. Schäfer. Altes und Neues zur Kunst und Religion von Tell el-Amarna // ZAeSA. Bd 55, 1918. S. 4. Однако ср. также: F. Behnk. Grammatik der Texte aus El Amarna. P., 1930. S. 13.

новоегипетской же разновидностью заключительного пожелания вечной жизни;³² второе кольцо со званием «сын Рэ» и другими обозначениями — очевидная вставка.

Однако особенно поучительна в этом отношении надпись F, позволяющая уже из нее одной определить до известной степени первоначального владельца гроба. В своем теперешнем виде F звучит сперва как заупокойная молитва фараона к Ра-Хар-Ахту, но затем внезапно превращается в обращение во 2-м лице к самому царю с пожеланиями ему долговечности. Листик с именем «Ра-Хар-Ахт», хотя отсутствует еще в TQT, поставлен в B1FAO, несомненно, на то место, куда его предназначали в древности при переделке: в ASAE ясно видно, как й основной надписи продолжено на подклеенном позднее листочке с «Ра-Хар-Ахт». Переход от речи в одном лице к речи в другом не редкость у египтян того времени, и молитвы, обращенные от имени умершего к его божеству во 2-м лице, могли [81] завершаться обращениями в том же лице к самому мертвецу, но в F переход настолько искусственный, что не может быть исконным. Фараон говорит: да сделаешь ты то-то и то-то «мой отец Ра-Хар-Ахт», затем сразу же следует царское кольцо, обращение к царю «ты будешь, как Рэ, вековечно вечно, живя, как солнце» и снова имена и другие обозначения царя. Золотой листик со словами «как Рэ» находится также на том месте, куда его предназначали при переделке гроба: задние концы исконных *в* и *к* продолжены на наклеенном позже листочке. Тем не менее искусственность оборота бросается в глаза.³³

Как сказано, надпись F выглядит до середины 8-й строки как молитва к Ра-Хар-Ахту. Однако, стоит лишь сравнить надпись F с заупокойными надписями гробниц и жилищ в Ах-йот, и станет почти очевидным, что в ней в действительности кроется молитва к фараону: теми же словами и оборотами пользуются подданные-солнцепоклонники, когда говорят фараону или о фараоне.

F, строка 2: «Буду обонять я дыхание сладостное, выходящее из уст твоих».

Ср. «(Да) обоняю я дыхание твое сладостное северного ветра» (EA VI: XV, строка 12). О солнце сказано только: «Обонять дыхание сладостное северного ветра, выходящего из неба из руки Йота живого» (ASAE X: 108 = TTA: 177 CCVIII = ASAE XLIII: 16) или: «(Да) даст он дыхание сладостное северного ветра» (EA II: XXXVI; EA IV: XXXIX; PSBA VII: 201-202 = MSECAE I: 8 = TTA: 177 CCIX; ASAE X: 108 = TTA: 178 CCXI; MuE III: 28 = XXIII = KIAe: 88 = TTA: 177 CCVII).

F, строка 3: «Буду видеть я красоту твою постоянно (— таково?) [м]ое желание».

Ср. «(Да) дашь ты насытиться мне видом твоим (— таково?) желание сердца моего» (EA VI: XV, строка 11), «видеть [е]г[о] постоянно, Ва-н-рэ, мое [жела]ние повседневно» (EA VI: XXI, строка 24), «(Да) дашь ты (солнце) видеть (мне) его в его празднестве тридцатилетия первом (— таково?) мое желание, которое в сердце» (MDOGB XLVI: 18 = AeISMB II: 126 = TTA: 172 CXCVIII = MDIAeAK IX: XXI), «видеть тебя постоянно — желание сердца» (MDOGB XLVI: 18 = AeISMB II: 126 = TTA: 172 CXCVIII = MDIAeAK IX: XXI; что «тебя» имеет в виду фараона, — строго говоря, не доказано, но более чем вероятно). Просьбами и пожеланиями видеть солнце и фараона пестрят солнцепоклоннические надписи, но обороты, кончающиеся словами: «мое желание» и т. п., применительно к солнцу не встречаются.

F, строка 4: «Буду слышать [я] голос твой сладостный северного ветра». [82]

Ср. «(Да) слышу (я) голос твой сладостный во Дворе солнечного камня, (когда) творишь ты жалуемое (т. е. службу) отца твоего Йота живого» (EA VI: XXV, строки 17-18), «[(Да) слышу] я голос царя, (когда) творит он жалуемое отцу своему - - -» (EA VI: XV, строка 13), «(Да) слышу я голос царя, (когда) творит он жалуемое отцу своему Йоту» (EA IV: XXVII), «(Да) дашь ты (солнце) мне, ухо мое слышащим голос его (царя)» (EA VI: XV, строка 6), «- - - слышать [го]лос тв[ой]» (EA V: XV, строка 11). О слушании голоса фараона говорится и вне пожеланий: «Укрепляюсь я, слыша голос твой» (MDOGB XLVI: 18 = AeISMB II: 126 = TTA: 172 CXCVIII = MDIAeAK IX: XXI), «Я слушал голос

³² A. Erman. *Neuaegyptische Grammatik*. 2. Aufl. Lpz., 1933, с. 287.

³³ Ср.: A. Gardiner. *The so-called tomb of queen Tiye*, с. 21.

его непрестанно» (ЕА V: II, строка 11, ЕА VI: XXXII), «Голос» солнца ни разу не упоминается в надписях солнцепоклонников.

Е, строки 6-7: «Будешь давать ты мне руки твои с питанием твоим, буду принимать я его, буду жить я им».

Пища, даруемая умершему царем или солнцем, неоднократно упоминается в солнцепоклоннических пожеланиях, хотя о получении ее непосредственно из рук царя, тем более солнца, ничего не говорится.

Е, строки 7-8: «Будешь взывать ты во имя мое, не (надо) будет искать его в устах твоих». Пожелания, чтобы имя умершего называлось и не нуждалось в том, чтобы его искали, не составляют редкости в гробницах Ах-йот. Иногда испрашивают у фараона: «(Да) дашь ты мне имя мое пребывающим на сотворенном (мною) всем — не разыскивается имя жалуемого твоего. Сотворенное (мною?) все (? — в надписи "твое") остается, зовут во имя...» (ЕА VI: XV, строка 13). «(Да) даст он, (чтобы)... называли имя твое вековечно вечно» (ЕА II: XXI). Это делается по царскому приказу: «Уста мои с правдой, называют имя мое ради нее согласно приказанному тобой» (ЕА VI: XXV, строки 29-30). В одном сильно поврежденном месте сам фараон как будто «называет» имя своего вельможи: «(Да (?)) называешь (?) ты имя мое, мой - - -» (ЕА VI: XXI, строка 24). В иных случаях приглашали и солнце даровать поминовение имени сановнику: «(да) даст он... называться имени твоему вековечно вечно» (ЕА I: XXXIX), «(да) даст он... [на]зывать[с]я имени - - -» (ЕА IV: XXXIX). Но о том, чтобы само солнце взывало во имя умершего, надписи, конечно, молчат. ЕА III: II = ЕА IV: III: «будут звать во имя мое» сказано безлично о правящих поминки.

Отдельные изречения, вложенные в уста вельмож Амен-хот-па IV и похожие на содержащиеся в надписи Е, сочетаются подчас между собой, отчего сходство с нею еще увеличивается. «(Да) даст он (т. е. царь) (прожить) век добрый, видя красоту его, непрестанно слушая голос его» (AeISMB II: 127 = [83] ТТА: 170 CXCVII = MDIAeAK IX: XIX=123). «Я слушал голос его непрестанно, очи мои видели красоту твою каждодневно» (ЕА V: II, строка 11). «Ты (т. е. царь) — солнце, живу я видом твоим крепну я, слыша голос твой» (MDOGB XLVI: 18 = AeISMB II: 126 = ТТА: 172 CXCVIII = MDIAeAK IX: XXI), ср. «Ликует сердце мое при виде красоты твоей, живу я, слушая сказанное то[бою]» (ЕА I: XXXV). Но особенно любопытна в этом смысле длинная надпись в гробнице Туту (ЕА VI: XV). Посередине надписи (строки 11-13) Туту просит фараона: «(Да) дашь ты насытиться мне видом твоим (— таково?) желание сердца моего. (Да) прикажешь ты мне погребение - - - после старости в горе Ах-йот - - - (да) обоняю я дыхание твое сладостное северного ветра, запах его — фимиами (храмовой) службы, Нефр-шепр-рэ, мой бог! (Да) [слышу] я голос царя, когда он творит жалуемое (т. е. службу) отцу своему [Йоту] - - - (Да) дашь ты мне имя мое остающимся на сотворенном (мною) всем — не разыскивается имя жалуемого твоего. Сотворенное (мною) все (? — в надписи «твое») остается, зовут во имя...» (ср. Е, строки 2-4, 7-8).

Сличение надписи Е с другими солнцепоклонническими показывает, что большинство испрашиваемых в ней благ связывалось в Ах-йот с особою фараона, а не с солнцем (обоняние дыхания, слышание голоса и, возможно, поминовение). Действительно, трудно себе представить, чтобы кто-нибудь в Ах-йот мечтал, что будет вдыхать сладостное дыхание солнца и слушать его голос, приятный, как прохладный (!) северный ветер, а сам лучезарный диск будет собственными устами взывать «во имя» умершего, т. е. править по нем заупокойную службу. Надпись на гробе допускает все это, очевидно, лишь потому, что была переделана в молитву солнцу из молитвы фараону, который мог быть и действительно был для своих приближенных предметом подобных чаяний.

Надпись Е была, таким образом, первоначально обращена к фараону и составлена для кого-то из его приближенных. Дает ли содержание молитвы какие-нибудь основания для определения первоначального владельца гроба? Некоторые, хотя и не слишком определенные, основания даны. Строка 5 надписи содержит пожелание: «Будет молодеть плоть (моя) в жизни от любви твоей». Ничего подобного нельзя найти на памятниках

вельмож-солнцеклонников, хотя пожелания тех или иных благ своему телу или утверждения о его благополучии отнюдь не составляют там редкости. Желают, чтобы плоть (хо) была крепка (ЕА II: IX), чтобы она была радостна (ЕА V: IV), чтобы солнечные лучи сообщали ей свежесть (ЕА VI: XIV), чтобы ее воссоединяло солнце (ЕА VI: XXXIII, ЕА V: 9 = XXI, ср. неясное из-за повреждения ЕА VI: XXXII), чтобы плоть была защищена, чтобы с нею не случилось чего-либо дурного, чтобы она была одета (ASAE X: 108 = ТТА: 177 CCVIII = ASAE XLIII: 16); [84] утверждают также, что плоть цела (ЕА V: IV), в частности, когда созерцают «красоту» фараона (ЕА II: VIII). Глагол *рний* «молодеть», употребленный о плоти в надписи F, ни разу не засвидетельствован применительно к представителям солнцеклоннической знати. Тем не менее этот глагол вполне обычен в Ах-йот, но только в приложении к царской чете. О фараоне говорится, что «лучи Йота на нем с жизнью (и) благополучием, молода плоть его повседневно» (ЕА V: XXVII). К нему же обращаются сановники со словами: «- - (причем) молод ты, как Йот в небе, вековечно вечно» (ЕА V: XXIX, строка 8 = ТТА: 110 = ЕА V: XXXI, строка 11), «ты молод, как Йот, жив вечно вековечно» (ЕА VI: XVII), «будешь ты жив (и) молод вековечно» (ЕА VI: XIX). К имени царицы присоединяются порою пожелания: «жива она, молода она вечно вековечно!» (ЕА VI: XXVII, строка 13; MSECAE I: 17 = 1; ЕА II: VI, где ясно видно, начиная с *рний*, но сильно повреждено предшествующее) или «жива она, здорова, молода вечно вековечно!» (ЕА VI: XXVII, строка 1). Было б, конечно, неосмотрительно заключать, что, раз в надписи F плоть «молодеет» (*рний*), она должна быть обязательно плотью царицы. Однако, поскольку плоть в надписи F молодеет от любви к фараону (чего не сообщается о плоти вельмож), вероятность того, что молящееся лицо — жена царя, довольно велика.

Что гроб сначала предназначался для женщины, Ж. Даресси правильно вывел из передачи местоимения 1-го лица единственного числа в строке 7 надписи F на исконном золотом листе знаком женщины. Но нелишне отметить и разное начертание знака младенца в строках 5 и 11. В обоих случаях это исконные знаки надписи. В строке 11 знак изображает мальчика: на младенце передник и ожерелье, а с темени, по-видимому, свешивается, прикрывая ухо, заплетенная в косу прядь волос (две черточки, отходящие назад от шеи, представляют собою, наверно, обычный у такой косы завиток на конце). В строке 5 тот же знак изображает девочку, возможно, с прямою, незаплетенною прядью волос, спускающейся сбоку с темени значительно ниже плеча, как то нередко можно видеть на изображениях дочерей Амен-хотпа IV (иное истолкование прически знака должно было бы допустить, что у девочки длинные волосы, перехваченные тесьмой, отчего получилась «впадина» сзади). В строке 11 мальчик служит определителем к слову «отрок» (шэре), употребленному о фараоне («отрок добрый Йота живого»). Не потому ли в строке 5 у определителя к *рний* «молодеть» облик девочки, что «молодеет» женщина — первоначальная владелица гроба («Будет молодеть плоть (моя) в жизни от любви твоей»)?

Заслуживает, далее, внимания сходство между строками 7 и 8 молитвы и надписью на обломке каменного гроба (ZAeSA LV: 3 = KEA II: 15 = ЕА VII: 16 = XX) из той самой царской гробницы [85] в скалах Ах-йот, в которой рассчитывал упокоиться и сам Амен-хотп IV. Надпись на гробе из тайника в Нэ обращается к фараону со словами: «будешь ты, как Рэ, вековечно вечно, живя, как солнце» («как Рэ» — позднейшая вставка). Обломок наружного гроба из царской гробницы в Ах-йот сохранил обрывок речи тождественного содержания: «- - - Будешь ты вековечно, (и) будешь жить ты, как солнце [повсе]дневно - - -» (от следующей строки сохранилась только часть знаков; выражений, сходных с F, там нет). Местоимение 2-го лица, употребленное на обломке, мужского рода, лицо, к которому обращена речь, не только объявляется вечным, но и сравнивается с солнцем, так что не может быть сомнения, что «ты» на гробе имело в виду фараона. По углам каменного гроба были изваяны изображения царицы (ЕА VII: VI-IX, XIX-XX). Одно из них сохранилось частично на данном обломке (ZAeSA LV: I 5 = KEA II: XV = ARK: LVI = BiPh: против 115). На гробовых обломках из царской гробницы с такого рода изображениями встречаются имена Амен-хотпа IV и его царицы (ASAE XXXI: 102 (2), ЕА VII: VI-IX, XIX-XX). Выражения, употребленные на гробе из Нэ, оказываются, таким образом, на гробе из Ах-йот вложенными в уста царице.

В этой связи можно упомянуть слова гробницы Туту (EA VI: XIV) о царице, несколько напоминающие строку 3 надписи Р: «она видит властителя постоянно непрестанно».

Итак, первоначальное правописание и содержание молитвы на подошвах загадочного гроба подсказывают, что его первую владелицу была женщина из ближайшего окружения фараона.

Не подлежит сомнению, что царем, упоминавшимся как в исконных, так и в переделанных частях гробовых надписей, мог быть только Амен-хотп IV. Первому кольцу в основных частях надписей и второму во вставках в С и Е предшествуют слова «живущий правдою». Это прозвание прилагалось иногда к египетским богам и властителям, но в состав постоянных царских обозначений перед каждым из двух колец входило только у Амен-хотпа IV (см. § 64). Далее, в надписях В и С на гробе измененные концы дают после ныне пустых вторых колец выражение «большой по веку своему». Это — прозвание, свойственное тоже одному лишь Амен-хотпу IV (см. § 51). Тем самым, несмотря на преднамеренное разрушение всех царских колец на загадочном гробе, можно считать вполне достоверным, что в своем теперешнем, переделанном виде гроб предназначался для останков Амен-хотпа IV. Но слова «живущий правдою» предшествуют царскому имени и в тех частях надписей, которые не подверглись переделке. Таким образом, женщину, для которой первоначально предназначался гроб, надо искать в ближайшем окружении именно Амен-хотпа IV.

Однако в надписи на крышке гроба для кольца царицы нет [86] места. Стоячая строка спускается от груди к ступням, здесь резко перегибается и продолжается затем под тупым углом к прежней плоскости по переду ступней на один раздел высотой в высокий знак. Кольцо царицы не могло быть помещено на ребре, частью до, частью после перегиба, как на то справедливо указал Р. Энгельбах.³⁴ После же перегиба для кольца нет места, так же как нет его для кольца до перегиба, потому что там переделано не больше двух разделов строки высотой в высокий знак каждый. Для кольца с «Нефр-нефре-йот Нефр-эт» или даже с одним «Нефр-эт» двух таких разделов строки мало. Достаточно сравнить высоту вырванного кольца «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» в середине столбца с высотой переделанной его части над перегибом. Потому первоначальной владелицей гроба не могла быть царица.

Изменения, произведенные в надписях на гробе для превращения его из женского в фараоновский, обнаруживают значительное сходство с изменениями, произведенными в надписях усадьбы на юге новой столицы.

Первоначальные титулы переделывались в южной усадьбе двумя в корне различными способами, из которых один живо напоминает приемы, примененные при переделке надписей на гробе. Начало титула заменялось при этом способе переделки теми или иными обозначениями фараона, причем на первом месте оказывалось наименование «властитель добрый», точь-в-точь как в большинстве надписей на гробе. Следующую затем часть титула не трогали. Легко убедиться, что она в точности совпадала с началом неизменных частей надписей на гробе (А, В, С, D, E и F). В отличие от последних примыкавшие к кольцу выражения подвергались в усадьбе замене. При переработке слова после кольца царя заменялись многолетьем: «кому дано жить», «кому дано жить вечно». Завершавшие прежнее титуло предполагаемые имя и многолетие заменялись званием и именем старшей дочери Амен-хотпа IV — царевны Ми-йот. Прием и в этом случае оставался тем же, что и в большинстве надписей на гробе: первоначальное имя заменялось новым именем, только в усадьбе то было имя Ми-йот, в надписях на гробе — имя ее отца. Поскольку его первое кольцо уже имелось в предшествующих частях надписей, добавляли «го второе кольцо».

Обозначения фараона, заменившие в усадьбе начала исконных надписей, бывают двух видов: «Властитель добрый, возлюбленный Йота» и «Властитель добрый, единственный для Рэ». Употребляя второй вид, сохраняли от первоначальной надписи знак *н*, используя этот знак для предлога *н* в наименовании «единственный для Рэ». Знак, которым начинались надписи южной усадьбы после переделки по изложенному [87] способу, нигде вполне четко

³⁴ R. Engelbach. The so-called coffin of Akhenaten. P. 102-103.

не сохранился. Б. Ганн допускает как чтение «властитель», так и чтение «бог».³⁵ Изгиб ствола в верхней его части на одном из обломков (CA I: LX 44) и крюкообразный и округлый верх на двух других (CA I: LVI 273 rec. — XXXIV 1, LVIII 128) указывают определенно на знак для слова «властитель». Правда, в четвертом месте (CA I: LVI 273 ver. = XXXIV 2) знак похож больше на знак для слова «бог», но угловатостью своего верха он, наверно, обязан скрывающемуся под ним знаку колодца первоначальной надписи. Известная угловатость верхней части знака наблюдается ведь и на упомянутых обломках CA I: LVI 273 rec. = XXXIV 1 и LIX 44. Само по себе введение слова «бог» в переделанную часть надписи не представляло ничего невозможного, если переделка производилась при Семнех-ке-рэ: последний, как и Тут-анх-йот до переименования в «Тут-анх-амуна», уже снова употреблял слово «бог» (см. § 114). Однако, ввиду того что на других обломках переработанные надписи начинаются знаком для слова «властитель» и он же оказывается в начале переработанной надписи на оборотной стороне самого спорного обломка, присутствие на нем знака для слова «бог» представляется в высшей степени невероятным.

После переделки видоизмененные надписи в усадьбе выглядели следующим образом (составлено на основании ряда обломков; переработанные места подчеркнуты):

«Властитель добрый, возлюбленный Йота, царь (и) государь, живущий правдою, владыка обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ... Дочь царя [от утробы его], возлюбленная его, Ми-йот»
или

«Властитель добрый, единственный для Рэ, царь (и) государь, живущий правдою, владыка обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, кому дано жить вечно... Дочь царева Ми-йот».

Не подлежит сомнению, что и титула на гробе переделаны из титула Кэйе.

Полностью титул Кэйе читается на двух недавно изданных сосудах JEA XLVII: 29, 30: «Жена-любимец (так на обоих сосудах!) большая царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель (на одном сосуде звание "владыка обеих земель" опущено) Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, отрока доброго Йота живого (на одном сосуде ошибочно "Йота живого живого"), который будет жив вековечно вечно, Кэйе». Имя, не вполне четкое на мелких снимках усадебных надписей, читается здесь совершенно отчетливо.

Следы этого имени, а также начальных слов титула можно [88] опознать на самом гробе, именно внутри его в надписях D и E, не видных снаружи и переделанных с большим приспособлением к прежним начертаниям, чем наружные надписи. В надписи D за словом «властитель» следует неуместное в приложении к новому обладателю гроба — царю-мужчине причастие «любимая» (*mrpt*) и затем прилагательное «большой», несомненно тоже отголосок прежнего начала надписи «жена, любимая (или "любимец"?), большая». Примечательно необыкновенное — с буквою для начального *м* — написание слова *mrp* «любимая» — точь-в-точь как в случае обозначения «любимая» в начале титула Кэйе на одной из прописей южной усадьбы (CA I: XXXII 3). Любопытно, что даже мужское существительное *mrptj* «любимец», которым Кэйе обозначена на сосудах, находит себе соответствие на гробе в переделанном начале надписи E в обозначении *mrptj* «любимец». Предшествующее ему здесь слово «большой», без сомнения, отголосок обозначения «большая», следовавшего в титуле Кэйе за словами *mrpt* «любимая» или *mrptj* «любимец». Можно также предполагать, что определитель к слову «властитель» в надписи D, знак египетского бога, не что иное, как определитель к слову «жена», знак женщины, который должен был находиться на этом месте и мог быть легко видоизменен путем придачи бороды.

На гробе в надписи D после титула царя, сразу за словами «вековечно вечно», следует несуразное словосочетание: «владыка неба, есмь я, жить». Это словосочетание представляет позднейшую вставку, однако было воспроизведено на данном месте и в данном виде уже в первоиздании TQT: 19. Поэтому вполне возможно, что золотой лист, на котором помещается странное словосочетание, никогда не отваливался, а находился на своем месте с древности — со времени переделки гроба. Последующие слова надписи, о которых будет сказано ниже, ни в какой связи с бессмысленным словосочетанием не состоят. Само оно

³⁵ B. Gunn, T. E. Peet, C. L. Woolley. The city of Akhenaten. P. 1. L., 1923, с. 152, 154.

приходится в точности на то самое место, где в первоначальном титле, титле Кэ́йе, должно было стоять ее имя. Сопоставим знаки этого имени со знаками, занимающими их место в настоящее время. Первый знак нынешнего словосочетания, знак корзины без ручки, которым написано слово «владыка», отличается от первого знака имени Кэ́йе, корзины с ручкой, только отсутствием этой последней. Слово «небо» стоит на месте двух черточек, второго знака имени Кэ́йе. Глагол «быть» («есмь») написан двумя знаками: метелкой тростника (йод) и птенцом перепелки (вав). Первый из них содержится в имени Кэ́йе на том же самом месте; вместо второго в имени Кэ́йе стоит тоже птичий знак — белоголовый коршун (алеф). Нынешний знак египетского бога, сидящего на земле мужчины с длинными волосами и бородой, передает местоимение 1-го лица единственного числа, но достаточно отнять бороду и, может быть, добавить прядь волос на груди, чтобы получился [89] знак женщины, при этом на том самом месте, где должен был находиться этот знак как определитель имени Кэ́йе. Бессмысленное «жить», следующее за данным знаком, объясняется очень просто, стоит лишь допустить, что за именем следовало многолетие «жива она!». Это многолетие читается оба раза на медных скрепах деревянной сени, сооруженной Амен-хотпом IV в конце царствования для прикрытия гроба своей матери (TQT: XXIII = 15). На самой сени за именем Тэ́йе также нет слов «правая голосом», т. е. «покойная», но стоит то же «живое» многолетие, только с более или менее пространным продолжением: «жива она вечно!» (TQT: 13 = XXXI = TTA: 164-165 *CLXXXVIII*, два раза, TQT: 14 = XXXII = TTA: 165 *CLXXXVIII*, TQT: 15 = TTA: 166 *CLXXXVIII*), «жива она вечно вековечно!» (TQT: 14, 14 = XXXII = TTA: 165 *CLXXXVIII*, TQT: 15=XXXII); один раз, впрочем, могла быть употреблена и краткая разновидность: «жив[а она]!» (TQT: 13 = XXXI = TTA: 164 *CLXXXVIII*). Таким образом, возможно, пожалуй, безошибочно за нынешним бессмысленным словосочетанием распознать окончание титла Кэ́йе, именно ее имя и многолетие.

Вопреки впечатлению, сложившемуся у издателя сосудов JEA XLVII: 29, 30, начальные слова титла Кэ́йе укладываются в переделанное начало надписи А (см. снимок ASAE XXXI: I) и, надо полагать, любого другого титла на гробе, а само имя «Кэ́йе» с придачею, скажем, многолетия «жива она!» — в переделанный конец надписи А (см. снимок ASAE XXXI: I), видимо, также надписи F. В прочих надписях на гробе за титлом Кэ́йе следовало (в одних — по-видимому, в других — определенно) что-то более длинное, чем краткое многолетие «жива она!». В наружных надписях В и С это могло быть какое-нибудь расширенное многолетие; во внутренних надписях D и E в конце читаются остатки заупокойных пожеланий. Можно, впрочем, усомниться, на своем ли месте помещаются слова, заключающие ныне надпись E: «повседневно непрестанно»? Надписи D и E одинаковы по расположению, направлению и выполнению, и отвалившиеся золотые листочки со знаками могли быть при восстановлении надписей в наше время перепутаны, помещены вместо одной надписи в другую. В частности, Р. Энгельбах полагал, что конец надписи D мог принадлежать на самом деле надписи E.³⁶ Первоиздание (TQT: 19) молчит о каких-либо окончаниях надписи E после титла, так что очень похоже на то, что слова «повседневно непрестанно» ко времени находки гроба отвалились и на свое теперешнее место были помещены руками наших современников. Но в таком случае подлинное место этих слов могло быть не в конце надписи E, а в конце надписи D. Разумеется, такое допущение нуждается в проверке по подлиннику, но если оно приемлемо, то [90] надпись D могла бы быть восстановлена едва ли не полностью в своем первоначальном виде: «[Жена] любимая больш[ая] цар[я] (и) государ[я], живуш[его] правдою, владык[и] обеих земель [Нефр-шепр-рэ — Ва-н-рэ], отрок[а] добр[ого] Йота живого, который будет здесь жив вековечно вечно, [Кэ́йе — жив[а она!]] Сердце [ее] (или: [твое]) на месте своем — види[т она] (или: види[шь ты]) Ва-н-рэ повседневно непрестанно». Правда, сколько-нибудь увериться в правильности понимания даже существующего окончания надписи D по имеющимся изданиям невозможно. В BIFA O XII: 150 показано как переделанное выражение «сердце его», в ASAE XXXI: 100 + 101 оно считается исконным. Однако, возможно, подчеркивание относится

³⁶ R. Engelbach. The so-called coffin of Akhenaten. P. 101.

в BIFAO не к существительному «сердце», а только к местоимению «его» (.ф), а это последнее не может не быть заменой женского местоимения «ее» (.с, знак засова) или «твое» (.т), если вообще данное место должно иметь какой-нибудь смысл: гроб-то ведь был для женщины. Также в случае выражения «видишь ты» BIFAO XII: 150 определитель глаза и местоимение «ты» подчеркнуты, а ASAE XXXI: 100 не подчеркнуты. Возможно опять-таки, что подчеркивание в BIFAO относится только к местоимению. Последнее — мужское (.к), и хочется считать его в согласии с BIFAO позднейшей заменой местоимения женского рода. Ни в первоиздании, ни в BIFAO XII: 150 между словами «видишь ты» и «Ва-н-рэ»(?) не показано ни малейшего пробела; ASAE XXXI: 100 между тем и другим указана «лакуна неизвестной длины». В первоиздании TQT: 19 показано разрушение за «Ва-н-рэ» (?). Если чтение «Ва-н-рэ» правильно (все три издания воспроизводят два знака из шести по-разному — см. выше), то хотелось бы видеть пробел там, где он показан в первоиздании, так как тогда получается все-таки какое-то связное целое. Можно далее заметить, что восстанавливаемое предположительно сочетание «види[т она] (или: види[шь ты]) Ван-н-рэ повседневно непрестанно» находит себе немало соответствий в других солнцепоклоннических надписях. О царице говорится: «Она видит властителя постоянно непрестанно» (EA VI: XIV). Сановники просят у фараона: «(Да) дашь ты насыщаться мне видом твоим непрестанно» (EA VI: XXV, строка 9), «(Да) даст он... век добрый в созерцании красоты [его] повседневно непрестанно» (EA V: IV), «(Да) даст он век высокий (т. е. долгий) в созерцании красоты тв[оей] (!), (так чтобы) не переставать видеть те(бя) (!) повседневно» (EA II: XXI, тождественная просьба, неясно, однако, к царю или к солнцу, о созерцании одного из них — EA I: XXXIX); то же самое просят у солнца: «(Да) дашь ты мне... век добрый в созерцании владыки обеих земель, (так чтобы) не переставать (видеть) красоту его» (EA VI: III). Об исполнительном сановнике говорят: «Насыщается он видом твоим (фараона) непрестанно» (EA VI: XXV, строка 16). [91] Видеть «непрестанно» желают и солнце. Сановник говорит ему: «Глаза мои видят тебя непрестанно» (EA VI: XIII). Сановники просят у солнца: «(Да) дашь ты насыщаться мне видом тв(оим) непрестанно» (EA VI: XXIV), «(Да) дашь ты выходить утром из преисподней созерцать солнце, (когда) воссиявает оно, повседневно непрестанно» (EA IV: XXXIX), «(Да) дашь ты мне век добрый в созерцании красоты твоей повседневно непрестанно» (EA VI: XXIV). Сановнику желают: «Не перестанешь ты созерцать Рэ» (EA VI: XXXIII MID, а также EA V: II).

С разгадкой загадки золотого гроба нетрудно разгадать и загадку четырех великолепных алавастровых сосудов, предназначенных для внутренностей умершего и обнаруженных вместе с гробом в так называемой гробнице Тэ́е (TQT: VII-XIX, RAAM XXVIII: 241-252, Eg: 181 = Eg: 227, DP: 71, ZAeSA LV: VIII, AA: XXX, BPh²: 183, ASAE XXXI: III 1, MMAV XV: 142-144, ZAeSA LXXXIII: VII, DCE: 41, TЗГ: 21, 113, ZZR: против 48 и 96, APhE: XXV, ECAE: 56). Крышку каждого из сосудов венчает тонко изваянная человеческая голова с тщательно переданными накладными волосами, причесанными и подстриженными во вкусе того времени. Лицо не походило ни на кого из известных по виду деятелей солнцепоклоннической поры. Надписи, имевшиеся некогда на сосудах, были тщательно стерты (TQT: 24, MMAV XV: 147). Оставалось только гадать, кого же изображают примечательные головы? Поочередно их приписывали чуть ли не всем царственным особам солнцепоклоннического времени: Тэ́е, Тут-анх-амуну, Амен-хотпу IV, Нефр-эт, Семнех-ке-рэ, Ми-йот. Накладные волосы, вроде изображенных на головах, носили в те времена, как неоднократно отмечали исследователи, и мужчины и женщины, и потому можно было пытаться опознать в головах сосудов равно царей и цариц.

Теперь, когда золотой гроб с переименованными надписями оказывается гробом Кэ́е, естественно считать погребальные сосуды, найденные вместе с гробом и начисто лишившиеся своих надписей, сосудами той же Кэ́е. Сравнение голов на сосудах с человекоподобным гробом и изображениями Кэ́е в усадьбе и на камнях из Шмуна (см. гл. II и III) подтверждает этот сам собою напрашивающийся вывод.

Как показал С. Олдред, гроб был надписан для своей хозяйки (ввиду человекообразного знака Мэ в первоначальной надписи) задолго до конца царствования

Амен-хотпа IV.³⁷ Царская же налобная змея на гробе надписана поздними солнечными кольцами (TQT: 19 = II). Потому вполне возможно, что эта змея была добавлена позже, что первоначально гроб не был увенчан ею. И вот на одной из голов на погребальных сосудах хвост царской змеи был, видимо, врезан впоследствии [92] в пряди прически (ASAE XXXIII 1).³⁸ Значит, первоначально головы тоже, по-видимому, были без царской налобной змеи, и ее добавили позже. На изображениях Кэие в южной усадьбе царской змеи тоже не видно (CA I: XXXII 2 = LVI, XXXIV 1, ср. XXXV 11), как и почти на всех камнях из Шмуна. Вдобавок, как там у Кэие, так и на голове ее гроба и на головах сосудов одна и та же прическа.³⁹

Благодаря отождествлению владелицы сосудов с Кэие мы получаем несколько превосходных изображений этой женщины.

Чувства Кэие к ее возлюбленному отражены в самой значительной надписи на ее гробе (F). В полную противоположность речам Эсе на гробах царей XVIII дома это пожелания благ от возлюбленного самой себе, а не посулы разных благ умершему.

1. Сказывание слов [(такою-то)] [Кэие] [— жива она! (?)].
 2. Буду обонять я дыхание сладостное, выходящее из уст твоих.
 3. Буду видеть [я кра]соту твою постоянно (— таково?) [м]ое желание.
 4. Буду слышать [я] голос твой сладостный северного ветра.
 5. Будет молодеть плоть (моя) в жизни от любви твоей.
 6. Будешь давать ты [мне] руки твои с питанием твоим, буду принимать [я] его, жи-
 7. [вущий правдою (?)]. Будешь зывать ты во имя мое вековечно, не (надо) будет
искать его
 8. в устах твоих, [м]ой [владыка (?)] [(имярек)]. Будешь ты [со мною (?)].⁴⁰
 9. вековечно вечно, живым, как Йот! [Для двойника жены-любимца большой].
 10. цар[я] [и] государ[я], живущ[его] правдою, владык[и] обеих земель [Нефр-шепр-рэ
Ва-и-рэ], отрок[а]
 11. добр[ого] Йота живого, который будет тут
 12. жив вековечно вечно, [Кэие] [— жива она! (?)].
- [93]

³⁷ C. Aldred. The tomb of Akhenaten at Thebes. P. 45.

³⁸ R. Engelbach. The so-called coffin of Akhenaten, с. 102 со ссылкой на Г. Брайтона (G. Brunton). Г. Рёдер отрицает это (G. Roeder. Thronfolger und König Smench-ka-Rê. P. 68), однако С. Олдред подтверждает (C. Aldred. Hair styles and history. P. 147; он же. The tomb of Akhenaten at Thebes. P. 43).

³⁹ Совпадение прически па гробе и на сосудах отметил С. Олдред (Hair styles and history. P. 147), сделав из этого вывод о принадлежности их одной и той же женщине.

⁴⁰ Восстановление Э. Х. Гардинера (A. Gardiner. The so-called tomb of queen Tiye. P. 20), которое можно подкрепить примерами из надписей. Так, Ми-рэ, верховный жрец солнца, говорит царю: «Мой владыка, давший мне старость без удаления от тебя» (EA I: XXXVIII), «Живу я, слыша сказанное то[б]ою. (Да) дашь ты (мн)е старость без удаления от тебя» (EA I: XXXV), а о царице Нефр-эт говорят не только что она «рядом с Ва-н-рэ» (EA VI: XXV), «рядом с ним» (EA I: XXXVI), но и что «она рядом с Ва-н-рэ вековечно, вековечно, как небо остается с тем, кто в нем (т. е с солнцем)» (EA VI: XXV, строки 23-25).

ЗАГАДКА ВТОРОГО ФАРАОНА

В 1928 г. П. Э. Ньюберри¹ привлек внимание к трем странным памятникам солнцепоклоннического времени — двум плитам и камню из стены здания, на которых сохранились изображения двух фараонов; на плитах — полностью, на камне — отчасти. Изображения на плитах остались ненадписанными. Было ли надписано изображение, частично уцелевшее на камне, неизвестно, так как никаких остатков надписей на камне не видно. На всех трех памятниках один из царей выглядит старшим, другой — младшим. Старший царь или берет за подбородок младшего, или принимает от него услуги, или шествует в его сопровождении. Кроме того, если в первом случае — на плите — оба царя почти одинакового размера, то во втором и третьем случаях — на другой плите и на камне — младший царь много меньше старшего. Что старший царь на всех трех памятниках Амен-хотп IV, в этом никто никогда не сомневался. Но кто же тогда младший царь?

До 1928 г. вопроса о том, кто был изображен на плитах вместе с Амен-хотпом IV, не возникало по той простой причине, что соответствующее лицо принимали не за царя, а за жену Амен-хотпа IV — царицу Нефр-эт. Х. Картер и П. Э. Ньюберри² первые обратили внимание на то, что на голове мнимой Нефр-эт отнюдь не синий венец цариц с округлой тульей и плоским дном, а синий венец царей, оттянутый по бокам и выгнутый поверху. Отсюда П. Э. Ньюберри сделал вывод, что второе лицо не царица, а царь, и восстановил на камне, где верх венца второго лица пропал, двойной фараоновский венец.

Еще в 1894 г. В. М. Флиндерс Питри высказал предположение, что зять и преемник Амен-хотпа IV Семнех-ке-рэ был некоторое время под конец царствования тестя его соправителем.³ Впоследствии это предположение неоднократно повторялось разными учеными. Им воспользовался П. Э. Ньюберри и отождествил младшего царя с Семнех-ке-рэ. [94]

Главным доводом в пользу соправительства Семнех-ке-рэ служили В. М. Флиндерсу Питри некоторые перстни из Ах-йот, на которых Семнех-ке-рэ именовался «Анх-шепр-рэ Ми-ва-н-рэ» или «Анх-шепр-рэ Ми-нефр-шепр-рэ», иными словами — «возлюбленным» Ва-н-рэ или Нефр-шепр-рэ, т. е. Амен-хотпа IV. Этот довод был полностью воспринят П. Э. Ньюберри, но он привел и другой, еще более веский, в пользу соправительства Семнех-ке-рэ. В гробнице Тут-анх-амуна был обнаружен ларец с надписью, называвшей подряд три титула: Амен-хотпа IV, Семнех-ке-рэ и его супруги царицы Ми-йот. При этом Семнех-ке-рэ именовался и в первом и во втором своем кольце любимцем Амен-хотпа IV, и такие же кольца «Анх-шепр-рэ Ми-нефр-шепр-рэ» и «Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ» стояли и на ручках, приделанных к ларцу. Одновременно П. Э. Ньюберри указал, что «возлюбленным» именовался Семнех-ке-рэ в обоих своих кольцах и в скорописной надписи, помеченной 3-м годом его царствования, в одной из гробниц в Нэ (надпись тут же следом за статьей П. Э. Ньюберри была издана Э. Х. Гардинером⁴). С выводами П. Э. Ньюберри, полученными на основании надписи на ларце, перекликалось наблюдение, сделанное вскоре затем в развалинах царского дворца на северной окраине солнцепоклоннической столицы. На кусках росписи, упавших с дворцовой стены, оказались кольца с именами Амен-хотпа IV, Семнех-ке-рэ и Ми-йот.⁵

Отождествление П. Э. Ньюберри младшего венценосца с Семнех-ке-рэ получило общее признание и привлекло внимание к подобного рода памятникам. Г. Рёдеру удалось открыть еще несколько безымянных изображений двух фараонов. На камне, найденном

¹ P. E. Newberry. Akhnaten's eldest son-in-law 'Ankhkheprurē' // JEA. Vol. 14, 1928. P. 3-9, pl. 4-6.

² Ibid. P. 7.

³ W. M. F. Petrie. Tell el Amarna. L., 1894. P. 42.

⁴ A. H. Gardiner. The graffito from the tomb of Pere // JEA. Vol. 14, 1928. P. 10-11, табл. 5-6.

⁵ Notes and news // JEA. Vol. 18, 1932. P. 108-111.

в Шмуне, сохранилась нижняя часть изображения двух царей большого размера в сопровождении маленькой особы женского пола. По передникам с нашивками по низу в виде рядов аспидов можно было безошибочно определить, что первые двое — цари, а не царь с царицей. Г. Рёдер отождествил царей с Амен-хотпом IV и Семнех-ке-рэ, а особу женского пола — с Ми-йот.⁶ На оттиске печати на закупорке сосуда из Ах-йот удалось распознать изображение двух сидящих особ, из которых задняя несколько меньших размеров и в мужском синем венце обнимает переднюю, тогда как за ними стоит, видимо, женщина много более скромной величины. В сидящих особах Г. Рёдер был склонен видеть Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ, в стоящей — дочь первого и супругу второго Ми-йот.⁷ [95]

Было указано еще несколько солнцепоклоннических изображений будто бы двух царей, однако при более подробном обследовании принадлежность этих памятников к числу безымянных изображений двух фараонов вызывает законные сомнения (подробнее об этих памятниках будет сказано ниже).

Но самой примечательной находкой, попавшей в поле зрения исследователей, занимавшихся взаимоотношением Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ после П. Э. Ньюберри, была, бесспорно, плита из Ах-йот, восстановленная в значительной своей части Дж. Сэмсон и Х. В. Фэрмэнном из нескольких кусков, найденных сравнительно давно, и одного куска, найденного недавно.⁸ Эта плита подкрепляла одновременно и положение о соправительстве Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ, и объяснение изображений безымянных двух царей как изображений их обоих. На плите были изображены два лица, одно большего, другое несколько меньшего размера, и над ними вверху значились определенно титула Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ.

И тем не менее вопрос нуждается в проверке.

Перечислим сперва и несколько подробнее опишем изображения двух безымянных царей, добавив к ним еще два, отмеченных в моей книжке 1968 г.⁹

А. Плита из Ах-йот (ABKK XXXIV: 135-136 = ZAeSA LII: 76 = PKN: 9 = KEA II: VII = JEA XIV: IV = ARK: XXX = AeKHK: XII = SA III: 312 = VMPh: 167 = T3Г: 91 = ZZR: между 128 и 129 = AOr XXXVI: I) сооружена воином (надпись о том см. также TTA: 168 CXCV). Два царя сидят рядом за столиком с яствами, озаренные солнцем, лучи-руки протягивают к их носам по знаку жизни. Передний царь, обернувшись к сотоварищу, ласково треплет его по лицу, а тот обнимает переднего одною рукою за плечо. Передний фараон в двойном венце с отвислым подбородком, впалой грудью и вздутым животом, несомненно, Амен-хотп IV. Второй фараон немного меньше ростом, в мужском синем венце, более стройный и с подбородком никак не отвислым. Грудь у второго царя, держащегося в отличие от первого прямо, выдается заметнее вперед, чем у того. Насколько можно судить по снимкам, одежда у переднего царя прикрывает лишь верхнюю часть голеней, у заднего царя спускается почти до щиколоток. Надписи вверху плиты были намечены, но не выполнены. По бокам лучезарного круга имеется по два пустых кольца для солнечного имени и намечено по строке для многолетия, направо от круга намечены еще строки для прозваний [96] (малого) солнечного титула. Три пустых кольца, поставленных отвесно рядом и ниже солнечных, предназначались для имен обоих царей, строка, намеченная под тремя кольцами, — для сопроводительных многолетий.

Б. Незаконченная плита из Ах-йот (MDOGB L: 28 = ABKK XXXV: Abb. 83 = ZAeSA LII: 84 = PKN: 9 = KEA I: V = BBAAe: 38 = SA III: 319 = VMPh: 147 = T3Г: 93 = ZZR: между 128 и 129); изображения оставлены наполовину недоделанными, надписи даже не намечены. Под солнечным кругом, долженствовавшим стать лучистым, два царя лицом друг к другу. Большой царь с округлой волосяной накладкой на голове и царской змеею на лбу сидит в кресле, меньший

⁶ G. Roeder. Amarna-Blöcke aus Hermopolis // MDAIAK. Bd 14, 1956. S. 164; G. Roeder. Thronfolger und König Smench-ka-Rê (Dynastie XVIII) // ZAeSA. Bd 83, 1958. S. 50.

⁷ G. Roeder. Thronfolger und König Smench-ka-Rê. S. 49.

⁸ J. Samson, H. W. Fairman // J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. L., 1951. P. 230-233; vol. 2. Plates, ill. 73 8, 107 2 + 3, 108; J. Samson. Amarna. City of Akhenaten and Nefertiti. L., 1972. P. 103-106.

⁹ Ю. Я. Перепелкин. Тайна золотого гроба. М., 1968. С. 102.

(значительно меньший) царь в мужском синем венце стоит и наливает напиток в чашу, которую держит в руке больший царь. Одежда на большем царе спускается немного ниже середины голеней; за полную незаконченность нижней части изображения меньшего царя сказать что-либо о его одежде затруднительно, но в руке у него, сообразно с исполняемыми им обязанностями виночерпия, по-видимому, полотенце. Намеченные, но недоделанные верхние лучи солнца касаются: левый — головы старшего, правый — налобной змеи на венце младшего царя.

В. Камень из Мэнфе (Ае: I 5 = MDOGB LVII: 10 = JEA XIV: 8 = ТЗГ: 95 = SAK II: 156). За особой в длинной складчатой одежде с рукавами (уцелели лишь рукав, часть руки и часть одежды на спине и бедре) следует лицо много меньшего размера, в высоком венце с царской змеею спереди и развевающимися лентами сзади (верх венца пропал), в оплечье, с запястьем на правой руке, держащей веер (большое перо на длинной рукоятке); одето второе лицо в одежду со складчатыми рукавами и подпоясано; держится слегка наклонившись вперед; ноги и левая рука ниже локтя пропали. К сожалению, памятник издан, насколько мне известно, лишь в виде воспроизведения от руки, вдобавок столетней давности.

Г. Камень из стены здания, найденный в Шмуне (MDAIAK XIV: XI 1 = ТЗГ: 97 = ARH: XVI 406—VII A + XII 406—VII D). Ноги двух особ почти одинакового размера (вторая особа немного меньше), стоявших друг за другом, правя службу перед жертвенниками. Позади этих двух крупных особ маленькая женщина, с гремушкой в руке; голова у женщины с сильно вытянутой назад затылочной частью и, видимо, без волос на ней, но с длинной прядью, ниспадающей на плечо. На первом лице рубашка в складках, доходящая до середины голеней и ниспадающая сзади прямо. На втором лице рубашка, ниспадающая значительно ниже, чем у первого лица, несколько ниже середины голеней, и прикрытая сзади концом складчатого плаща, свисающего ниже рубашки и, чем ниже, тем больше отходящего от икр. На маленькой женщине тоже широкая рубашка, такой же длины, как у второго лица. На обеих больших особах [97] по узкому переднику — свисающему концу пояса — с украшением в виде ряда аспидов по низу.

Д. Оттиск печати на закупорке сосуда, найденный в одном из домов в Ах-йот (ZAeSA LXXXIII: 48). Под лучистым солнечным кругом восседают две особы, к которым обеим одинаково простерты его лучи-руки. Передняя особа оборачивается лицом к задней, а задняя обнимает переднюю. Передняя особа несколько выше задней. У передней особы на голове сравнительно короткие накладные волосы, у задней — мужской синий венец. За обеими сидящими большими особами стоит, по-видимому, небольшая женщина с вытянутой сзади безволосой головой. (В том же доме и в другом, близко расположенном, были найдены еще два оттиска печатей на закупорках сосудов, возможно, такого же рода, что и только что описанный (ZAeSA LXXXIII: 48). На оттиске из другого дома имеется, судя по описанию, нечеткое имя Анхес-эм-п-йот].

Е-Ж. Два неполных оттиска одной и той же печати на глине, найденные в Ах-йот (СА I: X 6). Под лучистым кругом восседают лицом к лицу две особы, к которым обеим одинаково простерты солнечные руки-лучи. Одна особа большего, другая меньшего размера. У большей особы на голове округлая накладная из волос, увенчанная красным венцом, у меньшей особы — мужской синий венец. В руках у каждой по «бичу» (?) и крючковатому жезлу. Насколько могу судить, оттиски не были использованы при обсуждении загадки двух царей до того, как это было сделано в моей книжке 1968 г.¹⁰

Этим известные мне бесспорные изображения двух безымянных царей исчерпываются. Однако имеется еще несколько безымянных памятников, на которых, как иногда полагают, были тоже представлены двое царей, но при более близком рассмотрении такое мнение оказывается или необоснованным, или просто несостоятельным. Мы коснемся лишь одного из таких памятников — осколка камня с набросками двух мужских голов, обращенных направо, в округлых чепцах с царскими аспидами спереди (JEA XIX: XV 1 = СА III:

¹⁰ Там же. С. 102-103, 126.

LIX 1 = ZAeSA LXXXIII: V c = APhE: XXVI). Если пристальнее присмотреться к этим наброскам, предположение о том, что они изображают двух разных царей, отпадает само собою. Что левое изображение — Амен-хотпа IV, не вызывает ни у кого сомнений. Правая голова хуже передает сходство и потому, помещаясь рядом с более удачным наброском, представляется на первый взгляд не совсем головой Амен-хотпа IV. Однако, приглядевшись пристальнее, мы и у правой головы обнаруживаем отличительные черты Амен-хотпа IV: раскосые глаза, впалые щеки, отвислый подбородок, правда, в несколько меньшей степени, чем у левой головы, и что особенно показательно — тончайшую шею, немного вогнутую [98] ниже кадыка.¹¹ Правая голова — всего лишь менее удачный набросок, который следовало заменить лучшим, более точным наброском той же головы. Легко показать, что таково было мнение самого художника и что сообразно с ним он и поступал. Правая голова была начата, когда поверхность осколка еще ничем не была занята, начата на значительном расстоянии от правого края — между ним и головою широкое пустое поле. Напротив, левая голова была начата, когда посреди осколка уже была врезана правая голова, левая голова зажата между нею и левым краем, вплотную прижата к нему. Когда выполнялась правая голова, места было много, и она вышла даже излишне растянутой в ширину (одна из главных причин меньшего сходства). Наоборот, когда художник попытался втиснуть в оставшееся пустое пространство левую голову, ее пришлось сильно сузить, что, правда, пошло на пользу лицу, но зато привело к непозволительной узости головного убора. Таким образом, перед нами два последовательных наброска головы одного и того же Амен-хотпа IV. Да разве и могло быть иначе? Неужели впереди, нестесненно и почти посередине осколка изобразили бы младшего царя, а позади, сплюснув и прижав к самому краю за недостатком места, старшего, Амен-хотпа IV?

В заключение нашего обзора действительных и кажущихся изображений двух царей остановимся на памятнике, который при беглом с ним ознакомлении представляется одновременно первым небезыманным изображением двух царей и блестящим подтверждением того, что эти два царя — Амен-хотп IV и Семнех-ке-рэ. Памятник, о котором идет речь, сохранился не полностью, и даже то, что сохранилось, восстановлено из нескольких кусков.¹² Он представлял стоячую каменную плиту с изображениями и надписями на обеих сторонах. На обратной стороне изображен молящийся мужчина, состоявший на службе у солнечного храма (CA III: LXXIII 9 + CVII 2, A: 106). На лицевой стороне помещались вверху солнечный диск с повторенным по бокам VII солнечным титулом (см. § 40; CA III: 231 = A: 104), справа — изображение двух особ, стоявших друг за другом на возвышении (CA III: LXXIII 8 = TЗГ: 99 = A: 104 = ZZR: между 128 и 129), к которым должны были относиться два царских титула, начертанные вверху (CA III: CVII 3 = CVIII = TЗГ: 99 = A: 104 = ZZR: между 128 и 129 = АОг XXXVI: 13). От особы, стоявшей впереди, уцелели лишь икры и пятка левой ноги, но и этих остатков достаточно, чтобы заключить, что эта особа была значительно выше стоявшей позади. Особа, [99] изображенная позади, стоит заметно наклонившись вперед; сравнивая наклонное положение, в частности, ее левой голени с отвесным положением голени передней особы, можно предположить, что лицо, изображенное впереди, стояло совершенно прямо. От особы, стоявшей позади, уцелели туловище ниже пояса и ноги; похоже на то, что она была облачена в длинную складчатую одежду; ноги обуты в сандалии. Слева должно было быть сходное изображение, но уцелели лишь обутые в сандалии ноги, наклоненный вперед женский таз и остатки длинного облачения (A: 104-105). Как издатель памятника Дж. Сэмсон, так и писавший о нем впоследствии Г. Рёдер с удивлением отмечают женское телосложение задней особы, не вяжущееся с мужскими царскими титулами вверху.¹³

¹¹ Об отличительных признаках изображений Амен-хотпа IV см.: *H. Schäfer. Altes und Neues zur Kunst und Religion von Tell el-Amarna // ZAeSA. Bd 55, 1918. S. 9-13.*

¹² *J. Samson, H. W. Fairman, D. J. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. P. 231-232; J. Samson. Amarna. P. 103.*

¹³ *J. Samson, H. W. Fairman, D. J. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. P. 232; G. Roeder. Thronfolger und König Smench-ka-Rê. S. 47.*

Эти титула, начертанные отвесно одно рядом с другим, принадлежат: переднее — Амен-хотпу IV, заднее — Семнех-ке-рэ. Первое титуло ничем не примечательно; это обычное краткое титуло Амен-хотпа IV с излюбленными в пору поздних солнечных колец владыческими заголовками перед именами фараона (см. § 62). Строка с первым кольцом царя: «владыка обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, (кому) дано жить», строка со вторым кольцом: «владыка венцов Эх-не-йот, большой по веку своему» (о последнем наименовании можно лишь догадываться по неотчетливым следам). Второе титуло, напротив, весьма примечательно. Строки с первым кольцом царя: «владыка сотворения вещи (т. е. правящий храмовую службу) Анх-шепр-рэ Ми-ва-н-рэ», строка со вторым царским кольцом: «владыка мышцы (искаженный знак, несомненно, нога быка) Нефр-нефре-йот Ми-эх-не-йот» («Эх-не-йот» написано более чем странным образом, см. ниже), лежащая строка под кольцами: «кому дано жить вечно вековечно».

Итак, выходит, что на необыкновенной плите были изображены и поименованы: на первом месте — Амен-хотп IV, на втором — Семнех-ке-рэ еще под первоначальным (см. ниже) его именем «Нефр-нефре-йот». Получается затем, что безымянные два царя на солнцепоклоннических памятниках действительно не кто иные, как Амен-хотп IV и его старший зять и преемник. Да, такие выводы были б неизбежны, если б на примечательной плите все обстояло благополучно, если б в том виде, в котором мы ее застаем, она и вышла из рук изготовителей.

Странное, определенно женское, а не женоподобное по образцу самого Амен-хотпа IV, телосложение выдаваемого за Семнех-ке-рэ лица озадачило уже издателя памятника, а несоответствие между тщательно выполненными изображениями и весьма небрежными надписями наталкивало Дж. Сэмсон на [100] мысль, не были ли нынешние надписи начертаны на месте других, изглаженных? Поскольку, однако, не удавалось в существующих начертаниях уловить что-нибудь, что могло бы сойти за остатки первоначальной надписи, вопрос оставался открытым.¹⁴ Более решительно возможность позднейшего видоизменения надписей допустил Х. В. Фэрмен в своих сопроводительных замечаниях к описанию плиты Дж. Сэмсон.¹⁵

В самом деле, приглядываясь пристально к царским титулам на плите, нельзя не заметить, что титуло Семнех-ке-рэ полно несуразных написаний, лишних черточек, отростков и выемок, которые не объяснить иначе, как приспособлением новых написаний к существовавшим прежде и неполным уничтожением прежних начертаний, не вошедших в состав новых. Как иначе понять написание слова «вещь» с перестановкою букв — если правильно чтение издателя — и, видимо, чертою, их соединяющей, причудливое начертание (посередине первого кольца Семнех-ке-рэ), которое издатель понимает как знак мотыки, но которое как будто больше похоже на знак пруда с невразумительными отростками на переднем конце, начертание знака бычьей ноги для слова «мышца», настолько диковинное, что ученые принимали его за знак витого бича, невиданное правописание слова «йот» в имени «Нефр-нефре-йот» с перестановкою букв *тин*, если верно чтение издателя и это *н* не просто *т*, попавшее в неизглаженную черту, изобилие лишних черточек в нижней половине второго кольца Семнех-ке-рэ, знак птицы в этом кольце, долженствующий изображать хохлатого ибиса, а на деле вовсе на него не похожий, ненужную черточку в слове «вековечно», а главное, неслыханное правописание имени «Эх-не-йот» в составе второго кольца Семнех-ке-рэ? Слово «йот» в составе этого имени выписано не полностью, не тремя буквами и знаком солнца, как то наблюдается бесчисленное количество раз на памятниках, но передано одним кружком солнца! Не может быть никакого сомнения в том, что титуло Семнех-ке-рэ привнесено впоследствии взамен изглаженной первоначальной надписи. Утверждать то же самое о титуле Амен-хотпа IV, предпосланном титулу Семнех-ке-рэ, несмотря на определенную, хотя и меньшую, небрежность начертания, представляется преждевременным до тщательного осмотра подлинника. Впрочем, имеется указание на то, что эти два титула, Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ, были начертаны разными руками или

¹⁴ J. Samson, H. W. Fairman, D. J. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. P. 232.

¹⁵ Ibid. P. 233.

в разное время: ободки колец в первом титуле много толще, чем во втором.

Следовательно, титул Семнех-ке-рэ на плите из Ах-йот — позднейшая вставка. Что же стояло на месте этого титула первоначально? Очевидно, титул особы, изображенной стоящей [101] позади Амен-хотпа IV. Поскольку телосложение этой особы определенно женское, надо полагать, что и титул ее вверху плиты был женским. Правильность такого заключения можно подтвердить путем сравнения изображения особы с изображениями царственных особ на прочих произведениях солнцепоклоннического искусства. Сравнение нарядов доказывает, что изображена на плите позади Амен-хотпа IV была действительно женщина. Если отвлечься от складчатого переда одежды, возможно свисающей перед особою, но на изображении не прикрывающей ее, особа представлена обнаженной. Обнаженные туловища и ноги, просвечивающие сквозь длинные складчатые одежды, — обычная вещь на солнцепоклоннических изображениях. Но без какого-либо более плотного прикрытия туловища ниже живота в таких одеждах изображаются только женщины. Не говоря уж о вельможах и других должностных лицах, которые изображаются не в женских, а мужских одеждах, нельзя не заметить, что и сам Амен-хотп IV, как ни похожи его облачения часто на женские, никогда не изображается стоя, с не прикрытою чем-либо плотным частью туловища ниже живота. Прикрытие может быть различным. Это может быть передник, опоясание, стенка колесницы или подоконник дворцового окна, но так или иначе прикрытие имеется. Известное по видимости обнаженное и бесполое изваяние Амен-хотпа IV из Эп-эсове, выполненное в ближайшее время после заключения солнечного имени в кольца, представляет странное исключение (ASAE XXXI: IV = ASAE XL: XXV = AeKHK: VI). Прикрытие имеется и на редких солнцепоклоннических изображениях Семнех-ке-рэ (EA II: XLI) и Тут-анх-йота (TT I: II = T I: Titelbild = Тут: I = SA III: XVII = Tou²: против 64 = TuT: X = KEAZ: LVIII = EPh: 122 = GT: LI) и, конечно, на изображении Тут-анх-йота, молящегося старым богам, ZAeSA XXXVIII: I 13, равно как и на изображении Семнех-ке-рэ в их обществе, о каковом изображении будет сказано в дальнейшем (см. гл. VII). Таким образом, особа, стоящая позади Амен-хотпа IV на загадочной плите, несомненно, женщина и титул над нею было написано, бесспорно, женское. Когда впоследствии это титул было заменено титулом Семнех-ке-рэ, нижняя часть изображения, несмотря на то, что была явно от изображения женщины, не подвергалась коренным изменениям. Было б, правда, очень существенно установить по подлиннику, укорочено ли одеяние, которое сейчас, если довериться неотчетливому в этом месте снимку, как будто значительно короче женского, или подол одеяния тоже не подвергался переделке. Очень любопытно было б, конечно, знать, в каком головном уборе выступала загадочная особа: были у нее на голове короткие ступенчатые накладные волосы или венец. В первом случае головной убор мог оставаться при переименовании особы в Семнех-ке-рэ без изменений, потому что такие накладные волосы носили тогда, [102] как известно, одинаково женщины и мужчины. Но если головной убор был женским синим венцом с плоским верхом или каким-либо другим, свойственным царицам, но не царям головным покрытием или украшением, то такой головной убор подлежал переделке.

Итак, замечательный памятник, который, казалось, снимает наконец покров неизвестности, лежавший на изображениях двух безымянных солнцепоклоннических царей и во всеуслышание называет их именами Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ, оказывается сам загадкой, изображением не двух мужчин, а Амен-хотпа IV и таинственной женщины, переименованной впоследствии довольно небрежно чьей-то рукою в Семнех-ке-рэ. Не значит ли это, что плита из Ах-Йот становится теперь совсем безразличной, сторонней вещью для нас, исследующих изображения двух безымянных царей? Нет, не значит, наоборот, она поможет нам разобраться в этом вопросе. Это должно показаться странным. Разве не было только что показано, что на плите за Амен-хотпом IV представлена женщина, тогда как на трех изображениях второе лицо явно мужчина, поскольку увенчано мужским синим венцом и облачено в мужскую одежду? Какое отношение изображение Амен-хотпа IV с какою-то женщиной может иметь к памятникам, показывающим его с младшим царем-мужчиною? Но в том-то и дело, мужчина ли этот младший царь?

Начнем с памятника, явившегося отправною точкою для истолкования занимающих нас изображений как изображений двух царей-мужчин, старшего царя и царя-соправителя, Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ. Это — памятник А нашего перечня, плита из Ах-йот, сооруженная воином и изображающая старшего царя, ласкающего младшего. Совершенно точно, на младшем царе — мужской синий венец с выгнутым верхом и оттянутыми боками, и одет младший царь в одежду никак не женскую — не доходящую даже до щиколоток. И все же какая странность: вместо четырех колец, двух колец Амен-хотпа IV и двух колец Семнех-ке-рэ, перед царями начертано только три стоячих кольца, оставшихся, к сожалению, как и кольца солнца вверху, незаполненными. Г. Рёдер отметил эту странность («zusammen drei!»),¹⁶ но не сделал отсюда никакого вывода. Вывод же напрашивается сам собой.

Когда бы и где бы мы ни находили на солнцепоклоннических памятниках три кольца, стоящих бок о бок одно с другим и принадлежащих царственным особам того времени, это всегда и повсюду два кольца царя и одно кольцо царицы. И это правило подтверждено великим количеством примеров. Напротив, на другой плите из Ах-йот, которой мы до этого занимались и на которой задним числом было проставлено титуло [103] Сем-нех-ке-рэ, мы находим, как и следовало ожидать, четыре кольца: два кольца Амен-хотпа IV и два кольца Семнех-ке-рэ, поставленные все стоямя бок о бок одно с другим. Значит, число колец на памятнике А недвусмысленно свидетельствует, что сотоварищ старшего царя, обладатель всего лишь одного кольца, третьего из трех, не настоящий фараон, у которого было бы два кольца, а царица.¹⁷ Опять-таки, как и на переделанной плите, сотоварищ Амен-хотпа IV оказывается женщиной!

Теперь объясняются и женская грудь мнимого Семнех-ке-рэ, и ласковое прикосновение старшего царя к подбородку младшего, вызвавшее столько кривотолков в науке. Напомним, что первоначально никто не сомневался, что на памятнике А изображены царь и царица. Но как же на голове у царицы может быть мужской, а не женский, синий венец и почему, если это царица, она в мужской рубашке, не доходящей даже до щиколоток, а не в женском платье, которое покрывало бы самые ступни? Причиною того мы займемся в дальнейшем, сейчас же только заметим, что одежда на старшем все же более мужская, чем на младшем: у старшего она прикрывает лишь верх голеней, у младшего почти достигает щиколоток. Иными словами, одевание младшего царя намного ближе к женскому, чем у старшего, и это не случайность, а, как увидим дальше, закономерное явление.

Теперь о памятнике Б, незаконченной плите с изображением младшего царя, наполняющего чашу старшему. Таких недвусмысленных указаний на женский пол младшего царя, как на предыдущей плите А, здесь не имеется. Но сильно выдающаяся вперед грудь этого лица проще всего объясняется, если оно — женщина. Главное же, на единственном изображении солнцепоклоннической поры, которое отвечает имеющемуся на плите Б, на изображении наполнения чаши царю ЕА II: XXXII, наливает напиток царю его супруга — царица Нефр-эт, притом точь-в-точь из такого же продолговатого небольшого сосуда, как и то лицо в мужском синем венце. Сходство между обоими изображениями, конечно, давно обращало на себя внимание исследователей. О венце, как уже было сказано, речь будет позже. Пока же отметим, что, помимо него, ничто не препятствует признанию в венценосном виночерпии женщины. Напротив, женская грудь, значительно меньший рост и самый род оказываемых услуг вполне этому благоприятствуют. На первых порах никто ведь и не сомневался в том, что наливает напиток царю на плите Б его супруга.

На памятнике В, камне из Мэнфе с остатками изображения двух шествующих друг за другом царей, младший царь выглядит мужественней. Правда, такое впечатление основано на воспроизведении от руки, сделанном в середине прошлого века, [104] и будь в нашем распоряжении снимок, впечатление могло бы быть иным. Особенно придает мужской вид младшему царю пояс, повязанный не высоко под грудью, как то бывало у женщин, одетых в складчатые платья, а по-мужски над бедрами. Однако помимо маленького роста

¹⁶ G. Roeder. Thronfolger und König Smench-ka-Rê. S. 48.

¹⁷ Ю. Я. Перепелкин. Тайна золотого гроба, 1968. С. 98.

второго фараона, что само по себе еще мало что доказывало б, в его облике имеется черточка, позволяющая усомниться в его мужском поле. Младший царь, судя по имеющемуся воспроизведению, следует за старшим фараоном слегка, но вполне заметно наклонившись вперед. Припомним, что и особа женского пола на переделанной плите из Ах-йот стоит позади Амен-хотпа IV тоже несколько наклонившись вперед.

Камень Г из Шмуна кажется на первый взгляд неоспоримым доказательством сосуществования двух солнцепоклоннических царей-мужчин. Как отмечает издатель, на обеих больших особах, которые почти одного роста, — мужские царские передники с отделкою по низу в виде ряда аспидов. Да и рубашки у обоих царей не до земли, как то полагалось для складчатых женских платьев. И тем не менее даже сами одежды, несмотря на весь их мужской покрой, при внимательном рассмотрении оказываются на младшем фараоне много более близкими к женским, чем на старшем. Рубашка на старшем царе доходит только до середины голеней, а сзади ниспадает совершенно отвесно, на младшем же царе спускается значительно ниже — ниже середины голеней, а сзади прикрыта складчатым плащом, свисающим ниже рубашки и, чем дальше к низу, тем больше отступающим от икр. Подобные плащи составляли обычное добавление к складчатым платьям у женщин и были переняты Амен-хотпом IV, любившим похожие на женские наряды, но очень редко встречаются у других мужчин того времени (в частности, на фараоне Семнех-ке-рэ такой плащ накинута поверх рубашки на изображении EA II: XLI). Таким образом, наряд младшего царя на камне Г далеко не столь выраженно мужской, как наряд старшего царя. Это примечательно, потому что совпадает с тем, что наблюдается на памятнике А, где младший царь, который располагал лишь одним кольцом и потому должен был быть женщиною, тоже облачен в одежду хотя и мужскую, но все же много более близкую к женской, чем одежда старшего царя. Но не менее примечательно и то, что на маленькой женщине, следующей с гремушкой в руке за двумя большими особами на камне Г и являющейся, очевидно, царевною, платье тоже не доходит до земли, как то бывало у царских дочерей, но, как бы в подражание платью второй особы, точно такой длины, как у той.

Присутствие этой маленькой женщины позади двух первых особ большого размера может служить сильным доводом в пользу женского пола младшего царя. Маленький рост в противоположность большому росту предшествующих особ, сильно [105] вытянутый назад череп без признаков волос сзади, прядь волос сбоку и гремушка в руке — все это, вместе взятое, позволяет видеть в крошечной женщине позади двух фараонов царевну. Бесчисленные изображения дочерей Амен-хотпа IV и Нефр-эт в обществе родителей служат тому хорошим подтверждением. Но те маленькие царевны никогда не бывают изображены без матери. Вспомним, что и в клятве царя на вторичных и третичных (см. § 41) пограничных плитах Ах-йот дочери считаются находящимися в непосредственном ведении не царя, а царицы: «(Как) услаждается сердце мое женою царевой да детьми ее, (из) которых (да) дастся состариться жене царевой великой Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно! — за (?) эту тысячу тысяч лет, (в течение коей) была (бы) она под рукою фараона — жив, цел, здоров! — (и да) дастся состариться дочери царевой Ми-йот (и) дочери царевой Мек-йот, ее детям, (тем временем как) были (бы) они под рукою жены царевой, их матери, вековечно вечно» (EA V: XXVII-XXVIII). Изображений, где кто-либо из этих маленьких царевен следовал бы за царем, а не за царицею, насколько мне известно, не существует. Не приходится сомневаться в том, что и на памятнике Г маленькая царевна следует за своею матерью и что, следовательно, младший фараон — женщина.

Сходное заключение неизбежно и в отношении памятника Д — оттиска печати с изображениями двух сидящих больших царей (из которых задний в мужском синем венце обнимает переднего) и, видимо, стоящей за ними маленькой особы. Насколько можно распознать, у этой последней голова вытянута назад и без признаков волос. Вместе с маленьким ростом эти две особенности свидетельствуют о том, что стоящая позади особа скорее царевна, чем царица. А если маленькая особа царевна, то задняя сидящая особа в мужском синем венце должна быть ее матерью, так как, по сказанному выше, нельзя

ожидать, чтоб маленькая царевна была изображена с двумя царями-мужчинами без матери. Положение в общем такое же, как и в случае предыдущего памятника, и заключение, сделанное относительно его, позволяет умозаключить сходным образом и об изображении на не совсем четком оттиске маленькой печати. То, что на этом оттиске именно задняя особа, младший фараон в синем венце, обнимает переднюю, подкрепляет предложенное толкование. Поскольку только одно лицо из двух обнимает другое и сидит вдобавок за ним, трудно, в силу приемов тогдашнего искусства, не счесть обнимающее лицо за женщину.

Остаются памятники Е и Ж — два оттиска одной и той же печати с изображением двух царей под лучезарным солнцем; старшего — больших размеров и младшего — меньших размеров. То, что на голове старшего царя — красный венец, а на голове младшего — мужской синий, роднит это изображение [106] с изображением на плите А, где младший царь, располагавший титулом с одним только кольцом, оказался, царицей.

Подведем теперь итог нашему обследованию изображений двух безымянных царей. Вывод касательно пола младшего из них может быть только один: младший фараон — женщина. Этот младший царь всегда в мужском синем венце — самом близком к синему женскому, в отличие от старшего царя, который на этих изображениях никогда не бывает в синем венце. Младший царь неизменно, когда можно распознать одежду, одет по-мужски, но столь же неизменно его одежда длиннее одежды старшего царя, приближается к женской. Младший царь почти всегда меньше ростом, чем старший, что свойственно женским изображениям. Он часто делает именно то, что пристало бы делать супруге: обнимает старшего царя, принимает от него ласки, наполняет ему чашу. Наконец, и это особенно важно, младший царь располагает титулом, включающим в себя только одно кольцо, иными словами, титулом царицы, а не настоящего царя, тогда как в титул старшего царя входят два кольца.

Но если младший фараон — женщина, то кто же она, эта цареподобная особа? Царица Нефр-нефре-йот Нефр-эт, как полагали первоначально? Но со времени выхода статьи П. Э. Ньюберри все доподлинно знают, что младший царь носил мужской синий венец, тогда как царица Нефр-эт носила синий венец женский. Да и помимо венца у младшего царя черты совершенно несвойственные Нефр-эт. Последняя никогда не держит в руке крючковатого скипетра, как младший царь на оттисках печати Е и Ж, и никогда не носит, как он на памятнике Г, царского передника с подвесками в виде ряда аспидов. Ни на одном из ее бесчисленных изображений, по крайней мере из известных мне, она не одета в платье, которое не ниспадало бы до самых ступней или — чаще всего — до самой земли (сомнительные исключения ЕА II: XXXVII = XXXVIII и ЕА III: XIII вряд ли могут идти в счет, потому что царица скрыта за фараоном). На младшем же царе на памятниках А и Г одежды, не доходящие до щиколоток. На царице Нефр-эт почти никогда не видно и столь низко повязанного пояса, как на младшем царе на памятнике В (исключение — RMVI: LIV 9 = SAK II: III 2¹⁸). Наконец, что чрезвычайно важно, ни на одном из бесчисленных изображений царицы Нефр-эт она, насколько могу судить, ни разу не держит в руке веера — большого пера на длинной рукоятке, составлявшего принадлежность высоких придворных сановников — «носителей веера одесную царя» — и придворных жен из царского сопровождения. Подобный веер не видим мы и в руках у других цариц солнцепоклоннического времени: ни у Тэйе (JEA IX: XXI 1 = EE 1922-1923: 43, JEA XII: I [107] = ARK: VII = HTES VIII: XXII = AeKHK: XIII = STEA: 21 = CuAE²: XXII b, ЕА III: IV, VI, VIII = IX, XVIII = TQT: XXXII, ср. также изображения ее изваяний ЕА III: VIII = X + XI + XXV G), ни у цариц Ми-йот (ЕА II: XLI) и Анхес-эм-п-йот (TT I: II = T I: Titelbild = Tyr: I = SA III: XVII = Tou²: против 64 = Tut: X = KEAZ: LVIII = EPh: 122 = GT: LI = AANE: 187 = VMPh: VI = B Неф: VI цветная = CT: IV). Его часто носит сестра царицы Нефр-эт — Бенре-мут (ЕА II: VII, VIII, ЕА VI: II, XVI, XVII, XXVI, XXVIII, ср. ЕА II: XXXIII = XXXIV; без веера — ЕА II: V два раза, ЕА VI: IV; неясно из-за повреждений — ЕА V: III). Один раз мы находим его в руках у четырех царевен, однако их мать, царица Нефр-эт, и тут не держит его (ЕА III: XVIII). И вот этот веер держит в руке младший царь, следуя за старшим на изображении В, как если б был только

¹⁸ B. Löhr. Aḥanjāti in Memphis // SAK. Bd 2, 1975. S. 156.

членом царского сопровождения. Допустим на мгновение, что под самый конец своего царствования Амен-хотп IV по неизвестной причине уступил царице Нефр-эт свой синий венец, вручил и ей также крючковатый скипетр и облек ее в мужской фараоновский наряд. Каким образом после такого повышения в сане могла бы Нефр-эт низойти до ношения за супругом веера, того веера, который она не носила, будучи просто царицей, который носили подданные-придворные, а в царской семье самое большее — царевны? Нет, несомненно, младший царь не Нефр-нефре-йот Нефр-эт.

В своем месте было сказано, что отправною точкою для решения загадки двух царей нам послужит переименованная плита из Ах-йот, на которой Амен-хотп IV изображен в сопровождении неизвестной женщины, чье изглаженное титуло было заменено титулом Семнех-ке-рэ. Вернемся к этой плите. Может ли быть неизвестная женщина царицей Нефр-эт? Нет, не может, потому что Нефр-эт ни разу не изображена где бы то ни было смиренно наклонившеюся позади стоящего прямо супруга. А так именно изображена неизвестная на плите. Но если эта женщина не царица Нефр-эт, то не есть ли эта незнакомка та самая женщина, которая кроется за обликом младшего царя? Своим смиренным наклоном вперед женское изображение на плите не может не напомнить младшего фараона, как он представлен на камне из Мэнфе (памятник В), следующим слегка наклонившись вперед за старшим царем, со своим отнюдь не царским веером в руке. Трудно не предположить, что особа, переименованная на плите из Ах-йот в Семнех-ке-рэ, и особа, переименованная на изображениях из южной усадьбы и Шмуна в Ми-йот и Анхес-эм-п-йот, одно и то же лицо; множить без надобности таинственных спутниц фараона у нас нет оснований. Мы уже обратили внимание на сходную осанку у женщины, переименованной на плите из Ах-йот в Семнех-ке-рэ, и у младшего царя на камне из Мэнфе (памятник В): заметный наклон туловища вперед, не свойственный изображениям царицы. На камне из Шмуна ZAE SA LXXIV: 105 = ARH: XIX 234–VI мать царевны [108] являет ту же особенность, только еще более резко: эта особа стояла глубоко наклонившись, надо полагать, позади фараона. Излишне повторять, что изображений царицы Нефр-эт в подобном положении неизвестно. Но у склоненной особы на камне из Шмуна и у младшего царя на камне из Мэнфе оказывается еще одна общая черта. Тот младший царь держит в руке веер большое перо на длинной рукоятке, склоненная особа несла палку или трость, подобно тому вееру тоже никогда не встречающуюся на солнцепоклоннических изображениях в руках у цариц. Но несоизмеримо более существенно, что за младшим царем на одном камне из Шмуна (памятник Г) следует царевна, притом одна, совсем как за особою, выдаваемою за Ми-йот и Анхес-эм-п-йот на камнях из того же Шмуна и из усадьбы. Как уже было сказано, присутствие царевны позади младшего царя выдает с несомненностью, что этот младший царь на самом деле женщина, мать царевны. Круг смыкается: спутница Амен-хотпа IV на плите из Ах-йот, переименованная в Семнех-ке-рэ, спутница Амен-хотпа IV на камнях из Шмуна и усадьбы, выдававшаяся за Ми-йот и Анхес-эм-п-йот, и сотоварищ Амен-хотпа IV — младший царь, по всей видимости, одно и то же лицо. Но кто же тогда эта загадочная особа, как не Кэ́йе?

Изложенные изыскания сделали это весьма вероятным. Но есть еще один памятник, позволяющий считать вторым фараоном Кэ́йе с вероятностью, граничащей с достоверностью. Это — камень из Шмуна ARH: X 826–VIII A.

У левого края камня — остаток ободка отвесного царского кольца и, возможно, кончик буквы *m* от звания, стоявшего над кольцом. Правее — второе отвесное кольцо, сохранившееся на две трети с неповрежденным званием над ним. Далее следуют верхние половинки двух отвесных строк с титулом царевны, отграниченных отвесною чертою от колец, одна от другой и от правого края камня. Что правее ничего больше не было, доказывает условное изображение неба над надписью, «опирающееся» концом на ближайшую к правому краю камня ограничительную черту. Ниже колец был некогда изображен царь; в узком пространстве под двумя отвесными строками, содержащими титул царевны, могло уместиться лишь изображение маленькой девочки. Восстановив под кольцами продольную

строку с многолетием и предположив, что отвесные строки с титулом царевны кончались обе на одном уровне с царским надписанием, мы должны будем восстановить в конце второй отвесной строки наименование «Малая» (*m' шрт*).

[Царь (и) государ]ь (?)	Сын Рэ	Дочь царева	эм-
[Анх-шепр.-рэ]	Нефр-нефре-йот	от утробы его	п-йот
[Ми-нефр-шепр-рэ]	Ми-[ва-н-рэ]	[возлюбленная его]	[Ма-]
[(кому) дано жить вечно вековечно]		[Анхес-]	[лая]

[109]

Титуло Анхес-эм-п-йот, несомненно, не исконное, а вставлено при переделке надписи, как и на прочих подобных камнях из Шмуна (см. гл. III и VII). И написано оно много крупнее, чем предшествующее ему кольцо и его заголовок («сын Рэ»). Но если титуло царевны — позднейшая вставка, то и имена Семнех-ке-рэ в обоих кольцах не могут не быть таковою. Ведь маленькая царевна до ее переименования должна была стоять за своею матерью Кэ́йе. Однако почему место Кэ́йе не заняла, как обычно, мать младшей Анхес-эм-п-йот Анхес-эм-п-йот старшая, а занял вопреки всякому смыслу и обыкновению фараон Семнех-ке-рэ, женатый на Ми-йот и никакого прямого отношения ни к старшей, ни к младшей Анхес-эм-п-йот не имевший? Не произошло ли такое потому, что Кэ́йе была изображена не в виде женщины, а в виде фараона? Переименовать женское изображение было проще простого, а переделать фараоновское в женское — сложно. Но маленькая девочка должна была стать не Ми-йот Малой, а Анхес-эм-п-йот Малой, если данная божница Кэ́йе была передана не Ми-йот старшей, а старшей Анхес-эм-п-йот. Выходит, таким образом, что камень из Шмуна ARH: X 826—VIII A сохранил нам частично то надписание, которое некогда могло значиться над изображением, сохраненным в его нижней части другим камнем из того же Шмуна (MDAIAK XIV: XI 1 = TЗГ: 97 = ARH: XVI 406—VII A), изображением двух фараонов, от которых уцелели лишь ноги, и маленькой царевны (см. выше). Иными словами, на обоих изображениях должны были быть первоначально представлены служащими солнцу Амен-хотп IV, Кэ́йе в виде фараона и ее маленькая дочь. [110]

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СОПЕРНИЦА ЦАРИЦЫ

С раскрытием тайны золотого гроба и найденных с ним погребальных сосудов, с опознанием хозяйки южной усадьбы и северного дворца, с установлением личности царственной особы из Шмуна, с прочтением по-новому ряда скорописных известий, с разгадкой загадки второго фараона мы оказываемся в обладании обильными источниками о любимице Амен-хотпа IV Кэ́йе. Теперь ее место в тогдашних событиях не может не представиться нам в совсем новом свете и много более значительным, чем казалось сперва. Мы очутились вдруг перед лицом множества свидетельств, по-разному представлявших возлюбленную фараона: то царственной женщиной, то мужеподобным царем, то одну с Амен-хотпом IV, то в сопровождении дочери — свидетельств из собственно Ах-йот и из его окраин, южной и северной, из Нэ, Мэнфе, Шмуна, западного Низовья, свидетельств, представленных дворцами, садами, божницами, изваяниями, круглыми и плоскими, золотым гробом, сосудами, печатями, скорописными записями. Разобраться в пестром нагромождении разнородных показаний — задача нелегкая. Источники чрезвычайно отрывочны и бессвязны, однако все-таки, если главные загадка разгаданы правильно, она в какой-то мере осуществима.

На положении побочной жены венценосного возлюбленного мы застаем Кэ́йе сравнительно рано — через несколько лет после появления рядом с ним его царицы, «жены царевой великой» Нефр-эт.

Древнейшее вещественное и письменное свидетельство о Кэ́йе, место которого в цепи памятников царствования может быть определено точно, представляют два невзрачных сосуда, несомненно принадлежавших когда-то царской любимице (JEA XLVII: 29, 30). Оба они были надписаны одинаково, но на одном из них (втором) кольца солнца теперь отбиты. Солнечным кольцам «предстояли» кольца царя, а за ними тоже отвесно было написано в трех строках титул хозяйки сосудов: «Жена-любимец большая царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель (последнее обозначение пропущено на первом сосуде) Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, отрока доброго Йота живого (на втором сосуде "живого" повторено ошибочно в начале новой строки), который будет жив вековечно вечно, Кэ́йе». [111]

Солнечные кольца — ранние, но уже с многолетием «(кому) дано жить вечно вековечно» (см. § 30), так что сосуды не древнее III (см. § 36) и не позднее VI (см. § 39) солнечного титула. Иными словами, они были надписаны между 8-м (см. § 36) и 12-м (см. § 25) годами царствования. При этом вероятно то, что они были изготовлены ближе к 8-му году, чем к 12-му, потому что в обоих случаях над кольцами царя значится дважды владыческий заголовок: «владыка обеих земель» — «владыка венцов», при ранних солнечных кольцах более употребительный в первые годы по их введению, нежели в последующее время (см. § 62). Любопытно, что уже на этих древнейших памятниках титул Кэ́йе как бы занимает место колец царицы позади фараоновых в молитвенном предстоянии кольцам солнца. Хотя имя Кэ́йе, как и годы спустя, остается не вписанным в царственное кольцо, но на одном из сосудов (первом) определитель к ее обозначениям «жена» и «Кэ́йе» изображает не просто сидящую женщину, а женщину с венчиком цариц на голове. Такие венчики бывали составлены из вздыбленных изображений царских аспидов. Венчики бывают на определителях к имени царицы Нефр-эт (см. § 77, 80), но на определителях к именам ее дочерей они до конца царствования не встречаются. Определитель к имени Кэ́йе держит что-то в руке, но что — по изданию не определить. Однако на «бич» (т. е. махалку), который часто держит в руке определитель к имени царицы (см. § 77, 80), этот предмет как будто бы не похож, да и уместиться хвостам «бича» здесь было б негде. Судя по изданию, определитель очень близко придвинут к спинке предшествующего знака коршуна, последней буквы в имени Кэ́йе.

Следующее по времени, если только не одновременное, известие о Кэ́йе доставляет нам ее гроб, заготовленный, очевидно, впрямь задолго до ее кончины. Такого рода

предусмотрительность не представляла ничего необыкновенного при солнцепоклонническом дворе. Алавастровый ящик с сосудами для внутренностей самого Амен-хотпа IV был изготовлен и надписан за много лет до его смерти, еще при ранних солнечных кольцах (ASAE XL: LII, EA VII: 30, 31, 32, XXII 10). При ранних солнечных кольцах или самое позднее вскоре после замены их поздними был надписан и гроб Кэ́йе: в непеределанных частях шести надписей царь уже «живущий правдою» (см. § 64), а в трех из них слово «правда» передано человекообразным знаком-изображением Мэ (TQT: 18 = WFAO XII: 149-150 = ASAE XXXI: 100 [= отчасти I] = отчасти TTA: 169 CXCVI A-B; см. § 108). Обшитый золотом снаружи и внутри, испещренный богатыми многоцветными вставками, этот гроб до открытия гробов Тут-анх-амуна был самым роскошным из всех дошедших до нас от фараоновского Египта. Изготовленный не позже как около времени переделки ранних солнечных колец в поздние, он свидетельствует недвусмысленно о том, что Кэ́йе занимала совершенно [112] исключительное положение подле фараона еще при ранних солнечных кольцах. На гробе многократно повторено было ее титуло, то же самое, что и на сосудах: «[Жена-]любимица большая царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель [Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ], отрока доброго Йота живого, который будет жив вековечно вечно, Кэ́йе» (см. гл. IV). Перед нами, следовательно, твердо установленное титуло, так что отношения Амен-хотпа IV и Кэ́йе определились и получили свое торжественное и строгое выражение в ее титуле до переделки ранних солнечных колец в поздние.

Вместе с тем нельзя не заметить, что приведенное титуло в корне отлично от титула царицы (см. § 74–90). Ни одно звание Кэ́йе не намекало на причастность к государственной власти: «владычицей обеих земель», «госпожою Верхнего (и) Нижнего Египта» побочная жена фараона не была. Она оставалась частным лицом, и в ней не видели ничего такого, что позволяло бы желать ей, как Нефр-эт, «жить вечно вековечно». Имя Кэ́йе не заключено в кольцо. Она — не «жена царева великая», а просто «жена» такого-то царя. При этом определение к имени фараона («отрок добрый Йота живого, который будет жив вековечно вечно») составлено, как то было отмечено Х. Шэфером,¹ по-новоегипетски, а не на среднеегипетском языке, на котором сложено титуло царицы. Разговорная, обиходная новоегипетская речь — «просторечье» — была приемлема по отношению к побочной жене; полноправную же царицу величали по завещанному прадедами способом — на старинном языке.

Ко времени изготовления гроба Кэ́йе не имела и права на царскую налобную змею — другое отличие от настоящей царицы. Изображение аспиды, прикрепленное ко лбу человекоподобного гроба Кэ́йе, должно быть позднейшим добавлением. Трехкратное написание слова «правда» на гробе знаком Мэ (WFAO XII: 149-150), вышедшим из употребления вскоре после переделки солнечных колец в поздние (см. § 108), предрасполагает считать гроб изготовленным и надписанным, скорее всего, еще при ранних солнечных кольцах,² тогда как на аспиде значатся поздние (TQT: 19 = II). Определенно позднейшее происхождение этого аспиды доказывает сравнение гроба с изображениями Кэ́йе на плитах из усадьбы на юге Ах-йот. Эти плиты надписаны поздними солнечными кольцами, и тем не менее Кэ́йе, хотя и представлена здесь с теми же «ступенчатыми» короткими накладными волосами на голове, что и на гробе, не имеет ни в одном случае царского аспиды на лбу (CA I: XXXII 2 = LVI 271 J + M, XXXIV 1 = LVI 273 = T3Г: 70 = ZZR: между 128 и 129, ср. CA I: XXXV 11). Таким образом, и [113] на золотом гробе она хотя и торжественно признанная, но все же только возлюбленная фараона без права на кольцо вокруг имени и на налобного аспиды. Ее близость к царю нашла отчетливое выражение в полной любви заупокойной молитве к нему, начертанной на подошвах человекообразного гроба. Однако ровней царице Кэ́йе в ту пору еще не была.

От поры ранних колец не дошло даже намека на какие-либо сооружения в честь Кэ́йе. Сама усадьба на юге солнцепоклоннической столицы в первые годы по ее основании

¹ H. Schäfer. *Altes und Neues zur Kunst und Religion von Tell el-Amarna* // ZÄS. Bd 55, 1918. S. 4.

² C. Aldred. *The tomb of Akhenaten at Thebes* // JEA. Vol. 47, 1961. P. 45.

устраивалась совсем не для Кэ́йе. В величественном преддверии, ведущем в южный сад (северного сада тогда еще, возможно, не было), были в те годы изображены и поименованы (вместе с царем царица Нефр-эт и ее дочь Ми-йот, а не Кэ́йе с дочерью — СА I: XXXIV 4, XXXV 8, LX 131. На первом обломке многолетие царицы [«жива она веч»]но вековечно!» указывает на время не раньше III (см. § 36) солнечного титула (см. § 82); знак протока для *mr* на всех трех обломках позволяет полагать, что они не позднее того же III солнечного титула (см. § 104). Впрочем, и в ближайшие затем годы царица с дочерью (дочерьми?) продолжала именоваться в надписях преддверия, поскольку имеются куски титула царевны со знаком пруда для *mr* (СА I: LX 129, 132, 133), что может указывать на время после III солнечного титула (см. § 104). Во всяком случае, среди прочих обломков титул Нефр-эт ни один не содержит указаний на время после переделки солнечных колец в поздние. Напротив, определитель к имени царицы с перьями (СА I: XXXII 1, XXXIV 5, см. § 80) и сами ранние солнечные кольца, встречающиеся то тут, то там с ее именем (СА I: XXXII 1), говорят о времени более раннем. От поры ранних солнечных колец не дошло и изображений Кэ́йе вместе с царственным возлюбленным.

Подобное положение сохранялось, видимо, в течение долгих лет, так что и на протяжении какой-то части поры поздних солнечных колец незаметно существенных перемен. Как мы только что отметили, ни на одном изображении на плитах из южной усадьбы Кэ́йе не носит на лбу царской змеи; эти же плиты определенно времени поздних солнечных колец. Мало того, ни один луч-рука лучезарного диска на этих изображениях не простирается до Кэ́йе, не протягивает к ее носу знак жизни, хотя тут же солнечные лучи-руки подносят знак жизни к носу царя. Следовательно, побочная жена царя по-прежнему не чета царице; не располагает, как та, правом на налобного аспида, на получение знака жизни из солнечных рук, на их прикосновение, не говоря уж о праве на кольцо вокруг имени.

Обиходная разговорная новоегипетская речь звучит по-прежнему в титуле побочной жены, тогда как в титуле царицы, как и в титулах других особ царского дома, по-прежнему старинные среднеегипетские обороты. Усадебные плиты знакомят [114] нас с дочерью Кэ́йе и отчасти с титулом этой девочки. Нет причин полагать, что дочь Кэ́йе родилась после переделки солнечных колец из ранних в поздние; вполне возможно, что девочка родилась раньше и носила свое титуло, подобно матери, еще при ранних солнечных кольцах. Однако твердых оснований утверждать это не имеется.

И все-таки, как ни умалена на усадебных изображениях по сравнению с супругой царя его побочная жена, она все же служит, подобно той, вместе с фараоном его солнцу. Да и не только служит, а имеет собственную божницу ее имени. Ведь ряд изображений совместного служения солнцу царя и его побочной семьи происходит именно из такого места почитания солнца в южной усадьбе — из «сени Рэ» побочной жены царя Кэ́йе. «Сени Рэ» своего имени в солнцепоклоннической столице имели мать царя Тэ́йе (ЕА III: VIII = IX-XI), его старшая дочь царевна Ми-йот (TRSLUK I: II = PSBA XV: 210-211 = TTA: 159 CLXXXIII = HTES VIII: 28 = XXIV) и, согласно царской клятве, должна была получить «жена царева», т. е. Нефр-эт (пограничные плиты Ах-йот К, строка 15 — ЕА V: XXX = XXXVIII = TTA: 113-114 и X, строка 17 — ЕА V: XXXII). Что «сень Рэ — жив, цел, здоров! — жены царевой — жива она! — на юге», упомянутая в неизданной скорописной пометке (СА III: 201), принадлежала Нефр-эт, далеко не достоверно. Если вместе с издателем считать, что имеется в виду «сень Рэ» в южной усадьбе,³ то эта «сень Рэ» была имени Кэ́йе, а не Нефр-эт (см. гл. II). Правда, у членов основной царской семьи «сени Рэ» бывали обширными самостоятельными зданиями, как у Тэ́йе, или числились за самим государственным храмом солнца, как в случае царевны Ми-йот. У Кэ́йе же ее «сень Рэ» была пока что скромным сооружением в пригородной усадьбе, и тем не менее это была все-таки «сень Рэ», солнечный храм ее имени, как у настоящей царицы.

Но и «сень Рэ» в самом средоточии солнцепоклоннической столицы, там, где были государственный храм и главный дворец, не заставила себя долго ждать. Именно из этой

³ H. W. Fairman, J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. L., 1951. P. 201.

«сени Рэ» должны быть многие камни из числа перевезенных в Шмун для строительных надобностей из соседней с ним солнцепоклоннической столицы, когда та была покинута и разорена. Эта «сень Рэ» Кэ́йе должна была быть если и не большим, то все же представительным сооружением, судя по количеству камней, на которых изображения и титулы Кэ́йе были переделаны на имя Анхес-эм-п-йот, которой молельня была присвоена под названием «сень Рэ дочери царицы от утробы его, возлюбленной его, Анхес-эм-п-йот в доме ликования Йота в доме Йота в Ах-йот» (см. гл. III). Что за храмовая постройка перешла [115] от Кэ́йе к Ми-йот под названием «дома дочери царицы Ми-йот в доме Йота в Ах-йот», остается несколько неясным.

Во всяком случае, это была постройка из камня и сравнительно крупная, судя опять-таки по количеству камней из Шмуна с изображениями и титулами Кэ́йе, переделанными на имя Ми-йот (см. гл. III). Возможно, сестры поделили «сень Рэ» Кэ́йе. Изображения Кэ́йе на камнях из Шмуна отражают дальнейшее ее возвышение. Теперь лучи многорукого солнца уже тянутся к ней и подносят ей знак жизни, как если бы она была самой царицей (ZAcSA LXXIV: 105 = TЗГ: 105 = ARH: XIX 234–VI, MDIAeAK IX: VII = ARH: XIV 507–VI A + 311–VI A, ARHAC: 27 = ARH: CLXXVI PC 27, ARH: XXXII 772–VIII, XXXIV 150–VIII D, ср. XVIII 652–VIII B). В южной усадьбе они ни того, ни другого еще не делали. Тем не менее на камнях из Шмуна имя Кэ́йе ни разу не заключено в кольцо, как то подобало царице (MDIAeAK XIV: XII 1 = ARH: XV 610–VII, ARH: XXXII 153–VIII = LVII 135–VIII, ср. LIII 149–VIII C, CXI 438–V A). Зато многолетие «жива она!», по-видимому, нередко сопровождало имя Кэ́йе, судя по тому, что на камнях из Шмуна оно, вопреки принятому обыкновению, часто оказывается после имени царицы, к которой перешел храм (MDIAeAK IX: VII = ARH: XIV 311–VI A, ARH: LIII 149–VIII C, CXI 438–VIII A, CXXXIV 983–VIII A, CLIX 448–VIII — многолетие «жива она вечно вековечно!», ср. LXXVIII 91–VIII C, CXXXIV 983–VIII C — многолетие «жива она вечно!»), и даже после имени ее дочери (ASAE XXXVIII: LXXV = MDIAeAK IX: VIII C = ARH: XXIX 632–VIII A). В южной усадьбе многолетие «жива она!» встречается всего-навсего один раз после имени заступившей Кэ́йе во владении усадьбой царицы Ми-йот (CA I: LIX 43), после имени же самой Кэ́йе — ни разу (CA I: XXXII 3 дважды, XXXV 9). Возможно, впрочем, что многолетие «жива она!» было употреблено после имени Кэ́йе на ее золотом гробе еще при ранних солнечных кольцах или в ближайшее время после переделки их в поздние (см. гл. IV). В остальном титул Кэ́йе, судя по остаткам его на камнях из Шмуна, оставался таким же, как в южной усадьбе, т. е. к случаю придуманным титулом побочной жены, а не общепринятым титулом полноправной царицы, новоегипетским, а не среднеегипетским, как у той.

Однако на тех же камнях из Шмуна мы находим во всяком случае одно, а то и два или три изображения, указывающие на дальнейшее возвышение Кэ́йе. На тех камнях, где она превращена в царицу, на лбу у нее нет царской змеи, совершенно так же как нет ее и на лбу превращенной в Ми-йот Кэ́йе в южной усадьбе. Но вот на одном камне первоначальное изображение особы, служившей вместе с царем его солнцу, было увеличено; в увеличенном изображении по серьгам нетрудно узнать Кэ́йе (см. гл. III); одна солнечная рука-луч коснулась [116] приставленного ко лбу царского аспиды, а другая поднесла к носу знак жизни (ARHAC: 27 = ARH: CLXXVI PC 27 = SAK II: 83). В итоге прическа и аспид врезались в солнечную руку, зато изображение Кэ́йе, хотя и с запозданием, было увенчано царской змеею, до того присвоенной только царю и царицам Нефр-эт и Тэ́йе. Одновременно в руку Кэ́йе вложили гремушку (систр), которою Нефр-эт и ее дочери да и сама Кэ́йе вместе со своей дочерью (на усадебных изображениях — CA I: XXXIV 1 = TЗГ: 70, CA I: XXXII 2, XXXV 9) «умиротворяли» солнце. Кисть руки нарастили, так что рука перестала держать первоначальное подношение — широкую длинную ленту. С веером, но еще без налобной змеи Кэ́йе, если это только она, изображена на камне ARH: CLXXXVIII PC 107. Веер Кэ́йе, по всей видимости, носила за царем и впоследствии (Ac: I 5 = MDOG LVII: 10 = JEA XIV: 8 = TЗГ: 95 = SAK II: 156). Ступенчатые накладные волосы и серьги, общие у Кэ́йе с женщинами из царского сопровождения, она сохраняет и на том камне, где она увенчана царской змеею.

Если на камне из Шмуна 150–VIII D (ARH: XXXIV) одна из солнечных рук-лучей действительно тянулась к царскому аспиду на лбу спутницы фараона (другая рука подносила

ей знак жизни), то присвоение налобной змеи побочной жене царя не повлияло на ее титул. Остатки его на камне («- - цар[я] (и) [госуда]р[я] - -») предполагают прежний его состав. Однако издатели не упоминают царской змеи на лбу второй особы (ARH: 127), так что положиться на снимок было бы неосмотрительно.

Вероятно, около того самого времени, когда сооружалась божница Кэ́йе в самом средоточии Ах-йот, она стала хозяйкой дворца на севере города, точнее, его совладелицей вместе с венценосным возлюбленным (см. гл. II). Единственная изданная пока надпись из северного дворца содержала после имени Кэ́йе, замененного именем царевны Ми-йот, многолетие «жива она!» (JEA X: XXXIII 3), в подобных случаях еще исключительно редкое в южной усадьбе (CA I: LIX 43), но довольно частое на камнях из Шмуна (см. выше).

За годы, последовавшие за переделкою солнечных колец из ранних в поздние, когда Кэ́йе были предоставлены и отделаны на ее имя южная усадьба, северный дворец и божница в главном месте почитания солнца, побочная жена царя поднялась на высоту, близкую к той, на которой стояла царица. Нефр-эт остались только главный дворец и придворцовый храм «двор Йота», куда соперница не проникала. Но юг и север Ах-йот были уже за Кэ́йе, да и в самом средоточии столицы подле большого дворца появилась божница имени царской возлюбленной. Однако уже наставал час, когда побочной жене фараона суждено было, видимо, вознестись выше самой царицы. Если второй фараон действительно Кэ́йе, то она под конец [117] царствования своего возлюбленного стала его венценосным сотоварищем.

Этому сотоварищу Амен-хотп IV отдал свой фараоновский синий венец. Отныне именно в нем появлялся на памятниках новоявленный второй царь. Неотъемлемой частью венца был царский аспид. В руки женственный венценосец получил царский скипетр. Но, увенчанный фараоновским венцом, держащий фараоновский скипетр, он должен был облечься в соответствующие им фараоновские одежды: получить право на царский передник, убранный по низу изображениями аспидов, носить по-мужски укороченное складчатое одеяние. Правда, было сделано некоторое послабление: складчатое платье младшего царя оставалось шире, чем одеяние старшего, да и длина облачения была у него большею, чем у того.

Для подданных женственный фараон становился предметом поклонения вместе с Амен-хотпом IV и самим солнцем. К. Дерош-Ноблькур⁴ правильно подметила, что второй фараон, которого она вместе со всеми принимает за Семнех-ке-рэ, заменил тут царицу Нефр-эт. Возможно, что маленькая плита с незаконченным изображением второго царя, наполняющего чашу первому (памятник Б), была тоже заказана частным лицом, но достоверно это известно о другой небольшой плите с изображением царей за столом (памятник А). Надпись на ней сообщает, что ее «сотворил воин (корабля или подразделения) Воссиявший в правде» («Воссиявший в правде» — отличительная часть первого из пяти имен высоко чтимого Амен-хотпом IV Амен-хотпа III). Значит, даже простой воин находил нужным заказывать маленькую плиту с изображением новоявленного фараона! Самому солнцу, представленному вверху плиты, не оставалось ничего другого, как одинаково ласково простирать к тому и другому царю свои руки-лучи и подносить к носу каждого по знаку жизни. И оба они восседают за столом почти как равные. Как это отлично от сходной плиты, на которой Кэ́йе была переименована в Семнех-ке-рэ (CA III: CVII 3 = CVIII = A: 104 = AOt XXXVI: 13; см. гл. V)! Там она стояла, смиренно склонившись, позади своего повелителя, больше придаток к нему, чем предмет поклонения, но тогда она явно не была еще фараоном — ведь платье на ней чисто женское (CA III: LXXIII 8 = T3Г: 99 = ZZR: между 128 и 129 = A: 104). Плита эта, видимо, была тоже частного лица, так как на обратной стороне изображено молящимся некое должностное лицо солнечного храма (CA III: LXXIII 9 + CVII 2, A: 106).

И все-таки, несмотря на венец, скипетр, царское облачение, второй царь не стал настоящим царем. Женственный фараон остался при одном имени, получил не два ободка для двух [118] имен, а только один, как царица. Мы видим второго царя всегда лишь в синем

⁴ Ch. Desroches-Noblecourt. Vie et mort d'un pharaon, Toutankhamon. [P., 1963]. P. 163.

венце, тогда как старший царь то в красном нижнеегипетском, то в двойном всеегипетском, в венцах государственных, древних, не таких, как относительно недавно введенный синий венец. Все выглядит так, как если б младший царь имел право всего только на один, и притом второстепенный, венец, представлявший как бы мужское соответствие женскому синему венцу, более всего на него похожий. Изображали второго царя большей частью меньшего роста, в положениях, намекавших, что он — царь младший. В одном второй фараон даже уступал царице: он носил за Амен-хотпом IV веер, чего та никогда не делала, но что делали ее сестра и придворные да изредка царевны. Иными словами, второй царь был своего рода полуфараоном.

Когда же Кэйе могла быть поставлена в цари, когда могла она получить знаки царского достоинства? Изображений двух фараонов дошло до нас немного. Даже при позднем солнечном имени было еще такое время, когда Кэйе не располагала ни царским венцом, ни царской змеею, ни царским ободком вокруг имени, ни царской близостью к солнцу. Приобрести все это Кэйе могла не раньше, как под конец царствования Амен-хотпа IV. Если в скорописной пометке [1]6-го года его царствования (СА II: LVIII 16, см. гл. II) под «домом честной», которому принадлежало вино, следует разуместь хозяйство Кэйе, а это представляется вполне правдоподобным, то неужели тогда уже она могла быть фараоном? Неужели ее служащие смели б величать ее, царя, «честною», неужели б не употребили более подходящего обозначения, вписав его почтительнейше в кольцо? Поскольку остальные данные тоже указывают на конец царствования как время воцарения младшего фараона, предпоследний — 16-й — или последний — 17-й — год владычества Амен-хотпа IV мог быть вполне годом возведения Кэйе в цари.

А что произошло с Нефр-эт, с «женою царицы великой», если на моленных плитах, ставившихся для поклонения, ее место занял новоявленный фараон? Не постигла ли ее царская опала, или, может быть, она скончалась к этому времени?

Возможны три мнения о судьбе царицы: Нефр-эт умерла, Нефр-эт была изгнана, Нефр-эт примирилась с возвышением соперницы и осталась вместе с супругом.

Имеются ли сведения о времени кончины царицы? Прямых известий, на которые можно было бы положиться, у нас нет.

Существует, правда, любопытный рассказ, записанный А. М. Блэкмэном со слов известного писателя Райдера Хаггарда.⁵ Сам Р. Хаггард слышал этот рассказ от В. Дж. Лофти. В начале 80-х годов прошлого века местные жители нашли-де [119] в гробнице, по-видимому той, что была высечена в ущелье позади солнцепоклоннической столицы для фараона и его семьи, известное количество золотых украшений. На некоторых из них имелись будто бы имена Тэйе и Нефр-эт. Согласно В. Дж. Лофти, тут были также перевязи листового золота, помеченные именами тех же двух царственных особ. У В. Дж. Лофти не было с собою столько денег, чтобы купить вещи. В следующую зиму, в 1883 или 1884 г., он приобрел два кольца для двух других лиц, в том числе для Р. Хаггарда, однако золотые перевязи, по словам В. Дж. Лофти, были тем временем переплавлены.

Украшения, которые В. Дж. Лофти купил для себя, были затем приобретены у него королевским Шотландским музеем в Эдинбурге, однако там они были ради большей сохранности так хорошо убраны, что добраться до них А. М. Блэкмэну не удалось. Тем не менее директор музея передал ученому оттиски увесистого золотого перстня-печатки, на котором действительно было вырезано имя Нефр-эт (JEA IV: 45 = APHE: colour pl. XII = EA VII: L 274). Именные золотые перевязи приводили на память показания ряда лиц, имевших дело с останками из так называемой «гробницы Тэйе». По показаниям этих очевидцев, на останках лежали полосы листового золота, надписанные именем Амен-хотпа IV. Правда, впоследствии Ж. Даресси очень просто объяснил эти золотые перевязи на трупе как отвалившиеся с внутренней поверхности гроба куски надписей, однако недавние розыски С. Олдредда привели его к выводу, что на трупе в самом деле были золотые перевязи,

⁵ A. M. Blackman. The Nugent and Haggard collections of Egyptian antiquities // JEA. Vol. 4, 1917. P. 45.

впоследствии пропавшие. Чем бы ни были золотые перевязи, виденные В. Дж. Лофти, но если они происходили из царской гробницы и если они были надписаны именами Тэе и Нефр-эт, то они могли бы служить доводом в пользу того, что обе царицы были погребены в Ах-йот. Однако досадные «если» в сильнейшей степени мешают воспользоваться рассказом для каких бы то ни было заключений. Настораживает и то обстоятельство, что два перстня, попавшие в конечном итоге в собрание Р. Хаггарда, снабжены изображениями совсем не в духе исключительного солнцепочитания последних лет Амен-хотпа IV. На великолепном ложе из гробницы Тут-анх-амуна, выдержанном строго в том духе, чисто растительный узор заменяет привычные изображения старого хранительного божка Бэса (ТТ III: XXXII C = ГТ: CXXX B). На перстнях же Р. Хаггарда изображены: на одном — два Бэса (JEA IV: XIII 8 = EA VII: L 277), на другом — пляшущий и бьющий в бубен лев (JEA IV: XIII 7 = EA VII: L 278), все из того же круга упраздненных хранителей. На одном перстне из той же находки названа даже «Мут, владычица неба», отверженная жена Амуна (EA VII: L 275)!

Но если бы любопытный рассказ был даже во всем точен, [120] то мы все-таки могли бы вывести из него только то, что Нефр-эт скончалась и была погребена в солнцепоклоннической столице, видимо, в царской гробнице, в бытность еще двора в городе, но когда в точности, до или после смерти Амен-хотпа IV, мы из рассказа так и не узнали б.

Широко распространено мнение, что царица Нефр-эт под конец царствования супруга поссорилась с семьей и, уединившись на севере солнцепоклоннической столицы с маленьким Тут-анх-йотом, прожила там до его воцарения. К вопросу о семейной ссоре нам возвращаться незачем. Спросим себя только, на чем основано представление о проживании царицы на севере города с мальчиком Тут-анх-йотом?

При раскопках в северной части столицы были обнаружены косяки какого-то сооружения и притолока из частного дома, на которых имена Амен-хотпа IV были уничтожены, а имя Нефр-эт пощажено; то же можно было наблюдать на набалдашнике из одного из тамошних домов. Затем там были откопаны изложница для отливки двойных поливных щитков с именем царицы и не менее пятнадцати таких отливок. Тут же на севере столицы были найдены украшения с именами других царей и цариц: в ограниченном количестве Амен-хотпа IV, в большом количестве Семнех-ке-рэ, далее его жены Ми-йот, Тут-анх-йота, его жены Анхес-эм-п-йот. Однако вместе со щитками Нефр-эт встречались только вещицы с именами последней четы (см. JEA XVII: 242-243). Тем не менее обращение с именами на севере столицы вряд ли может иметь какое-нибудь отношение к проживанию там Нефр-эт после смерти Амен-хотпа IV, потому что трудно говорить об огульном истреблении уже тогда памяти царя-солнцепоклонника. Мы уже приводили наблюдения С. Олдреда, что на предметах дворцового обихода, найденных в гробнице Тут-анх-амуна, этот царь не трогал имен Амен-хотпа IV (исключение — сосуды АОг XXXVI: 13). Да и все, что известно по этому вопросу, заставляет думать, что последовательно преследовать память «супостата из Ах-йот» начали после запустения и разорения его столицы. Изложницы для двойных щитков с именем Нефр-эт были найдены в большом числе еще до раскопок севера города (TEA: XV 82, AeISMB II: 529 и т. д.), и не только в этой его части были найдены готовые щитки с именем супруги Амен-хотпа IV (TEA: XV 82, SEAPH: 41 и т. д.) и многочисленные вещицы с именами Тут-анх-йота/Тут-анх-амуна и Анхес-эм-п-йот / Анхес-н-амун (TSBA IX: 351 = SEAPH: 41, TEA: XV, SCN: XXXVII, AeISMB II: 522, CA II: XLIX и т. д.). А то, что на севере столицы украшения с именами Нефр-эт и молодой четы находили иногда в одном месте, не слишком ли это узкое основание для широких построений?

Важнее кое-что другое. Еще от 17-го года, последнего года царствования Амен-хотпа IV, имеются скорописные пометки, [121] сделанные на сосудах с вином «дома (т. е. хозяйства) жены царевой — жива она!» (CA I: LXII G — многолетие не сохранилось, K = TTA: 181 CCXIX B). Поскольку от 10–11-го годов, дошли винные пометки «дома Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она!» (CA I: LXIV 1-2, LXII 1 без многолетия), склонны были в пометках 17-го года усматривать намеренное замалчивание имени царицы из-за гонения на нее, которое вычитывалось из остатков южной усадьбы. Впоследствии нашлись более ранние пометки 16-го

(СА III: ХСIII 218), 15-го (СА III: ХСIV 245), 14-го (СА III: ХСII 208) годов и, видимо, даже древнее 13-го года (СА III: LXXXVI 33, ввиду слова «сад», см. § 113), ограничивавшиеся тоже глухим упоминанием «жены царевой» без имени. Более того, оказалось, что «домом жены царевой — жива она!» хозяйство царицы в производственных пометках именовалось еще при Амен-хотпе III (JNES X: 44 7, 18; 48, 94, 147, 172; 54, 207; при Амен-хотпе IV хозяйство Тэ́йе прозывалось «домом Тэ́йе — жива она!» — ТЕА: XXII 14; ср. (вино) — «матери царевой - - -» — СА III: ХС 144). Предположить, что под «женою царевой» сперва подразумевали Нефр-эт, а под конец царствования стали подразумевать Кэ́йе потому-де, что хозяйство царицы под прежним обозначением перешло к сопернице, значило бы предаться ничем не оправданным домыслам. Таким образом, очень похоже на то, что Нефр-эт оставалась царицей вплоть до кончины супруга.

Если Нефр-эт до конца сохраняла свое положение, то понятно и объяснимо странное превращение царской возлюбленной в полуфараона. Раз синий венец царицы сохранялся за Нефр-эт, то Амен-хотпу IV, чтобы венчать и Кэ́йе, оставалось только уступить ей свой фараоновский синий венец. Если место «жены царевой великой» было закреплено за Нефр-эт, то поднять до уровня ее Кэ́йе иначе, как сделав ее вторым фараоном, не было способов. Воцарение Кэ́йе в таком случае было б одновременно плодом великой любви к ней фараона и проявлением внимания к исключительным правам Нефр-эт. Тогда, быть может, не так уж не правы памятники, до последних лет царствования прославлявшие дружбу царя и царицы.

Возникает естественный вопрос: когда именно памятники Кэ́йе были переделаны для других лиц — до смерти или после смерти Амен-хотпа IV? Сами переделки подсказывают первый ответ.

Действительно, и в царской усадьбе на юге Ах-йот, и на камнях из Шмуна титул Кэ́йе заменили титулами дочерей Амен-хотпа IV от Нефр-эт — Ми-йот и Анхес-эм-п-йот, которые величаются в обоих случаях только «дочерьми царевыми», не «женами царевыми» и соответственно не имеют колец вокруг своих имен. Если для Анхес-эм-п-йот звание «дочь царева» вполне подходило бы и после смерти родителя, так как царицею [122] стала не она, а старшая сестра Ми-йот, то в приложении к этой последней звание «дочь царева» после смерти ее отца и воцарения Семнех-ке-рэ, «женою царевой великой» которого она стала, было бы вовсе не уместным. Не менее странно было б отсутствие кольца вокруг имени Ми-йот и опущение царской змеи на лбу на присвоенных Ми-йот изображениях Кэ́йе, если б к тому времени Ми-йот была уже царицею.

Последнее обстоятельство, отсутствие налобной змеи, приводит на ум одно любопытное изображение царевны, вероятно самой Ми-йот,⁶ вырезанное на обломке камня из большого дворца в Ах-йот (JEA XXI: XII 2 + 134 = СА III: LXVI 4 + 61) и ввиду резко искажительного способа выполнения относящееся к первым годам существования новой столицы (см. § 103). Ко лбу царевны приставлен царский аспид, и это сделано, несомненно, после ее воцарения, потому что ни на одном другом изображении какой-либо из дочерей Амен-хотпа IV, дошедших до нас от его царствования, налобной царской змеи нет. Вспомним также известные изображения военачальника Хар-м-ха из его гробницы в Мэнфе времени Тут-анх-амуна, снабженные по воцарении ее хозяина налобными змеями (например, JEA VII: V). Напомним, что на изображениях в южной усадьбе, переделанных из изображений Кэ́йе, Ми-йот представала уже не в виде девочки, как на изображениях времени царствования ее отца, а в виде взрослой женщины, т. е. такою, какою была в дни своего царствования, когда налобная змея была для нее привычным знаком ее царского достоинства (изображение Ми-йот, царицы, — ЕА II: XLI, однако налобная змея на нем целиком разрушена).

Надписанных изображений дочерей фараона и царицы Нефр-эт сохранилось множество, и ни на одном из них, не представляющем переделку из изображения Кэ́йе, за именем царевны не следует многолетие. В случае таких, особенно частых, надписанных изображений это должно казаться естественным, потому что вслед за именем царевны

⁶ J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. P. 61.

следует ссылка на родительницу: «Дочь царева от утробы его, возлюбленная его такая-то, рожденная женою царевою великою, возлюбленною его, владычицей обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!» Но и во всех прочих, более редких случаях, когда титул царевны находится в надписи, не служащей пояснением к изображению, и кончается подобною же ссылкой на родительницу (а это в надписях бывает почти всегда), отсутствие многолетия после имени царевны представляется также естественным. Имеется, однако, несколько надписей, позволяющих предположить, что многолетие после имени было вообще несвойственно титулам дочерей Амен-хотпа IV до их воцарения. Имею в виду те очень немногочисленные надписи, в которых титул царевны, не переделанное из [123] титула Кэйе, лишено ссылки на родительницу. Таковы две надписи на колотушках в виде двух рук из слоновой кости из гробницы Тут-анх-амуна. Обе надписи одинакового содержания и гласят: «Жена царева великая Тэйе — жива она! Дочь царева Ми-йот» (IM: XII B a + b = 26). Хотя каждая из надписей заключена в царское кольцо, внутри его в меньшее кольцо вписано оба раза только имя «Тэйе», имя же «Ми-йот» в такое кольцо не вписано ни разу. Это, как и звание «дочь царева», не «жена царева великая», указывает на время до воцарения Ми-йот. Отсутствие после ее имени многолетия в обеих надписях, тем разительнее, что после имени Тэйе оно оба раза выписано «жива она!».

Обращает на себя внимание и словоупотребление вторичных и третичных (см. § 41) пограничных надписей Ах-йот, из которых все сохранившие нужное нам место содержат многолетие после имени царицы, но не после имен царевен. Царь клянется: «(Как) услаждается сердце мое женою царевою да детьми ее, (из) которых (да) дастся состариться жене царевой великой Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно! — за (?) эту тысячу тысяч лет, (в течение коей) была (бы) она под рукою фараона — жив, цел, здоров! — (и да) дастся состариться дочери царевой Ми-йот и дочери царевой Мек-йот, ее детям, (тем временем как) были (бы) они под рукою жены царевой, их матери, вековечно вечно» (EA V: XXVII-XXVIII). Заслуживает внимания и словоупотребление первичных пограничных надписей Ах-йот К и Х. Ни в той, ни в другой надписи имя царевны Ми-йот не сопровождается многолетием (К строка 18 — EA V: XXX = XXXVIII = TTA: 115; Х, строка 20 — EA V: XXXII). Напротив, имя царицы обычно снабжено им (К, строка IX «жива она вечно! - - -» — EA V: XXIX = TTA: 104-105; строка 18 «жива она!» — EA V: XXX = XXXVIII = TTA: 115; Х, строка XII «жива она!» — EA V: XXXI). Однако значение показаний первичных надписей умалено тем, что имя царицы снабжено в них многолетием все-таки не повсеместно (оно отсутствует в надписи К в строке 17 — EA V: XXX = XXXVIII = TTA: 115, в надписи Х в строке 7 — EA V: XXXI). Можно было бы сослаться еще на обломок из Она ZAeSA XIX: 116 = TTA: 157 CLXVII и на золотой листок LRE II: 360, из которых на первом многолетия нет после титула царевны Ми-йот, а на втором — после титула царевны Мек-йот, но более разумнее оставить эти примеры в стороне, потому что из изданий (печатный набор) нельзя усмотреть, кончались ли надписи на имени царевны или были просто отломаны после него. Не может никак служить примером опущения многолетия после имени царевны титул «дочери царевой от утробы его, возлюбленной его, Анхес-эм-п-йот, правой голосом», начертанное на каменном ларчике PSBA XXXVI: 168, так как здесь место многолетия занято обозначением царевны как «правой голосом», т. е. покойной. [124]

Весьма существенно словоупотребление скорописных производственных пометок (на сосудах с припасами), найденных в солнцепоклоннической столице, но сделанных часто далеко от нее, при этом, в случае пометок, упоминающих женских представителей царского дома, во владениях, этим лицам принадлежащих или так или иначе с ними связанных. Поэтому как ни беглы и незначительны по объему такие пометки, они все же делались лицами, очевидно знавшими, как величать своих царственных хозяек. После имени царицы в названии «дом Нефр-нефре-йот Нефр-эт» многолетие то имеется, то отсутствует. Оно есть в CA I: LXIV 1, 2 = TTA: 180 CCXVIII A, его нет в CA I: LXIII 1; CA III: LXXXV 29, 30. Зато после звания «жена царева», заключенного в кольцо и употребленного самостоятельно без последующего имени, многолетие «жива она!» всегда присутствует, в любых словосочетаниях: «дом жены

царевой — жива она!» — ТЕА: XXIV 90, СА I: LXIII К; «мясозаготовочное заведение жены царевой — жива она!» — СА III: XCIV 245; «сень Рэ жены царевой — жива она!» — СА III: 201; «- - - жены царевой — жива она!» — ТЕА: XXII 11, СА III: LXXXVI 33, ХСП 208, ХСIV 246, 247. Находим мы многолетие и после имени вдовствующей царицы: «дом Тэе — жива она!» (ТЕА: XXII 14). В случае же имен царевен, когда конец имен не поврежден и тем самым возможно судить о присутствии или отсутствии многолетия, его не оказывается: «дочь царева Мек-йот» — СА III: LXXXVI 38, «дочь [царева] Анхес-эм-п-йот» — СА III: LXXXVI 41. Отсутствие его наблюдается, видимо, и в случае побочной жены царя: «дом честной» — СА II: LVIII 16. Впечатление о неупотребительности многолетия после имен царевен в скорописи, которые мы выносим из ознакомления с производственными пометками, получает уже вполне определенное подтверждение от скорописных писем, отправленных из новой столицы в старую (где их нашли) не кем иным, как мазеваром «дома дочери царевой Ми-йот», следовательно, лицом, состоявшим на службе у царевны. И вот в этих двух письмах имя царевны в названии ее хозяйства — «дом дочери царевой Ми-йот», или, просто, «дом Ми-йот», — ни разу не сопровождается многолетием: ААА XVII: XVIII = XXII = XXIII, строка 1, строка 5 (уцелели одни определители имени), XIX = XXIV = XXV, строка 20, ААА XVII: XXI = XXVIII = XXIX, надписание свитка. Упорное опущение многолетия после имени царственной «госпожи» отправителя писем тем примечательнее, что писец не скупился на многолетие «жив, цел, здоров!» после слова «Йот», заключенного по обыкновению в кольцо: ААА XVII: XVIII = XXII = XXIII, строка 3, два раза, XX = XXVI = XXVII, строки 3, 4, XXI = XXVIII = XXIX, строка 24 (многолетие отсутствует: внутри сочетания «Йот живой», ААА XVII: XVIII = XXII = XXIII, строка 2; в жреческом звании «раб Йота», ААА XVII: XIX = XXIV = XXV, строка 18; раз после слова [125] «Йот», употребленного самостоятельно, ААА XVII: XVIII = XXII = XXIII, строка 17; затем, разумеется, внутри имени «Ми-йот», ААА XVI I: XIX = XXIV = XXV, строка 20, XX = XXVI = XXIX, строки 1, 7, XXI = XXVIII = XXIX, надписание свитка, ср. § 16-17).

Таким образом, опущение многолетия после имен царевен в дни царствования их отца не случайное явление, а общепринятое обыкновение: царевнам не полагалось многолетие. Лишним подтверждением этого правила может служить пускай непостоянное, но все же частое употребление многолетия после имени вдовствующей царицы Тэе и полное отсутствие многолетия после имени ее дочери, царевны Бок-йот, наблюдающиеся в гробнице домоправителя царицы-матери Хойе — гробнице, находящейся в солнцепоклоннической столице и относящейся к поре поздних солнечных колец.

Многолетие здесь не сопровождает кольцо Тэе, когда ее имя входит в состав титула ее служащего: «...распорядитель дома (в доме) (матери царевой), жены царевой великой Тэе Хойе» (ЕА III: 2, IV, VIII = IX, XV, XVI, XVII два раза, XIX, XX два раза, XXVII), «распорядитель ваятелей жены царевой великой Йвти» (ЕА III: XVII = XVIII); единственное исключение ЕА II 1: 6, где кольцу Тэе в составе титула ее домоправителя придано многолетие «жива она!». Затем кольцо Тэе стоит без многолетия в обращенной к ней молитве, где за именем царицы следуют сразу же определения «владычица питания, многая пищей» (ЕА III: XIX), в повествовательном пояснении к изображенному действию («введение жены царевой великой, матери царевой Тэе, чтобы дать увидеть ей ее сень Рэ», ЕА III: VIII = IX) и там, где по соображениям соразмерности с другими частями надписи за недостатком места многолетие должно было быть опущено (ЕА III: VIII = X — в титуле солнца, XVIII — в полном (втором) титуле Тэе позади ее изображения). Судить о присутствии или отсутствии многолетия после имени Тэе в мелких приписках к ее изваяниям на изображении ЕА III: VIII = X (+XXV) затруднительно, так как приписки были нанесены краской и большинство их со временем отчасти или даже вовсе утратилось (в одном случае видно многолетие «жива она!», в другом — остаток многолетия, в прочих случаях не видать ничего). Многолетие следует за кольцом Тэе в приписках к ее изображениям: «жива она вечно вековечно!» — ЕА III: IV, VI, VIII = IX, «жива она!» — ЕА III: XVIII, затем в конце самостоятельной надписи, повторявшей четырежды имена солнца, Амен-хотпа IV, Амен-хотпа III и Тэе: «жива она вечно вековечно!» — ЕА III: XXI четыре раза, и, наконец, в наименовании солнечного

святилища имени Тэ́йе в конце титула солнца: «жива она!» — ЕА III: VIII = XI. Судя по пустому ныне месту под стоячими кольцами, написанными краской и потому сильно пострадавшими, многолетие должно было [126] иметься после имени Тэ́йе также ЕА III: XIX. Следовательно, как и надо было ожидать, многолетие за кольцом царицы-матери вполне обычно в гробнице ее домоправителя как в титулах Тэ́йе, употребленных самостоятельно, так и в написанных подле ее изображений.

Совсем иначе обстоит дело в гробнице с титулом дочери Тэ́йе — царевны Бок-йот. Все упоминания ее представляют собою приписки к изображениям или ее самой (ЕА III: IV, VI, VIII = IX, XVIII), или ее изваяния (ЕА III: XVII = XVIII). Недостатком места могло бы быть объяснено при желании отсутствие многолетия ЕА III: XVII = XVIII, также ЕА III: VI, где конец титула ныне разрушен, но места для многолетия явно не хватило бы. Однако в остальных трех случаях пустого места под именем царевны более чем достаточно для того, чтоб вместить многолетие. Совершенно очевидно, что пятикратное повсеместное отсутствие многолетия за именем Бок-йот не случайность: царевне не полагалось многолетие.

Заметим, что многолетие не было положено и такой особе, как сестра царицы Нефр-эт — Бенре-мут: ни в одной из приписок к ее изображениям после ее имени нет многолетия (ЕА II: VII, ЕА V: V, ЕА VI: IV, XXVI, ср. ЕА V: III, где в пробеле после имени стоял, конечно, определитель женщины, а не многолетие, ср. еще ЕА V: XV справа и слева). По виду своему Бенре-мут напоминала царевну, так как, подобно царевнам, ходила с прядью волос, свешивавшеюся с темени на ухо и шею (ЕА II: V, VII, VIII, ЕА V: XV два раза, XVI, ЕА VI: IV, XVI, возможно также ЕА II: XXXIII = XXXIV и EAVI: XVII, где прически повреждены; точность воспроизведения от руки ЕА VI: XXVIII, где сестра царицы показана с голой головой, сомнительна ввиду снимка ЕА VI: XLII).

Итак, мы снова и снова убеждаемся в том, что в царствование Амен-хотпа IV царевнам не полагалось иметь многолетия после имени. Как же понять тогда присутствие многолетия «жива она!» после имени дочерей Амен-хотпа IV и Нефр-эт в титулах, переделанных из титула Кэ́йе? Мы встречаем это многолетие после имен царевен на следующих памятниках, которые надо или можно считать принадлежавшими некогда Кэ́йе и впоследствии переделанными для царевен Ми-йот и Анхес-эм-п-йот. После имени Ми-йот: на косяке северного дворца Ах-йот (JEA X: XXIII 3), на обломке надписи из усадьбы на юге Ах-йот (CA I: LIX 43). После имени Анхес-эм-п-йот: на камнях, найденных в Шмуне, ZAE SA LXXIV: 105 = MDIAeAK IX: VII d = ARN: XIV 307–VI A, ARN: CXI 438–VII A, вероятно также LPI 149–VIII C. «Жива она - - -» ARN: CXXXIV 983–VIII A, «жива она вечно - - -» ARN: CXXXIV 983–VIII C, «жива она вечно вековечно!» ARN: CLIX 448–VIII — после пропавших имен царевен. Как и в других титулах царевен, переделанных из титула Кэ́йе, во всех только что перечисленных титулах нет [127] привычной ссылки на родительницу («рожденная женою царевой великою, возлюбленною его, владычицей обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она вечно вековечно!»), так что титул царевны завершалось ее собственным именем и для добавления многолетия представлялась большая возможность. Однако мы видим, что в дни Амен-хотпа IV такой возможности было недостаточно для того, чтобы к имени его дочери добавилось многолетие: имена царевен и тогда, когда не сопровождаются ссылкой на царицу-родительницу, лишены многолетия. Не остается ли предположить, что присвоение царевнам на переделанных памятниках многолетия после имени обусловлено тем, что царевны ко времени переделки приобрели право на многолетие, иными словами, успели уже воцариться, стать из царевен царицами? В таком случае скромное звание «дочери царевой» и отсутствие кольца вокруг имени были бы данью присутствию на памятнике изображения или имени Амен-хотпа IV непосредственно перед переделываемым для Ми-йот или Анхес-эм-п-йот изображением или титулом Кэ́йе и следствием невозможности вставить изображение или имя царей — супругов Ми-йот и Анхес-эм-п-йот. Не будучи в состоянии представить себя царицами вместе с Семнех-ке-рэ или Тут-анх-йотом, дочери Амен-хотпа IV были вынуждены представить себя с ним царевнами. Однако при этом из нового их титула, уже как цариц, в эти устарелые титула все-таки проскользнуло многолетие, на которое Ми-йот и Анхес-эм-п-йот теперь имели бесспорное право. Конечно, такое надуманное и искусственное объяснение

внутренне противоречиво: сознательно ограничиваются званием «дочери царевой» и не заключают соответственно своего имени в кольцо и тут же добавляют к имени многолетие, не положенное царевнам! Но есть ли у нас вообще нужда прибегать к столь надуманному и искусственному толкованию явлений? Не надо ли искать другого объяснения, тем более что это на поверку оказывается далеко не все объясняющим? В самом деле, как понять появление многолетия «жива она!» на переделанных памятниках также после имени несомненной царевны, а отнюдь не царицы, лишь рядящейся царевной? На камне из Шмуна ASAE XXXVIII: LXXV = MDIAeAK IX: VIII c = ARN: XXIX 632–VIII A над изображением девочки, сопровождавшей царя и взрослую женщину, было написано: «[(царевна такая-то)] Малая — жива она!» Что это — ошибка писца или резчика, сбитого с толку странным — ныне пропавшим — титулом матери этой девочки, якобы «дочери царевой» и в то же время обладательницы многолетия? В таком случае надписывавший изображение мастер ошибочно перенес многолетие из титула царевны мнимой в титул царевны настоящей. В титулах царевны Анхес-эм-п-йот Малой на другом камне из того же Шмуна ARN: CC PC 192 и «[(царевны такой-то)] Малой» на камне оттуда же MDAIAK XIV: XII 1 = ARN: XV 610–VII [128] многолетия после имени нет. Однако что же получается при подобном толковании: натянутое объяснение многолетия в титулах царевен старшего поколения и для спасения такого объяснения допущение ошибки в титуле маленькой царевны?! Не начинаем ли мы запутываться в хитросплетениях?

Имеется совсем простое объяснение, которое разъясняет все странности разом: многолетие как в титулах Ми-йот и Анхес-эм-п-йот старших, так и в титуле царевны младшей — остаток или отголосок изглаженного титула Кэ́йе. В титулах царевен старшего поколения многолетие стояло бы тогда после имен самой носительницы титула, как и в первоначальном титуле. В титуле девочки многолетие сопровождает теперь имя обладательницы титула, до переделки же следовало бы за именем матери девочки (такая-то, рожденная такой-то — жива она!). Но имела ли Кэ́йе право на многолетие в то время, когда надписывались впервые занимающие нас памятники? Что Кэ́йе имела право на многолетие после превращения в фараона, в этом не приходится сомневаться. На плите, где она изображена в мужском синем венце и мужской одежде, принимающей ласки от Амен-хотпа IV (памятник А), под тремя незаполненными стоячими кольцами, двумя царя и одним ее, оставлено место для многолетий, отчерченное снизу длинной чертой. Но имела ли Кэ́йе право на многолетие до превращения в фараона? Памятники, которыми мы сейчас занимаемся, камни из Шмуна и надпись из усадьбы на юге Ах-йот, равно как, возможно, косяк из северного дворца в Ах-йот, относятся ко времени до превращения Кэ́йе в царя. На камнях спутница фараона имела еще вполне женский вид, в усадьбе нет никаких следов изображений или упоминаний Кэ́йе как фараона: она еще только побочная жена царя. Следовательно, если многолетие «жива она!» перешло в переделанные титулы из первоначального, то Кэ́йе должна была располагать таким многолетием, будучи еще побочной женою фараона.

Итак, откуда возможно почерпнуть надежные указания на присутствие или отсутствие многолетия в титуле Кэ́йе до ее превращения в фараона? Не из остатков ли надписей в царской усадьбе на юге Ах-йот, дававших нам уже не раз ответы на вопросы, касающиеся Кэ́йе? Обратимся прежде всего к известковым прописям с кусками непеределанного титула Кэ́йе, прописям, использованным при первом надписании памятника и затем выброшенным (CA I: XXXII 3). К сожалению, на обоих обломках, сохранивших имя Кэ́йе (см. гл. II), поверхность за именем отбита, в одном случае почти полностью, в другом — отчасти. Тем не менее вряд ли возможно сомневаться в отсутствии многолетия в обоих случаях. На том обломке, где поверхность за именем пропала почти полностью, знаки в имени «Кэ́йе» настолько сжаты и первый знак корзины *k* так глубоко водвинут в предшествующее слово «вечность», что нехватка [129] места у резчика, когда он дописывал надпись, кажется очевидной. Где уж тут было добавлять многолетие! На другом обломке верхняя строка продлена ровно настолько, сколько нужно было б для многолетия «жива она!». Выбоина за именем заходит далеко в строку, но все же кусок ее, остающийся

над выбоиной, настолько широк, что, следуя за именем многолетие, верхушки его знаков должны были б уцелеть, а этого как раз нельзя обнаружить на снимке. Выходит, что на втором обломке многолетие тоже отсутствовало, и отсутствие его здесь тем показательнее, что не только имелось место для него, но что оно прямо требовалось для заполнения пустующего конца нижней строки для ее соразмерности с верхней. Опускание при таких условиях многолетия можно было б считать доказательством неуместности его в титуле побочной жены царя, не имевшей еще права на кольцо вокруг имени. Впечатление, вынесенное из изучения прописей, находит полное себе подтверждение в прочих надписях из южной усадьбы. На каждом из двух обломков СА I: LIX 40 и СА I: XXXIII 2 = LVII 55 + 59 уцелело частично по две смежных стоячих строки, ограниченных отвесными чертами. На каждом обломке виден нижний конец одной из этих ограничительных черт, так что известен уровень, на котором должны были кончаться внизу строки. На первом обломке вдобавок отчетливо различимо пустое место под обеими строками. Во второй строке на каждом обломке на расстоянии двух высоких знаков от ее нижнего конца читается сквозь позднейшую надпись слово «вековечность» из первоначальной надписи. Это слово — из обозначения Амен-хотпа IV в составе титула Кэе: «отрок добрый Йота живого, который будет жив вековечно вечно» (см. гл. II). Значит, за словом «вековечность» в первоначальных надписях на обоих обломках должно было следовать слово «вечность», а за ним, как доказывают упомянутые прописи для надписей усадьбы, имя «Кэе». Слово «вечность» и это имя как раз заполнили бы конец второй строки на том и на другом обломке, так что для многолетия не оставалось бы места. Предположить, что могла быть еще третья строка для одного только многолетия, у нас нет никаких оснований, в случае же обломка СА I: LIX 40 — прямо-таки трудно, потому что сбоку позади второй строки, притом более высокой ее части, видно узкое белое поле. С полной наглядностью отсутствие многолетия после имени Кэе выявляется на куске надписанного изображения СА I: XXXV 9 + 151. Здесь в конце титула Кэе (низ средней строки) довольно отчетливо читается ее имя, и за ним не видно никакого многолетия. Получается, следовательно, что многолетие после имени Кэе до ее превращения в царя в усадьбе на юге Ах-йот нигде не засвидетельствовано.

Но вот перед нами надпись на косяке из северного дворца в Ах-йот (JEA X: XXIII 5). От нее осталось одно лишь титуло [130] царевны: «дочь царева Ми-йот — жива она!», представляющее переделку (JEA XII: 4). Многолетие «жива она!» проставлено здесь явно не потому, что надо было чем-нибудь заполнить место. Титуло представляет самую краткую разновидность титула царевны. Если было слишком много места, то что же мешало писцу или резчику употребить вместо сравнительно редкой сокращенной разновидности обычную полную: «Дочь царева от утробы его, возлюбленная его, Ми-йот»? Ведь такое привычное полное титуло заняло бы ровно столько же места, сколько нынешнее сокращенное с необычным многолетием. Очевидно, излишком места многолетия не объяснить. Но надпись на косяке из северного дворца не только опровергает такое объяснение, она дает основание пересмотреть только что сделанное нами заключение о невероятности заимствования многолетия из титула Кэе. Верх столба отбит, и потому можно лишь догадываться, что непосредственно над титулом царевны в переделанной надписи помещалось титуло ее отца. Однако ниже конца стоячей строки, содержащей ныне титуло царевны и ограниченной по бокам отвесными чертами, имеется на столбе еще много пустого места, так что надпись можно было продолжить вниз еще на значительное расстояние. Ничто, таким образом, не препятствовало, если уж за чем-то хотелось заключить титуло многолетием, дать титуло в принятом полном виде и затем поместить почему-то полюбившееся «жива она!». Не следует ли поэтому предположить, что резчик был ограничен по направлению книзу сохраненным от изглаженной надписи многолетием, так что вставлять титуло Ми-йот приходилось в небольшое пространство, зажатое между титулом царя вверху и словом «жива она!» внизу? Такое предположение кажется близким к истине. Более того, достаточно беглого взгляда, чтобы заметить несоответствие между крупно написанным званием и именем царевны и более мелким многолетием «жива она!».

Но как же быть тогда с тем обстоятельством, что ни в одном другом титуле Кэ́йе, будь то нетронутым или переделанным, нам не удалось установить присутствие многолетия до переделки? Ответим на этот вопрос другим вопросом: разве в титулах царевен Ми-йот и Анхес-эм-п-йот, переделанных из титула Кэ́йе, многолетие является неотъемлемой составной частью? Возьмем только те титулы, где имя царевны стояло или должно было стоять в самом конце надписи, так что после имени не следовало ничего, что могло бы помешать добавлению многолетия. Имеется многолетие «жива она!» в двух случаях после имени Ми-йот (CA I: LIX 43, JEA X: XXIII 3) и в одном случае после имени Анхес-эм-п-йот (ZAeSA LXXIV: 105 = MDIAeAK IX: VII d = ARN: XIV 307–VI A), многолетия нет определенно в двух случаях (CA I: XXXII 2 = LVI 271 I, LX 73) и, по всей вероятности, в других двух случаях (CA I: LVII 55 + 59 = XXXIII 2, LIX 40) после имени Ми-йот. Итак, среди изданных [131] примеров переделанного титула с именем дочери Амен-хот-па IV на конце случаи с многолетием более редки, чем без многолетия. Такое же соотношение наблюдается в случае изданных переделанных примеров титула царевны «[(такой-то)] Малой»: многолетие «жива она!» имеется после имени царевны в одном случае (ASAE XXXVIII: LXXV = MDIAeAK IX: VIII c = ARN: XXIX 632–VIII A) и отсутствует в одном случае (MDIAeAK XIV: XII I = ARN: XV 610–VII). В случае ZAeSA LXXIV: 105 = MDIAeAK IX: VII d = ARN: XIV 307–VI A неясно, было ли многолетие после имени Анхес-эм-п-йот Малой или не было. При этом мы взяли только те примеры, где имена дочерей царевен стояли на самом конце надписи, оставив в стороне памятники, где за именем царевны следует длинная ссылка на родительницу. Теперь что же наблюдаем мы в случае титула Кэ́йе? Мы насчитали до семи примеров, где многолетие в конце надписи (титула) определенно или вероятно отсутствовало (CA I: XXXV 9 + 151, XXXII 3 два раза, XXXIII 2 = LVII 55 + 59, LVI 271 I = XXXII 2, LIX 40, LX 73), однако могли показать, что в двух случаях оно определенно имелось (JEA X: XXIII 3, ARN: CXI 438–VII A). Примеры, где многолетие отсутствовала или, по-видимому, отсутствовало после имени Кэ́йе, происходят все из усадьбы на юге солнцепоклоннической столицы, примеры, где многолетие после имени Кэ́йе, по всей видимости, имелось, происходят из дворца на севере Ах-йот и из божницы в средней части города. По поводу дворцового косяка, на котором это титуло было написано, говорится следующее: «Обломок *in situ* одного из дверных косяков... содержит имя Меритатен в виде палимпсеста, что наблюдается повсюду в здании» («A fragment *in situ* of one of the doorjambs... bears the name of Merytaten in palimpsest, which is met throughout the edifice», JEA XII: 4). Поэтому возможно, что подобные переделанные титулы Ми-йот, царевны, имеются и на других остатках северного дворца. Не исключено поэтому, что на проверку может оказаться, что на юге столицы предпочитали титулы для Кэ́йе без многолетия, а на севере, тоже в бытность ее всего лишь побочной женою царя, предпочитали титулы с многолетием. Как бы то ни было, колебание в отношении переделанных примеров с титулами Ми-йот и Анхес-эм-п-йот старших и младших между опущением и присовокуплением многолетия с видимым перевесом в пользу опущения не позволяет требовать от переделанного в эти титулы титула Кэ́йе обязательного присутствия многолетия, если оно было теми титулами унаследовано от изглаженного. Вероятное же существование титула Кэ́йе с многолетием, притом еще до превращения ее в фараона, и вдобавок, быть может, во многих надписях, делает объяснение многолетия в титулах царевен, переделанных из титула Кэ́йе, заимствованием из этого последнего, еще более привлекательным. Мне представляется, что присутствие в одном случае многолетия [132] «жива она!» даже после имени Ми-йот или Анхес-эм-п-йот Малой (ASAE XXXVIII: LXXV = MDIAeAK IX: VIII c = ARN: XXIX 632–VIII A), царевны, так сказать, не первостепенной, второразрядной, тогда как многолетие не содержалось в непеределанных титулах даже после имен дочерей Амен-хотпа IV и Нефр-эт, вряд ли возможно объяснить иначе, как перенятием из упраздненного титула.

Ввиду всего сказанного мне кажется, что предположение о заимствовании многолетия «жива она!» в переделанные титулы царевен из изглаженного титула побочной жены царя не далеко от истины. Проверка по подлинникам, с самого ли начала имелось на них многолетие или было привнесено при переделке, помогла бы, разумеется, в сильнейшей мере

решению вопроса. Из имеющихся изданий в большинстве случаев нельзя усмотреть, к первоначальному ли или позднему составу надписей принадлежит многолетие. В надписи СА I: LIX 43 оно стоит, правда, в части, подвергшейся изглаживанию и переделке, так как зачерчено издателем особым способом, но, поскольку издатель зачерчивает так не только вновь вставленные письма, но обыкновенно и оставшиеся в переделанных местах первоначальные знаки, данный пример нуждается также в обследовании по подлиннику. До проверки по подлинникам позволительно держаться предложенного объяснения как наиболее удовлетворительного.

Итак, подведем итог. Изображения Кэие превращали в изображения царицы Ми-йот, не царицы Ми-йот. Соответственно и ко лбу не приставляли царской змеи — царице она ведь не полагалась. Титло Кэие заменяли титлом (привожу краткую разновидность) «дочь царицы... царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, кому дано жить вечно вековечно, Ми-йот», не титлом «жена царицы великая Ми-йот — жива она вечно!». Имя царицы не заключали в кольцо, подобавшее царицам, после ее имени не ставили многолетия, приличествовавшего им. Естественный вывод: изображения и надписи Кэие переделали для Ми-йот, когда она еще не воцарилась с Семнех-ке-рэ, когда она была еще царицей, иными словами, при жизни Амен-хотпа IV.

Памятники с изображениями двух фараонов не многочисленны. От падения Кэие до воцарения Ми-йот должно было протечь какое-то время, если изображения и надписи успели переделать, пока Ми-йот еще оставалась царицей. Под 16-м годом, предпоследним годом царствования Амен-хотпа IV, упомянут «дом честной», но таковым хозяйство воцаренной Кэие вряд ли могло именоваться. Все это, вместе взятое, наводит на мысль, что фараоном Кэие была очень недолго.

Почему она пала — догадаться невозможно. За краткий миг величия она заплатила дорогой ценой. Падение с высоты, на которую вознесла ее своевольная любовь фараона, было ужасным. [133] Недавняя возлюбленная была обречена на вечное забвение. Ее изображения и надписи были переделаны для дочерей фараона, его дочерей от Нефр-эт. Северный дворец и южная усадьба отошли к царице Ми-йот, солнечный храм в средоточии столицы — к Ми-йот и Анхес-эм-п-йот. Кэие не оставили даже ее гроба, даже ее погребальных сосудов...

Царица Нефр-эт не присутствует ни на одном памятнике, на котором появляется Кэие. Словно пропастью разделены обе семьи. Но каковы бы ни были чувства царицы к всемогущей сопернице, последняя, конечно, менее всего походила на бездушную «честную» из народной сказки о двух братьях. Нам многое неясно в судьбе этой маленькой женщины, сумевшей, несмотря на все обаяние Нефр-эт, покорить надолго самовластного из фараонов, чтоб под конец низринуться с головокружительной высоты, куда он только что ее возвел. Но душа Кэие, страстная и нежная, звучит доныне сквозь бездну веков в той душевной молитве к возлюбленному, которая была начертана на золотом гробе. [134]

ДОЧЬ АМЕН-ХОТПА IV И КЭЙЕ

В 1938 г. Х. Брукнером были впервые изданы надписи из Шмуна, упоминавшие царевну Анхес-эм-п-йот и ее одноименную дочь Анхес-эм-п-йот.¹ С тех пор существование дочери царевны Анхес-эм-п-йот еще в дни царствования Амен-хотпа IV стало общепризнанным положением в науке и никем, в сущности, не оспаривалось. Со времени обнаружения в 1969 г. сводного (хотя и не совсем полного) издания солнцепоклоннических памятников из Шмуна число известий об Анхес-эм-п-йот Малой сильно возросло.² Но еще в 1966 г. С. Олдред сообщил о неизданной надписи, свидетельствующей о существовании дочери, Ми-йот Малой, и у старшей дочери Амен-хотпа IV Ми-йот.³ С выходом в свет сводного издания солнцепоклоннических памятников из Шмуна наука получила множество таких надписей, упоминавших младшую Ми-йот.

Ми-йот Малая была упомянута на следующих камнях из Шмуна: ARH: XVII 500–VIII C, XXIV 311–VIII, XXXIV 293–VI B, CXXVII 783–VIII A, CLIX 364–VIII, CXCI PC 210, наверно, также CIX 478–VII A («[Ми-йот]», но «йот» выписано сперва, см. ниже), ср. еще CLIX 721–VIII и CLX 193–VIII A, SO XLIII, 5: 6 = 8.

Анхес-эм-п-йот Малая была упомянута на следующих камнях оттуда же: ZAeSA LXXIV: 105 = TЗГ: 105 = ARH: XIX 234–VI, ZAeSA LXXIV: 105 = MDIAeAK IX: VII d = ARH: XIV 307–VI A + 311–VI A, CVI 451–VII A, CC PC 192, PC 209, наверно, также ARH: XXIII 224–VIII («[Анхес-эм-п-йот Малая]», но написание «йот» в конце имени обычно для «Анхес-эм-п-йот»), ср. еще ARH: X 435–VIII A, LIII 149–VIII C, LXX 157–VIII.

Та или другая маленькая царевна имелась в виду в надписях из Шмуна ASAE XXXVIII: LXXV = MDIAeAK IX: VIII c = [135] ARH: XXIX 632–VIII A (уцелело только: «Малая – жива она!»), ARH: CCVII PC 264, ср. также ARH: CLIX 910–VIII.

Полнее всего сохранилось титуло младшей Анхес-эм-п-йот, хотя и без наименования «Малая», на камне из Шмуна ZAeSA LXXIV: 105 = TЗГ: 105 = ARH: XIX 234–VI: «Дочь царева от утробы его, возлюбленная его, Анхес-эм-п-йот, рожденная дочерью царицы от утробы его Анхес-эм-п-йот - - - Нефр-шепр-рэ [Ва-н-рэ], (кому) дано жить – —» (наименование «Малая» приложено к младшей Анхес-эм-п-йот на камнях ZAeSA LXXIV: 105 = MDIAeAK IX: VII d = ARH: XIV 307–VI A + 311–VI A, ARH: CVI = 451–VII A, CC PC 192, наверно также ARH: XXIII 224–VIII).

Титуло младшей Ми-йот ни на одном камне из Шмуна целиком не сохранилось, но, сопоставляя уцелевшие остатки на разных камнях, легко догадаться, что оно было такого же рода, как у младшей Анхес-эм-п-йот («Малой» эта Ми-йот названа на всех камнях, на которых она достоверно или наверно была поименована).

«Дочь царева от утробы его, возлюбленная его, [Ми-йот] Малая, рожденная дочерью царицы от утробы - - -» (ARH: CIX 478–VII A; восстановление «[Ми-йот]», наверно, точно, (поскольку в этом имени в отличие от «Анхес-эм-п-йот» слово «йот» писалось обычно в начале, а не в конце имени, см. § 97).

«- - - от утробы его, возлюбленная его, Ми-йот[Малая] - - -» (ARH: XXXIV 293–VI B; восстановление «[Малая]» достоверно, так как уцелел предпосланный этому слову определенный член женского рода *m*).

«- - - [возлюбленная его, Ми-йот Малая - - - доч[ерью царицы] от утробы его Ми-йот» (ARH: CLIX 364–VIII).

«- - - Ми-йо[т] Малая - - - [Нефр-шепр-рэ] [Ва-н-рэ], (кому?) дано (?) - - -» (ARH: XVII 500–VIII C).

Того же рода было титуло на камне PC 264 (ARH: CCVII), к сожалению настолько потертое, что нельзя по снимку решить, которой из двух маленьких царевен оно принадлежало:

¹ H. Brunner. Erne neue Amarna-Prinzessin // ZAeSA. Bd 74, 1938. S. 104–108.

² G. Roeder. Amarna-Reliefs aus Hermopolis. Hrsg. von R. Hanke. Hildesheim, 1969, passim.

³ C. Aldred. [Рец. на:] Amarna reliefs from Hermopolis in American collections. By J. D. Cooney. The Brooklyn Museum, 1965 // JEA. Vol. 52, 1966. P. 188.

«Дочь - - - от [ут]ро[бы] - - - рожденная дочерью [ца]ре[вой] от утробы - - -».

Мы знаем, что титула царевен Ми-йот и Анхес-эм-п-йот, дочерей Амен-хотпа IV и Нефр-эт, заменили в надписях из Шмуна титуло Кэйе. В нем фараон был поименован как ее муж: «Жена-любимец большая царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» и т. д. Следовательно, в титулах младших Ми-йот и Анхес-эм-п-йот словечко *н* перед упоминанием Амен-хотпа IV, известное нам из титул Кэйе (см. гл. II и III; в титулах маленьких царевен из Шмуна оно надежно не сохранилось), надо понимать не как предлог «дательного падежа» (рожденная царевною такою-то царю такому-то), а как прилагательное «родительного падежа» (рожденная царевною такою-то царя такого-то). Что именно [136] так, а не иначе, надо понимать титула старших царевен в составе титул младших, доказывают и надписи из южной усадьбы. Вот, например, несколько переделанных титул оттуда (подчеркнуты вставленные при переделке слова): «Дочь царева царя (и) государя, живущего правдою Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, (кому) дано жить вечно, дочь царева от утробы его Ми-йот» (СА I: XXXII 2 = LVI 271 J), «Дочь царева царя (и) государя, живущего - - -» (СА I: LIX 42), «Дочь царева царя (и) государя» (СА I: LXI 44* два раза), «Дочь ца[ре]ва великая (в смысле „старшая“?) царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-шепр-рэ [Ва-н-]Рэ - - -» (СА I: XXXII 2 = LVI 271 M + 152(3)).

Таким образом, ни на камне из Шмуна ZAeSA LXXIV: 105 = T3Г: 105 = ARH: XIX 234-VI, ни в других надписях не сказано, что младшая Анхес-эм-п-йот или младшая Ми-йот были дочерьми Амен-хотпа IV от старших Анхес-эм-п-йот и Ми-йот. Однако звание «дочь царева от утробы его, возлюбленная его» свидетельствует, что каждая из маленьких царевен была дочерью какого-то царя. Таковым мог быть или сам Амен-хотп IV, или один из его преемников — Семнех-ке-рэ или Тут-анх-йот. Семнех-ке-рэ был женат на Ми-йот и мог иметь от нее дочь, Тут-анх-йот был женат на Анхес-эм-п-йот и к концу своего царствования мог иметь от нее дочь. Тем не менее оба преемника немедленно отпадают. Как их супруги Ми-йот и Анхес-эм-п-йот величались бы царицами, «женами царевыми великими», а никак не просто царевнами, «дочерьми царевыми», и имена их заключались бы в царские кольца, как подобало царицам (Ми-йот — EA II: XLI, JEA XIV: 5 = TTA: 168 CXCI/IV = U18D: 2024 = AOJ XXXVI: 17 2a, Анхес-эм-п-йот еще в бытность ее супруга «Тут-анх-йотом» — TT I: II = T I: Titelbild = Тут: I = SA III: XVII = Tou: против 64 = TuT: X = KEAZ: LVIII = EPh: 122 = GT: LI = AANE: 187 = BNeф: VI и TT I: LXIV = Tou: против 65). Ни того, ни другого мы не находим ни в южной усадьбе, ни на камнях из Шмуна, равно как не видим мы и на изображениях, превращенных в изображения Ми-йот и Анхес-эм-п-йот, налобных царских змей, свойственных царицам.

Но тогда в возможных отцах младших Ми-йот и Анхес-эм-п-йот не остается ли сам Амен-хотп IV? Да и при переделке разве не его именно имели в виду? Обе Ми-йот и обе Анхес-эм-п-йот, старшие и младшие, из которых каждая величалась «дочерью царевой», должны были быть, несомненно, с Амен-хотпом IV, так как их изображения были переделаны и переименованы из изображений Кэйе и ее дочери, сопровождавших не кого иного, как Амен-хотпа IV. Но именно это постоянное величание старших царевен не «женами царевыми», а только «дочерьми царевыми», равно как и отсутствие царских налобных змей и колец вокруг имен, доказывают с очевидностью, [137] что ни Ми-йот старшая, ни Анхес-эм-п-йот старшая все-таки не царские супруги. Получается несуразица: старшие царевны не жены Амен-хотпа IV, но матери его дочерей! Далее. В § 93 было показано, что раньше 8-го года царствования своего отца Анхес-эм-п-йот старшая родиться никак не могла. С другой стороны, имеется множество производственных пометок на сосудах с припасами от времени между 6-м и 17-м годами царствования включительно, и совсем нет пометок с более высоким числом года, которые хотя бы с малейшей долей вероятности можно было бы приурочить к царствованию Амен-хотпа IV (СА III: 61). Потому нельзя продлить его царствование сколько-нибудь значительно далее 17-го года. Но Анхес-эм-п-йот не могла стать матерью в восьмилетнем возрасте, и тем самым мы снова наталкиваемся на несуразицу.

Единственный способ разделаться с нелепицами — это признать, что лица, ответственные за переделки, мало думали о верности действительности. Кэйе надлежало

заменить царевнами. Но ее на изображениях сопровождала дочь. Значит, эту последнюю надо было превратить в дочь одной из двух царевен, Ми-йот или Анхес-эм-п-йот, хотя бы у тех еще никаких дочерей не было. Но вымышленных дочерей нужно было как-то назвать. Лучше и проще всего было назвать их по матерям — Ми-йот Малой и Анхес-эм-п-йот Малой, в «надежде», что таковые появятся на свет в будущем. Иного объяснения древней путанице как будто бы не придумать. В конце главы мы вернемся к этому вопросу.

Поскольку Кэе сопровождала одна дочь, а из нее при переделке изображений делали то Ми-йот Малую, то Анхес-эм-п-йот Малую, то заранее можно предугадать, что дочь Кэе вряд ли звали так же, как одну из дочерей Нефр-эт — «Ми-йот» или «Анхес-эм-п-йот». И что ее так действительно не звали, можно доказать.

Не все, впрочем, что на первый взгляд кажется доказательным, является таковым на самом деле. Такие памятники, как камень из Шмуна 610–VII (MDAIAK XIV: XII / = T3Г: 101 = ARH: XV), строго говоря, лишены доказательной силы. Над головою девочки уцелел низ отвесной строки со словом «[Ма]лая», но остатки стертых знаков и ограничивавших строки отвесных черт показывают, что первоначально надпись состояла не из одной, а из нескольких строк. Титло царевны «[Ми-йот Ма]лой» или «[Анхес-эм-п-йот Ма]лой» было вписано взамен иного титла. Однако, может статься, дело было не в имени девочки, а в ссылке на родительницу — на отверженную Кэе. Длинное титло уничтожили и вместо него поставили заново звание и имя ребенка уже без ссылки на родившую его мать.

Доказательны те случаи, где видно, что самое имя девочки было первоначально иным.

Звания, предварявшие имя, были у дочери Кэе те же, что [138] и у дочерей Нефр-эт: «дочь царева от утробы его, возлюбленная его». Это доказывают с полной очевидностью некоторые камни из Шмуна. На камне 153–VIII (ARH: XXXII = LVII = SAK II: 88) прежнее титло ничем не было заменено, а было просто стерто, но стерто плохо, так что оставшаяся на камне часть надписи может быть прочтена:

«Дочь царева от [ут]робы [его, возлюбленная его] - - - [рожденная женою-любимцем большою царя (и) государя] ([Нефр-шепр]-рэ [Ва-н-рэ]),⁴ [отр]ок[а до]бр[ого Йота живого, который будет жив] вековечно вечно, Кэе».

На камне 1030–VIII (ARH: CLIII) за стертым титлом Кэе (от него уцелело полустертое слово «йот» и куски черт, ограничивавших строки) следовало тоже отвесно написанное титло ее дочери. Его стерли, а затем выписали на том же месте более крупными знаками новое титло. Сохранилось только начало заново вписанного титла — «Дочь царева от», но сквозь новые начертания отчетливо проступают более мелкие полустертые прежние: «Дочь царева от утробы - - -».

На камне 982–VIII (A) (ARH: XXIV + 174–175) от стертой надписи можно распознать слова: «[Дочь царева] от утробы [его], возлюбленная [его] - - -».

На камне 442–VIII A (ARH: XI + 54) титло дочери Кэе было стерто, начиная с имени: «Дочь царева от утробы его, возлюбленная его - - - рожденная - - -».

На этом камне пространство между словами «возлюбленная его» и «рожденная» не выше полутора высоких знаков (строки отвесные), так что уместиться в пробеле имя «Анхес-эм-п-йот» не могло б никак (имя «Ми-йот» уместилось бы там, правда, в самом сжатом написании).⁵

На камне 149–VIII C (ARH: LIII) ныне значитесь следующее: «- - - живуш[его] правдою - - - [Анхес-эм-п-]йо[т] — жива она - - -» и «- - - [возлюблен]ная его, Анхес-эм-[п-йот] - - - [п]ра[вдою], влады[ки] обеих земель - - -». Первое титло было первоначально титлом Кэе (см. гл. II, III, IV), второе, отделенное от первого промежутком, принадлежало прежде ее дочери:

«[Дочь царева от утробы его, возлюбленн]ая его - - - [рожденная женою-любимцем большою царя (и) государя, живущего п]ра[вдою], влады[ки] обеих земель [Нефр-шепр-рэ

⁴ Круглыми скобками обозначено сохранившееся кольцо вокруг изглаженного имени.

⁵ G. Roeder. Amarna-Reliefs aus Hermopolis. Hrsg. von R. Hanke. S. 54.

Ва-н-рз,⁶ отрока доброго Йота живого, который будет жив вековечно вечно, Кэйе]».

Титло царя в составе титл Кэйе и ее дочери было сохранено [139] при переделке, так же как, надо думать, многолетие «жива она», царевнам не положенное (см. гл. V). Нет тоже причин предполагать, что начало дочернего титла не исконное. Но вот имена царевен стоят на месте чего-то стертого (ARH: 57, 289). Значит, дочь Кэйе не звалась «Анхес-эм-п-йот».

На камне 982–VIII (A) после приведенного выше начала полустертого титла девочки «[Дочь царева] от утробы [его], возлюбленная [его]» издатели в одном случае не вычитывают никакого имени (ARH: XXIV), в другом случае говорят, что было срезано и изглажено имя царевны Ми-йот, которое-де «еще смутно читается (*noch schwach lesbar*)» (ARH: 288), в третьем случае, хотя и пишут, что надпись была уничтожена и заглажена, тем не менее читают ее так: «[Дочь царя] от его плоти, им любимая, Мерит-Атон» (ARH: 174-175). И действительно, на снимке (ARH: XXIV) можно при желании прочесть в начале имени знак пруда *мр*. Однако восстанавливать это имя как «Ми-йот» нельзя.

В подавляющем большинстве случаев первая часть имени «Ми-йот» пишется после второй его части «йот» — разумеется, из почтения к ней как обозначению солнца. Так имя написано множество раз в надписях иного происхождения, нежели из Шмуна (см. § 97). Из их числа только в двух имя написано необычно, в соответствии с произношением: сперва выписана первая часть, затем — вторая (EA IV: XV, ср. XII C, PKN: I). Даже в скорописи вторая часть писалась раньше первой (CA I: LXIII R, CA III: LXXXV1 39, 40, AAA XVII: XIX = XXIV = XXV, строка 20, XX = XXVI = XXVII, строки 1, 7, 17, XXI = XXVIII = XXIX). То же мы находим и в надписях переделанных, будь то из южной усадьбы в Ах-йот (CA I: XXXII 2 = LVT 271 J, M. XXXII 2 = LVII 59, XXXIV 1 = LVI 273 (= T3Г: 70 = ZZR: между 128 и 129), LVII 55, LIX 40, 41, ср. LX 73), будь то из Шмуна (ARHAC: 34, ARH: XVII 500–VIII C, XVIII 652–VIII A, XXXIV 293–VI B, XXXV 677–VIII A, XLIII 203–VIII, XLIX 261–VI A, LIV480–VIII A, CXXVII 783–VIII A, CLII463–VIII, CLIX 364–VIII два раза, CLX 193–VIII A, 260–VIII B, CXCVC PC 161, CXCVII PC 179, CXCIХ PC 210, ср. XXXVII 108–VIII, XLVII 350–VIII C, LIV 384–VIII, CIX 478–VII A). При этом такое написание употребительно в переделанных надписях одинаково для имени как Ми-йот старшей, так и Ми-йот Малой.

Однако странным образом в отличие от общепринятого солнцепоклоннического правописания, с «йот» на первом и «Ми» на втором месте, среди переделанных надписей из Шмуна имеется не менее четырех таких, в которых соответственно действительному произношению «Ми» (знак пруда *мр*) было написано сперва, а «йот» потом. Это явление тем примечательнее, что, по-видимому, во всех случаях подобные титла переделаны из титла дочери Кэйе. В случае камней 528–VIII C [140] (ARH: XLVII) и 721–VIII (ARH: CLIX) довольно одного взгляда на них, чтоб опознать в этих отвесных единичных, строках приписки к изображениям девочки, следовавшей за матерью. Много сложнее обстоит дело с камнями 478–VII A (ARH: CIX) и 783–VIII A + 794–VIII A (ARH: CXXVII). По своему положению в самом конце (несохранившихся) изображений, по составу из всего одной отвесной строки занимающие нас приписки с «Ми» на первом месте должны были б тоже относиться к дочери, сопровождавшей мать. Однако в обоих случаях на некотором (небольшом) расстоянии перед этими надписями стоят отвесные же надписи, относившиеся каждая, бесспорно, к изображению девочки, так как в них поименована в одной несомненно, в другой вероятно Ми-йот Малая. Вот эти надписи: Камни 783–VIII A + 794–VIII A:

---	---
Ми-йот	[возлюб]ленная
Малая	Его,
	возлюбленная
	отца
	ее,
	Ми-йот

⁶ В книге G. Roeder. Amarna-Reliefs aus Hermopolis. Hrsg. Von R. Hanbe, на листе 53 правильно восстановлено титло царя, на странице же 56 неправильно титло Нефр-эт.

Камень 478–VII А:

Дочь царева	Ма[л]ая(?),	Дочь царева
от	рожденная	от
утробы	дочерью царевой	утробы
его,	от	его.
возлюбленная	утробы	возлюбленная
его,	[его]	его,
[Ми-]йот	- - -	Ми-[йот]

Что внизу первой строки на камне 478–VII А было поименована Ми-йот, а не Анхес-эм-п-йот, почти достоверно, потому что в составе имени Анхес-эм-п-йот слово «йот» писалось обыкновенно на самом конце, а в составе имени Ми-йот столь же обыкновенно — в начале. Квадратные скобки внутри слова «Малая» поставлены мною затем, что в издательском воспроизведении от руки вместо *ирт* стоит *ит*, а снимок недостаточно четок (на нем нельзя уверенно распознать и предшествующий определенный член женского рода *т'*; самое большее, что можно здесь вычитать, — это низ ног от знака коршуна для алефа).

Однако о камнях 783–VIII А + 794–VIII А, составляющих вместе одно целое, издатели пишут: «На обоих последних камнях титул и имя ребенка были впоследствии бегло процарапаны на поверхности, которая до того имела другое надписание» [141] (ARH: 288). На камне 478–VII А нынешняя надпись стоит на поверхности, которая, судя по ее виду на снимке, вполне могла быть стесана и надписана заново. На месте чего было при переделке вписано титул Ми-йот Малой, указывают полустертые первоначальные надписания на камне 652–VIII А и С (ARH: XVIII). На стороне А в первой строке значително «Ми-йо[т] Малая», а в следующих строках плохо стертые остатки титула Кэе: следы кольца с именем фараона и вслед, за тем определенный член мужского рода *п'* от царского обозначения «отрок добрый» и куски слов «вековечно вечно» — из словосочетания «который будет жив вековечно вечно». Что в стертой надписи титул Кэе не заполнял все строки, а входило в состав титула дочери («такая-то, рожденная такою-то»), можно заключить по величине пространства, оставшегося в двух первых строках до кольца фараона, мужа Кэе. То же можно сказать о надписи на стороне С того же камня, где титул Кэе было тоже переделано в титул [Ми-йот] старшей, объявленной тем самым матерью девочки. На камне 500–VIII С (ARH: XVII) титул дочери Кэе со ссылкой на родительницу также переделано в титул Ми-йот Малой.

Однако и после всего сказанного остается неясным, к кому же относились первоначальные надписи, замененные титулом Ми-йот Малой, на камнях 478–VII А и 783–VIII А + 794–VIII А — к самой ли Кэе или ее дочери, иными словами, была ли каждая из надписей целиком занята одним титулом Кэе, или оно только входило в состав титула ее дочери, именно в ссылку на родительницу? Поскольку за той и за другой надписью следует по единичной отвесной строке тоже с титулом царевны, естественно было б ожидать, что первоначально передняя надпись в обоих случаях относилась к изображению матери, а задняя единичная строка — к изображению дочери. Разве не так бывало постоянно на изображениях солнцепоклоннического времени? Но как же тогда надпись к изображению взрослой Кэе могла быть заменена надписью к изображению девочки, которая должна была быть гораздо меньшего роста и вдобавок была изображена уже под единичной строкою? К несчастью, ни изображение матери, ни изображение дочери не сохранились. Поэтому безнадежно гадать, как с ними было поступлено при переделке, но нельзя не обратить внимание на разное написание имени «Ми-йот» в передних и задних надписях как на камне 478–VII А, так и на камне 794–VIII А. И на том и на другом в проставленном позже имени Ми-йот Малой слово «йот» было выписано раньше слова «Ми», напротив, в имени царевны в задней единичной строке «Ми» стояло на первом месте. Не значит ли это, что в данной строке «Ми» обязано своим необычным положением впереди «йот» первоначальной

надписи, иначе говоря, не начиналось ли имя дочери Кэе с «Ми»? В пользу такого предположения могло бы [142] говорить то, что издатели в стертой и заглаженной приписке к изображению дочери Кэе на камне 982–VIII (A) (ARH: XXIV) вычитывали имя «Ми-йот» («weggemeisselt und getilgt», но все-таки «noch schwach lesbar», ARH: 288), хотя в передаче надписи от руки они имени не поместили (ARH: XXIV). На снимке ARH: XXIV можно, впрочем, при желании действительно уловить следы знака пруда, т. е. «Ми».

Но не заключает ли какие-нибудь намеки на то, как могло звучать это имя, одна из трех надписей, найденных в царской усадьбе на юге Ах-йот и помещавшихся над изображениями дочери Кэе, СА I: LVI 271 J = XXXII 2 + 154? К несчастью, камень не сохранился полностью на том месте, где стояло титло девочки. Над изображением маленькой царевны помещалась после переделки надпись из трех отвесных строк, которые, по-видимому, надо понять так: «(1) - - - *йт* Ва-н-рэ, (2) *дочь ца-рева* [о]т жены [цар]я (и) [государ]я (или: [владык]и [обеих земель]?) [Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ], (3) (кому) *дано жить вечно, [Ми-йот]*» (подчеркнуты переделанные места). При таком понимании первоначальный облик титла, до его переделки в титло царевны Ми-йот, старшей дочери Амен-хотпа IV от царицы Нефр-эт, должен был бы быть таким: «(1) - - - *йт* - - -, (2) [рожденн[ая] женою [цар]я (и) [государ]я (или: [владык]и (обеих земель]?) [Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ], (3) [отрока доброго Йота живого, который будет жив вековечно вечно, Кэе]» (см. гл. II–III; какая часть титла приходилась на четвертую строку, существование которой до переделки необходимо предположить при данном понимании надписи, по изданию решить невозможно). В главных чертах подобное восстановление первоначального титла может казаться надежным. В надписании изображения маленькой дочери слово «жена» с последующим кольцом царственного супруга (кольцо не сохранилось, но последующее многолетие «(кому) дано жить вечно» делает несомненным, что оно некогда имелось⁷) могло относиться только к матери царевны, должно было вводить ссылку на родительницу. Слову «жена» должно было, естественно, предшествовать выражение «рожденная» — «рожденная женою», и знак волнистой воды, буква *н*, который издатель усматривает непосредственно над словом «жена» (СА I: 154), мог бы быть знаком *н* именно от этого выражения: [*мс*·*н* «[рожд]енн[ая]». Знаки, обозначающие корень *мс*, знак связки трех шкур (мс) со своим звуковым дополнением, знаком сложенного плата (*с*), должны были стоять на месте нынешнего звания «дочь царева». То же, что непосредственно предшествовало словам «рожденная женою», могло быть только именем дочери, как то хорошо известно по бесчисленным титлам царевен, дочерей [143] Амен-хотпа IV и Нефр-эт. На том месте, где надлежало быть имени, видны две исконные буквы, знак метелки тростника *й* и знак хлеба *т*, и — ниже — вставленное позже наименование царя «Ва-н-рэ». Надпись, как было оказано, начертана отвесными строками и читается справа налево. Знак хлеба *т* стоит посередине строки, а знак метелки тростника — налево от него, притом первый знак находится на уровне нижнего конца второго. Можно полагать, что направо от знака хлеба помещался другой знак тростника и все три знака вместе составляли окончание *йт* причастия страдательного залога совершенного вида женского рода некоего глагола со слабым третьим согласным. В нынешнем, переделанном, титле это причастие должно было обозначать носительницу титла как испытывающую на себе что-то со стороны «Ва-н-рэ», т. е. фараона. Выбор может быть, пожалуй, лишь между двумя причастиями: «жалованная» (хасйэ) и «возлюбленная». Первое отпадает, потому что после него мы вправе были бы ожидать прилагательное «родительного падежа» *нт*: «жалованная от Ва-н-рэ». Остается второе причастие — «возлюбленная», после которого нам не следует ожидать словечка *нт*. В таком случае на месте первоначального имени в переделанном титле стояло: «возлюбленная Ва-н-рэ». Так как в первоначальном титле исконное *йт* должно было быть окончанием имени царевны, это имя тоже должно было содержать причастие страдательного залога совершенного вида женского рода от глагола со слабой третьей согласной. Если исходить

⁷ T. E. Peet, C. L. Woolley. The city of Akhenaten. P. 1. L., 1923. Pl. 56.

из состава употребительных тогда имен, выбор придется ограничить очень немногими глаголами. Причастие «жалованная» отпадает, на этот раз по той причине, что вовсе не свойственно тогдашним именам. Причастие «защищенная» (*мкйт*) вряд ли может быть принято в расчет. Правда, оно содержится в имени второй дочери Амен-хотпа IV от Нефр-эт — Мек-йот, однако, хотя она поименована на памятниках множество раз, только в одном-единственном случае, насколько мне известно, выписано *й* (MSECAE I: 12 = 14 = RGOMC: № 287 = DAeS II: LXXXII = KAeMC: XXVII = ЕРИИИ 1: 107 = ОИДИ; 156 = KAO: 361 = ТТА: 155 CLXIV = SA III: 314 = EA VII: LIV 395). Иными словами, написание с буквою *й* для этого имени не более как редчайшее исключение. Вероятным остается опять-таки причастие *мрйт* «возлюбленная». С выписанным *й* оно неоднократно встречается в имени старшей дочери фараона от царицы Нефр-эт — царевны Ми-йот (см. § 97), а также в именах двух египтянок солнцепоклоннического времени, прозывавшихся одинаково — Ми-рэ (HTESBM VII: XV, RFDEM 1933-1934 I: XII + 104). Подтверждением такой догадки могло б служить само переделанное титуло: ведь в нем на этом месте, как было только что сказано, должно было, по всей вероятности, иметься причастие «возлюбленная» («[возлюб]ленная Ва-н-рэ»), которое могло быть сохранено от изглаженного титула, [144] поскольку то, что от этого слова дошло до нас, т. е. окончание *йт*, исконное, а не привнесенное впоследствии.

Следовательно, как будто вполне вероятно, что имя дочери Кэе содержало причастие «возлюбленная». Но чьею «возлюбленною» в таком случае объявлялась царевна? То, что имя могло быть просто *Мрйт* «возлюбленная» без указания, чья возлюбленная, думается, исключено. И не потому только, что имя *Мрйт* редкостно среди солнцепоклоннических имен, (*Мрй(т)* — AN: 205), но и потому конечно, что все шесть известных нам по имени дочерей Амен-хотпа IV носили имена, неизменно сложенные из двух, трех, даже четырех слов, да и в самой нынешней надписи место второй (удаленной) части имени заполнено обозначением отца, «Ва-н-рэ», не исконным, а вставленным при переделке: [возлюб]ленная Ван-рэ.

Обозначением отца... А что, если имя дочери Кэе как раз и называло ее «возлюбленною ее отцом»? Но как тогда мог быть назван отец? «Ва-н-рэ» отпадает — оно было вставлено впоследствии. «Эх-не-йот» было бы слишком длинным. Как мы видели, в пробеле, где должно было стоять имя девочки в полустертой надписи из Шмуна (ARH: XI 442–VIII A + 54), «Ми-йот» — «Возлюбленная Йота» — могло бы уместиться только в самом кратком написании. Но в таком написании «Ми-йот» заняло б место в отвесной строке всего-навсего в полтора высоких знака, а «Эх-не-йот» имело бы высоту в два с половиною. «Нефр-шепр-рэ»? Оно бы уместилось, но тогда зачем было стирать знак солнца (*p^c*), с которого одинаково начинались написания и «Нефр-шепр-рэ» и «Ва-н-рэ»? Можно, конечно, продолжать гадать и предположить, что фараон был обозначен одним из своих царских званий: «царь» (*нй-свт*), «властитель» (*хъкъ'*), «владыка обеих земель» (*нб т'вй*). Все они уместились бы. Однако именоваться любимцем царя, властителя или владыки обеих земель было б под стать какому-нибудь должностному лицу, но не дочери же такого нежного отца, как Амен-хотп IV. Государственные звания вряд ли могли быть употреблены в данном случае.

И вот на ум приходит все та же надпись из Шмуна 783–VIII A + 794–VIII A (ARH: CXXVII) с ее более чем странной последней единичной строкой: «[Дочь царева от утробы его, возлюб]ленная его, возлюбленная отца ее, Ми-йот».

«Возлюбленная отца ее»... Разве так величались солнцепоклоннические царевны? Никогда, нигде. А их титул сохранилось множество! Но что еще хуже: «возлюбленная отца ее» — бессмысленное повторение только что до того сказанного. Необычному обозначению непосредственно предшествует обычное звание царевны: «возлюбленная его», т. е. возлюбленная того же отца! Так не есть ли это словосочетание «Возлюбленная отца ее» на самом деле имя дочери Кэе? Ведь именно на этом месте после «возлюбленная его» и должно было по всем правилам [145] стоять имя. «Возлюбленная отца ее», по-египетски «Ми-йотес», — вполне законное египетское имя, как легко убедиться, справившись

в словаре египетских имен Х. Ранке.⁸ Тогда в нашей строке первоначально стояло: «Дочь царева от утробы его, возлюбленная его, Ми-йотес», к чему при переделке добавили имя «Ми-йот». И от этого «Ми-йотес» превратилось из имени в бессмысленное — потому что повторное и лишнее — определение: «возлюбленная отца ее». Теперь становится понятным, почему в перечисленных четырех случаях «Ми» в имени «Ми-йот» вопреки обыкновению выписано раньше «йот». Слово «йот» — «отец» не было ни именем собственным, ни даже званием царя, и писать его раньше «Ми» не было никакой причины. Иное дело «Йот» — «солнце». Его из почтения к боготворимому светилу писали впереди «Ми». В трех надписях с «Ми» перед «йот» «Ми-йотес» было, возможно, превращено в «Ми-йот» (для двух надписей доказать это нельзя за полной пропажей второй половины имени, т. е. слова «йот», для третьей — ARH: CLIX 721-VIII — это вполне вероятно; см. ниже). Но в надписи, где читается «Ми-йотес» и за ним «Ми-йот», там в добавленном при переделке имени слово «Ми» написано раньше «йот», надо думать, под воздействием предшествующего «Ми-йотес». К тому же при перестановке слова «йот» вперед можно было читать: «Возлюбленная отца ее Йота, *Мрт*», что было бы явным оскорблением фараона, которому одному в прямом, неиносказательном смысле Йот приходился «отцом». В пользу изложенных догадок говорит и причудливое написание имени «Ми-йот» на камне ARH: CLIX 721-VIII. При переделке получилось: *мртйт* — [й]т[н] (знак пруда *мр*, под ним знак хлеба *т*, еще ниже два знака тростника *й* и между ними внизу знак хлеба *т*, еще ниже, у края камня, еще один знак хлеба *т* — очевидно, от второй части имени «Ми-йот» — «[йот]»). Вздорное написание первой половины имени с двумя *т* — *Мртйт* вместо *Мрт* объясняется очень просто, если для вставляемого имени «Ми-йот» частично использовали отверженное «Ми-йотес», предположительное имя дочери Кэе. Знак пруда *мр* и знак хлеба *т*, передававшие начало имени «Ми-йотес», именно *Мр(й)т* — «Возлюбленная», в позднем египетском произношении «Ми», были оставлены там, где они были написаны, т. е. на первом месте. Но в имени «Ми-йотес» за *Мр(й)т*, точнее, под ним значилось *йт.с* — «отца ее», начинавшееся со знака тростника *й*. Этот знак, добавив к нему другой такой же, можно было использовать для передачи *й* — при полном написании слова «Возлюбленная», *Мрт*, первой части имени «Ми-йот». Но такое полное написание нуждалось еще в знаке хлеба для окончания женского рода *т*. Этот знак и вписали, как подобало, [146] между обоими знаками тростника, на месте уничтоженного конца имени «Ми-йотес». Но при этом позабыли стереть *т*, оставшееся от имени «Ми-йотес» — от кратко написанного начала его «Ми» (*Мрт*), и получилась чепуха (конец имени «Ми-йот», слово «йот», подписали, естественно, под *Мрт*).

Если изложенные выкладки верны, то они позволяют сделать два любопытных вывода. Во-первых, получается, что дочь Кэе была названа созвучно со старшей дочерью царя от Нефр-эт. «Ми-йотес» и «Ми-йот» (в тогдашнем произношении «Май-йатис» и «Май-йати») звучали почти одинаково. Во-вторых, несмотря на всю созвучность, имена были по смыслу глубоко различными. Дочь Нефр-эт была «Возлюбленной Йота», подобно тому как и все пять сестер ее от Нефр-эт носили имена, сложенные с именем солнца, «Йот» или «Рэ». В имени же дочери Кэе — «Возлюбленная отца ее» — не было ничего от солнечной торжественности имен ее сводных сестер. Это напоминает различие, существовавшее между титулами Кэе и царицы Нефр-эт. Царица — «жена царева великая», «госпожа Верхнего (и) Нижнего Египтов», «владычица обеих земель», которая «жива вечно вековечно». Кэе — только «жена-любимец большая» Амен-хотпа IV. И титул Нефр-эт сложен на торжественном, уже мертвом, среднеегипетском языке, тогда как титул Кэе — на обиходном новоегипетском.

Есть ли у нас какие-нибудь надежные изображения дочери Кэе? От одних сохранились только куски, многие вовсе пропали, иные ни в чем не отличны от изображений дочерей Нефр-эт. К числу изображений, уподобляющих дочь Кэе дочерям Нефр-эт, принадлежит, вероятно, и тщательно выполненное изображение маленькой царевны на камне из Шмуна ARHAC: 11 = ARH: CLXXIII PC 24. С гремушкой (систром) в руке она

⁸ H. Ränke. Die ägyptischen Personennamen. Bd 1. Glückstadt, 1935. S. 155.

стоит непосредственно за своим отцом, Амен-хотпом IV, правящим службу многорукому солнцу. Это, насколько я знаю, единственное изображение царевны с отцом без матери, непеределанное из изображения Кэе. Кто же эта девочка? Титло, начертанное некогда над нею, полностью выбито, так что ничего не вычитать. Дочери Нефр-эт нигде не изображены без нее с одним Амен-хотпом IV (имею в виду исконные, непеределанные изображения). Но ведь и дочь Кэе изображали вместе с матерью? Дело, по-видимому, вот в чем.

Камень из стены здания (подле двери), найденный в Шмуне, сохранил остатки изображений спереди и сзади (MDIAeAK IX: VII–VIII = ARH: XIII 292–VI C + XIV 292–VI A). На одной стороне видны ноги большой особы женского пола в длинном складчатом одеянии (без мужского передника) и за нею маленькая особа в длинном же складчатом платье; голова девочки и пальцы ее поднятой правой руки, державшие, надо полагать, гремушку, пропали (MDIAeAK IX: VIII = ARH: XIII 292–VI C). Нам уже знакомы изображения из Шмуна, на которых [147] представлена царственная женщина в сопровождении одной дочери, и мы могли убедиться в том, что эта особа, переименованная впоследствии в царевну Анхес-эм-п-йот, первоначально изображала любимицу Амен-хотпа IV — Кэе. Поскольку с одной дочерью Нефр-эт бывает изображена в Ах-йот редко (обыкновенно лишь из-за недостатка места), а изображения побочной жены фараона с одной девочкой обычны и в усадьбе на юге Ах-йот, и на камнях из Шмуна, весьма вероятно, что и данное изображение относится к кругу памятников Кэе. Необычным для Нефр-эт было б и изображение на другой стороне камня (MDIAeAK IX: VII = ARH: XIV 292–VI A): женщина в длинном платье, стоящая на коленях с молитвенно приподнятыми руками. Изображение царицы, молящейся на коленях, имеется на плите из Она (SNE I: LXV). Однако это — единственное, насколько мне известно, достоверное изображение царицы в таком положении, и относится оно к середине царствования — ко времени III солнечного титла (см. § 36), тогда как изображения на камне из Шмуна выполнены уже не искажительным способом (см. § 103). Но главное — перед молящейся женщиной пустое пространство (возможно, с надписью синей краской, ARH: 62), а не изображение молящегося же царя, как надо было б ожидать, если б изображена была Нефр-эт, и как мы видим, в частности, на плите из Она. Быть же простою смертною особа явно не может, так как она была изображена особняком и крупно молящеюся солнцу не в доме или в гробнице, а на храмовой стене. Особа носит ступенчатые накладные волосы и большие круглые серьги.

Сопоставим с только что описанным камнем другой камень из Шмуна — часть косяка двери (AeKZKE: XXVII + 17). Вверху над разделительной чертой различимы большие ступни, очевидно, царя. Внизу представлена женщина (ниже пояса изображение пропало), приподнимающая обеими руками связку цветов. По сообщению хозяина этого камня, «вверху у темени был наложен гипс». «Углубленная форма надо лбом» позволяла владельцу памятника умозаключить, что на нем изображение царевны переделали в изображение царицы. На снимке, однако, ясно видно, что череп сзади слишком широк для царевны, и на нем различимы за боковую прядью волос еще прядки от первоначальной («ступенчатой») прически. Иными словами, переделали не изображение царевны в изображение царицы, а изображение взрослой женщины в изображение девочки. Некогда вверху был, очевидно, изображен фараон, служивший своему лучистому солнцу, а внизу особа женского пола подносила ему в виде приношения связку цветов.⁹ Отметим, что у особы большие круглые серьги. [148]

Ничто не мешает нам предположить, что и молящаяся на коленях женщина была представлена под изображением царя, служащего своему солнцу. Предположить это мы тем более вправе, что в солнцепоклоннической столице во входах в вельможеские гробницы (а иногда и внутри их) часты изображения такого рода. Вверху царь с семейством служат солнцу, а внизу коленопреклоненный сановник тоже молится, но обособленно (EA II: VII, VIII, EA IV: XV, XVI, XXIII, XXXI + 20, EA V: II+III, XV + 14, EA VI: XVI, XXV–XXVI). Что молящаяся женщина на обоих камнях — Кэе, представляется несомненным. Но тогда и

⁹ L. L. Möller, G. Roeder. Ägyptische Kunst aus der Zeit des Königs Echnaton. Hamburg, [1965]. P. 17.

под изображением царя с маленькой девочкой могла быть изображена та же Кэйе, и царь не был бы представлен, вопреки обыкновению, один с дочерью, без матери. Разумеется, изображений Нефр-эт в подобном положении отдельно молящегося подданного неизвестно.

Однако, как ни хорошо выполнено изображение девочки с родителем и как ни правдоподобно то, что она — дочь Кэйе, подлинные черты ребенка вряд ли переданы на этом камне. Очень уж похожа девочка на дочерей Нефр-эт.

Совсем непохожа на них дочь Кэйе на камне из Шмуна MDAIAK XIV: XII 1 = T3Г: 101 = ARH: XV 610–VIII, но, во всяком случае на снимках, она вообще ни на что не похожа: ее лицо просто обезображено кем-то. Но есть еще один камень оттуда же, который стоит пристально рассмотреть. Это — камень AeKZKE: XXI = ARHAC: 19 = ARH: CLXX PC 12. На нем уцелел кусок изображения царской службы солнцу. Царь (сохранились только бедро и опущенная кисть левой руки) правой рукою, видимо, держал жезл, которым ударял по жертвам в знак посвящения их солнцу. За царем видна подставка с приношениями, перед которой спиной к царю и лицом к пропавшей его спутнице изображена небольшая особа женского пола. Слегка склонившись, она подносит жертвенные припасы, очевидно, этой спутнице царя. По ступенчатым накладным волосам со свешивающейся с темени боковой прядью особу можно принять за царевну, однако позади ее имеется надпись: «Кормилица дочери царевой Анхес-эм-п-йот Тэйе». К кому относилась эта надпись: к особе, похожей на царевну, или к стоявшей некогда за нею, но нынче пропавшей кормилице? Мнения издателей разошлись.¹⁰ Соображения, высказанные Дж. Д. Куни, несомненно, убедительны. Вклинение обыкновенной, не царственной особы, будь то даже кормилица царевны, между царем и его царственной спутницей было бы действительно чем-то невиданным и потому вовсе не правдоподобно. [149] Возражение С. Олдред,¹¹ его указание на то, что пропавшая кормилица, стой она под надписью между царем и царевной, была бы непомерно маленькой, тоже основательно, хотя, вообще говоря, маленькие нянюшки встречаются позади царевен на солнцепоклоннических изображениях (например, EA II: V, EA V: III, EA VI: II), а на данном изображении кормилица могла бы выйти и не слишком крошечной. Однако недоумения разрешаются очень просто.

Надпись на камне непеределанная; как ее когда-то нанесли на него, так она и стоит на нем по сию пору. Весь вопрос в том, когда ее нанесли? Если бы ее выполнили одновременно с изображениями и она с самого начала относилась к царевне, то можно было бы считать доказанным, что дочь Кэйе звали «Анхес-эм-п-йот». Ведь сомневаться в том, что изображена была с царем и одною дочерью Кэйе, а не Нефр-эт, вряд ли приходится. На изображениях службы солнцу дочери следуют за Нефр-эт, а не стоят между отцом и матерью, и так обстоит дело на великом множестве изображений. Единственное исключение — камень из Шмуна ARH: CСХVII PC 71. Главное же то, что на прочих камнях из Шмуна изображения с Анхес-эм-п-йот обычно переделаны из изображений Кэйе (см. гл. III). Беда только в том, что надпись на камне не современна его изображениям, а привнесена впоследствии при их переделке и переименовании. Это можно было бы подозревать уже по одному тому, что имени «Анхес-эм-п-йот» здесь в отличие от прочих камней из Шмуна не сопутствуют никакие переделки, однако такое подозрение можно было бы и отклонить ссылкой на то, что титул Анхес-эм-п-йот в составе звания ее кормилицы было настолько кратким, что и переделывать было нечего. Но есть одна особенность у этого титула, которая определенно указывает, что надпись с ним вставлена при переделке: имя «Анхес-эм-п-йот» сопровождается определителем не просто женщины, а женщины с так называемым «бичом» в руке.

Насколько мне известно, нет ни одной непеределанной надписи, в которой имена дочерей Амен-хотпа IV до их воцарения сопровождал бы достоверно определитель женщины с «бичом» в руке. На непеределанных памятниках переворота знак встречался мне только после имен цариц (ср. § 77, 80); после имен царевен мне известен лишь определитель женщины без «бича» в руке. Подобное поразительное единодушие в правописании тем

¹⁰ Л. Л. Мёллер — в кн.: L. L. Möller, G. Roeder. Ägyptische Kunst aus der Zeit des Königs Echnaton. S. 23; J. D. Cooney. Amarna reliefs from Hermopolis in American collections. Brooklyn, 1965. P. 19.

¹¹ C. Aldred. [Рец. на.] J. D. Cooney. Amarna reliefs from Hermopolis... // JEA. Vol. 52, 1966. P. 188.

замечательнее, что титула царевен дошли до нас в огромном количестве. Мне не известно ни одно достоверное исключение. Определитель с «бичом», значащийся после имени царевны в передачах печатным набором MSEC AE I: 21 и от руки MSEC AE I: X, менее всего надежен. И не только потому, [150] что издание не отличается слишком строгой точностью, но и потому, что на снимках MSEC AE I: IX и XII никакого «бича» в руке женщины ни в том, ни в другом месте распознать невозможно. Чему соответствует неуместный позднеегипетский определитель сидящей женщины с коленями на земле и изогнутым вверх цветком лотоса в руке, употребленный после имени царевны Нефр-нефре-йот Малой в передачах печатным набором MSEC AE I: 19 и MDIAeAK V: 28 = TTA: 159 CLXXII, мне неизвестно, так как в моем распоряжении нет ни снимков, ни даже воспроизведений от руки для этих надписей. «Палка», которую «держит» концом вверх определитель женщины на камне из Ах-йот СА I: XLIII 3 = HTES VIII: XXV = 28, возможно, не более как царапинка или трещинка; «бича», во всяком случае, здесь никакого не было. Нет определителя царственной женщины с «бичом» и после имени царевны Бок-йот, дочери Амен-хотпа III и Тэе (EA III: VIII = IX, XVIII два раза, ср. IV); во всех случаях имя «определено» простым знаком женщины.

А вот на занимающем нас сейчас камне за именем «дочери царевой Анхес-эм-п-йот» следует определитель женщины с «бичом» в руке. Откуда взялся этот царственный определитель? Не была ли надпись нанесена на камень, когда царевна или по меньшей мере ее старшая сестра Ми-йот уже стали царицами? Определитель царицы с «бичом» и в венчике сопровождает имя «жены царевой великой Ми-йот» внутри кольца, судя по воспроизведению печатным набором и по воспроизведениям от руки, на ларцах из гробницы Тут-анх-амуна (JEA XIV: 5 = TTA: 168 CXIV = U18D: 2024 = AOГ XXXVI: 13 1a, AOГ XXXVI: 17 2a). Такой же определитель придан имени Ми-йот на перстне SCN: XXXVI 54; знак женщины с «бичом» следует за ее именем на перстнях TEA XV: 106 = HE II: 234 и SCN: XXXVI 35, причем несомненно, что Ми-йот уже царица, поскольку в совершенно сходной надписи на перстне SCN: XXXVII 12 определителем к ее имени служит знак царицы в головном уборе из двух высоких перьев и с «бичом» в руке. Определителем с «бичом» снабжено и имя «жены царевой великой Анхес-эм-п-йот» внутри кольца на задней стороне золотого кресла из гробницы Тут-анх-амуна (Тоu: против 65). Однако вовсе не правдоподобно, что памятники Кэе переделывались на имя царевен после смерти Амен-хотпа IV, раз дочери Нефр-эт оказываются на переделанных для них памятниках неизменно «дочерьми царевыми», не «женами царевыми», и притом даже без царских колец вокруг имен (см. гл. VI). Но тогда не простая ли, быть может, случайность определитель с «бичом» на нашем камне из Шмуна?

Нет, так просто дело все-таки не решается. Тот же самый определитель женщины с «бичом» в руке значится в переделанной надписи из царской усадьбы на юге Ах-йот даже не [151] после имени ее новой хозяйки — «дочери царевой великой» Ми-йот, но, вопреки всякому обыкновению, после слова «великая», которому самому не место в ее титуле (СА I: XXXII 2 = LVT 271 M = 152)! Здесь знак явно привнесен при переделке, и потому весьма правдоподобно, что и на камень из Шмуна он попал в то же время, т. е. при переименовании изображения Кэе в изображение царевны, в данном случае — царевны Анхес-эм-п-йот (старшей). Правда, этим еще не дано ответа на вопрос, откуда взялся знак в титулах царевен? Мы знаем, что пожелание «жива она!» в титулах, переделанных для дочерей Нефр-эт из титула Кэе, позаимствовано из этого последнего (JEA X: XXIII 3, ZAeSA LXXIV: 105 = MDIAeAK IX: VII, см. гл. III и VI). Несомненно, оттуда же оно попало даже в титул «[Анхес-эм-п-йот] Малой» на камне из Шмуна ASAE XXXVIII: LXXV = MDIAeAK IX: VIII c (см. гл. VI). Если в титула царевен, не имевших права на такое пожелание, оно попало из титула Кэе, то почему бы и определителям женщины с «бичом» не взяться из того же источника? Я, правда, не могу указать ни одного титула Кэе, где подобный знак действительно имелся б. Однако на одном из ее сосудов после ее имени стоит определитель женщины, пускай не с «бичом», а с каким-то жезлом (??) в руке, но зато с венчиком на голове, свойственным, как и «бич», царице (JEA XLVII: 29). В венчике здесь и определитель к слову «жена». В переделанной надписи из северного дворца в Ах-йот из-под знака пруда *mr* в имени Ми-йот на том самом месте, где

мог быть прежде определитель к имени Кэ́йе, выглядывает яйцевидный отросток, очень похожий на кончик «бича» (JEА X: XXIII 3, о надписи см. гл. II).

Вывод, что надпись «кормилица дочери царевой Анхес-эм-п-йот Тэ́йе» привнесена впоследствии, не имеет существенного значения для занимающего нас сейчас вопроса об имени дочери Кэ́йе. Разумеется, зовись эта девочка «Анхес-эм-п-йот», никакого смысла не было б при переделке вводить в изображение кормилицу на самом непоказанном для того месте — между царем и его царственной спутницей. Незачем было б переименовывать маленькую царевну в кормилицу царской спутницы, превращенной в Анхес-эм-п-йот старшую, если девочка могла оставаться на изображении под своим именем Анхес-эм-п-йот в качестве «Анхес-эм-п-йот Малой». Все произошло, конечно, потому, что дочь Кэ́йе не звалась «Анхес-эм-п-йот». Однако это мы и без того давно уже знаем.

Но если побочная дочь фараона не была «Анхес-эм-п-йот», то так звали девочку, «рожденную» Анхес-эм-п-йот старшей? Почему же тогда не переименовали маленькую царевну в Анхес-эм-п-йот Малую, как на других изображениях, а превратили девочку, по виду своему царевну, самым неуместным образом в кормилицу своей сводной сестры? Не потому ли, что никакой Анхес-эм-п-йот Малой на деле и не существовало и [152] что в другие изображения она была введена только по необходимости, чтобы как-то переименовать дочь Кэ́йе?

На изучаемом нами камне из Шмуна у девочки полное лицо и нет никаких признаков выпяченного назад черепа; на дочерей Нефр-эт она не похожа. Но и прическа у девочки несвойственная им: шарообразные накладные волосы, подстриженные по сторонам лица ступеньками, с прямою прядью, ниспадающей сбоку немного ниже плеч. Из всего несметного множества изображений дочерей Амен-хотпа IV и Нефр-эт я могу указать всего лишь три, на которых у царевен могли быть сходные прически, но из-за повреждений или неполной отделки даже эти три исключения не вполне надежны (ЕА II: XXXIII = XXXIV = XLVII, JEА XXI: XII = СА III: LXVI 4, СА III: CVII 1). Но есть обломок изваяния отличной работы, голова и грудь неизвестной царевны, точь-в-точь с такою же прическою, как у девочки из Шмуна (STEА: 47, 48 = ВНеф: 37 = ZZR: между 96-97). У изваяния необыкновенно широкое лицо, какого не бывает у изваяний дочерей Нефр-эт. Особо отмечается также, что череп не вытянут назад, как у тех царевен.¹² Что, если это изваяние действительно изображает дочь Кэ́йе? Изваяна девочка довольно возрастная,¹³ и это вполне подходило бы к дочери Кэ́йе, поскольку Кэ́йе была «женою-любимцем большою» фараона еще при ранних солнечных кольцах (см. гл. VI).

Подведем итог тому, что дали наши разыскания для понимания обстоятельств, складывавшихся при солнцепоклонническом дворе в последние годы его существования. Женитьба Амен-хотпа IV на малолетней дочери и рождение от восьмилетней матери царской внучки могут быть отнесены к числу условных вымыслов, вызванных к жизни переделкою памятников Кэ́йе на имя дочерей Нефр-эт. Существование Ми-йот Малой и Анхес-эм-п-йот Малой вне мира подобных условностей становится в высшей мере сомнительным, и вместе с тем отпадает возможность того, что Тут-анх-йоту дали в жены сверстницу — Анхес-эм-п-йот Малую, а не одноименную дочь Аменхотпа IV от Нефр-эт. Эта последняя Анхес-эм-п-йот тогда не скончалась царевною, а воцарилась несколько лет спустя после кончины своего родителя, так что каменный ларчик, надписанный на имя «дочери царевой от утробы его, возлюбленной его, Анхес-эм-п-йот правой голосом», т. е. покойной (PSBA XXXVI: 168), как ни мало похож он на погребальную принадлежность, заготовленную впрок, должен быть все-таки таковою (ср. обломок каменного гроба с именем «[Анхе]с-[м]-п-йо[т]» из Ах-йот, ЕА VII: XIII 315). Можно считать, что дочь Кэ́йе в той или иной мере разделила участь своей матери, не уцелела при дворе своего родителя, не звалась «Анхес-эм-п-йот», не [153] стала женою Тут-анх-йота. В переводе на язык более общего порядка это означает, что отвергшие впоследствии свои солнцепоклоннические имена Тут-анх-йот и Анхес-эм-п-йот ни в каком родстве с павшим полуфараоном не состояли и что, вступая в брак с Анхес-эм-п-йот, Тут-анх-йот женился не на вдове царя, Амен-хотпа IV, а на царевне, его дочери.

¹² C. de Wit. La statuaire de Tell el Amarna. Bruxelles-Anvers, 1950. P. 46.

¹³ Ibid.

Если дочь Кэ́йе разделила участь своей матери, приобретает известное, хотя и более чем сомнительное, значение странная находка, сделанная в свое время в усадьбе Кэ́йе на юге Ах-йот. В маленьком дворце на северном берегу большого пруда в замурованной кладовой были найдены останки ребенка и с ними некоторое количество бус и игрушечная алавастровая посуда (СА I: 117). Было б, конечно, непростительной смелостью утверждать, что то были останки дочери Кэ́йе, хотя странное захоронение в увеселительной усадьбе, а не в могиле или гробнице, невольно приходит на ум в связи с печальной судьбою владелицы этих мест. Наиболее вероятным представляется следующее объяснение находки. Когда двор покидал или уже покинул солнцепоклонническую столицу, кто-то из отъезжавших или остававшихся ее жителей похоронил своего ребенка в опустелом здании. Ведь непосредственно после падения Кэ́йе усадьба не была заброшена, а перешла к царице Ми-йот.

Примечание

Не принадлежит ли к кругу памятников Кэ́йе и ее дочери также часть каменного сооружения AN: 58 (титло спутницы фараона везде изглажено, титло солнца с поздними кольцами и с ссылкой на место его почитания имени царицы Ми-йот, однако с «Ми-», написанным перед «йот» и без упоминания царицы-матери)? [\[154\]](#)

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О СОПРАВИТЕЛЬСТВЕ И ТИТЛЕ СЕМНЕХ-КЕ-РЭ

А. Вопрос о соправительстве Семнех-ке-рэ

После того как в предыдущем изложении (см. гл. V) было показано, что на солнцепоклоннических изображениях двух безымянных фараонов были представлены не Амен-хотп IV и Семнех-ке-рэ, а Амен-хотп IV и Кэйе, число возможных свидетельств о соправительстве Семнех-ке-рэ с Амен-хотпом IV резко сократилось. Отпали самые наглядные из них. В ходе предшествующего изложения было также показано, что набросок двух фараоновских голов, толковавшийся как изображение Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ, на самом деле не более как повторное изображение одного и того же Амен-хотпа IV, который сперва был представлен менее, а затем более точно. Существует, однако, еще некоторое количество письменных свидетельств, как будто бы намекающих или даже прямо указывающих на соправительство Семнех-ке-рэ с тестем. Свидетельства эти бывают двух родов: титла Семнех-ке-рэ с предпосланным титлом Амен-хотпа IV и имена Семнех-ке-рэ с дополнительным наименованием его каждый раз любимцем Амен-хотпа IV. Об одном из свидетельств первого рода суждение затруднено отсутствием, насколько мне известно, не только издания, но и сколько-нибудь ясного описания. Имею в виду отвалившиеся куски стенописи, подобранные в Ах-йот в северном городском дворце и сохранившие кольца Амен-хотпа IV, Семнех-ке-рэ и Ми-йот. Из известного мне беглого упоминания этих остатков (JEA XVIII: 108) невозможно усмотреть, стояли ли где-либо кольца Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ рядом, или их кольца могли быть из разных надписей? Затем едва ли не полностью отпадает свидетельство плиты из Ах-йот с изображением двух особ, выдаваемых ныне существующими надписями за Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ (CA III: CVII 3 = CVIII = T3Г: 99 = А: 104 = ZZR: между 128 и 129 = АОг XXXVI: 13 *1b*). Здесь действительно выписаны бок о бок сперва два стоячих кольца Амен-хотпа IV и затем два таких же кольца Семнех-ке-рэ. Однако выше было показано (см. гл. V), что кольца Семнех-ке-рэ — позднейшая вставка взамен титла Кэйе, так что первоначально фараон был изображен не с соправителем, [155] а с побочной женой. Можно, правда, указать на то, что в переделанной надписи оба царя величаются по-разному, что заголовки колец старшего царя звучат более державно, по-государственному. Амен-хотп IV величается «владыкою обеих земель» и «владыкою венцов», в то время как Семнех-ке-рэ величается всего лишь «владыкою творения вещи», т. е. правящим храмовую службу, и «владыкою мышцы» (знак, снабженный издателем пометкою «sic», несомненно, не что иное, как знак бычьей ноги). Но обозначения «владыка творения вещи» и «владыка мышцы» тоже фараоновские обозначения, а многолетие под кольцами Семнех-ке-рэ пышнее и царственнее, чем у Амен-хотпа IV. Под первым кольцом Амен-хотпа IV подписаны (слова «(кому) дано жить», под вторым, надо полагать, обычное его наименование «большой по веку своему» (в изданиях как на снимках, так и на воспроизведении от руки знаки видны смутно и не полностью; АОг XXXVI: 13 *1b* слова под всеми четырьмя кольцами не воспроизведены). Под кольцами Семнех-ке-рэ многолетие, стоящее обыкновенно под кольцами самого царственного солнца, — «(кому) дано жить вечно вековечно».

Имеется, однако, памятник, на котором титла Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ, видимо, с самого начала следовали друг за другом. На ларце из гробницы Тут-анх-амуна читается надпись: «Царь (и) государь, живущий правдою, владыка обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, сын Рэ, живущий правдою, владыка венцов Эх-не-йот, большой по веку своему. Царь (и) государь, владыка обеих земель Анх-шепр-рэ Ми-нефр-шепр-рэ, сын Рэ Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ. Жена царева великая Ми-йот — жива она вечно!» (JEA XIV: 5 = ТТА: 168 CXCV = U18D: 2024 = АОг XXXVI: 13 *1a*). Доказывает ли эта надпись соправительство Семнех-ке-рэ? На первый взгляд как будто бы доказывает, и притом с очевидностью. Однако при более

тщательном рассмотрении доказательность и очевидность становятся спорными. Ларец принадлежал не Амен-хотпу IV, не обоим царям вместе, а одному Семнех-ке-рэ. Об этом недвусмысленно говорят его кольца, помещенные па ручках ларца: «Анх-шепр-рэ Ми-нефр-шепр-рэ» и «Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ» (JEA XIV: 5 = АОг XXXVI: 13 1a). Значит, титул Амен-хотпа IV было предпослано в длинной надписи титулу владельца ящика, Семнех-ке-рэ, только из почтения к Амен-хотпу IV. Делового назначения — для обозначения владельца и тем более времени — титул Амен-хотпа IV здесь не имело. Но если все дело в почтении, то почему это должно было быть почтение обязательно к живому, а не к почившему уже Амен-хотпу IV? А если поискать сходные явления в солнцепоклоннической письменности, упоминания старшего фараона впереди младшего, то немедленно придет на ум постоянное упоминание царя-солнца перед царем земным. Кольца или титул солнца [156] предпосланы несчетное число раз на памятниках кольцам или титулам Амен-хотпа IV и его супруги. И в случае самого Семнех-ке-рэ наблюдается подобное же. Мы располагаем двумя памятниками, на которых на почетном месте вместе с Семнех-ке-рэ и его супругой Ми-йот было названо также солнце. В гробнице Ми-рэ домоправителя в Ах-йот (EA II: XLI) большим кольцам солнца (с последующим многолетием и титуловыми прозваниями) почтительно, «лицом к лицу», предстоят (каждое со своими заголовками и многолетием) относительно меньшие первое и второе кольца Семнех-ке-рэ и кольца царицы Ми-йот. На обломке надписанного изображения из Мэнфе сохранились нижние части колец солнца, Семнех-ке-рэ и Ми-йот с их многолетиями, расположенные таким же способом относительно друг друга (Ae: I 4 = JEA XIV: 8 = SAK II: 157). Во всех подобных случаях старшим фараоном является солнце, т. е. не земной, а сверхъестественный царь. Не будет ли и Амен-хотп IV, упомянутый впереди Семнех-ке-рэ и его супруги, тоже неземным уже, покойным царем? Почивший «сын» и провозвестник солнца, «Единственный для Рэ» оставался, несомненно, необыкновенным, несравненным существом для своих солнцепоклоннических преемников. В посмертном боготворении его не было б, конечно, ничего неожиданного. Но, рассуждая так, мы, в сущности, отвечаем и на вопросы, поднимаемые второго рода свидетельствами — именами Семнех-ке-рэ с добавлением обозначений его как «возлюбленного» Амен-хотпом IV.

Кольца Семнех-ке-рэ на ларце из гробницы Тут-анх-амуна принадлежат уже к этого рода свидетельствам. Они читаются оба раза «Анх-шепр-рэ Ми-нефр-шепр-рэ» и «Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ». Оба имени дважды проступают сквозь имена Тут-анх-амуна и на другом ларце (TST: 72 = 107, АОг XXXVI: 17 2a + 15 (17)). «Анх-шепр-рэ Ми-нефр-шепр-рэ» встречается довольно часто на перстнях с именем молодого фараона (TEA: XV 92 [= HE II⁷: 234], 93, S: XXXI 31, SCN: XXXVII 2, 3, ChEXLVIII: 244 B, C, но значительно чаще на них сочетание «Анх-шепр-рэ Ми-ва-н-рэ» (KGN: XXIII 21, TSBA IX: 351, TEA: XV 94 [= HE II⁷: 234] 95, 96, CSBGF: 34 272 = X 272, CESBM I: 278 2690, 2691, 2692, 302 2869, SCN: XXXVII 4, 5, JNES X: против 234, ChE XLVIII: 244 A, D, E, F). Правда, имена Семнех-ке-рэ на перстнях не представляют настоящих колец, потому что обод вокруг не замыкается внизу завязкой. Однако и в настоящих кольцах имена Семнех-ке-рэ разнятся друг от друга в отношении наименований, выражающих близость к Амен-хотпу IV. В скорописных кольцах в одной из гробниц Нэ добавочные наименования звучали, по-видимому, после имени «Анх-шепр-рэ» — «Ми-нефр-шепр-рэ», после имени «Нефр-нефре-йот» — «Ми-ва-н-рэ» (JEA XIV: V = U18D: 2024; в обоих случаях надежно читается только начало наименования — «ми», «возлюбленный»), т. е. так же, как на ларцах. Но на обломке плиты из Ах-йот [157] проставленные впоследствии (см. гл. V) кольца Семнех-ке-рэ читаются: первое — «Анх-шепр-рэ Ми-ва-н-рэ», второе — «Нефр-нефре-йот Ми-эх-не-йот» (CA III: CVII 3 = CVIII = T3Г: 99 = A: 104 = ZZR: между 128 и 129 = АОг XXXVI: 13 1b). На первый взгляд, как и в случае сочетания титула Семнех-ке-рэ с титулом Амен-хотпа IV, должно показаться, что наименование Семнех-ке-рэ «возлюбленным Нефр-шепр-рэ» (Ми-нефр-шепр-рэ), «возлюбленным Ва-н-рэ» (Ми-ва-н-рэ) или, наконец, «возлюбленным Эх-не-йота» (Ми-эх-не-йот) совершенно недвусмысленно свидетельствует о соправительстве. Однако при более вдумчивом рассмотрении этих наименований первое впечатление от них оказывается ненадежным. Если в случае присоединения к титулу Семнех-ке-рэ титула

предшественника более осмотрительному пониманию этого сочетания способствовало сопоставление с сочетаниями титула солнца и титула фараона, то и в данном случае сравнение со сходными наименованиями в царских кольцах поможет выяснить значение обозначений Семнех-ке-рэ как «возлюбленного» Амен-хотпом IV. Добавочные наименования в кольцах фараонов Нового царства — частое явление, и никогда и нигде эти наименования не выражали отношение их носителя к живому современнику. Наименования, следующие в кольцах за именем, выражают или свойство самого обладателя кольца, или отношение этого царя к тому или иному его божеству. Если царь именуется в кольце «возлюбленным», то «возлюбившим» его является неизменно то или иное египетское божество. Следовательно, и наименования Семнех-ке-рэ «возлюбленный Нефр-шепр-рэ», «возлюбленный Ва-н-рэ», «возлюбленный Эх-не-йота» надо воспринимать, скорее всего, как указания на близость не к земному, хотя бы и обожествляемому существу, а к существу потустороннему, иными словами, к Амен-хотпу IV, уже почившему.

Что Амен-хотп IV после смерти стал для своих преемников своего рода солнцепоклонническим Усире, новым образом мертвого царя-бога, можно с известной долей вероятности заключить из тогдашнего любопытного способа изображать Усире в облике его ярого врага — Амен-хотпа IV! На второй надгробной сени Тут-анх-амуна, предназначавшейся первоначально, по всей видимости, для Семнех-ке-рэ (см. гл. IX)¹, фараон Семнех-ке-рэ/Тут-анх-амун изображен перед Усире, названным в заглавии своей речи, как в дни нетерпимого солнцепоклонничества (ASAE XVIII: 54 = TTA: 135 CXXIV A = U18D: 2019; подробно об этом будет сказано в «Перевороте Амен-хотпа IV», ч. II), не своим именем, а иносказательно: «Сказывание слов владыкою вековечности: ...» (TT II: LVII = T II: LVII = ShT: против [158] 93; ср. GT: LXIII). И вот этот «владыка вековечности» отличается не только толстыми бедрами (что для спеленатого трупа не так уж примечательно), но и острым отвислым подбородком и даже выгнутой назад шеею² Амен-хотпа IV. Отсутствие этих особенностей у стоящего перед «владыкою вековечности» фараона еще резче оттеняет сходство странного Усире с Амен-хотпом IV. В обличье Амен-хотпа IV с длинной худой шеей и отвислым подбородком Усире представлен и на плите «послушателя зова в месте большо(м)» Ст' ИДЕг: 413 = ВДИ 1972 1: 1 против 96. На ней, именно на изображениях людей, явно лежит печать солнцепоклоннического искусства, но плита уже многобожеская, так что должна быть времени после Амен-хотпа IV. Многобожеским является и гроб Ст' из Нэ (RFDEM 1933-1934 I: X-XI), но было время, когда Ст' строго держался требований солнцепоклоннического двора. На ответчике Ст' отсюда же соблюдены все правила, предъявлявшиеся письменности в последние годы Амен-хотпа IV: покойный не только мечтает о жертвах, приносимых Йоту (RFDEM 1933—1934 I: 99, IFAOCBE L: 51 = CHIBM I: LXXIII 283 A), но тщательно избегает слова и знака, значивших «бог» (см. § 114, RFDEM 1933-1934 I: 98, CHIBM I: LXXIII 283 B). Ср. изображение Усире на плите AeGDSS II: XIV. Ср. также: M. Vilímková, M. H. Abdul-Rahman, D. Darbois. Altägyptische Goldschmiedekunst. Praha, 1969, табл. 51, на нагрудном знаке из гробницы Тут-анх-амуна (Усире без имени, но «владыка вековечности», как на второй сени!).⁺

Таким образом, и упоминание Амен-хотпа IV впереди титула Семнех-ке-рэ наподобие солнца, и величание Семнех-ке-рэ «возлюбленным» Амен-хотпом IV по образцу обычных величаний фараонов «возлюбленными» тем или иным египетским божеством не только не доказывают соправительства обоих царей, но, напротив, говорят, скорее всего, о том, что Амен-хотп IV перешел тогда уже на положение потустороннего существа и бога для царствующего фараона Семнех-ке-рэ.

К тому же заключению можно прийти, если сопоставить способ обозначения года царствования при Семнех-ке-рэ с употребленными при этом его именами. Скорописная

¹ R. Engelbach. Material for a revision of the history of the heresy period of the XVIIIth dynasty // ASAE. T. 40, 1940. P. 138; противоположного мнения: G. Roeder. Thronfolger und König Smench-ka-Re (Dynastie XVIII) // ZAeSA. Bd 83, 1958. S. 71.

² H. Schäfer. Altes und Neues zur Kunst und Religion von Tell el-Amarna // ZAeSA. Bd 55, 1918. S. 9-13.

⁺ Последнее предложение в книге помещено на стр. 295 и обозначено как добавление к этому месту.

надпись в одной из гробниц Нэ начинается так: «Год царствования 3, месяц 3 Половодья, число 10: Царь (и) государь, владыка обеих земель Анх-шепр-рэ Ми-[нефр-шепр-рэ], сын Рэ Неф-р-нефре-йот Ми[ва-н-рэ]» (JEA XIV: V = U18D: 2024). По солнцепоклонническому обычаю, введенному одновременно или почти одновременно с провозглашением солнца царем и заключением солнечного имени в кольца (см. § 18), год, месяц и число не соединены с титулом Семнех-ке-рэ предлогом «при». Так поступали, несомненно, затем, чтобы между годом и титулом царя можно было вставлять титул главного фараона-солнца, раз год царствования был не его, а земного царя. Полное обозначение года, если б Амен-хотп IV правил совместно со Семнех-ке-рэ, [159] было б: год царствования такой-то, титул солнца, титул Амен-хотпа IV, титул Семнех-ке-рэ. Однако 3-й год царствования Амен-хотпа IV к тому времени давно уже миновал. Следовательно, то мог быть единственно 3-й год самого Семнех-ке-рэ как полновластного фараона, а не как соправителя Амен-хотпа IV. Потому, если Семнех-ке-рэ именуется в своих кольцах в данной пометке «возлюбленным» Амен-хотпа IV, то этим выражена близость не к земному царю Амен-хотпу IV, а к почившему боготворимому предшественнику.

Наши выкладки находят некоторое подтверждение в неоднократно приводившихся в ученых сочинениях скорописных пометках на черепке из Ах-йот СА III: XCV 279. Первоначальная пометка была сделана, когда содержимым сосуда был мед, в году царствования 17-м. Затем эта пометка была смыта и на сосуде сделана новая, менее тщательная, но, разумеется, сейчас видная лучше, чем первая. Новая пометка относилась, по-видимому, уже не к меду. Судя по знаку, уцелевшему от начала названия нового содержимого, букве йод, им было вино. Вторая пометка была сделана в 1-м году царствования. Двойную пометку СА III: XCV 279 нельзя понять иначе, как замену надписания, сделанного в последний, 17-й год Амен-хотпа IV, новым надписанием в 1-й год его преемника. Так это всегда и понимали. Но это ведь значит, что царствование Амен-хотпа IV прекратилось на 17-м году и началось новое царствование, началось с 1-го года, так что новый царь считал годы своего царствования со смерти предшественника. Если новым царем был Семнех-ке-рэ, то его 3-й год никак не мог быть годом соправительства, и, следовательно, в гробничной скорописной надписи Семнех-ке-рэ именовался «возлюбленным» Амен-хотпа IV не живого, а почившего. Единственный способ уклониться от такого вывода — это предположить, как то и делают некоторые ученые, что Семнех-ке-рэ никогда, в сущности, самостоятельно не царствовал, что все его царствование было сплошь соправительством, что один, без Амен-хотпа IV, он не правил и что по кончине их обоих, более или менее одновременной, царская власть перешла к Тут-анх-йоту. При таком предположении 1-й год двойной пометки может быть уже годом не Семнех-ке-рэ, а Тут-анх-йота. По правде говоря, этот 1-й год мог быть годом Тут-анх-йота и в том случае, если Семнех-ке-рэ правил самостоятельно несколько лет по кончине Амен-хотпа IV. Сосуд мог быть наполнен медом и надписан в 17-й год царствования Амен-хотпа IV, мог пробыть затем несколько лет, при Семнех-ке-рэ, в солнцепоклоннической столице, мог быть уже порожним отослан на север, там в 1-й год Тут-анх-йота снова наполнен, на этот раз вином, вторично надписан и отправлен обратно в Ах-йот. Но поскольку вероятность того, что 1-й год двойной пометки может быть годом Семнех-ке-рэ, все-таки остается, двойная пометка сохраняет значение [160] возможного подтверждения вывода о воцарении Семнех-ке-рэ не при жизни, а после смерти Амен-хотпа IV.

Но правдоподобно ли само предположение, что Семнех-ке-рэ никогда не правил самостоятельно, а был всего лишь соправителем Амен-хотпа IV, прямым преемником которого был Тут-анх-йот? Нет, такое построение еще менее правдоподобно, чем допущение временного соправительства Семнех-ке-рэ. Если неправдоподобность и необоснованность последнего предположения приходилось выяснять путем подробного разбора доводов, похожих на убедительные доказательства, то в пользу того, что Семнех-ке-рэ только и был что соправителем Амен-хотпа IV, нельзя привести вообще ничего, зато против подобного допущения можно выставить доводы самые веские.

Допустим, что умолчание об Амен-хотпе IV в начале скорописной гробничной надписи в Нэ можно кое-как объяснить с помощью, правда, надуманного и произвольного построения об отправке Семнех-ке-рэ в опальную столицу в целях примирения ее с Амен-хотпом IV, оставшимся в Ах-йот. Как в таком случае объяснить отсутствие колец Амен-хотпа IV рядом с кольцами солнца, Семнех-ке-рэ и царицы Ми-йот в гробнице Ми-рэ, домоправителя в самом Ах-йот (ЕА II: XLI), где Амен-хотп IV как раз-де оставался, и на камне из Мэнфе (Ае: I 4 = JEA XIV: 8 = SAK II: 157), где Семнех-ке-рэ как раз-де не правил?! И почему лишь Семнех-ке-рэ назван после Йота на доме Ра-нофра в Ах-йот (СА I: 9 L' — см. гл. X)?

В 1951 г. Х. В. Фэрмэн, пересматривая доводы в пользу соправительства Семнех-ке-рэ, не находил их решающими, хотя и допускал возможность соправительства.³ Однако то, что принималось за совместные изображения Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ, оказывается изображениями Амен-хотпа IV и Кэйе, а в одном случае — двойным изображением самого Амен-хотпа IV; совместные же упоминания Амен-хотпа IV и Семнех-ке-рэ, по всей видимости, должны считаться не более как данью почтения преемника к необыкновенному предшественнику. Спрашивается, стоит ли долгие толковать о соправительстве Семнех-ке-рэ и не целесообразно ли отнести это соправительство к числу изжитых недоразумений? Раньше, чем принять окончательное решение, дождемся, однако, издания кусков стенописи с кольцами Амен-хотпа IV, Семнех-ке-рэ и Ми-йот из дворца на севере солнцепоклоннической столицы (JEA XVIII: 108), а также издания другой, тоже северной, стенописи — изображения выезда двух фараонов (Амен-хотпа IV и Кэйе? JEA XVIII: 144). Сдается, впрочем, что издание этих обломков вряд ли изменит отрицательное заключение, к которому приводит изучение изданных памятников, имеющих отношение к вопросу о соправительстве Семнех-ке-рэ. [161]

Б. Смена колец Семнех-ке-рэ

Не сохранилось ни одного полного титула Семнех-ке-рэ. Единственное возможное исключение составляет некое очень странное пятичленное титуло Тут-анх-амуна, являющее все признаки переделки из чужого, притом солнцепоклоннического, титула, отличного, однако, от титула Амен-хотпа IV. Этим очень странным титулом мы займемся в дальнейшем, но если б оно было действительно переделано из титула Семнех-ке-рэ, от первоначального состава оставалось бы слишком мало, чтобы по остаткам можно было догадаться, как титуло некогда выглядело. Но если первое, второе и третье имена Семнех-ке-рэ могут служить скорее предметом догадок, чем изучения, то четвертое и пятое имена, иначе первое и второе кольца, многократно засвидетельствованы и заслуживают самого пристального рассмотрения.

Кольца Семнех-ке-рэ известны двух родов: со ссылками на любовь к нему Амен-хотпа IV и без таких ссылок.

Кольца первого рода начертаны дважды на одном и дважды на другом ларце из гробницы Тут-анх-амуна; они звучат: первое — «Анх-шепр-рэ Ми-нефр-шепр-рэ», второе — «Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ» (JEA XIV: 5 = отчасти ТТА: 168 CXCIIV = отчасти U18D: 2024 = АОг XXXVI: 13 1a; АОг XXXVI: 17 2a, см. также TST: 72). Видимо, такого же состава были кольца в начале скорописной надписи в одной из гробниц в Нэ, однако надежно читаются только оба основных имени и начало каждого из добавочных наименований — «Ми-»: «Анх-шепр-рэ Ми-[нефр-шепр-рэ]» и «Нефр-нефре-йот Ми-[ва-н-рэ]» (JEA XIV: V = U18D: 2024). Несколько иного состава кольца, вставленные взамен изглаженного титула Кэйе (см. гл. V) на обломке плиты из Ах-йот: «Анх-шепр-рэ Ми-ва-н-рэ» и «Нефр-нефре-йот Ми-эх-не-йот» (СА III: CVII 3 = CVIII = TЗГ: 99 = А: 104 = ZZR: между 128 и 129 = АОг XXXVI: 13 1b). Основные имена здесь те же, и добавочные наименования начинаются оба с «Ми-» и выражают одинаково близость к Амен-хотпу IV, с тем отличием, что наименование «Ми-ва-н-рэ» занимает место «Ми-нефр-шепр-рэ»

³ H. W. Fairman // J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. L., 1951. P. 158.

в первом кольце, а место «Ми-ва-н-рэ» во втором занято новым наименованием — «Ми-эх-не-йот». «Анх-шепр-рэ Ми-нефр-шепр-рэ» стояло первоначально и на одном из луков из гробницы Тут-анх-амуна (GM V: 9).

Перечисленные кольца являются настоящими кольцами, т. е. четвертым и пятым царскими именами, заключенными в ободки с завязками внизу. Но имеется значительное количество перстней, надписанных той или иной разновидностью четвертого царского имени, заключенного в простой ободок без завязки внизу. Это не кольца, и такого рода надписания в простых ободках на перстнях и жуковиках могли содержать не только четвертое имя в его точном составе, но также четвертое [162] имя — полностью или не полностью — с разного рода произвольными прозваниями (см. § 42). Однако в случае четвертого имени Семнех-ке-рэ со ссылкой на любовь Амен-хотпа IV подобные вольности, отклонения от точного состава имени, не наблюдаются. Мы находим на перстнях четвертое имя, заключенное в простой ободок, то с одной, то с другой ссылкой на любовь Амен-хотпа IV, притом точно такими же, какие обычны и в кольцах. Разновидность «Анх-шепр-рэ Ми-нефр-шепр-рэ» находится на перстнях TEA: XV 92 (= HE II⁷: 234), 93, S: XXXI 31, SCN: XXXVII 2, 3, ChE XLVIII: 244 B, C, более частая разновидность «Анх-шепр-рэ Ми-ва-н-рэ» на перстнях KGH: XXIII 21, TSBA IX: 351, TEA: XV 94, 95, 96, CSBGF: 34 272 = X 272, CESBM I: 278 2690, 2691, 2692, 302 2869, SCN: XXXVII 4, 5, JNES X: против 234, ChE XLVIII 244 A, D, E, F. Любопытно, что пятое имя, второе кольцо, со ссылкой на любовь Амен-хотпа IV на перстнях не встречается. Причиной тому могла быть двусмысленность этого имени, употребленного без заголовка и отдельно от четвертого: «Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ» можно было воспринять и как обозначение царя — «Нефр-нефре-йот, возлюбленный Ва-н-рэ», и как обозначение супруги Амен-хотпа IV царицы Нефр-нефре-йот Нефр-эт — «Нефр-нефре-йот, возлюбленн(ая) Ва-н-рэ», поскольку окончание женского рода *m*, давно уже не звучавшее, в солнцепоклоннической письменности не всегда отмечалось.

Кольца Семнех-ке-рэ второго рода, без ссылки на любовь Амен-хотпа IV, в отличие от колец первого рода, со ссылкой на нее, никаких разновидностей не имеют, они всегда одного и того же состава: первое кольцо — «Анх-шепр-рэ», второе кольцо — «Семнех-ке-рэ Теср-шопре». Оба кольца вместе читаются в гробнице Ми-рэ, домоправителя в Ах-йот (EA II: XLI), и на глиняных печатях SCN: XXXVII 9 = ChE XLVIII: 244 I и CA II: L 29, ср. такую же печать CA III: C 24, где концы колец слишком повреждены, чтоб можно было на основании их самих утверждать, что в первом из них отсутствовало добавочное наименование. Несомненно, как «[Анх]-шепр-[рэ]» и «[Семнех-ке-рэ Теср]-шопре» надо восстановить кольца царя на обломке солнцепоклоннического изображения из Мэнфе Ae: I 4 = JEA XIV: 8 = SAK II: 157.⁴ Одно первое кольцо, «Анх-шепр-рэ», читается на щитке TEA: XV 102 («[Ан]х-шепр-[рэ]»), на золотом украшении AOг XXXVI: 17 2d и на обломках TEA: XIII 37, 38, затем в клейме на кирпичах из большого дворца в Ах-йот CA III: XXXIII III, однако за неполную сохранность данных клейм (ср. также JEA XXI: 137) остается неясным, не входило ли здесь кольцо в состав названия постройки? Одно второе кольцо, «Семнех-ке-рэ Теср-шопре», читается на щитках TEA: XV [163] 105 («[Семне]х-[к]е-[рэ] Теср-шопре») и CA III: CXII IV.E.9 и в изложнице AeISMB II: 529.

Оба имени второго рода, «Анх-шепр-рэ» и «Семнех-ке-рэ Теср-шопре», многократно встречаются также на перстнях, обведенные простым ободком без завязки внизу. Хотя это не кольца, никаких отклонений или добавлений по сравнению с составом обоих имен внутри колец на перстнях не обнаружено. «Анх-шепр-рэ» читается CECFMC: 131 550, TEA: XV 97, 98, 99 (= HE II⁷: 234), 100, 101, PSBA XXII: V 249 (= SB: V 249), 295 (= SB: V 295), CSBGF: 34 273 = X 273 (низ имени, правда, отбит, но размеры знаков более подходят к «Анх-шепр-рэ», чем к «Анх-шепр-рэ» с добавочным наименованием), CESBM I: 278 2694, SCN: XXXVII 6, 8, JNES X: против 234, ChE XLVIII: 244 J, K. «Семнех-ке-рэ Теср-шопре» читается TEA: XV 103 (= ? HE II⁷: 234), 104 (= HE IF: 234 = ChE XLVIII: 244 H), SCN: XXXVII 10, 11 (= ? TEA: XV 104), JEA XIV: 6 пять раз, ChE XLVIII: 244 G. Видимо, оттиск перстня с надписью «Семнех-ке-рэ Теср-шопре» внутри простого ободка представляет глиняная печать CA III: C 23. Показательно, что в отличие от имени «Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ»,

⁴ P. E. Newberry. Akhenaten's eldest son-in-law «Ankhkheprurē» // JEA. Vol. 14, 1928. P. 9.

насколько знаю ни разу не начертанного на перстнях, имя «Семнех-ке-рэ Теср-шопре» вполне на них обычно.

Было бы, конечно, опрометчиво утверждать как безусловное правило, что решительно все встречающиеся отдельно кольца или перстни с «Анх-шепр-рэ» обязательно того времени, когда второе кольцо царя звучало «Семнех-ке-рэ Теср-шопре», однако невозможного в том ничего нет. Ничего существенного против такого допущения привести нельзя, а имеющиеся данные ему явно благоприятствуют. Правда, в начале скорописной гробничной надписи в Нэ, в царском титуле после года, месяца и числа Семнех-ке-рэ назван «Анх-шепр-рэ Ми-[нефр-шепр-рэ]» и «Нефр-нефре-йот Ми-[ва-н-рэ]», а в дальнейшем в той же надписи трижды упомянут храм по имени «двор Анх-шепр-рэ» (JEA XIV: V-VI, строки 1-2; строки 4, 29 и 33). Однако отсюда еще нельзя заключить, что «Анх-шепр-рэ» с добавочным наименованием и «Анх-шепр-рэ» без него употреблялись одновременно и одинаково свободно на правах полноценного царского кольца. Краткое «Анх-шепр-рэ» стоит в скорописной надписи все три раза в названии храма, а в подобных случаях даже сам Амен-хотп IV, как ни дорожил наименованием «Единственный для Рэ» (Ва-н-рэ), видимо, позволял называть сооружения по фараону не под полным его именем — «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ», а под кратким — «Нефр-шепр-рэ» (ср. «двор Нефр-шепр-рэ» на печати на закупорке сосуда СА III: LXXXI 20 и в скорописной пометке на винном сосуде СА II: LVIII 24, если царское имя в ней действительно «Нефр-шепр-рэ», а не «А-шепр-рэ» — второе кольцо Амен-хотпа IV, см. § 42). И само по себе, конечно, не слишком вероятно, чтобы [164] при полном составе колец, включающем добавочные наименования, ставя два кольца, в первом такое наименование произвольно опускали, сохраняя его во втором. А во втором кольце добавочное наименование так или иначе надо было писать, если хотели отличить Нефр-нефре-йот — царя («Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ») от Нефр-нефре-йот — царицы («Нефр-нефре-йот Нефр-эт»). Но уже вполне бесспорно, что ни одно кольцо или имя на перстне, содержащее не только имя «Анх-шепр-рэ», но и добавочное наименование, указывающее на близость к Амен-хотпу IV, не современно имени «Семнех-ке-рэ Теср-шопре» во втором кольце: замена в последнем ссылки на любовь Амен-хотпа IV не имеющим к нему никакого отношения безразличным в солнцепоклонническом смысле наименованием «Теср-шопре» исключает полностью такую возможность. Это наименование — «Теср-шопре» («Святой явлениями») — ближайшим образом напоминает частое наименование Тхут-мосе III, тоже стоявшее на втором месте во втором кольце: «Нефр-шопре» («Добрый явлениями»). Сочетание «Теср-шопре» вошло впоследствии в состав основного имени Хар-м-ха в первом кольце: «Теср-шепр-рэ». К этому безразличному в солнцепоклонническом смысле добавочному наименованию «Теср-шопре» вполне подходит основное имя — «Семнех-ке-рэ», едва ли не столь же бесцветное по отношению к новому солнцепоклонничеству. Невозможно найти ни одного имени среди столь многочисленных солнцепоклоннических имен, которое по содержанию и строению своему сколько-нибудь походило на это странное имя. Не зная мы, что имеем дело с именем из второго кольца преемника Амен-хотпа IV, мы могли бы подумать, что речь идет об имени из первого кольца какого-нибудь давнего фараона, скажем, XIII царского дома. Если при имени «Нефр-нефре-йот» во втором кольце, имени насквозь солнцепоклонническом, да еще с добавлением наименования в честь Амен-хотпа IV, присутствие такого же добавочного наименования в первом кольце в порядке вещей, то при бесцветном втором кольце, «Семнех-ке-рэ Теср-шопре», бесцветным в солнцепоклонническом смысле должно быть и первое кольцо, и уж никак не с наименованием в честь главного солнцепоклонника.

Не вытекает ли из всего только что сказанного с естественной неизбежностью тот вывод, что кольца преемника Амен-хотпа IV, содержавшие такие имена, как «Анх-шепр-рэ Ми-нефр-шепр-рэ» и «Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ», должны быть обязательно древнее колец, содержавших имена «Анх-шепр-рэ» и «Семнех-ке-рэ Теср-шопре»? Как в самом деле допустить, что преемник царя-солнцепоклонника сперва принял имена, ничем не выдававшие приверженности к его вере и особе, а потом вдруг оказался с подчеркнуто

солнцепоклонническим именем («Нефр-нефре-йот») и самыми что ни есть солнцепоклонническими [165] добавочными наименованиями, притом в честь царя-предшественника, чего не видать было за долгие тысячелетия ни у одного фараона.

К тому же заключению приводит и сравнение имен Нефр-нефре-йот» и «Семнех-ке-рэ» с другими солнцепоклонническими именами. Такое сравнение проливает одновременно и некоторый свет на происхождение нового царя. Имя «Нефр-нефре-йот» носила не только царица Нефр-нефре-йот Нефр-эт, но и ее четвертая дочь — Нефр-нефре-йот Малая (MSECAE I: 19, X = XIII, EA I: X = XIX, XXV = XXVI, EA II: X, XII, XXXIII = XXXIV, XXXVII = XXXVIII. EA III: XVIII, MDIAeAK V: 28 = TTA: 159 *CLXXII* = ARH: CLXII 8-11, CA III: LXXXVIII 7, ср. ASAE L: 163). Сходное имя, только с заменой слова «Йот» другими обозначениями солнца — «Рэ», носила пятая дочь Амен-хотпа IV и Нефр-эт — Нефр-нефре-рэ (EA II: XXXIII = XXXIV, XXXVII = XXXVIII, ср. VMPh: 244 = A: 72). Но примечательно, что вне царской семьи подобные имена ни разу не засвидетельствованы. Более того, даже подобное сложение имен засвидетельствовано только внутри царской семьи: мне не известно ни одного солнцепоклонника, не члена царского дома, который носил бы имя, сложенное по тому же способу, хотя солнцепоклоннических не царских имен сохранилось множество. Такое-то по отношению того-то солнце или, по другому толкованию, такое-то то-то солнца — вот по такому трехчленному способу сложено имя «Нефр-нефре-йот»: «Красен-красотою-Йот» или «Красна-красота-Йота». Это имя носили, как сказано, царица, четвертая царевна и сам преемник Амен-хотпа IV. Тем же способом были сложены имя пятой царевны «Нефр-нефре-рэ» — «Красен-красотою-Рэ» или «Красна-красота-Рэ», царское имя Амен-хотпа IV «Нефр-шепр-рэ» — «Красен-явлениями-Рэ» или «Красны-явления-Рэ», имя «Семнех-ке-рэ» — «Благоустраивающий-питание-(или: положение) Рэ» или «Благоустраивает-двойник-Рэ», имя второго преемника Амен-хотпа IV — «Тут-анх-йот» — «Подобен-(т. е. таков, как надлежит)-жизнью-Йот» или «Подобна-жизнь-Йота», равно как царские имена обоих преемников: «Анх-шепр-рэ» — «Жив-явлениями-Рэ» или «Живы-явления-Рэ» и «Неб-шепр-рэ» — «Владыка-явлений-Рэ». Прочие солнцепоклоннические имена в честь Йота или Рэ представляют не трехчленные, а двучленные или одночленные образования (если только не считать предлог или частичку принадлежности за член). Вот солнцепоклоннические имена частных лиц: «П-йот-эм-ха» («Йот в празднестве», TEA: XII 24; DNR I: 2, II, IX [= KAO: 359], XII; HTESBM VII: XV; с пропуском «-эм-» — RTRPhAEA XV: 45 = EA V: XIII), «П-йот-м-нхв» («Йот — заступник», CA III: LXXXIX 117), «П-ра-м-нхв» («Рэ — заступник», CA III: LXXXIV 5), «П-йот-эм- - - -» («Йот в - - -», CA I: LXIV 35; CA II: LVIII 30), «Йот-опе» («Йот (в) Апе», CA III: LXXXVI 53 — если правильно чтение), «П-(й)от-эм-хэ» [166] («(Й)от впереди», CA II: LVIII 38 — если правильно чтение), «Нхв-эм-п-йот» («Заступник — Йот», CA I: XXXV 5 + 159, XLIII 6 + 159; CA III: CVIII + 233; возможно, также CA I: XLIII 2 = LVIII 148 + 159), «Неб-рэ» («Владыка-Рэ», AeISMB II: 235 — если точно воспроизведение от руки), «Нешт-п-йот» («Крепок Йот», AeP: 210 № 9; CA III: LXXXVIII 84; с пропуском начального «н» — RTRPhAEA XV: 38 = MSECAE I: 81 = отчасти EA V: 12), «П-йот-нашт» («Йот крепок», CA III: LXXXIV 5; с разрушенным началом — «[П-й]от-нашт» — CA I: LXIV 40), «Ра-нофр» («Рэ добр», CA I: IX 3 + 10 = TTA: 173 CC = U18D: 2023), «Ра мосе» («Рэ рожден», FTEQ: XXVII = TVR: XXX = L два раза = отчасти ZAeSA XXI: 129 = TTA: 138 CXXVI, TVR: XXX = L, XXXI = L два раза, XXXIV два раза, XXXVI = L, ср. также TVR: XXVIII + 36(1); RTRPhAEA IX: 42 = DNHOA: 214; EA IV: XXXV, 21; MDOGB LV: 17 = TTA: 172 CXCI; CA II: LVII J; AAA XVII: XVIII = XXII = XXIII, строка 1, XX = XXVI = XXVII, строка 1, XXI = XXVIII = XXIX; HTESBM VII: XV; JEA XIII: 210 = TTA: 164 *CLXXXVII* = CA III: 188 = LX 7; CA II: LVIII 12; CA II: LVIII 16; RFDEM 1933-1934 I: XII + 104; CA III: LXXXIV 1; CA III: LXXXV 31, LXXXIX 144; U18D: 1995 два раза; ср. RTRPhAEA XVI: 123 = RZSI: 36 = U18D: 2110), «Ми-рэ» («Возлюбленный Рэ», TEA: XXII 13; EA I: passim; EA II: XXX, XXXI, XXXVI два раза; EA V: IX, X; ASAE XXXV: 45; RFDEM 1933-1934 I: XII + 104, два раза; CA III: XCVII 525; ср. RTRPhAEA XVI: 123 = RZSI: 36 = U18D: 2110), «Ми-рэ» («Возлюбленная Рэ», HTESBM VII: XV; RFDEM 1933-1934 I: XII + 104), «Ме-рит-рэ» («Любимец Рэ», PSBA XVII: 154 = AeISMB II: 121 = ARK: VI = SAK II: VI 1, ср. AeP: 162 1), «Шээре-рэ» («Отроковица [т. е. дочь] Рэ», ZAeSA XXXIX: 10 = InM: южная надпись, строки 14, 16; AAA XVII: XVIII = XXII = XXIII, строка 3), «Т(?)-шээре-рэ» («Отроковица [т. е. дочь] Рэ», RFDEM 1933-1934 I: XII + 104), «Бок-эн-йот» («Раб Йота», RALN:

114 = DAeAeT V: 115), «Па-рэ» («Тот, кто принадлежит Рэ», СА II: LVII 2), «Рэ» («Солнце», ТЕА: XXIII 32, 33, 37, ср. также «35; СА I: 168(2); ср. RTRPhAEA XVI: 123 = U18D: 2110), «Ра-м - - -» («Рэ в - - -», ТЕА: XXIII 32, 33; СА III: LXXXIV 5), «Рэйе» (сокращение имени «Рэ...», ТЕА: XXII 32, 37). Солнцепоклоннические двучленные имена встречались и у членов царского семейства. Таковы имена дочерей Амен-хотпа IV и Нефр-эт царевен Ми-йот («Возлюбленная Йота»), Мек-йот («Защищенная Йотом»), Анхес-эм-п-йот («Живет она для Йота») и Сетп-эн-рэ («Избранная Рэ», ЕА II: XXXVII = XXXVIII), царевны Ми-йот Малой (см. гл. VII), царевны Анхес-эм-п-йот Малой (см. там же) и дочери Амен-хотпа III и Тэе царевны Бок-йот («Раба Йота») (ЕА III: IV, VI, VIII = IX, XVII = XVIII, XVIII, ср. СА III: LXXXVI 42). Но, как сказано, трехчленные солнцепоклоннические имена иначе, как у членов царского дома, мне никогда не встречались. Напрашивается поэтому вывод, что [167] оба имени первого преемника Амен-хотпа IV «Нефр-нефре-йот» и «Семнех-ке-рэ», подобно имени второго преемника (несомненного царевича — ARH: CVI 831–VIII C) — «Тут-анх-йот» — имена лица царственного происхождения. Однако определить точнее родство Семнех-ке-рэ и Тут-анх-йота с царским домом по происхождению, а не только по женитьбе за отсутствием надежных данных затруднительно.

Но вернемся теперь к вопросу о том, какое имя преемника Амен-хотпа IV первоначальное: «Нефр-нефре-йот» или «Семнех-ке-рэ»? Думается, мы вправе снова ответить: имя «Нефр-нефре-йот» исконное, имя «Семнех-ке-рэ» позднейшее. В самом деле, ни одно из промелькнувших перед нами солнцепоклоннических имен, будь то членов царской семьи или ее подданных, даже отдаленно не напоминает имя «Семнех-ке-рэ», за исключением одних лишь царских имен, принятых после воцарения: «Нефр-шепр-рэ», «Анх-шепр-рэ», «Неб-шепр-рэ». Из всех имен в честь солнца только эти последние три имени содержат на втором месте обозначение его сущностей, как и имя «Семнех-ке-рэ»: там на втором месте стоит слово «шепр» («явления»), здесь — слово «ке» («двойник»). В именах «Нефр-нефре-йот» «Нефр-нефре-рэ», «Тут-анх-йот» второе место занято обозначениями не сущностей солнца, а его свойств: «нефре» («красота»), «онх» («жизнь»). Не менее показательным и полное отсутствие солнцепоклоннических имен, в составе которых имелось бы слово «ке» — «двойник». Но если имя «Семнех-ке-рэ» находит себе соответствие среди солнцепоклоннических имен только в именах, заведомо принятых царями после воцарения, если по второй составной своей части «ке» оно вообще стоит особняком среди всех прочих солнцепоклоннических имен, то не значит ли это, что имя «Семнех-ке-рэ» было принято его носителем уже в бытность царем, в пору явного спада солнцепоклонничества, т. е. некоторое время спустя после кончины Амен-хотпа IV? Таким образом, изучение имен «Нефр-нефре-йот» и «Семнех-ке-рэ» приводит к выводу, что первое — первоначальное имя преемника Амен-хотпа IV, второе — принятое впоследствии.

Но, может быть, имя «Нефр-нефре-йот» молодой фараон носит на памятниках менее солнцепоклоннических в других отношениях, чем те памятники, на которых он зовется Семнех-ке-рэ? Одни исследователи считают памятники с именем «Нефр-нефре-йот» более ранними, другие — и такие как будто составляли большинство — более поздними. Возможно, на державшихся второго взгляда производили впечатление приверженность молодого царя к солнцепоклонничеству на памятниках, где он зовется «Семнех-ке-рэ», и его отход от солнцепоклонничества на памятниках, где он носит имя «Нефр-нефре-йот». Возможно также, что впечатление производило и то обстоятельство, что с именем «Семнех-ке-рэ» преемник [168] Амен-хотпа IV оказывался в солнцепоклоннической столице, тогда как в Нэ он появлялся под именем «Нефр-нефре-йот».

Начнем с рассмотрения последнего обстоятельства — распределения памятников между солнцепоклоннической и старой столицами. В солнцепоклоннической столице преемник Амен-хотпа IV именуется то «Анх-шепр-рэ Ми-ва-н-рэ (или: Ми-нефр-шепр-рэ)» и «Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ (или: Ми-эх-не-йот)», то «Анх-шепр-рэ» и «Семнех-ке-рэ Теср-шопре». «Анх-шепр-рэ Ми-ва-н-рэ» и «Нефр-нефре-йот Ми-эх-не-йот» он именуется на плите СА III: CVII 3 = CVIII = T3Г: 99 = A: 104 = ZZR: между 128 и 129 = AOr XXXVI: 13 1b, «Анх-шепр-рэ

Ми-нефр-шепр-рэ» — на перстнях ТЕА: XV 92 (= НЕ П⁷: 234), 93, СнЕ XLVIII: 244 B, C, «Анх-шепр-рэ Ми-ва-н-рэ» — на перстнях TSBA IX: 351, ТЕА: XV 94, 95, 96, СнЕ XLVIII: 244 A, D, E, F: ср. остатки имен на доме Ра-нофра (СА I: 8). «Анх-шепр-рэ» и «Семнех-ке-рэ Теср-шопре» фараон именуется в гробнице Ми-рэ, домоправителя (ЕА II: XLI), «Анх-шепр-рэ» — на перстнях ТЕА: XV 97, 98, 99 (= НЕ П⁷: 234), 100, 101 и на щитке ТЕА: XV 102, «Семнех-ке-рэ Теср-шопре» — на перстнях ТЕА: XV 103 (= НЕ П⁷: 234), 104 (= НЕ П⁷: 234), на щитках ТЕА: XV 105 («[Семне]х-[к]е-[рэ] Теср-шопре») и СА III: CXII IV.E.9 На памятниках, надписанных в Нэ, имя «Семнех-ке-рэ» действительно не встречается ни разу, однако и имя «Нефр-нефре-йот» засвидетельствовано здесь по-настоящему всего один раз: в скорописной надписи на стене одной из гробниц, где царь назван «Анх-шепр-рэ Ми-[нефр-шепр-рэ]» и «Нефр-нефре-йот Ми-[ва-н-рэ]» (JEA XIV: V = U18D: 2024). Правда, кольца «Анх-шепр-рэ Ми-нефр-шепр-рэ» и «Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ» читаются дважды на одном и дважды на другом ларце из гробницы Тут-анх-амуна в Нэ (JEA XIV: 5 = отчасти ТТА: 168 CXCIIV = отчасти U18D 2024 = АОг XXXVI: 13 1a; АОг XXXVI: 17 2a), но ларцам совершенно не обязательно быть изготовленными в Нэ, они могли быть перевезены сюда из Ах-йот, тем более что на одном из них впереди титула Семнех-ке-рэ стоит титул Амен-хотпа IV, а в гробнице Тут-анх-амуна оказались вещи явно из солнцепоклоннической столицы: древко опахала с кольцами Амен-хотпа IV и поздними кольцами солнца (ТТ III: XLIII A = Т III: XXI A) и письменный прибор царевны Ми-йот (ТТ III: XXII A = Т III: XXI E = ГТ: CXXIV = TST: 55). Имя «Анх-шепр-рэ Ми-ва-н-рэ» значится также на перстне из дворца Амен-хотпа III в Нэ (JNES X: против 234 R 19), но ввиду полного сходства с многочисленными перстнями с тем же надписанным из Ах-йот нет никаких оснований сомневаться в том, что и данный перстень попал в Нэ оттуда. Кроме того, одновременно с этим перстнем во дворце были найдены не только подвеска в виде позднего кольца солнца и перстни с именами «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» и «Неб-шепр-рэ», т. е. Амен-хотпа IV и Тут-анх-йота / Тут-анх-амуна, и с именем «Анхес-эм-п-йот», [169] но также перстень с именем «Анх-шепр-рэ» без добавления наименования в честь Амен-хотпа IV, следовательно, вероятнее всего, современный имени «Семнех-ке-рэ» (JNES X: против 234 R 20). Затем, ни имя «Нефр-нефре-йот», ни имя «Семнех-ке-рэ» не ограничены пределами Ах-йот или Нэ. На обломке солнцепоклоннического изображения из Мэнфе (Ае: I 4 = JEA XIV: 8 = SAK II: 157) фараон именовался несомненно «[Анх]-шепр-рэ [Семнех-ке-рэ Теср]-шопре». Если глиняные печати с именем Семнех-ке-рэ СА II: L 29 («Анх-шепр-рэ» и «Семнех-ке-рэ Теср-шопре»), СА III: C 23 («Семнех-ке-рэ Теср-шопре»), 24 («Анх-шеп[r]-рэ» и «Семнех-ке-рэ [Теср-шопре]»), найденные в Ах-йот, являются обломками закупорок винных сосудов, то они могли бы тоже свидетельствовать об употребительности имени «Семнех-ке-рэ» вне солнцепоклоннической столицы, поскольку вино доставлялось туда из местностей, далеко отстоявших от Ах-йот, особенно из Низовья. Имя «Семнех-ке-рэ» упоминается в скорописной производственной пометке на сосуде с вином из области «потока западного», т. е. из западного Низовья, упоминается в составе обозначения хозяина вина — «дома» Семнех-ке-рэ (СА III: LXXXVI 35). Заметим, что имя «Анх-шепр-рэ Ми-ва-н-рэ», которому во втором кольце должно было б отвечать имя «Нефр-нефре-йот» с наименованием в честь Амен-хотпа IV (см. выше), читается на перстне, найденном у входа в П-йом, следовательно, недалеко от Мэнфе (KGN: XXIII 21); надо полагать, что перстень попал сюда из Ах-йот, средоточия производства подобных поделок. Таким образом, на основании распределения памятников между местностями никакого вывода о связи имени «Семнех-ке-рэ» с солнцепоклоннической столицей, а имени «Нефр-нефре-йот» с Нэ сделать нельзя. Разберемся теперь в вопросе, какие памятники более солнцепоклоннические — с именем «Нефр-нефре-йот» или с именем «Семнех-ке-рэ».

Бесспорно, имеются памятники с именем «Семнех-ке-рэ», выдержанные полностью в духе солнцепоклонничества Амен-хотпа IV. В гробнице Ми-рэ домоправителя в Ах-йот Семнех-ке-рэ и Ми-йот изображены в лучах многорукого солнца, по сторонам которого начертано по позднему его титулу. Солнечные руки-лучи протягивают к носу царицы и, должно быть, также царя по знаку жизни. Кольца царя «Анх-шепр-рэ» и «Семнех-ке-рэ Теср-шопре» и кольцо царицы «Ми-йот» «предстоят» солнечным, помещены перед ними стоймя

со знаками, обращенными «лицом к лицу» письмен в солнечных кольцах. Одним словом, все как на памятниках самого Амен-хотпа IV. Предположение, что кольца молодого царя и его супруги могли быть добавлены задним числом вместо колец Амен-хотпа IV и его царицы, не может быть принято, несмотря на впечатление издателя, что «картуши кажутся несколько большими и громоздкими по сравнению с остальной надписью» (ЕА II: 44). [170] Из пяти колец — двух солнечных, двух фараоновских и одного кольца царицы — уцелело только последнее, да и то не полностью. Знаки в нем действительно значительно крупнее, чем и прозваниях, уцелевших от титула солнца. Но ведь сравнить-то по величине знаки в кольце царицы надо прежде всего со знаками в кольцах солнца. Они сейчас пропали, но имеются старинные, первой половины прошлого века, их воспроизведения, и благодаря им можно установить, что кольца царя и царицы были по отношению к кольцам солнца принятого, положенного размера: каждое солнечное кольцо равнялось по высоте (а все пять колец были стоячими) кольцу царя или царицы с соответствующим заголовком над ним: «царь (и) государь», «сын Рэ», «жена царева великая» (ЕА II: XLI). Потому знаки внутри солнечных колец должны были быть никак не меньше знаков внутри колец царя и царицы. Солнечные же кольца принадлежали к тому титулу, прозвания которого написаны более мелкими знаками. Отсюда следует, что нет никаких оснований считать кольца Семнех-ке-рэ и Ми-йот привнесенными впоследствии, и мы можем все изображение в целом рассматривать как произведение времени Семнех-ке-рэ, что, впрочем, готов был допустить и сам издатель.⁵

Не менее солнцепоклонническим было, видимо, и изображение, обломок которого найден в Мэнфе (Ае: I 4 = JEА XIV: 8 = SAK II: 157). Видны остатки солнечных лучей, кончающихся кистями рук, и нижние части пяти стоячих колец с соответствующими многолетиями под ними. Ближайшими к ныне отсутствующему изображению солнечного круга были два его кольца, и к ним «лицом к лицу», т. е. передними частями знаков, были обращены оба кольца царя и кольцо царицы, так что последние три кольца «предстояли» первым двум. Кольца царя читались, несомненно, «[Анх]-шепр-[рэ]» и «[Семнех-ке-рэ Теср]-шопре».⁶ (См. также сказанное ниже (в конце раздела Б) о двух сосудах из гробницы Тут-анх-амуна).

Напротив, имена «Анх-шепр-рэ Ми-[нефр-шепр-рэ]» и «Нефр-нефре-йот Ми-[ва-н-рэ]» оказываются в скорописной молитве в одной из гробниц Нэ в явно многобожеском окружении, более того — в обществе ни много ни мало как самого Амуна, причем царь выступает в качестве храмоздателя в честь недавно еще отверженного бога отверженной столицы. Молитва озаглавлена: «Воздание хвалы Амуну, обоняние земли (т. е. поклонение) Вен-нофре со стороны (жреца-)чистителя, писца жертвы божьей Амуна во дворе Анх-шепр-рэ в Висе П-воха, рожденного Йот-сонб» (JEА XIV: V, строки 3-5), содержит посвящение: «для двойника (жреца-)чистителя, писца двора божья Амуна во дворе Анх-шепр-рэ П-воха, рожденного Йот-сонб» [171] (JEА XIV: VI, строки 28-30) и завершается титулом брата, очевидно составителя и писца молитвы: «Брат его, писец очерка (т. е. живописец)... Ч'й двор [а] - - - Анх-шепр-рэ» (JEА XIV: VI, строки 32-33). Сама же молитва, к слову сказать довольно пространная и прочувственная, обращена к Амуну, притом к нему одному, а не совместно с Усире Вен-нофре, как можно было бы подумать по заголовку. Не надо, однако, обманываться относительно значения этой надписи как доказательства измены нового фараона солнцепоклонничеству его тестя. Бесспорно, названный несколько раз «двор Анх-шепр-рэ», в котором помещается «двор божий Амуна» и где жрецом и писцом жертвенного достоинства Амуна состоит молящийся, доказывает «двоеверие» нового царя, отказ от исключительного, нетерпимого солнцепоклонничества последних лет Амен-хотпа IV. Но почитание Амуна в сооружении имени Анх-шепр-рэ, притом в старой столице, городе Амуна, еще никак не доказывает отказ от солнцепоклонничества Амен-хотпа IV вообще, в особенности в новой столице, «Небосклоне Йота». Скорописная надпись, сделанная на стене чужой гробницы ее посетителем, простым обывателем старой столицы, почитателем ее местного бога, не более

⁵ N. de G. Davies. The rock tombs of El Amarna. P. II. L, 1905. P. 44.

⁶ P. E. Newberry. Akhenaten's eldest son-in-law «Ankhheperure». P. 9.

как молитва частного лица в пользу другого такого же частного лица. Она свидетельствует о том, что обращаться к Амуну и прочим старым богам вновь стало дозволенным, но выражает она умонастроение этих двух братьев, а не обязательно также фараона и его двора. Царь в надписи назван только в обозначении, времени («Год царствования 3, месяц 3 Половодья, число 10, царь (и) государь» такой-то) да в наименовании сооружения, где служили братья.

Много существеннее то, что имя «Нефр-нефре-йот» было употреблено на золотых гробиках, ковчезцах для царских внутренностей, обнаруженных в гробнице Тут-анх-амуна, но предназначавшихся первоначально для Семнех-ке-рэ. Р. Энгельбах пишет: «В четырех золотых миниатюрных канописких гробах, найденных вместе с Тутанхамуном, картуши, которые встречаются через нерегулярные интервалы в длинных надписях на внутренних сторонах каждого, были все узурпированы, иногда столь небрежным способом, что первоначальное (original) имя Сменхкерэ, названного Анх-хепру-рэ Мер-эн-ва-эн-рэ Нефер-нефру-Атен (+ эпитет?), может быть отчетливо прослежено. Надписи, выполненные для Сменхкерэ, не стоят ни в какой связи (have no connection) с почитанием Атена, но состоят из гимна Рэ и содержат фигуры антропоморфных божеств» (ASAE XL: 137). Вопреки суждению Г. Рёдера, отрицавшего позднейшее происхождение колец Тут-анх-амуна на гробиках (ZaеSA LXXXIII: 71), Х. В. Фэрмэн со всею определенностью подтвердил заключение Р. Энгельбаха о замене на них кольцами Тут-анх-амуна колец Семнех-ке-рэ (JEA XLVII: 39 (1)). Да и снимок внутренних поверхностей одного [172] из гробиков, воспроизведенный Р. Энгельбахом, убедительно подкрепляет его заключение: в некоторых кольцах имена Тут-анх-амуна явно выглядят выполненными иначе, чем окружающая надпись. Что касается многобожеской окраски длинных надписей, не полностью, к сожалению, вышедших на снимках ASAE XL: XXIII и TST: 152, то они не только выдержаны в старом духе, но и содержат имена прежних богов, а покойного царя зовут многократно «Усире» («Усире царь» имярек «этот — жив он вечно!»). Кроме того, на внутренней поверхности гробовых крышек изображены во весь рост крылатые стародавние богини. Однако если длинные надписи правильнее назвать заупокойными заклинаниями в пользу умершего, чем славословием в честь Рэ, то короткие надписи внутри крышек, хотя и вложенные в уста крылатых покровительниц умершего, заметно перекликаются с солнцепоклонническими. Разве не по-солнцепоклоннически звучат такие обращения к мертвому царю, как: «Будешь ты, как Рэ, вечно вековечно, сотворишь ты век его», «Восходишь ты, как Йот в небосклоне его» (ASAE XL: XXIII) или «Будешь жить ты, как Рэ в небе, молодым вечно вековечно» (TST: 153)?

Вставленными задним числом в чисто солнцепоклонническое окружение имена «Анх-шепр-рэ Ми-ва-н-рэ» и «Нефр-нефре-йот Ми-эх-не-йот» оказываются на плите из Ах-йот СА III: 231 + CVII 3 + CVIII + LXXXIII 8 = А: 104 (оборотная сторона — СА III: CVII 2 + LXXXIII 9 = А: 106). От плиты уцелело несколько обломков, которые, несомненно, входили в состав одного целого⁷ и позволяют довольно хорошо представить себе облик памятника до разрушения. Титло Семнех-ке-рэ было вставлено взамен изглаженного титла побочной жены Амен-хотпа IV — Кэе (см. гл. V), и тем самым ее изображение было переименовано в изображение, преемника ее мужа. Изображена же была она стоящею позади Амен-хотпа IV под солнцем с лучами-руками и приписанным по бокам его VII солнечным титлом (см. § 40). Присваивая изображение побочной жены царя-солнцепоклонника молодому фараону, вводя его в строго солнцепоклонническое изобразительное целое, Анх-шепр-рэ Ми-ва-н-рэ Нефр-нефре-йота Ми-эх-не-йота выставляли самого солнцепоклонником в духе его тестя.

Еще поучительнее обломки надписей, окаймлявших некогда настоящую (СА I: 9) и ложную (СА I: 10 = IX 3) двери в доме приближенного царского сановника «возницы первого величества его, распорядителя лошадей (царской) конюшни до края ее (т. е. в целом) Ра-нофра» в Ах-йот (СА I: 10 = IX 3 = TTA: 173 CC, СА I: 10). Особенно существенны куски надписей по бокам настоящей двери СА I: 8, 9, потому что они с полной [173] ясностью показывают, что эти надписи были выдержаны точь-в-точь в том же солнцепоклонническом

⁷ H. W. Fairman // J. D. S. Pendlbury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. P. 232-233.

духе, что и составленные в дни самого Амен-хотпа IV. То, что надписи в доме Ра-нофра были начертаны при Семнех-ке-рэ, притом в бытность его «[Анх-шепр-рэ Ми]-нефр-шепр-[рэ Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ]», доказывает конец стоячего кольца с уцелевшими мелкими знаками гортани или пищевода с сердцем, жука и трех черточек — «нефр-шепр», что может быть только завершением написания наименования «[Ми]-нефр-шепр-[рэ]». (Подробнее об этих надписях см. гл. X.)

К сожалению, из имеющихся в моем распоряжении описаний я не могу усмотреть, какого вида были имена Семнех-ке-рэ на росписях северного дворца Ах-йот (JEA XVIII: 108) и на оборотной стороне золотой перевязи савана Тут-анх-амуна, предназначавшейся первоначально для Семнех-ке-рэ (ТТ II: 84-85 = ГТ: 158). Если дворцовые росписи были, можно полагать, выдержаны вполне в солнцепоклонническом духе, то надписи на обороте золотых пластинок перевязи относились к так называемой главе сердца «Книги мертвых».

Подводя итог всему сказанному об окружении каждого из обоих видов имен Семнех-ке-рэ, многобожеском или солнцепоклонническом, приходится признать, что и таким путем невозможно установить последовательность этих имен во времени. Правда, имена «Анх-шепр-рэ» и «Семнех-ке-рэ Теср-шопре», когда у них имеется соответствующее окружение, всегда оказываются в окружении чисто солнцепоклонническом. Но, увы, таких случаев мне известно всего-навсего два-три! Имена «Анх-шепр-рэ» и «Нефр-нефре-йот», каждое с добавочным наименованием в честь Амен-хотпа IV, когда возможно суждение об их окружении, оказываются в окружении то многобожеском, то солнцепоклонническом, однако примеров этих имен с показательным окружением имеется значительно больше. Важно, конечно, то, что имена «Анх-шепр-рэ Ми-нефр-шепр-рэ» и «Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ» названы вместе с титулом Амен-хотпа IV — на обломке плиты из Ах-йот и на ларце из гробницы в Нэ Тут-анх-амуна, но имена «Анх-шепр-рэ» — «Семнех-ке-рэ Теср-шопре» были названы вместе с титулом главного солнцепоклонника, насколько могу судить, и на сосуде из той же гробницы.

Восстановив почитание старых божеств, в том числе Амуна, и даже служа им и строя в их честь, Семнех-ке-рэ мог и под теми и под другими своими именами одновременно чтить солнце тем самым образом, каким оно чтилось при Амен-хотпе IV. Не доподлинно ли известно, что именно так обстояло дело в первые годы преемника Семнех-ке-рэ, когда тот звался еще «Тут-анх-йотом»? На небольшой плите Тут-анх-йот представлен служащим «Амон-Рэ, царю богов», и «Мут, владычице неба, госпоже богов» (ZAeSA XXXVIII: 113 = AelSMB II: 117 = U18D: 2062). [174] На собственном золотом письменном приборе из своей гробницы «Хор, телец крепкий, подобный рождением, царь (и) государь Неб-шепр-рэ, сын Рэ Тут-анх-йот, (кому) дано жить, как Рэ, вечно», назван «возлюбленным Тховта, владыки слова божья» (ТТ III: XXII E = Т III: XXI D = ТТ: CXXXIV). На одном кресле оттуда же верховая богиня-коршун простирает свои крылья между кольцами Тут-анх-йота, а над нею солнечный диск, хотя и без лучей-рук, принятых в Ах-йот, зато с подписанными солнечными кольцами (ТТ III: XXXIII = Т III: XXXII = ASAE XL: XXVIII = ГТ: CXXXI = VMPh: XII = ГТ: XVII). Наконец, на спинке золотого кресла из той же гробницы Тут-анх-йот и его царица были представлены полностью в солнцепоклонническом духе, озаренные солнечным кругом с лучами-руками и приписанными по бокам его солнечными кольцами (ТТ I: II = Т I: Titelbild = TyT: I = SA III: XVII = Tou: против 64 = TuT: X = KEAZ: LVIII = EPh: 122 = IT: LI = BNeф: VI = ГТ: IV). Если так обстояло дело еще в начале царствования второго преемника Амен-хотпа IV, то на каком основании можно предполагать, что первый преемник когда бы то ни было, в бытность ли «Семнех-ке-рэ» или в бытность «Нефр-нефре-йот», был намного дальше от солнцепоклонничества и ближе к многобожию, чем Тут-анх-йот?

Остается еще рассмотреть две производственные скорописные пометки на сосудах с вином, найденные в Ах-йот. Первую из них издатель читает так: «Год царствования 1. Вино дома Семнех-ке(?)-рэ правого (?) голосом (?) - - - поток[а] западн[ого]. Начальник садоводства *Скй*» (СА III: LXXXVI 35). Вторая пометка читается: «Год царствования 1. Вино дома Анх-шепр-рэ - - -» (СА III: LXXXVI 36). Если б чтение издателя в случае первой пометки было надежным, то она могла бы служить блестящим подтверждением отстаиваемого положения, что имя «Нефр-нефре-йот» предшествовало у первого преемника Амен-хотпа IV

имени «Семнех-ке-рэ». В самом деле, если в «году царствования 1» преемник Амен-хотпа IV был уже «правым голосом», т. е. покойным, а в своем «году царствования 3» он был еще «Нефр-нефре-йот» (JEA XIV: V = U18D: 2024), этот «год царствования 1» мог бы быть только годом царствования второго преемника Амен-хотпа IV — Тут-анх-йота. Однако чтение «дом Семнех-ке(?)-рэ правого (?) голосом (?)» не может быть принято, потому что на воспроизведении сомнительного места в его подлинном, скорописном виде СА III: ХСVIII 35 *a-b* выражение после имени «Семнех-ке(?)-рэ», несмотря на повреждения, может быть отлично прочтено как «Теср-шопре» — «Святой явлениями» — соответственно обычному составу второго кольца фараона: «Семнех-ке-рэ Теср-шопре». Тем самым пометка не только не доказывает позднейшего происхождения имени «Семнех-ке-рэ», но может быть при желании даже использована как доказательство первичности этого [175] имени: царствование только-только еще началось, а царь уже «Семнех-ке-рэ Теср-шопре». В том же смысле может быть использована и вторая пометка. В ней, правда, почти все, что следовало за именем «Анх-шепр-рэ», отбито, но если передача нескорписными знаками скорописного подлинника, сделанная издателем, точно передает положение дела на подлиннике, то за именем «Анх-шепр-рэ» верхняя часть строки примерно на протяжении одного лежащего длинного знака оставалась пустою, после чего в самом верху строки замечен след какого-то знака. Это значит, что внизу строки после имени «Анх-шепр-рэ» помещался ныне отбитый один плоский и длинный знак или же два маленьких, низеньких знака. Но так или иначе за именем «Анх-шепр-рэ» следовали знак или знаки, никак не подходящие к добавочному наименованию, будь то «Ми-нефр-шепр-рэ» или «Ми-ва-н-рэ». В этом легко убедиться, сопоставив соответствующее место пометки с написаниями имен «Анх-шепр-рэ Ми-[нефр-шепр-рэ]» и «Нефр-нефре-йот Ми-[ва-н-рэ]» в скорописной гробничной надписи JEA XIV: V. Следовательно, если положение дела в пометке точно передано издателем, кольцо должно было содержать одно имя «Анх-шепр-рэ» без добавочного наименования. Ну а это не будет ли означать, что в 1-м году царствования первое кольцо фараона содержало одно только имя «Анх-шепр-рэ» без добавочного наименования и, следовательно, второе кольцо звучало тогда «Семнех-ке-рэ Теср-шопре»?

Если «год царствования 1» — первый год царствования Семнех-ке-рэ, то первая пометка с полной очевидностью доказывает, что уже в самом начале царствования фараон был «Семнех-ке-рэ Теср-шопре»; вторая же пометка ничем тому не противоречит. Не противоречит, а не подтверждает, потому что в действительности вторая пометка ровно ничего не доказывает. Имя «Анх-шепр-рэ» входит в состав названия некоего сооружения или хозяйства: «дом Анх-шепр-рэ». В подобных же обозначениях было совсем не обязательно приводить первое кольцо фараона полностью: довольно было назвать основное имя, добавочное же наименование можно было спокойно опускать. Даже Амен-хотп IV, который так дорожил наименованием «Ва-н-рэ» — «Единственный для Рэ» и неизменно величался в надписях «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ», и тот позволял ограничиваться при обозначении по нему сооружений одним именем «Нефр-шепр-рэ» без добавления наименования «Ва-н-рэ»: «двор Нефр-шепр-рэ» (СА II: LVIII 24, СА III: LXXXI 20). Для самого Семнех-ке-рэ превосходные примеры такого словоупотребления дает скорописная надпись в гробнице в Нэ. После года и числа фараон назван полным именем, с добавочным наименованием в каждом кольце: «Анх-шепр-рэ Ми-[нефр-шепр-рэ]» и «Нефр-нефре-йот Ми-[ва-н-рэ]» (JEA XIV: V, строки 1-2 = U18D: 2024). В составе же обозначения сооружения он назван просто «Анх-шепр-рэ», [176] без добавления наименования «Ми-нефр-шепр-рэ»: «двор Анх-шепр-рэ» (JEA XIV: V, строка 4, ср. VI, строки 29 и 33; строки 4 и 33, также U18D: 2024). Одно имя «Анх-шепр-рэ» заключено и в кольцо фараона, значащемся на клеймах на кирпичках из большого чертога позади главного дворца в Ах-йот (СА III: LXXXIII III). Однако из-за поврежденности клейм неясна связь этого кольца с обозначением здания, читающимся рядом с ним: «дом ликования Йота». Таким образом, пометка СА III: LXXXVI 36 с ее «домом Анх-шепр-рэ» ничего не доказывает, независимо от того, чьим годом был тот «год царствования 1», которым она помечена.

Напротив, вся доказательность пометки СА III: LXXXVI 35 зависит от того, чьим был ее «год царствования 1». Если это был год царствования первого преемника Амен-хотпа IV, то молодой фараон уже в 1-м году был «Семнех-ке-рэ Теср-шопре», но если этот «год царствования 1» был годом царствования второго преемника Амен-хотпа IV, пометка доказывает обратное, именно что первый преемник звался «Семнех-ке-рэ Теср-шопре» в последнюю пору своей жизни, раз сооружение, названное по нему, прозывалось в первый год по его смерти, в 1-м году царствования Тут-анх-йота, «домом Семнех-ке-рэ Теср-шопре». Сооружения с названиями в честь покойных царей-предшественников — распространенное явление в годы солнцепоклонничества. Так, упоминаются «двор А-шеп-ке-рэ (т. е. Тхут-мосе I)» — в скорописной производственной пометке на сосуде, найденной в Ах-йот (TEA: XXII 10), «дом А-шеп-ке-рэ» — на клейме на закупорке сосуда, найденном в Ах-йот (СА III: LXXXI 14), «дом А-шепр-рэ (т. е. Амен-хотпа II)» — в гробнице Анэе в Ах-йот, в его звании «распорядитель домовый дома А-шепр-рэ» (MSECAE I: 53 = XXVIII = EA V: 7, ср. EA V: IX и, пожалуй, также X), «дом Мен-шепр-рэ (т. е. Тхут-мосе IV) в доме Й[ота] в Ах-йот» — на обломке изображения на камне из Ах-йот (MET II: 73 = MDOG LVII: 29 = ZAeSA LV: 33 = TTA 162 CLXXXI), «дом Неб-ма-рэ (т. е. Амен-хотпа III)» — в гробнице Ра-мосе, военачальника, в Ах-йот, в его звании «распорядитель [д]ом[овый дом]а Неб-ма-рэ» (EA IV: XXXV, ср. MSECAE I: 84), в скорописных пометках на сосудах, находившихся в Ах-йот, 15-го (TEA: XXII 4), 17-го (СА III: LXX, XV 17) и неизвестных годов (TEA: XXII 7 — возможно, поры поздних солнечных колец ввиду подробного написания слова «-ма-» в составе имени, см. § 108 СА I: LXIII 23 = TTA: 181 CСXVIII C, СА III: XCVI 302), «дом Неб-ма-рэ в ладье» — в скорописной пометке на сосуде, сделанной на «потоке западном» в Низовье и найденной в Ах-йот, 10-го года (СА III: LXXXV 16; ср. печати на закупорках сосудов, хранившихся в Ах-йот, TEA: XXI 22, СА III: LXXXII 75, 76), причем не исключено, что некоторые или даже все перечисленные раньше упоминания «дома Неб-ма-рэ» в скорописных пометках не более [177] как не полностью сохранившиеся написания «дом Неб-ма-рэ в ладье», «двор Неб-ма-рэ» — в скорописных пометках на сосудах, находившихся в Ах-йот, 13-го (СА III: LXXXV 20) и неизвестного года (СА III: LXXXV 19) и на печатях на закупорках сосудов, находившихся в Ах-йот (TEA: XXI 1, СА III: LXXXI 15; не позднее начала поры поздних солнечных колец ввиду знака Мэ, см. § 108; сходная печать СА III: LXXXI 16 — несолнцепоклонническая, так как название сооружения — «[дв]ор Не[б-ма-рэ], возлюбленного С[о]к[е]ром»); «- - - Неб-ма-рэ - - -» («дом» или «двор» — неизвестно) — в скорописных пометках на сосудах, бывших в Ах-йот (СА I: LXIII 24, 25, СА III: LXXXV 15). Таким образом, «дом Семнех-ке-рэ Теср-шопре» мог иметься и при Тут-анх-йоте и, следовательно, «году царствования 1» в пометке СА III: LXXXVI 35 не обязательно быть годом Семнех-ке-рэ; этот год может быть годом Тут-анх-йота. Выходит, что ни из одного из этих двух источников, называющих одновременно «год царствования 1» и сооружение имени Семнех-ке-рэ, нельзя вывести ничего определенного о последовательности имен первого преемника Амен-хотпа IV.

В итоге остается в силе предложенное выше распределение имен во времени в зависимости от их большей или меньшей насыщенности солнцепоклонничеством Амен-хотпа IV и преданностью его особе. Потому более ранними будут имена, славящие Йота и близость к его провозвестнику, более поздними те, что молчат о том и другом и выдержаны в стародавнем духе — в духе имен досолнцепоклоннических царей.⁸

Переходным видом могли бы быть кольца АОг XXXVI: 17 3: «Анх-шепр-рэ Ми-йот» и «Нефр-нефре-йот Хок». В них ссылки на любовь Эх-не-йота заменены ссылкой на любовь Йота («Возлюбленный Йота») и малоуместным здесь словом «Хок» — «Властитель», но имя «Нефр-нефре-йот» сохранено. Было б, однако, неосмотрительно умозаключить, что умолчание в этих кольцах об Эх-не-йоте означало уже полный отказ от него лично. На двух сосудах из гробницы Тут-анх-амуна значится по четыре стертых кольца на каждом

⁸ Ю. Я. Перепелкин. Переворот Амен-хотпа IV. Ч. 1. М., 1967. С. 206, 264 (вторичная). Особую статью обоснованию данного положения посвятил П. Мунро (P. Munro. Die Namen Semenech-ka-Re's // ZAeSA. Bd 95, 1969. S. 109-116).

(АОг XXXVI: 13 1с). Из них первые два принадлежали определенно Эх-не-йоту (кольцо с «Нефр-шепр-рэ [Ва-н]рэ» читается почти полностью), вторые же два кольца настолько изглажены, что, кроме нескольких следов знаков и кружка солнца вверху последнего кольца (все кольца отвесные), ничего не видно. Тем не менее восстановить вторые два кольца иначе, как «[Анх-шепр-рэ]» и «[Семнех-ке]-рэ [Теср-шопре]» вряд ли возможно: ведь только в случае «Семнех-ке-рэ» мог быть вверху последнего кольца знак солнца. [178] Выходит, Семнех-ке-рэ и по своему переименованию выписывал иногда имена своего предшественника впереди своих.

Впрочем, кольца «Анх-шепр-рэ Ми-йот» и «Нефр-нефре-йот Хок» могли и не следовать во времени за кольцами «Анх-шепр-рэ Ми-нефр-шепр-рэ» и «Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ», а наоборот, предшествовать им. Странное «Хок» — «Властитель», добавленное к «Нефр-нефре-йот», не должно ли было отличать имя молодого царя от имени царицы Нефр-нефре-йот Нефр-эт? Ведь и перстней с «Анх-шепр-рэ Ми-нефр-шепр-рэ» / «Анх-шепр-рэ Ми-ва-н-рэ» было немало, а вот с «Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ» не делали как будто бы вовсе. И не потому ли именно, что это имя в отдельности можно было отнести и к царице: разве она не была тоже любима «Единственным для Рэ»? (Имя «Семнех-ке-рэ Теср-шопре» было на перстнях употребительно, см. выше.)

В. Первых три имени Семнех-ке-рэ

При раскопках у входа в П-йом в 1889–1890 гг. был обнаружен деревянный локоть, точнее, большой кусок его с титулами Тут-анх-амуна и его жены царицы Анхес-эн-амун и еще несколькими словами из продолжения надписи, выглядящими в издании весьма невразумительно, за исключением последних из числа сохранившихся: «дом большой (или: фараон) — жив, цел, здоров!» (IKG: XXIV 12 = U18D: 2062-2063). Недоумение вызывают уже сами титулы: «(Да) живет Хор, телец крепкий, подобный (тому, что должно быть), рождением, обе владычицы, великий (во?) дворец(е) Амуна, властитель добрый, рожденный [Мут в (?)] Йиув (?), царь (и) государь, живущий правд(ою), владыка обеих земель Неб-шепр-рэ, сын Рэ от утробы его, Тут-(анх-)амун, (кому) дано жить вечно вековечно, жена царева великая любовью (?),⁹ Анхес-эн-амун — жив он (!), как Рэ, вечно вековечно!» Бросаются в глаза пропуск предлога *м* в прозваниях «великий (во) дворец Амуна» и «живущий правд(ою)», пропуск в середине имени «Тут-анх-амун» его составной части «анх», пропуск окончания 3-го лица женского рода в многолетии после имени царицы, неуместная лежащая черта под словом «утроба» вместо знака хлеба *т* или знака хлеба *т* со стоячей черточкой, перестановка знаков в первом кольце (три черточки после знака корзины *нб*) и в начале многолетия царя (знак жизни впереди знака *дй*), ср. также необычное положение знака хлеба *т* (?) в конце первого из пяти имен царя (внизу позади птенца). Но еще много удивительнее самый состав царского титула. Подобного титула не [179] встретишь у Тут-анх-амуна ни в одной другой надписи. Как известно, полное его титуло, засвидетельствованное многократно памятниками, содержит следующие пять имен: (1) Хор, телец крепкий, подобный (тому, что должно быть), рождением; (2) обе владычицы, добрый законами, успокоивший обе земли; (3) Хор золота, воздевший венцы, умиротворивший богов; (4) царь (и) государь, владыка обеих земель Неб-шепр-рэ; (5) сын Рэ, владыка венцов Тут-анх-амун, Властитель Она Верховья + то или иное многолетие. Из этих пяти имен только три — первое, четвертое и пятое — воспроизведены на локте; имена второе и третье, кроме свойственного вторым именам вступительного обозначения «обе владычицы», не имеют решительно ничего общего со вторым и третьим именами на локте. На нем даже вводное обозначение в начале третьего имени не «Хор золота», а «властитель добрый». Потому трудно не высказать подозрение, не представляет ли титуло на локте переделку из титула, Тут-анх-амуну не принадлежавшего? Что то могло быть только солнцепоклонническое титуло, тому порукою прозвание «живущий правд(ою)» перед

⁹ Восстановление В. Хелка — W. Helck. Urkunden der 18. Dynastie. II. 22. B., 1958. S. 2063.

первым кольцом царя (см. § 64) и замена званием «властитель добрый» слов «Хор золота» в начале третьего имени (см. § 68). То, что второе имя после слов «обе владычицы» начинается на локте словом «великий», могло бы навести на мысль, не Амен-хотпа ли IV это титло? Ведь второе имя Амен-хотпа IV тоже начиналось после вступительного обозначения словом «великий»: «великий царствованием в Эп-эсове», «великий царствованием в Ах-йот» (см. § 66–68). Однако уже одно то, что третье имя на локте начинается словом «рожденный», доказывает, что титло было не Амен-хотпа IV: у него, как и у Тут-анх-амуна, третье имя вслед за вступительным обозначением начиналось словами «воздевший венцы». Кроме того, прозвание «живущий правдою» служило в титле Амен-хотпа IV подзаголовком как к первому, так и ко второму кольцу, на локте же это прозвание служит подзаголовком лишь к первому кольцу, тогда как подзаголовком ко второму кольцу служат слова «от утробы его» (см. § 63–64). Можно также добавить, что титло, где звание «Хор золота» было бы заменено уже званием «властитель добрый» (см. § 68), а прозвание «живущий правдою» написано еще с помощью знака Мэ (см. § 108), могло быть у Амен-хотпа IV лишь самое короткое время — в первые месяцы после переделки ранних солнечных колец в поздние. Следовательно, титло на локте было переделано не из титла Амен-хотпа IV, и остается только предположить, что оно было переделано или из титла Семнех-ке-рэ, или из титла Тут-анх-йота до переименования его в «Тут-анх-амуна».

Насколько мне известно, полное пятичленное титло Тут-анх-йота до его переименования нигде не засвидетельствовано, однако трудно допустить, чтобы таковым титлом было то, которое [180] было сначала вырезано на локте. Амен-хотп IV переделывал первых три имени своего полного титла трижды, но при этом всякий раз старались сохранить видимость преемственности, чтоб новые имена как-нибудь напоминали прежние (см. § 68): (1) «Хор, телец крепкий, высокий двумя перьями» — «Хор, телец крепкий, возлюбленный Йота» — «Властитель (хок), крепкий мышцею, возлюбленный Йота», (2) «Обе владычицы, великий царствованием в Эп-эсове» — «Обе владычицы, великий царствованием в Ах-йот» — «[Владыка (??)] земли, великий царствованием в Ах-йот», (3) «Хор золота (Хор нуб), воздевший венцы в Оне Верховья» — «Хор золота (Хор нуб), воздевший имя Йота» — «Властитель добрый (хок нуфе), воздевший имя Йота». Поэтому не слишком вероятно, чтобы титло Тут-анх-йота переделали так, чтоб от прежних второго и третьего имен, если отвлечься от созвучности вступительных обозначений, не осталось и следа. А именно так примерно и должно было бы обстоять дело, если бы титло на локте было титлом Тут-анх-йота. На локте второе имя было «[Владыка земли (??)], великий [(в чем-то — судя по нынешнему окончанию имени)]», третье — «Властитель добрый, рожденный [(кем-то)]», в титле Тут-анх-амуна второе имя было «Обе владычицы, добрый законами, успокоивший обе земли», третье — «Хор золота, воздевший венцы, умиротворивший богов». Затем, если титло на локте принадлежало бы Тут-анх-йоту, первое кольцо «Неб-шепр-рэ» не подлежало бы переделке, поскольку оно оставалось бы таким же и в титле Тут-анх-амуна. Однако в том виде, в каком мы находим это кольцо на локте, оно вызывает недоумение: черточки множественного числа нелепым образом проставлены не над знаком корзины, а под ним.

Из всего множества просмотренных мною написаний имени «Неб-шепр-рэ» я не могу назвать ни одного, где подобная несурязица действительно имелась бы. В гробнице наместника Коша Хойе в Нэ мы находим в одном случае на первый взгляд сходное написание (THVNRT: XV). Однако здесь черточки помещены не после знака корзины, а после знака жука, и только нижняя из них спускается до уровня знака корзины. На обломке изображения из Эп-эсове ME: XI издатель помещает знак корзины непосредственно под знаком жука, не оставляя тем самым места для трех черточек после него и позволяя восстановить их в отбитой нижней части кольца (ср. восстановление U18D: 2046). Но кто же может поручиться, что нижняя половина кольца на стыке с явно разрушенной поверхностью передана правильно в издании более чем столетней давности, отличающемся разными достоинствами, только не точностью в воспроизведении изображений и надписей?

Но чем менее вероятна принадлежность Тут-анх-йоту занимающего нас титула, тем вероятнее его принадлежность Семнех-ке-рэ. И действительно, у кого из преемников Амен-хотпа IV [181] бывает предпослано первому кольцу прозвание «живущий правдою», как не у Семнех-ке-рэ? Мы скоро увидим, что оно засвидетельствовано по-настоящему только у него, а у Тут-анх-амуна встречается только в надписях, предназначавшихся первоначально для Семнех-ке-рэ и только впоследствии присвоенных его юному преемнику (см. гл. IX). Можно было бы также сослаться на то, что с отнесением первоначальной надписи на локте к Семнех-ке-рэ становится объяснимым и странное положение трех черточек в конце первого кольца. Если оно содержало одно имя «Анх-шепр-рэ», три черточки должны были быть как раз последним знаком в первом кольце. Если оно заключало кроме имени «Анх-шепр-рэ» еще наименование «Ми-нефр-шепр-рэ», три черточки, только уже от этого наименования, были бы опять последним знаком в кольце. Но поскольку в том и в другом случае не совсем вразумительно расположение трех черточек не друг над другом, а рядом одна с другой, лучше воздержаться от каких-либо построений на основании места черточек в конце нынешнего кольца на локте. Однако одновременно это лишний раз показывает, насколько желательно было бы обследование надписи по подлиннику. Пока же такое обследование не произведено, принадлежность титула на локте первоначально Семнех-ке-рэ остается хотя и не окончательно доказанной, но все-таки очень правдоподобной. Таким образом, полное титуло Семнех-ке-рэ, пусть с большими изъянами, но все же со значительной степенью вероятности может быть восстановлено в таком виде:

«[Властитель, крепкий мышцею (?)] - - -, [Владыка земли (??)], великий [(там-то?)], властитель добрый, рожденный [(тем-то) - - -], царь (и) государь, живущий правдою], владыка обеих земель, [Анх-шепр-рэ Ми-нефр-шепр-рэ], сын Рэ от утробы его, возлюбленный его, (владыка венцов), [Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ], (кому) дано жить вечно вековечно!»

Восстановить в первом кольце помимо имени «Анх-шепр-рэ» также наименование в честь Амен-хотпа IV, а во втором кольце вместе с таким наименованием имя «Нефр-нефре-йот» будет, пожалуй, осмотнительнее, чем допустить, что кольца царя на локте звучали уже просто «Анх-шепр-рэ» и «Семнех-ке-рэ Теср-шопр», и вот по какой причине. Вместо звания «Хор золота» во главе третьего имени на локте читается звание «властитель добрый», заменившее то звание при Амен-хотпе IV с водворением полной нетерпимости к старым божествам. Поэтому звание «властитель добрый» в начале третьего царского имени является многозначительным наследием ярого солнцепоклонничества, признаком солнцепоклоннического титула. Таковым, несомненно, было титуло Семнех-ке-рэ на первых порах, когда он был еще «Анх-шепр-рэ, Возлюбленным Нефр-шепр-рэ» [182] и «Нефр-нефре-йот, Возлюбленным Ва-н-рэ». Оставалось ли оно таким после того, как царь превратился в «Анх-шепр-рэ» и «Семнех-ке-рэ Теср-шопр» (см. гл. VIII Б), неизвестно. Вполне возможно и даже вполне вероятно, что с переименованием или уже до него в царском титуле были восстановлены отверженные солнцепоклонниками стародавние звания «Хор», «Обе владычицы», «Хор золота». Широкое употребление при Семнех-ке-рэ, притом не где-нибудь и не кем-нибудь, а при дворе и на памятниках самого царя, отверженного солнцепоклонниками наименования солнца «Ра-Хар-Ахт» (см. гл. X) говорит определенно в пользу такого предположения, а почитание самим царем восстановленных старых божеств даже настоятельно требовало восстановления их в прежних правах и в царском титуле.

Тщательное обследование примечательной надписи на локте по подлиннику помогло бы, возможно, объяснить также странное титуло царицы. Оно определенно производит впечатление переделанного из чего-то другого. Подозрительно начало «жена царева, великая любо(вью)» с последующими тремя черточками вместо обычного «жена царева великая, возлюбленная его», подозрителен и конец: «жив, как Рэ, вечно вековечно» вместо принятого: («жива она вечно вековечно!»). [183]

**СУДЬБЫ ПРОЗВАНИЯ «ЖИВУЩИЙ ПРАВДОЮ»
ПРИ СЕМНЕХ-КЕ-РЭ
И ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ НАДГРОБНЫЕ СЕНИ
ТУТ-АНХ-АМУНА**

По рассмотрении первого и второго колец Семнех-ке-рэ надлежит остановиться на заголовках и подзаголовках (см. § 62), этим кольцам предшествовавших, тем более что данные подзаголовки помогают определить принадлежность некоторых весьма важных памятников. Оставляя в стороне заурядные фараоновские звания, свойственные одинаково всем солнцепоклонническим царям, как «царь (и) государь», «владыка обеих земель», «владыка венцов», зададимся вопросом: в чем по части заголовков и подзаголовков титул Семнех-ке-рэ отличалось от титула провозвестника нового учения Амен-хотпа IV и титула последнего царя-солнцепоклонника — Тут-анх-йота?

На первый взгляд может показаться, что прозвание Амен-хотпа IV «живущий правдою» (см. § 64) его преемник, как бы не дерзая равняться с ним, полностью от себя отклонил. Разумеется, само по себе простое отсутствие подобного подзаголовка еще ровно ничего не доказывает (ЕА II: XLI — «царь (и) государь» + кольцо, «сын Рэ» + кольцо, ср. АОг XXXVI: 13 *1c*; СА II: L 29 — «царь (и) государь» над обоими кольцами (!); JEA XIV: V, строки 1-2 = U18D: 2024 — «царь (и) государь, владыка обеих земель» + кольцо, «сын Рэ» + кольцо; ASAE XL: XXIII + 137 и TST: 152-153 — «Усире, царь» + кольцо, несколько раз). Но имеются случаи, где неупотребление прозвания не может не обратить на себя внимание. На ларце из гробницы Тут-анх-амуна титул Семнех-ке-рэ непосредственно следует за титулом тестя, и если в титуле Амен-хотпа IV перед каждым кольцом упорно присутствует прозвание «живущий правдою», то перед каждым из колец его зятя оно столь же упорно отсутствует: «Царь (и) государь, живущий правдою, владыка обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, сын Рэ, живущий правдою, владыка венцов Эх-не-йот, большой по веку своему; царь (и) государь, владыка обеих земель Анх-шепр-рэ Ми-нефр-шепр-рэ, сын Рэ, владыка венцов Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ» (JEA XIV: 5 = TTA: 168 *CXCIV* = U18D: 2024 = АОг XXXVI: 13 *1a*). На другом ларце [184] оттуда же читаем: «Царь (и) государь, владыка обеих земель Анх-шепр-рэ Ми-нефр-шепр-рэ, сын Рэ от утробы его, возлюбленный его, владыка нагорья (т. е. чуждого края) всякого Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ» (АОг XXXVI: 17 *2a*, в переделанном виде — TST: 109). На золотом гробике из той же гробницы, первоначально предназначавшемся для внутренностей Семнех-ке-рэ и лишь потом переделанном для Тут-анх-амуна, некогда значилось: «бог добрый, владыка обеих земель [Анх-шепр-рэ Ми-нефр-шепр-рэ], сын Рэ от утробы его, [Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ,] (кому) дано жить» (ASAE XL: XXIII + 137). Употребление подзаголовка «от утробы его», едва ли не полностью исчезнувшего из титула Амен-хотпа IV с принятием им прозвания «живущий правдою» (см. § 63), также наводит на мысль, что титулу Семнех-ке-рэ прозвание «живущий правдою» было чуждо. Не менее примечательно словоупотребление на плите из Ах-йот СА III: CVIII = CVII 3 + LXXIII 8 = T3Г: 99 = А: 104 = ZZR: между 128 и 129 = АОг XXXVI: 13 *1b*. Первоначально на плите были изображены Амен-хотп IV и его побочная жена Кэе (см. гл. V), но изображение Кэе было впоследствии переименовано в изображение Семнех-ке-рэ, так что в настоящее время надпись над царственными особами читается так: «Владыка обеих земель Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, (кому) дано жить, владыка венцов Эх-не-йот, [б]ольшой [п]о [веку своему]; владыка творения вещи (т. е. правящий храмовой чин) Анх-шепр-рэ Ми-ва-н-рэ, владыка мышцы Нефр-нефре-йот Ми-эх-не-йот, (кому) дано жить вечно вековечно». В том, что заголовком ко второму кольцу Семнех-ке-рэ служило на плите прозвание «владыка мышцы», не приходится сомневаться, хотя знак для слова «мышца», т. е. знак бычьей ноги, вследствие переделки из какого-то знака первоначальной надписи получился довольно-таки странный и был принят издателем

за знак витого бича.¹ Обозначения «владыка творения вещи» и «владыка мышцы» совершенно пропадают из титула Амен-хотпа IV после принятия им прозвания «живущий правдою» (см. § 63). Употребление их здесь вновь в виде заголовков к кольцам Семнех-ке-рэ нельзя опять-таки не воспринять как намек на отсутствие в его титуле прозвания «живущий правдою» перед кольцами. О том же говорит, наконец, и звание «властитель луков (т. е. народов) 9», значащееся на одном из кусков надписи дверного косяка дома Ра-нофра в Ах-йот (CA I: 8 L). Оно стоит в начале обращения к солнцу и царю непосредственно за словами «двойник царев», и за ним должно было следовать сразу или через одно или несколько пропавших званий кольцо царя, частично уцелевшее на другом обломке: «Хвала те[бе], Йот (и) двойник царев, властителя луков 9... [Анх-шепр-рэ Ми]-нефр-шепр-[рэ]». Невероятно, чтобы при подзаголовке «властитель луков 9» был употреблен [185] еще подзаголовок «живущий правдою», рядом с которым в титуле Амен-хотпа IV никакие другие подзаголовки, кроме званий «владыка обеих земель» и «владыка венцов», никогда и нигде не встречаются. В титуле Амен-хотпа IV звание «властитель луков 9», насколько мне известно, засвидетельствовано только раз: на наскальной плите близ Снэ времени строчного солнечного имени (ASAE III: 260 [= В XI: 23-24 = ТТА: 133 CXXIII] + ASAE XXXVII: 31 = U18D: 1963), следовательно, раньше принятия царем прозвания «живущий правдою». Звания «властитель луков 9» не редкость в царских титулах конца XVIII царского дома. Все это как будто говорит за то, что Семнех-ке-рэ не дерзнул присвоить себе прозвание предшественника «живущий правдою».

Тем не менее такой вывод был бы правилен лишь отчасти. Семнех-ке-рэ действительно не ввел перед каждым из колец подзаголовок «живущий правдою», однако полностью от столь заманчивого обозначения не отказался. На комке глины из Ах-йот видны четыре отпечатка перстней, один из которых содержит имя Семнех-ке-рэ «Анх-шепр-рэ» (CA III: C 22). То же имя включал в себя, видимо, и другой отпечаток («[Анх]-шепр-рэ»). Третий и четвертый отпечатки содержат отличные от первых двух, но сходные между собой надписания, которые можно прочесть так: «- - ? [Рэ(?)] обеих земель, живущий правдою, как Рэ, [по]все[дневно(?)]» и «Рэ обеих земель, живущий правдою повседневно». Слова «живущий правдою, как Рэ» и «живущий правдою» читаются вполне отчетливо: добавление «повседневно» из-за разрушения в одном случае и произвольного расположения знаков в обоих случаях не может считаться прочитанным надежно на основании самих отпечатков. В доме Ра-нофра в Ах-йот, по надписям по бокам двери времени Семнех-ке-рэ, были найдены в житницах печати с оттисками нескольких перстней: одного — с изображением двух фараонов, сидящих под лучезарным диском (см. гл. V), другого — с именем Тут-анх-амуна («Неб-шепр-рэ»), если только то, что уцелело, действительно от этого имени (сохранились знаки солнца и жука), и, наконец, одного, сходного с одним из отпечатанных на комке глины (CA I: X 6). Там отпечаток читается как «Рэ обеих земель, живущий правдою повседневно», здесь уцелела лишь верхняя половина печати: «Рэ - - -, живущий правдою - - -». Место находки и прочие печати, найденные вместе с этой, доказывают, что она, вероятно, тоже времени Семнех-ке-рэ или, может быть, Тут-анх-йота. Полное же тождество между тем отпечатком и данной печатью в отношении расположения знаков позволяет отнести ее определенно ко времени Семнех-ке-рэ. Выходит, таким образом, что Семнех-ке-рэ не чуждался прозвания «живущий правдою», хотя и с добавлением слов «как Рэ» и, может быть, «повседневно».

Выше было отмечено отсутствие прозвания «живущий правдою» [186] на золотом гробике-ковчеге для внутренностей, найденном в гробнице Тут-анх-амуна, но первоначально предназначавшемся для Семнех-ке-рэ (ASAE XL: XXIII + 137). Однако на другом таком же гробике из той же гробницы, должно быть тоже предназначавшемся сперва для Семнех-ке-рэ (ASAE XL: 137), мы находим титул с прозванием «живущий правдою», но только перед первым кольцом: «царь, живущий правдою, владыка обеих земель» имярек, «сын Рэ, возлюбленный

¹ Ю. Я. Перепелкин. Тайна золотого гроба. М., 1968. С. 95-96.

его» имярек (TST: 153). Впрочем, золотой гробик не единственная вещь из гробницы Тут-анх-амуна, величающая этого царя «живущим правдою». Поэтому нам придется обстоятельно заняться вопросом о первоначальной принадлежности подобных предметов.

К великому сожалению, по сию пору не имеется полного издания многочисленных надписей на предметах из гробницы Тут-анх-амуна. Поэтому нельзя утверждать с определенностью, что среди надписей, предназначавшихся с самого начала для Тут-анх-йота / Тут-анх-амуна, нет ни одной, которая величала бы его «живущим правдою». Могу лишь сказать, что по имеющимся в моем распоряжении изданиям не удалось найти ни единой подобной надписи. Однако среди надписей, исконная принадлежность которых Тут-анх-йоту / Тут-анх-амуну вызывает сомнения, имеются такие, которые прилагают к царю обозначение «живущий правдою», притом иногда любопытным образом как раз с добавлением, которое мы только что обнаружили на отпечатках перстней времени Семнех-ке-рэ: «повседневно». Речь идет о второй и третьей из числа надгробных сеней Тут-анх-амуна, огромных, обшитых листовым золотом ящиках-крышках, вставленных друг в друга над царским гробом в виде четырехкратного его покрытия.

На второй сени крайнее слева титло царя на наружной поверхности передней стороны читается так: «Властитель добрый, подобие Рэ, живущий правдою повседневно, царь (и) государь Неб-шепр-рэ, сын Рэ, возлюбленный его, владыка венцов Тут-анх-амун, Властитель Она Верховья, возлюбленный Усире, властителя вечности» (ShT: XXXVII).

На той же сени на левой ее стороне поверху тянется следующая надпись: «Бог добрый, вышедший из Рэ, яйцо гораздое Атома, живущий правдою повседневно, царь (и) государь, владыка обеих земель, Неб-шепр-рэ Сетп-ен-рэ, сын Рэ от утробы его, возлюбленный его, владыка венцов Тут-анх-амун, Властитель Она Верховья, возлюбленный Усире Вен-нофра, бога этого, владыки Р'-сч'в (т. е. кладбища подле великих пирамид)» (ChT XLVII-XLIX).

На третьей сени на внутренней поверхности одной из створок двери Небт-хо говорит покойному царю, предварительно приравняв его к Рэ: «Ты — сын его, живущий правдою, владыка обеих земель, Неб-шепр-рэ, сын Рэ от утробы его, возлюбленный его, Тут-анх-амун, Властитель Она Верховья» (ChTII: X = ShT: XXIV). [187] На другой створке той же двери Эсе заканчивает свою речь к умершему фараону таким обращением: «Царь (и) государь, владыка обеих земель, живущий правдою, Неб-шепр-рэ, (кому) дано жить вечно!» (ChT II: X = ShT: XXIV).

Строго говоря, ни один из этих четырех случаев не представляет точного соответствия употреблению прозвания «живущий правдою» в титле Амен-хотпа IV. На второй сени занимающее нас обозначение не только не составляет подзаголовка к кольцу, так как предшествует заголовку «царь (и) государь», но и наращено добавлением: «живущий правдою повседневно». На третьей сени добавления «повседневно» нет, так что прозвание в том же составе, что и у Амен-хотпа IV, однако устойчивым подзаголовком оно и тут не является. В речи Небт-хо нет даже предшествующего заголовка, потому что выражение «сын его» не есть титловое обозначение. В речи же Эсе слова «живущий правдою» очутились между первым подзаголовком «владыка обеих земель» и кольцом, чего в титле Амен-хотпа IV никогда не бывает: там звание «владыка обеих земель» никогда не предваряет прозвание «живущий правдою», но примыкает непосредственно к кольцу (см. § 62). Наконец, всем четырем надписям, содержащим прозвание, безусловно, чуждо употребление его как подзаголовка ко второму кольцу, в полную противоположность титлу Амен-хотпа IV. Во всех четырех надписях на месте первого (и второго) подзаголовка ко второму кольцу оказываются стародавние обозначения, употребительные в титле Амен-хотпа IV до принятия им прозвания «живущий правдою», но исчезающие оттуда с принятием его (см. § 63-64). На второй сени это слова «возлюбленный его» («сын Рэ, возлюбленный его, владыка венцов» имярек) и «от утробы его, возлюбленный его» («сын Рэ от утробы его, возлюбленный его, владыка венцов» имярек), на третьей сени — те же слова, только без последующего подзаголовка «владыка венцов» («сын Рэ, возлюбленный его» имярек (ChT II: X = ShT: XXIV) и «сын Рэ от утробы его, возлюбленный его» имярек). Таким образом, ясно, что совершенно

так же, как в титуле Семнех-ке-рэ, словоупотребление на второй и третьей надгробных сених Тут-анх-амуна менее всего предполагает существование подзаголовка «живущий правдою» перед каждым из двух колец по примеру титула Амен-хотпа IV. Прозвание «живущий правдою» с добавлением «повседневно» или без оногo мы находим на той и на другой сени неизменно среди обозначений, предпосланных первому кольцу. Но ни состав прозвания — то с добавлением «повседневно», то без него, — ни его место в титуле — то до звания «царь (и) государь», то после него и даже после звания «владыка обеих земель» — ни в коем случае не могут быть названы устойчивыми. Перед вторым же кольцом прозвание вообще не встречается, более того, его место занимают те самые обозначения, которые в свое время в титуле [188] Амен-хотпа IV были вытеснены оттуда прозванием «живущий правдою». Иными словами, обозначение «живущий правдою» на второй и третьей надгробных сених из гробницы Тут-анх-амуна коренным образом отлично от подзаголовка «живущий правдою» в титуле Амен-хотпа IV. У Амен-хотпа IV это было не произвольное, а титуловое обозначение, вполне устойчивое по составу — без каких-либо наращений, а также по месту в титуле — после заголовка и перед владыческим званием («владыка обеих земель» или «владыка венцов») или, в случае отсутствия такового, непосредственно перед кольцом. При этом прозвание «живущий правдою» служило одинаково подзаголовком как к первому, так и ко второму кольцу. И тем не менее само собою понятно, что случайное прозвание «живущий правдою» или «живущий правдою повседневно» у того или иного преемника Амен-хотпа IV не более как сколок с его титулового прозвания. Да и сама случайность или произвольность употребления прозвания на надгробных сених не мешает ему быть явно излюбленным обозначением, раз на каждой сени мы находим его употребленным дважды. Присутствие его также на печатях времени Семнех-ке-рэ полностью подтверждает привязанность к этому обозначению.

На третьей сени прозвание звучит оба раза «живущий правдою» без какого-либо добавления, как в титуле самого Амен-хотпа IV, но на второй сени словам «живущий правдою» оба раза придано добавление «повседневно», совершенно чуждое времени Амен-хотпа IV, но имеющееся на печатях времени Семнех-ке-рэ. Разновидность «живущий правдою повседневно» засвидетельствована для царствования Семнех-ке-рэ, а больше нигде, кроме как на второй надгробной сени, как будто не встречается. И вообще, с добавлением ли выражения «повседневно» или без него, прозвание «живущий правдою» встретилось мне в составе обозначений преемников Амен-хотпа IV только на печатях времени Семнех-ке-рэ, на локте, надписанном первоначально, видимо, его титулом, на золотом гробике-ковчеге, предназначавшемся первоначально для внутренностей этого царя (TST: 153 + ASAE XLIII: 137), и на двух надгробных сених из той же гробницы Тут-анх-амуна, что и золотой гробик. Если действительно ни одна больше надпись из числа очень многочисленных надписей, связанных с именем Тут-анх-йота/Тут-анх-амуна, не величает его «живущим правдою», а в его гробнице были предметы, первоначально предназначавшиеся для Семнех-ке-рэ: золотая перевязь (TT II: 84-85 = GT: 158), золотые гробики-ковчегцы для внутренностей (TT III: LIV, ShT: IX, GT: CX, VMPh: XXXIV, TST: 152-153; изнутри — ASAE XL: XXIII, TST: 152-153, APhErXXXVI, CGT¹: № 13, CGT²: № 12; о переделке имен см. ASAE XL: 137 и JEA XLVII: 39(1) — вопреки ZAeSA LXXXIII: 70-71), украшения АОг XXXVI: 17, то законно усомниться в том, что золотые [189] надгробные сени вторая и третья с самого начала предназначались для Тут-анх-амуна, а не для Семнех-ке-рэ. По поводу второй сени Р. Энгельбах вполне определенно высказывался в пользу первоначальной принадлежности ее Семнех-ке-рэ, не изложив, однако, точно, что именно обусловило такой вывод. «Тщательное обследование четырех сеней Тутанхамуна, — пишет Р. Энгельбах, — вскрывает тот факт, что внутри и спереди одной из них, второй снаружи, каждый картуш, который первоначально должен был принадлежать Сменхкерэ, был изменен в картуш Тутанхамуна».² Сопровождающая эти слова ссылка на лист XXIV и неопределенная подпись под этим снимком позволяют думать, что именно подозрительная

² R. Engelbach. Material for a revision of the history of the heresy period of the XVIIIth dynasty // ASAE. T. XL, 1940. P. 138.

яркость на нем большинства колец Тут-анх-амуна по сравнению с окружающей надписью призвана была убедить читателя статьи в позднейшем их происхождении; во всяком случае, иных отличий колец от их окружения по снимку уловить невозможно. Обследовавший надписи также по снимку Г. Рёдер отрицает переделку имен на сени,³ однако трудно положиться на это его заключение, поскольку в сходных случаях, в случае переделок на гробе Кэе, ее погребальных сосудах (см. гл. IV) и на гробиках для внутренностей Семнех-ке-рэ (ASAE XL: 137 = JEA XLVII: 39(1)), отрицательные суждения маститого ученого оказались слишком поспешными. Большие и четкие снимки второй надгробной сени Тут-анх-амуна, изданные ShT, подтверждают как будто наблюдение Р. Энгельбаха о позднейшем происхождении колец Тут-анх-амуна, ныне читающихся на сени: они часто светлее окружающей надписи (ShT: XXVI-XXVII, XXXVIII-XXXIX, XLIII-XLV). Подвергнуться переделке должны были и первые и вторые кольца, так что дело не в замене имени «Тут-анх-йот» позднейшим именем того же царя «Тут-анх-амун, Властитель Она Верховья»; дело в замене одного царя другим — Семнех-ке-рэ Тут-анх-амуном. С этим как нельзя лучше согласуется двукратное появление на сени прозвания «живущий правдою, как Рэ, повседневно», т. е. разновидности, засвидетельствованной печатями именно для времени Семнех-ке-рэ.

Р. Энгельбах находил переделанные кольца только на второй надгробной сени Тут-анх-амуна; прочие три сени, первая, третья и четвертая, по мнению ученого, не подвергались подобной переделке. Однако, после того как одна из сеней с прозванием «живущий правдою», в данном случае с добавлением «повседневно», оказалась, по-видимому, надписанной первоначально на имя Семнех-ке-рэ, невольно напрашивается вопрос, не принадлежала ли первоначально тому же фараону и другая сень с прозванием «живущий правдою», хотя и без добавления [190] слова «повседневно»? Лучше и проще всего было б, конечно, переосвидетельствовать подлинник, саму третью надгробную сень, но и с помощью имеющихся изданий можно как будто ответить на поставленный вопрос.

Сравнивая между собою отдельные надписи на четырех надгробных сенях Тут-анх-амуна в отношении начертаний, правописания и словоупотребления, можно подметить не только черты большого сходства, но и существенные различия, позволяющие, быть может, говорить о нескольких руках, отделявавших ту или иную сень. Тем не менее общее сходство между второй и третьей сенями намного больше, чем между любой из них и другими двумя, первой и четвертой. И это сходство настолько велико, что можно прямо говорить о единстве, существующем между второй и третьей сенями в отношении выполнения надписей.

Первое, что бросается в глаза рассматривающему письмена на обеих сенях, — это частая придача знакам, изображающим солнце, крошечных придатков в виде змейки впрямь и значка жизни, из коих змейка может быть без знака жизни, но значок жизни всегда нацеплен на змейку. Оба придатка наблюдаются одинаково на простом знаке солнца в виде кружка и на знаке солнца на небосклоне — кружка в горной седловине. Один раз, на второй сени, у знака солнца с лучами умножены лучи и каждому из них придано на конце по кисти руки, а на самом солнце помещена змейка впрямь (ShT: XLIV = XLV). Змея впрямь с нацепленным на нее знаком жизни и лучи-руки — прямые заимствования у образа солнца Амен-хотпа IV, так что мы имеем дело с ярким и определенным пережитком солнцепоклоннической письменности. Некоторые надписи — и их немало — как на второй, так и на третьей сени полны подобными солнцепоклонническими начертаниями, в других их немного (иногда просто потому, что не было солнечных знаков), в третьих нет совсем, но в общем такое изобилие солнцепоклоннических начертаний солнечных знаков, как на второй и третьей сенях, нигде больше не найти на изданных памятниках царствования Тут-анх-амуна. На первой сени из его гробницы я не могу указать ни одного такого начертания, на четвертой сени — всего только одно — знак солнца-кружка со змейкой впрямь с подвешенным значком жизни (ChT II: XV = ShT: XIX). Известны также два знака лучезарного солнца

³ G. Roeder. Thronfolger und König Smench-ka-Rk (Dynastie XVIII) // ZAeSA. Bd 83, 1958. S. 71.

с кистями рук на концах лучей на обломке гробницы Хар-м-ха в Мэнфе времени Тут-анх-амуна (о четырех лучах-руках — ВРК XLIX: 35 = JEA XXXIX: 7 = 10 = U18D: 2085)⁴ и на притолоке из гробницы Хетэе, жреца, вероятно, в Мэнфе же (ср. другой кусок ее ММАВ XV: 81-82), которая может [191] быть того же времени (о пяти лучах-руках — ASAE XLIII: 36).⁵ Знак солнца-кружка с подвешенным значком жизни имеется на золотом перстне с именем «Неб-шепр-рэ (т. е. Тут-анх-амуна), возлюбленного Амон-Рэ» (ВММА XVII: 172 = SE II: 293). Такой же знак имеется на обломке ларца *Пнбвй* (JEA XV: II 4 = U18D: 2083), но, поскольку здесь одновременно «Амон-Рэ, царь богов» назван «властителем Висе» (что указывает, вероятно, на происхождение ларца из Нэ), а владелец ларца — «писцом дома белого (т. е. сокровищницы) дома Йота», надпись может быть одинаково хорошо приурочена ко времени Семнех-ке-рэ. Время Амен-хотпа IV, конечно, исключено, потому что значок жизни на солнечных знаках появляется после введения нового образа солнца (см. § 100), а молитва к Амон-Рэ, притом к нему одному, на памятнике служащего солнечного храма в пору существования солнечных колец выглядела бы неуместным пережитком. Однако подобные разрозненные случаи употребления солнцепоклоннических начертаний при Тут-анх-амуне (разрозненные примеры солнца-кружка со значком жизни встречаются вплоть до Ливийского времени включительно) не идут ни в какое сравнение с изобилием их на второй и третьей сених, изобилием, поистине отдающим временами Амен-хотпа IV. При этом весьма примечательно вполне сознательное употребление солнцепоклоннических начертаний как на одной, так и на другой сени. Змейкою впрямь и значком жизни письма, изображающие солнце, бывают снабжены только тогда, когда служат написанию обозначений самого солнца или явлений солнечного порядка: «Рэ» — многократно на обеих сених; «Йот», на второй сени — ShT: XL, на третьей сени — ChT II: IX = ShT: против 70; «Шов», на третьей сени — ChT II: XI *b*, XIII *a* = ShT: XXV; «лучи», на второй сени — ShT: L, на третьей сени — ChT II: IX = ShT: против 70; «небосклон» (точнее: место, где солнце касается земли), на второй сени — ShT: XXXVIII два раза, XXXIX два раза, XL, XLIV два раза, XLV, L; «Небосклонный» (наименование солнца), на третьей сени — ChT II: XI *a-b*, XIII *b* = ShT: XXVI; «восходить» (*вбн*), на второй сени — ShT: XLII два раза, на третьей сени — ChT II: XI *a-b-c*; «сиять» (*под*), на второй сени — ShT: XLII; «делать светлым», на второй сени — ShT: XLIV = XLV; «вековечность» (*нхъхъ*), многократно на обеих сених («вековечность» в глазах солнцепоклонников составляла существенное свойство солнца, равнялась, пожалуй, даже ему самому). Змейкою и руками на концах лучей знак лучезарного солнца снабжен в слове «восходить» на второй сени (ShT: XLIV = XLV). Одною змейкою знак лучезарного солнца снабжен однажды на второй сени и в наименовании баснословного солнечного народа, которое со временем превратилось в обозначение человечества [192] вообще (*хънмтт* — ShT: XLI = XLII; в двух других местах на той же сени это слово написано с помощью знака лучезарного солнца без змейки). Напротив, где знак, изображающий солнце, именно простой знак солнца-кружка, служит определителем в обозначениях времени, он, если не считать слова «вековечность», о котором было сказано выше, никогда не бывает снабжен ни на второй, ни на третьей сени змейкою или значком жизни: «месяц», на второй сени — ShT: XLII; «день», на второй сени — ShT: XLVIII два раза, на третьей сени — ChT II: XIII *a-b* = ShT: XXV-XXVI, ShT: XXVIII; «утром, на третьей сени — ChT II: X = ShT: XXIV, ChT II: XII *b* = ShT: XXVI; «рано утром», на третьей сени — ChT II: XI *a*; «повседневно», на второй сени — ShT: XXXVII, XXXVIII, XL четыре раза, XLI, XLIV, XLVII = XLVIII, L, на третьей сени — ChT II: IX = ShT: против 70, ChT II: X = ShT: XXIV, ChT II: XI *a-b*, ShT: XXIV, XXXIII. Последнее выражение особенно показательное. Оно ведь значит дословно «солнце всякое», и слово «солнце» в нем то же самое слово, которое служило наименованием египетского солнечного божества — «Рэ». Тем не менее в выражении «повседневно», несмотря на то что оно столько раз выписано на каждой из двух сеней, ни змейка, ни значок жизни ни разу не приданы солнцу-кружку. Что это делалось неспроста, подтверждают два случая написания

⁴ Отмечено у: H. Schäfer. Ein Relief aus der Zeit Tutanchamuns // Berichte aus den Preussischen Kunstsammlungen (Berliner Museen). Jg. 49. B., 1928. S. 34-40.

⁵ Отмечен у: E. Drioton. Trois documents d'époque amarnienne // ASAE. T. 43, 1944. P. 37.

словосочетания «подобно Рэ, повседневно» на третьей сени. Оба слова «рэ» — в смысле небесного светила и в смысле дня — и оба знака, изображающие одинаково солнце в виде кружка, стоят непосредственно друг над другом, но первый знак сделан один раз в полтора, другой раз — в два раза больше второго (ChT II: X *b*, XIII *a* = ShT: XXV; сами по себе оба крупных знака умеренной величины, хотя вообще, особенно в слове «вековечность», знак солнца-кружка бывает на сени часто внушительных размеров — совсем как при Амен-хотпе IV, см. § 101). В том случае, где первый знак больше в полтора раза, ему в отличие от второго маленького кружка приданы еще змейка и значок жизни.

Вторая примечательная особенность, роднящая вторую и третью сени между собою, — это написание на каждой из них корня *мри* «любить» на солнцепоклоннический лад — знаком пруда вместо знака протока (см. § 104). Правда, как на той, так и на другой сени имеются примеры и иных написаний данного корня, с помощью знаков протока или мотыки, однако употребление также солнцепоклоннического написания, с помощью знака пруда, остается тем не менее примечательной особенностью этих двух сеней. С помощью знака пруда на второй и третьей сенях написано причастие совершенного вида от глагола «любить» в подзаголовке ко второму кольцу фараона «возлюбленный его (т. е. солнца)» — на второй сени один раз (ShT: L), на третьей сени пять раз (ChT II: IX = ShT: против 70, ChT II: X = ShT: XXIV, два раза, ChT II: XI *c*, XIII *b* = ShT: XXVI). [193]

Употребление на второй и третьей сенях правописания со знаком пруда обращает на себя внимание, потому что в дни Тут-анх-амуна, после его переименования, представляло явно большую редкость. Правда, я могу судить об этом только по изданным надписям, а большинство надписей на вещах из его гробницы еще не издано; не все также издания позволяют заключить об облике знака на подлиннике, так как некоторые из выполненных печатным набором или привычным почерком самого издателя могли заменить и иногда действительно заменяли «незакономерное» правописание с помощью знака пруда «закономерным» с помощью знака протока. Тем не менее число надписей, изданных так, что проверить правописание возможно, настолько значительно, что усомниться в малой употребительности правописания со знаком пруда при Тут-анх-амуне трудно. Помимо надписей на двух сенях мне известна всего лишь одна надпись, в которой после переименования царя в «Тут-анх-аму-на» глагол «любить» написан знаком пруда. Это — большая восстановительная надпись Тут-анх-амуна на плите из Эп-эсове. В конце этой надписи прозвание царя «возлюбленный его (т. е. солнца)» написано с помощью знака пруда (SNE I: 229; снимки — RTRPhAEA XXIX: против 168 и SNE I: LXX, строка 30). Однако в начале царствования, когда фараон был еще «Тут-анх-йотом», солнцепоклонническое правописание со знаком пруда находило более широкое применение. Во всяком случае, на полускладном кресле из гробницы Тут-анх-амуна, на котором он именуется еще «Тут-анх-йотом», его прозвание «возлюбленный его (т. е. солнца)» было написано во всех трех случаях с помощью знака пруда, а не протока (AAAE: CXLIX = GT: XVII = TST: XII). Видимо, дважды знаком пруда передан корень «любить» также на крышке ларца, надписанной, как и его ручка, еще при Семнех-ке-рэ, а не при «Тут-анх-амуне, Властителе Она Верховья», как стенки (TST: 109 + 72 + 107, AOr XXXVI: 109).

Вообще же в известных мне надписях времени Тут-анх-амуна по его переименованию принято досолнцепоклонническое правописание корня *мри* «любить» с помощью знака протока. Оно встречается четыре раза в гробнице наместника Коша Хойе в Нэ (THVNRT: XI, XIV, XXXVI, XXXVIII *G*), несколько раз на обломках гробницы будущего фараона Хар-м-ха в Мэн-фе (MDREN: LXXIV два раза, LXXV, HTES VIII: XXVII два раза), на плите градоначальника Нэ и правителя («везира») Уср-монта, вероятно, этого времени (TA: C1 3, строка 12), на изваянии Амуна с царем (VMPh: 28), два раза на маленьком изваянии царя (JEA XIV: VIII), на приборе для наблюдения звезд (MW: 7, ср. SEAPH: 385-386), на чаше (JEA XIV: VIII), на многих предметах из гробницы Тут-анх-амуна: на божнице (VMPh: IX *a*, И 1974 6: 64), на сени над вместилищем для внутренностей царя (ShT: IV, VMPh: XXXI), на кресле (TT I: LXI = T I: XLIX = TyT: XII = ShT: IV = GT: XLIX = GT: XVIII, два раза = [194] отчасти VMPh: XIV), на ларцах (TT I: L = LI = IT: XVII; TT I: LV =

TST: 125; TT III: XVI A = VMPh: 86, два раза; TT III: XVII B = VMPh: XLIX a, несколько раз; VMPh: L несколько раз), на щите (TT III: XLVII A = CT: XXX), на луке (TT I: LXXVI), на полуожерелье-полуповязке (TT III: XX B + 79 два раза), на перевязи с трупа (TT II: XXVII A = GT: XCI A), наконец, на самих второй и третьей надгробных сеньях (на второй — ShT: XLVI, на третьей — ShT: XXIX два раза).

Напротив, при Семнех-ке-рэ правописание с помощью знака пруда господствует почти безраздельно: в наименовании царя «Ми-нефр-шеп-рэ» («Возлюбленный Нефр-шепр-рэ») — на ларцах из гробницы Тут-анх-амуна (JEA XIV: 5 = AOr XXXVI: 13 1a, два раза = отчасти TTA: 168 CXCI = отчасти U18D: 2024; AOr XXXVI: 17 2a два раза), на перстнях (TEA: XV 92 = HE II⁷: 234, TEA: XV 93, SCN: XXXVII 2-3, ChE XLVIII: 244 B, C); в наименовании царя «Ми-ва-н-рэ» («Возлюбленный Ва-н-рэ») — на ларцах из гробницы Тут-анх-амуна (JEA XIV: 5 = AOr XXXVI: 13 1a, два раза = отчасти TTA: 168 CXCI = отчасти U18D: 2024; AOr XXXVI: 17 2a два раза), на перстнях и изложницах для них (KGN: XXIII 21, TEA: XV 94 [= HE II⁷: 234], 95, 96, CSBGF: 34 272 = X 272, CESBM I: 278 2690, 2692, ср. также 302 2869, SCN: XXXVII 4-5, JNES X: против 234, ChE XLVIII: 244 A, D, E, F); в наименовании царя «Ми-йот» («Возлюбленный Йота») — на украшении из гробницы Тут-анх-амуна (AOr XXXVI: 17 3); в имени жены фараона «Ми-йот» («Возлюбленная Йота») — в гробнице Ми-рэ, домоправителя, в Ах-йот (EA II: XLI), на ларцах из гробницы Тут-анх-амуна (JEA XIV: 5 = TTA: 168 CXCI = U18D: 2024 = AOr XXXVI: 13 1a; AOr XXXVI: 17 2a), на украшении оттуда же (AOr XXXVI: 17 2d), на перстнях (TEA: XV 106 = HE II⁷: 234, TEA: XV 107, SCN: XXXVI 54, 55, XXXVII 12). Перстни с именем Ми-йот должны быть времени после ее воцарения с Семнех-ке-рэ, так как с именами царевен, дочерей Амен-хотпа IV, не дошло иных перстней, как только с именем Ми-йот и именем Анхес-эм-п-йот, т. е. царевен, ставших царицами; о том же говорит придание знаку женщины, определителю имени, на всех перстнях (на TEA: XV 107 знак разрушен) «бича», а на одном еще и венчика (SCN: XXXVI 54), придатков, мало свойственных определителям имен солнцепоклоннических царевен, но хорошо засвидетельствованных для определителей имен солнцепоклоннических цариц, в частности самой царицы Ми-йот (JEA XIV: 5 = AOr XXXVI: 13 1a; AOr XXXVI: 17 2a); на одном перстне (SCN: XXXVII 12) у знака на голове, видимо, даже два пера — головной убор цариц. Исключение составляют перстень CESBM I: 278 2691, где в наименовании царя «Ми-ва-н-рэ» употреблен знак протока, и обломок плиты из Ах-йот CA III: CVII 3 = CVIII = AOr XXXVI: 13 1b, где слово «возлюбленный» в наименованиях царя «Ми-ва-н-рэ» и «Ми-эх-не-йот» передано в первом случае знаком мотыки, во втором — знаком протока. [195] Правописание плиты, однако, малопоказательно, так как титул Семнех-ке-рэ было проставлено на ней впоследствии взамен изглаженного титула побочной жены Амен-хотпа IV (см. гл. V) с приспособлением по возможности новых начертаний к прежним. Совсем не идет в счет, конечно, правописание наименований царя в скорописных кольцах в одной из гробниц в Нэ — оба раза со знаком мотыки (JEA XIV: V = U18D: 2024) — по той причине, что скорописи вообще свойственно правописание корня *мрй* «любить» с помощью знака мотыки, а не протока, не говоря уже об его заместителе — знаке пруда. Большинство из перечисленных примеров употребления знака пруда для корня *мрй* «любить» принадлежит более ранним годам царствования Семнех-ке-рэ, когда он звался еще «Нефр-нефре-йот» (см. гл. VIII). Таковы все написания на перстнях, а также на ларце из гробницы Тут-анх-амуна. Но то же правописание оставалось в употреблении и после того, как царь переименовал себя в «Семнех-ке-рэ», как то доказывает написание имени царицы Ми-йот в гробнице Ми-рэ, домоправителя. К каким годам царствования, более ранним или более поздним, относятся перстни с именем Ми-йот, решить невозможно.

Есть, наконец, еще одна особенность, общая второй и третьей надгробным сеньям Тут-анх-амуна. В надписях на той и другой уделено особое внимание солнцу. Кое-что из того, что говорится о нем, представляет лишь наследие прадедовского солнцепочитания, нечто такое, что новому солнцепоклонничеству в развитом его виде было чуждо. Кое-что могло быть одинаково хорошо порождено как старым, так и новым солнцепочитанием. Но имеется также кое-что такое, что является прямым и явным отголоском солнцепоклонничества Амен-хотпа IV. Именно эти, отдающие новым солнцепоклонничеством представления и обороты речи и составляют особенности надписей на второй и третьей сеньях. На первой и на четвертой сеньях они не встречаются вовсе, и притом не потому, что там не говорится о солнце. О нем

на первой и четвертой сених говорится немало, но только все в стародавнем духе. Теперь сопоставим места в надписях на второй и третьей сених, звучащие на новый солнцепоклоннический лад, со сходными местами в надписях времени Амен-хотпа IV, ограничиваясь при этом теми, которые не только по внутреннему своему смыслу, но и по самому способу выражения напоминают соответствующие места на второй и третьей сених.

На второй сени читаем: «Сказывание слов Ра-Хар-Ахтом: Восхожу я для тебя на небосклоне моем, чтобы освещать для тебя землю лучами его (! — „его" ошибочно вместо „моими"), царь (и) государь, владыка обеих земель Неб-шепр-рэ, (кому) дано жить вечно вековечно!» (ShT: L). Это живо напоминает слова Туту, обращенные им в гробнице к Амен-хотпу IV: «Восходит он (т. е. Йот) на небе, чтобы освещать для тебя - -» [196] (EA VI: XXI, строка 5), и слова Эйе: «Поклонение восходу твоему (т. е. Йота) на небе, чтобы освещать землю всякую красотой твоею» (EA VI: XXV, строка 2), а также обозначение Амен-хотпа IV в гробницах Ра-мосе, правителя в Нэ (TVR: XXXIV), Ми-рэ, жреца (EA I: VI = VIII), Хойе (EA III: XVII), Туту (EA VI: XX) и, возможно, *Пнчв* (EA IV: VI) в Ах-йот: «для коего восходит Йот» (в полной исправности только у Ра-мосе). Это обозначение звучит и в возгласе встречающих Хойе, наместника Коша, при его возвращении из дворца (THVNRT: XXIII = XXIX = U18D: 2072), возгласе, приписанном к соответствующему изображению в гробнице сановника в Нэ в царствование Тут-анх-амуна, но представляющем не более как сколок с тождественных восклицаний солнцепоклоннических вельмож. У Хойе, наместника: «Властитель добрый, сильный в выращивании, для коего восходит Рэ! Мног(ими владеет) вещами [знающий] дающего и [х! Рэ о]мыва[ет] (т. е. радуется) ... (читай: сердце) его», у Хойе, домоправителя: «Властитель добрый, сильный в выращивании, (для) коего [в]осходит Йот! [Мног(ими владеет) вещь]ми знающий дающего их! Йот омывает сердце его, фараона» и т. д., у Туту: «Властитель, для (коего) восходит Йот! Мног(ими владеет) вещами знающий... (читай: дающего их)», у Ра-мосе: «Йот омывает сердце его, властителя доброго, сильного в выращивании, для коего восходит Йот! Дай здравствовать фараону, Йот!», у Ми-рэ: «Выращивает он из поколения в поколение, властитель добрый, для (коего) восходит Йот! Будет он вековечно!», и возглас рядом: «Мног(ими владеет) вещами знающий дающего их! Йот омывает сердце его».

Как мы видели, в выражении «для коего восходит Йот» на второй сени солнцепоклонническое обозначение «Йот» было заменено стародавним обычным обозначением «Рэ». В приведенном затем возгласе из гробницы Хойе, наместника, наименование солнца «п-йот», т. е. слово «Йот» с определенным членом мужского рода, заменено тоже, видимо, как слишком солнцепоклонническое, обозначением «п-Рэ», т. е. именем «Рэ» с тем же определенным членом. На второй сени Тут-анх-амуна имеется коротенькая надпись: «Будет царь, сын Рэ (си п-Рэ), царь (и) государь, владыка обеих земель Неб-шепр-рэ Сетп-эн-рэ властителем вековечно вечно» (ShT: XXXVII). Обозначение «сын Рэ» с определенным членом перед словом «Рэ» обращает на себя внимание, и мы вряд ли ошибемся, сочтя это обозначение перепевом солнцепоклоннического прозвания царя — «сын Йота» (си п-йот), с заменой слова «Йот» словом «Рэ», с сохранением, однако, спереди определенного члена. «Сыном Йота» (си п-Йот) Амен-хотп IV назван в надписях несколько раз: EA II: IV, EA V: II, строка 10, EA VI: XXV, строка 15, XXXII *MID*, ср. также ZAeSA LXIV: IV = 114 = TTA: 145 CXXXVIII = MA: XXXIII, где, вероятно, было «сын [п-Йота], вышедший из [197] плоти его». Особенно примечательны два случая — EA V: II и EA VI: XXXII. В первом случае за словами «сын Йота» следует кольцо «Нефр-шепр-Рэ Ва-н-рэ», а во втором мы имеем словосочетание «царь, сын Йота», что живо напоминает надпись на второй сени.

На третьей сени находим еще более яркое солнцепоклонническое заявление: «Лучи Йота как прикрытие на тебе. Руки их со здоровьем (и) жизнью. Они для тебя как (нечто, сообщающее) целость, на плоти твоей, (и) молодеешь ты, как Рэ, вечно!» (ChT II: IX = ShT: против 70). Солнце здесь мыслится в том самом образе, в каком его представляли художники и сочинители при дворе Амен-хотпа IV. Солнце — круг (Йот) с ниспадающими лучами, кончающимися каждый кистью руки («руки их»), окутывающими и обнимающими царя и царицу и несущими им жизнь, которую на изображениях знаменует знак ее, вложенный в солнечные руки. «Лучи твои на сыне твоем; руки твои с тысячью тысяч празднеств

тридцатилетия (т. е. "тридцатилетних" годовщин) для царя (и) государя Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, твоего отрока, вышедшего из лучей твоих», — говорит солнцу Эйе (ЕА VI: XXV, строки 2-3), и Туту вторит: «Лучи твои на сыне твоём, возлюбленном твоём, а рука твоя с жизнью (и) процветанием» (ЕА VI: XV, строка 2) — и добавляет: «Лучи твои с тысячью тысяч празднеств тридцатилетия для сына твоего, живущего правдою, царя (и) государя Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» (ЕА VI: XV, строка 6). Тот же вельможа говорит: «Ты на небе, лучи твои на нем - - - владыке обеих земель Нефр-шеп[р]-рэ [Ва]-н-рэ» (ЕА VI: XV, строки 2-3). «Лучи твои на образе твоём славном, властителе правды, произошедшем от вековечности», — говорит Мойе (ЕА V: II, строка 4). П-рен-нуфе говорит: «Лучи твои с жизнью (и) процветанием, молодя плоть (его) повседневно» (ЕА VI: III, строки 6-7). На вторичных и на одной из третичных (см. § 41) пограничных плит Ах-йот повествуется: «Лучи Йота (были) на нем с жизнью (и) процветанием, молодя плоть его повседневно» (ЕА V: XXVII; на третичной плите В место испорчено). Сходное заявляет на первичных плитах (см. § 41) и сам фараон: «Полагает он их (т. е. свои лучи) на меня с жизнью (и) процветанием вековечно вечно» (плита К, строка 11 — ЕА V: XXIX = XXXVIII = ТТА: 112). То же утверждает, по-видимому, и двор: «Он по[лага]ет их (т. е. лучи) на Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» (ЕА V: XXIX = XXXVIII = ТТА: 108, строка 3).

На третьей сени читаем далее: «Ты сын его (т. е. солнца), вышел ты из плоти его, царь (и) государь, владыка обеих земель Неб-шепр-рэ правый голосом, сын Рэ от утробы его, владыка венцов Тут-анх-амун, Властитель Она Верховья, (кому) дано жить, длиться (и) процветать, как отец твой Рэ, повседневно» (СнТ II: XI b). «Сыном» солнца, «вышедшим из плоти» его, нередко величается и Амен-хотп IV на памятниках его [198] вельмож. Эйе молится: «Поднимаешь ты (т. е. солнце) их (т. е. подданных) для сына твоего, вышедшего из плоти твоей, царя (и) государя, живущего правдою, владыки обеих земель Нефр-[шепр]-рэ В[а-н]-рэ, сына Рэ, живущего правдою, владыки венцов Эх-не-йота, большого по веку своему, (и) жены царевой великой, возлюбленной его, владычицы обеих земель Нефр-нефре-йот Нефр-эт — жива она, молода она вечно вековечно!» (ЕА VI: XXVII, строка 13). «Воссияваешь ты в (?) [нем] (т. е. в небе) повсе[дневно], чтобы родить сына твоего, вышедшего из плоти твоей, царя (и) государя Не[фр-шепр]-рэ [В]а-н-[рэ]», — говорит Туту (ЕА VI: XIII + XXXIV). Мха заявляет: «Юг (и) север (принадлежат) сыну твоему, вышедшему из плоти твоей (в подлиннике описка: "всякой"), сыну Рэ, живущему правдою, владыке венцов Эх-не-йоту, большому по веку своему» (ЕА IV: XXVIII). Почти то же утверждает Ми-рэ, жрец: «Окружаемое тобою все под надзором его, твоего отрока, вышедшего из плоти [тв]оей, владыки обеих земель [Не]ф[р]-[шепр-рэ Ва-н]-р[э], (кому) дано [жить] - - -» (ЕА I: XLI; «твой отрок» — новоегипетский перевод среднеегипетского «сын твой»). «Славит (утром) тебя сын твой, вышедший из плоти твоей», — говорит Туту (ЕА VI: XV, строка 2) и затем снова заверяет: «Ты — вековечность, сын твой тоже, Ва-н-рэ, вышедший из плоти его» («его» по ошибке вместо «твоей»; ЕА VI: XV, строка 15). Нешт-мин озаглавливает свое обращение к царю: «Прославление царя, живущего [пр]авдою, владыки обеих земель [Нефр-шепр-рэ] Ва-н-рэ, сына [Йота], вышедшего из плоти его» (ZAcSA LXIV: IV = 114 = ТТА: 145 CXXXVIII = МА: XXXIII). При этом, заметим, в большинстве случаев, в четырех из семи, за словами «сын твой (или: "твой отрок", что то же самое), вышедший из плоти твоей» следует титул царя — совсем так, как на сени.

Нельзя, наконец, не отметить странную склонность к добавочным наименованиям в составе первого кольца царя, наблюдающуюся одинаково как на второй, так и на третьей надгробной сени. Имя Тут-анх-йота / Тут-анх-амуна «Неб-шепр-рэ» многократно встречается на перстнях вместе с теми или иными более или менее случайными его наименованиями: «Неб-шепр-рэ, властитель правды» (ТЕА: XV 113, 114, CSBGF: X 277 = 35 277), «Неб-шепр-рэ, властитель Она» (CESBM 1: 279 2700), «Неб-шепр-рэ, властитель Она Амон-Рэ» (CESBM 1: 279 2701), «Неб-шепр-рэ, сын (??) Амон-Рэ» (если знак хлеба счесть за искажение знака яйца, ТЕА XV 118), «Неб-шепр-рэ, избранный Амон-Рэ» (ТЕА: XV 121), «Владыка обеих земель (?) Неб-шепр-рэ, возлюбленный Амон-Рэ вековечно» (ВММА XVII: 172 = SK II: 293; ввиду произвольного расположения знаков последовательность слов не всегда бесспорна), «Неб-шепр-рэ, знамение Амон-Рэ» (ТЕА: XV 119), «Неб-шепр-рэ, знамение Амуна» (ТЕА: XV 120), «Неб-шепр-рэ, знамение Рэ» (ТЕА: XV 115), [199] «Неб-шепр-рэ, возлюбленный Птаха,

владыки неба» (или: «владыки правды», если знак неба счесть за искажение знака подножия божницы (?), S: XXXI 32). Во всех этих случаях, однако, имя «Неб-шепр-рэ» не заключено в кольцо, а стоит вместе с прочими обозначениями внутри ободка, которым обведена надпись. Внутри ободка помещена также надпись на пряжке пояса изваяния Тут-анх-амуна из Чэме в Нэ, содержащая помимо имени царя его звание «владыка обеих земель» и обозначение «возлюбленный Амон-Рэ» (TST: 199-200; EATh 1930/31: 52 — надпись на снимке нечетка). Имя царя здесь тоже не заключено в кольцо, и потому ни эта надпись, ни надписи на перстнях не могут служить примерами колец, содержащих еще что-то помимо имени «Неб-шепр-рэ». Кольца, заключающие вместе с именем царя еще иные его обозначения, имеются на писцовой дощечке слоновой кости и на нагрудном знаке из его гробницы, однако это не обычные кольца, так как помимо обозначений, которые могли входить в состав подлинного кольца, заключают звание «бог добрый»: «бог добрый Неб-шепр-рэ (*неб-шепр* не видно на снимках), возлюбленный Тховта», «бог добрый Неб-шепр-рэ, избранный Рэ, Амон-Рэ (так!)» (ТТ III: XXII B = ГТ: CXXIV = VMPh: IV a; ТТ II: LXXXIV c = ГТ: XCIX B = СГТ¹: 31 = СГТ²: 31). Настоящие кольца с именем «Неб-шепр-рэ» и добавочным обозначением внутри имеются на золотой перевязи с трупа Тут-анх-амуна, оба раза одинаковые по составу: «Неб-шепр-рэ, образ Рэ» (ТТ II: XXXIV C) и на полуожерелье-полуповязке из той же гробницы: «Неб-шепр-рэ, возлюбленный Сокера» (второе кольцо: «Тут-анх-амун, Властитель Она Верховья, возлюбленный Птаха»; ТТ III: XX B + 79). Эти кольца — единственные известные мне первые кольца Тут-анх-йота/Тут-анх-аму-на, содержащие кроме его имени «Неб-шепр-рэ» добавочное обозначение, если отвлечься от подобных колец на надгробных сених царя. Но и на сених такие кольца представлены хорошо всего лишь на двух: на второй и третьей; на четвертой сени первых колец с добавочными наименованиями нет вовсе (ShT: 45-68), на первой же сени — одно-единственное (ShT: 133-149), да и это единственное кольцо (ShT LIV + 147) не совсем того рода, что первые кольца с добавочными наименованиями на второй и третьей сених. Кольцо на первой сени, насколько можно судить по мелкому снимку, ничуть не растянуто в длину от добавления к имени «Неб-шепр-рэ» наименования «властитель правды». Знак скипетра для слова «властитель» и знак пера или подножия божницы (?) для слова «правда» расположены, видимо, по сторонам знака жука — среднего знака в стоячем кольце «Неб-шепр-рэ», т. е. таким же способом, как и на перстнях CSBGf: 35 277 = X 277 и TEA: XV 113 с тою же надписью «Неб-шепр-рэ, властитель правды». Напротив, на второй и третьей сених добавочные наименования неизбежно должны растягивать кольца в длину, так как вписаны не в [200] промежутки по бокам имени «Неб-шепр-рэ», а после него. Как на первой и четвертой, так и на второй и третьей сених имеется много первых колец, содержащих одно имя «Неб-шепр-рэ» без каких-либо добавлений, и все же кольца с добавлениями к нему на второй и третьей сених поразительно часты. В списке таких колец, который сейчас будет дан, в египетском начертании мне были доступны только те, ссылки на которые даны ниже по листам; о тех же кольцах, на которые я ссылаюсь, указывая страницы, мне было возможно судить только по переводу. На второй сени имелись, видимо, следующие первые кольца с добавочными наименованиями: «Неб-шепр-рэ, коего избрал Рэ», два раза (ShT: XXXVII, XLVII), «Неб-шепр-рэ, сотворенный (т. е. произведенный) Рэ» (ShT: 105), «Неб-шепр-рэ, наследник Рэ», три раза (ShT: 105 два раза, 110), «Неб-шепр-рэ, образ Рэ» (ShT: 99) — итого семь колец. На третьей сени таких колец еще больше: «Неб-шепр-рэ, коего избрал Рэ» (ChT II: IX = ShT: против 70), «Неб-шепр-рэ, коего возлюбил Рэ» (ChT II: IX = ShT: против 70), «Неб-шепр-рэ, возлюбленный Рэ» (ChT II: IX = ShT: против 70), «Неб-шепр-рэ, образ Рэ», четыре раза (ChT II: VI = ShT: XXXII, ChT II: IX = ShT: против 70, ChT II: XIII a), «Неб-шепр-рэ, возлюбленный Усире», два раза (ChT II: IX = ShT: против 70) — итого девять раз. При общей редкости первых колец Тут-анх-йота/Тут-анх-амуна с добавочными наименованиями обилие их на второй и третьей сених поразительно.

Итак, имеется ряд особенностей, общих второй и третьей сених: прозвание «живущий правдою» с добавлением или без добавления выражения «повседневное», множество знаков, изображающих солнце, которым придана змейка впрямь с подвешенным значком жизни или без него, написание корня *мрй* «любить» с помощью знака пруда, а не протока, обороты речи

и представления, явно отдающие солнцепоклонничеством Амен-хотпа IV, придача в первом кольце царя имени «Неб-шепр-рэ» добавочных наименований. Одних этих пяти особенностей было б довольно, чтоб прийти к мысли об отделке второй и третьей сеней в одно и то же время. Но есть еще одна общая черта у этих двух сеней, которая усугубляет значение перечисленных отдельных черт, потому что касается всех их вместе,— имею в виду одинаковое местонахождение, распределение их на той и на другой сени.

Прежде всего бросается в глаза разница между наружной и внутренней поверхностью как той, так и другой сени в отношении вышеназванных особенностей. В то время как снаружи обеих сеней они наблюдаются лишь в определенных местах, внутри они представлены в поразительном изобилии. Внутри второй сени как на ее стенках, так и на створках дверцы знаки, изображающие солнце, в принятых случаях почти всегда, и притом множество раз, снабжены змейкою и значком жизни [201] (ShT: XXXVIII-XLV); кроме того, на дверцах и на каждой из стен встречается по разу первое кольцо царя с добавочным наименованием (ShT: 99, 102, 105, 110). Внутри третьей сени змейка и значок жизни приданы солнечным знакам тоже во множестве мест и почти во всех принятых у солнцепоклонников случаях, притом как на стенках, так и на створках дверцы и на потолке (ChT II: IX = ChT: против 70, ShT: XXIV = не полностью ChT II: X, ChT II: XI *a-b-c*, XII = ShT: XXVIII, ChT II: XIII *a-b-c* = ShT: XXV + XXVI + XXVII; то, что ChT II: XII = ShT: XXVIII имеется всего только один солнечный знак, снабженный змейкою, не делает заднюю стенку исключением из общего правила, так как другого подходящего случая для придания змейки или значка жизни здесь вообще не представлялось).

Напротив, на наружных поверхностях обеих сеней солнечные знаки со змейкой и значком жизни встречаются обыкновенно только на окаймлениях стенок и дверок, на полотнищах же почти всегда отсутствуют (судить о положении дел на крышах сеней за отсутствием у меня воспроизведений надписей на них не могу). Единственное исключение составляет левая стенка второй сени, где и на полотнище имеются три знака солнца со змейкой и значком жизни, хотя большинство знаков, которые могли бы иметь эти придатки, лишено их (ShT: XLVII-XLXI = без одного случая ChT II: IV = ShT: против 120). На второй сени знаки солнца со змейкой и значком жизни встречаются на притолоке двери (ShT: XXXVII два раза; на косяках не представлялось подходящих случаев), на окаймлении вверху левой стенки (ShT: XLVII) и, возможно, справа (ShT: XXXVII, снимок нечеток; для окаймления слева не располагаю нужным снимком), несколько раз на окаймлении задней стенки слева (ShT: L; на окаймлении вверху и справа не представлялось случая для придатков); имеются ли змейки и значки жизни на боковых окаймлениях правой стенки — по доступным мне снимкам решить не могу (ShT: L); на окаймлении вверху придатков нет, и, пожалуй, их и нельзя было ожидать — знак Ра-Хар-Ахта со знаками небосклона над спиною сокола пишется на сени как будто повсюду без змеек и значков жизни (ShT: LII, ср. XLVII, L). На третьей сени знак солнца со змейкой и значком жизни встречается снаружи вполне определенно дважды на правом боковом окаймлении правой стенки (ShT: XXXIII) и один раз на притолоке дверцы (ShT: XXIX), затем, вероятно, два раза на боковом окаймлении справа левой стенки (ShT: XXIII). Были ли змейка и значок жизни на боковых левых окаймлениях правой и левой стенок — не могу сказать за отсутствием у меня сколько-нибудь отчетливых воспроизведений. Нет ни змейки, ни значка жизни у знаков солнца, у которых их можно было ожидать, на левом косяке дверцы (ShT: XXIX), на окаймлении вверху правой стенки (ShT: XXXIV) и дважды на окаймлении задней стенки (ChT II: VII = ShT: XXXIII); на [202] окаймлении вверху левой стенки для придания змейки и значка жизни не было подходящего случая (ChT II: VI = XXX-XXXII). Как было сказано, за исключением левой стенки второй сени (ShT: XLVII-XLVIII = без одного случая ChT II: IV = ShT: против 120), солнечные знаки со змейкой и значком жизни совершенно отсутствуют на полотнищах стенок снаружи обеих сеней. И происходит это отнюдь не потому, что там нет солнечных знаков или они стоят в таких написаниях, где придатки не употребительны. На правой (ChT II: II = ChT: против 128 = LI + LII + LIII) и задней (ShT: L) стенках второй сени и на правой (ChT II: VI = ShT: XXX + XXXI + XXXII) и левой (ChT II: VIII = ShT: XXXIV + XXXV + XXXVI) стенках третьей сени было довольно солнечных знаков, которым змейка и значок жизни

могли быть приданы, однако на деле приданы не были. Только на задней стенке третьей сени нет таких солнечных знаков, которым на сенях свойственно было иметь придатки (ChT II: VII = ShT: XXXIII). Но особенно существенно, как будет видно из дальнейшего, отсутствие змейки и значка жизни у солнечных знаков на наружных сторонах створок дверцы как второй, так и третьей сени. И это отсутствие тем показательнее, что на второй сени придатки могли быть тут у семи знаков (ShT: против 93, XLVI), на третьей сени — у четырех (ChT II: V = ShT: XXIX).

Сходное распределение по поверхности сеней наблюдается и для знаков пруда и протока, употребленных для написания корня *мрй* «любить». На второй сени знак пруда употреблен в этом значении всего один раз — снаружи задней стенки на левом боковом окаймлении, т. е. там же, где знаку солнца приданы змейка и значок жизни (ShT: L). Снаружи третьей сени знак пруда со значением *мр*, насколько могу судить, не употреблен ни разу (надписи на крыше мне доступны только в переводе). Зато внутри, где изобилуют солнечные знаки с придатками, он встречается почти повсеместно: на каждой из створок дверцы (ChT II: X = ShT: XXIV), дважды на правой стенке (ChT II: XIII *a* = ShT: XXV, ChT II: XIII *b* = ShT: XXVI), на левой стенке (ChT II: XI *c*), на потолке (ChT II: IX = ShT: против 70). Напротив, знак протока со значением *мр* употреблен на створках дверцы снаружи второй сени, где и знак солнца семикратно выписан без змейки и значка жизни — в семи случаях, в которых мог бы их иметь (ShT: против 93, XLVI). Снаружи третьей сени знак протока в том же значении применен на каждом из косяков дверцы (ShT: XXIX), на одном из которых знак солнца не имеет придатков, равно как — что существенно — на самой дверце, притом в четырех подходящих для придатков случаях (ShT: XXIX = отчасти ChT II: V).

Употребление прозвания «живущий правдою» с добавлением выражения «повседневно» или без него ограничено теми же местами сеней, что и применение солнечных знаков со змейкой и значком жизни и знака пруда со значением *мр*. На второй [203] сени прозвание «живущий правдою повседневно» встречается снаружи на окаймлениях: на левом косяке дверцы, на котором, как и на противоположном правом косяке, царское титуло начинается солнцепоклонническим званием «властитель добрый» (ShT: XXXVII, см. § 114), и вверху левой стенки, где знаку солнца приданы змейка и значок жизни (ShT: XLVII). На третьей сени прозвание «живущий правдою» употреблено по разу на каждой створке дверцы с внутренней их стороны, где тоже на каждой створке имеются знаки солнца со змейкой и значком жизни и знак пруда со значением *мр* (ChT II: X = ShT: XXIV). Сходным образом распределены по обеим сеням и первые кольца царя, содержащие кроме имени еще добавочное наименование: они встречаются главным образом внутри сеней, а снаружи лишь на окаймлениях стенок и дверцы. Внутри второй сени, где во множестве представлены знаки солнца со змейкой и значком жизни, такие кольца встречаются по разу на окаймлении правой стенки справа (ShT: 102 — сужу по переводу), на окаймлении левой стенки слева (ShT: 110 — сужу по переводу), два раза на окаймлении вверху задней стенки (ShT: 105 — сужу по переводу) и еще раз на правом косяке дверцы (ShT: 99 — сужу по переводу). Снаружи второй сени первые кольца с добавочными наименованиями находятся на окаймлении левой стенки вверху (ShT: XLVIII) и справа (ShT: XXXVII), в первом случае вместе с солнечным знаком, снабженным придатками, и прозванием «живущий правдою повседневно», во втором — вместе с обозначением царя, отдающим солнцепоклонничеством Амен-хотпа IV (см. выше), и, возможно, одним или двумя знаками с придатками (снимок нечеток), затем еще на левом окаймлении правой стенки (ShT: L + 120), окаймлении, перекликающемся в отношении написания знака Ра-Хар-Ахта с наружной поверхностью левой стенки, где знакам солнца в трех случаях приданы змейка и значок жизни (ShT: XLVII-XLVIII = без одного случая ChT II: IV = ShT: против 120), и окаймлением задней стенки внутри справа, где имеются и солнечные знаки с придатками, и знак пруда со значением *мр*, и отзвуки солнцепоклонничества Амен-хотпа IV (ShT: L; о знаке Ра-Хар-Ахта см. ниже). На третьей сени первые кольца царя, содержащие помимо имени «Неб-шепр-рэ» еще добавочное наименование, встречаются внутри ее семь раз на потолке (ChT II: IX = ShT: против 70) вместе с шестью знаками солнца со змейкой и значком жизни, знаком пруда для *мр* и пожеланием в духе солнцепоклонничества

Амен-хотпа IV и, кроме того, на окаймленииверху правой стенки (ChT II: XIII a = ShT: XXV), на которой солнечные знаки несколько раз снабжены змейкой и значком жизни и корень *мрй* «любить» дважды написан с помощью знака пруда (ChT II: XIII a-b-c = ShT: XXV-XXVII). Снаружи третьей сени первое кольцо с добавочным наименованием находится на окаймленииверху левой стенки (ChT II: VI = ShT: [204] XXXII); на окаймлении по правому ее краю солнечным знакам как будто раза два приданы змейка и значок жизни (ShT: XXIII).

Обороты речи и представления, отдающие солнцепоклонничеством Амен-хотпа IV, встречаются опять-таки внутри, а снаружи только на окаймлениях. На второй сени подобные обороты речи и представления встречаются снаружи на окаймлениях: на левой стенке справа (ShT: XXXVII), посреди которой и на окаймлении имеются солнечные знаки со змейкой и значком жизни (ShT: XLVII-XLVIII = без одного из трех случаев ChT II: IV = ShT: против 120),верху же на окаймлении вместе с таким знаком еще прозвание «живущий правдою повседневно» (ShT: XLVII-XLVIII) и, кроме того, на окаймленииверху и на самом правом окаймлении левой стенки, первые кольца царя с добавочным наименованием каждое; затем на задней стенке справа (ShT: L) вместе с солнечными знаками, снабженными змейкой и значком жизни, и знаком пруда со значением *мр*. На третьей сени заявления в духе солнцепоклонничества Амен-хотпа IV помещаются внутри: на потолке (ChT II: IX = ShT: против 70), на котором шесть знаков солнца снабжены придатками, знак пруда употреблен в значении *мр*, а семь первых колец содержат добавочные наименования, далее на левой стенке (ChT II: XI b), на которой множество солнечных знаков с придатками (ChT II: XI a-b-c) и употреблен знак пруда для корня *мри* (ChT II: XI c).

Наконец, и заявления в духе солнцепоклонничества Амен-хотпа IV оказываются на той и на другой сени ограниченными теми же местами, в которых наблюдаются прочие особенности, т. е. внутренними поверхностями и окаймлениями наружных. На второй сени оба заявления находятся снаружи на боковых окаймлениях стенок, именно левой (ShT: XXXVII) и задней (ShT: L), в первом случае вместе с кольцом, содержащим кроме имени «Неб-шепр-рз» добавочное наименование, и, возможно, также со знаком солнца с придатками (на окаймленииверху не только первое кольцо царя с добавочным именем, а знак солнца со змейкой и значком жизни, но имеется еще прозвание «живущий правдою повседневно», ShT: XLVII-XLVIII). На третьей сени оба солнцепоклоннических заявления в духе Амен-хотпа IV помещаются внутри ее: одно — на потолке (ChT II: IX = ShT: против 70), другое — на левой стенке (ChT II: XI b), в первом случае — в окружении знаков солнца со змейкой и значком жизни, знака пруда со значением *мр* и целых семи первых колец с добавочным наименованием, во втором случае — вместе со многими солнечными знаками, снабженными придатками (ChT II: XI a-b-c), и со знаком пруда со значением *мр* (ChT II: XI c).

Чрезвычайно любопытно, что на второй сени распределение перечисленных особенностей по ее поверхности совпадает с [205] распределением по ней написаний сложного знака Ра-Хар-Ахта. Этот знак пишется на второй сени то в виде сокола с солнцем на голове и двумя значками небосклона — солнца в горной седловине — за спиной, то в виде сокола тоже с солнцем на голове, но с двумя островками за спиной. Первое написание — единственно употребительное при Амен-хотпе IV в ранних солнечных кольцах и вне их в их пору (см. § 19), второе — обычное при Амен-хотпе IV до введения солнечных колец (см. § 3, 11). Первое написание было известно, но малоупотребительно до Амен-хотпа IV и как распространившееся и ставшее общепринятым при нем с появлением ранних солнечных колец является особо солнцепоклонническим, второе написание, обычное до Амен-хотпа IV и в первые многобожеские годы его царствования, особо солнцепоклонническим ни в коем случае не является. И вот первое — солнцепоклонническое — написание употреблено по разу на окаймленииверху правой стенки снаружи ее (ShT: LII) и на наружном же окаймлении по правому краю задней стенки (ShT: L), затем на самой левой стенке, на полотнище ее (ShT: XLVII), составляющем, как было сказано выше, исключение из общего правила по части употребления солнечных знаков с придатками (ShT: XLVII-XLVIII = ChT II: IV). В первом случае знаку Ра-Хар-Ахта на верхнем окаймлении соответствуют на окаймлениях по бокам стенки

первое кольцо царя с добавочным наименованием (ShT: L + 120) и, возможно, знаки солнца с придатками (ShT: L — снимок слишком мелок). Во втором случае написанию сопутствуют знаки солнца со змейкой и значком жизни, знак пруда со значением *мр* и заявление в духе солнцепоклонничества Амен-хотпа IV (ShT: L). В третьем случае вместе со знаком Ра-Хар-Ахта употреблены два знака солнца со змейкой и значком жизни (ShT: XLVII-XLVIII = ChT II: IV = ShT: против 120). Напротив, на правой створке дверцы снаружи знак Ра-Хар-Ахта два раза написан с островками за спиной (ShT: XLVI), но и окружение его совсем иное, чем на окаймлениях. На той же створке знак солнца трижды лишен придатков там, где они могли бы быть, а на другой створке даже четырежды. Кроме того, на правой створке корень *мри* «любить» написан с помощью знака протока, а не пруда (ShT: XLVI). С островками за спиной сокола знак Ра-Хар-Ахта написан один раз на четвертой сени (ChT II: XVIII = ShT: XX), на которой ни одна из отмеченных нами особенностей, отличающих вторую и третью сени, никак не представлена, если не считать единичного случая придачи солнечному знаку змейки и значка жизни (ChT II: XV = ShT: XIX), случая совершенно непоказательного, так как на четвертой сени представлялось достаточно случаев для придания солнечным знакам змейки и значка жизни. На третьей сени, именно внутри ее, т. е. там, где безраздельно господствуют «особенности», слово «Ра-Хар-Ахт» выписано трижды способом хотя и отличным от наблюдающегося на второй [206] сени, однако все-таки не с островками, а со знаком небосклона — знаком солнца в горной седловине (знак небосклона + знак хлеба *т* + две черточки *й* + два определителя дома; на правой стенке — ChT II: XIII *b-c* = ShT: XXVII, на левой стенке — ChT II: XI *a-b*).

Особенно наглядно сходство между второй и третьей сенями в отношении различной отделки определенных их частей прослеживается на дверцах. С внутренней стороны на дверцах солнечным знакам во всех принятых случаях приданы змейка и значок жизни, то же наблюдается на внутренней поверхности косяков третьей сени (для второй сени я не располагаю снимками надписей на косяках внутри сени). Кроме того, на внутренней поверхности створок дверцы третьей сени встречаются дважды знак пруда со значением *мр* и прозвание «живущий правдою» (ChT II: X = ShT: XXIV), а на правом косяке внутри второй сени — первое кольцо царя с добавочным наименованием (ShT: 102 — сужу по переводу). Снаружи ни в случае второй, ни в случае третьей сени на створках дверцы ни одному солнечному знаку не приданы ни змейка, ни значок жизни, хотя случай для того на дверце второй сени представлялся до четырех раз (ChT II: V = ShT: XXIX), а на дверце третьей сени даже до семи раз (ShT: против 93, XLVI). Кроме того, снаружи на правой створке дверцы второй сени корень *мри* «любить» написан с помощью знака протока, а не пруда и в знаке Ра-Хар-Ахта за спиной у сокола не значки небосклона, а два островка (ShT: XLVI). Знак протока со значением *мр* употреблен по разу и на каждом косяке дверцы снаружи третьей сени (ChT II: V = ShT: XXIX; у второй сени косяки надписаны снаружи в том же духе, что и изнутри: на каждом царь дважды назван «властителем добрым» (см. § 114), а на левом еще «живущим правдою повседневно», ShT: XXXVII, 117-118). На притолоках, как у той, так и у другой сени, знаку солнца одинаково приданы змейка и значок жизни, на второй сени дважды (ShT: XXXVII), на третьей сени один раз (ShT: XXXIX).

Итак, вторая и третья надгробные сени Тут-анх-амуна не только отличаются от двух других его сеней определенными одинаковыми особенностями своих надписей, но являют также на своих поверхностях одинаковое распределение надписей, эти особенности содержащих, и надписей, этих особенностей лишенных. Поэтому вряд ли возможно сомневаться в одинаковом и одновременном происхождении второй и третьей сеней. Единственно, что можно еще допустить, — это немного более позднее завершение третьей сени по сравнению со второй. Такое допущение возможно и даже уместно ввиду того, что снаружи второй сени особенности встречаются на окаймлениях едва ли не повсюду, где представлялась для того возможность (ShT: XXXVII, XLVII, L, L + 120, ср. также ShT: LII (знак Ра-Хар-Ахта со значками небосклона) и ShT: XXXVII, 117-118 (звание [207] «властитель добрый»)), более того, дважды на полотнище левой стенки (ShT: XLVII-XLVIII = против 120 = ChT II: IV;

ср. также знак Ра-Хар-Ахта со значками небосклона, ChT II: IV = ShT: против 120 = XLVII). Напротив, снаружи третьей сени не только все полотнища стенок, но также некоторые окаймления, в особенности спереди (ChT II: V = ShT: XXIX) и сзади (ChT II: VII = ShT: XXXIII), определенно лишены особенностей. Но если работы над отделкой второй и третьей сеней протекали совершенно одинаково в одном и том же месте и одновременно или почти одновременно, то не должно ли наблюдение Р. Энгельбаха о первоначальной принадлежности второй сени Семнех-ке-рэ иметь силу также для третьей сени? Допустить это тем легче, что свое наблюдение о переделке колец Тут-анх-амуна из колец Семнех-ке-рэ Р. Энгельбах сделал как раз по надписям внутри второй сени, надписям, полным теми самыми занимавшими нас особенностями, которыми полны в равной, если только не в большей, мере надписи внутри третьей сени. Но есть еще другие, в том числе весьма веские и недвусмысленные указания на принадлежность Семнех-ке-рэ первоначально не только второй, но и третьей сени.

Тем же Р. Энгельбахом и в той же статье, где изложены, к сожалению только мимоходом, его наблюдения над второй сенью, были прочтены на золотых гробиках для внутренностей Тут-анх-амуна переделанные в его кольца кольца Семнех-ке-рэ: «Анх-шепр-рэ Ме-н-ва-н-рэ» и «Нефр-нефре-йот (+ наименование?)» (ASAE XL: 137). Вопреки Г. Рёдеру, не усматривавшему переделки колец на гробиках (ZAeSA LXXXIII: 71), Х. В. Фэрмэн со всею решительностью подтвердил наблюдение Р. Энгельбаха (JEA XLVII: 39(1)). Но уже самый снимок внутренних поверхностей одного из гробиков, изданный Р. Энгельбахом и наглядно показывающий разницу в выполнении колец и окружающей надписи (ASAE XL: XXIII), способен рассеять всякое сомнение у читателя статьи Р. Энгельбаха в правильности его заключения. И вот между надписями внутри этого золотого гробика, предназначавшегося некогда для внутренностей Семнех-ке-рэ, и надписями внутри второй и третьей сеней, равно как и надписями на их наружных окаймлениях, оказывается престранное сходство не только по духу их и по способу выражения, но и по самому начертанию: внутри гробика на ряде знаков, изображающих солнце, заметны те самые змейка впрямь и значок жизни, которые так отличают надписи внутри второй и третьей сеней и по их краям снаружи! И любопытно, что снаружи надписи на гробиках, видимо, все — ни в чем не переделанные, искони предназначавшиеся для Тут-анх-амуна, подобно большинству, основному количеству надписей снаружи обеих сеней, лишенному отмеченных нами особенностей (надписи снаружи гробика TT III: LIV, GT: CX, ShT: IX, VMPh: XXXIV, TST: 152 тоже лишены этих особенностей, однако здесь для них не представлялось [208] подходящего случая). Таким образом, надписи внутри второй и третьей сеней и по краям их снаружи вместе с внутренними поверхностями гробика (или гробиков) одни только как будто среди всего множества памятников времени Тут-анх-амуна обнаруживают заметное количество солнечных знаков со змейками и значками жизни. И если внутри гробиков и второй сени кольца Тут-анх-амуна были переделаны из колец Семнех-ке-рэ, то не для Семнех-ке-рэ ли предназначались первоначально и надписи внутри третьей сени?

Р. Энгельбах читал под кольцами Тут-анх-амуна в гробиках для внутренностей кольца Семнех-ке-рэ в таком составе: «Анх-шепр-рэ Ме-н-ва-н-рэ» и «Нефр-нефре-йот (+ наименование?)». Первое кольцо Семнех-ке-рэ из двух имен, точнее, имени и наименования было, естественно, длиннее первого кольца Тут-анх-амуна с одним именем «Неб-шепр-рэ» примерно в полтора раза, т. е. как раз на величину добавочного наименования, объявлявшего Семнех-ке-рэ любимцем Амен-хотпа IV. Как мы видели, первым кольцам Тут-анх-амуна было вообще мало свойственно помимо имени «Неб-шепр-рэ» заключать еще какое-нибудь наименование. Так не вызвано ли поразительное обилие колец, содержащих кроме имени «Неб-шепр-рэ» еще добавочное наименование, на второй и третьей сенях именно тем, что здесь короткому имени «Неб-шепр-рэ» было трудно заполнить одним собою в полтора раза более длинное кольцо Семнех-ке-рэ и потому имени «Неб-шепр-рэ» охотно придавали добавочное наименование? В тех случаях, где на частях сеней, отличающихся особенностями, кольца сейчас содержат одно имя «Неб-шепр-рэ», первые кольца Семнех-ке-рэ могли быть или без добавочного наименования, или заполнены более убоисто.

Но имеется, наконец, и прямое указание на первоначальную принадлежность третьей сени Семнех-ке-рэ. Внутри ее на левой стенке читается такая надпись: «Сказывание слов *Дв'мт.ф*: Я — сын твой Хор, возлюбленный твой, защитил (я) отца (своего) Усире, царя, владыку обеих земель Неб-шепр-рэ, правого голосом (т. е. покойного) от сотворившего зло ему. Пришел (я), (да) дам (я) его под ноги твои (на) вечность. Есть (ты) царь, живой проявлениями. Соединишься ты с Рэ в вечерней ладье, будешь плыть ты с ним в ладье тысячи тысяч (лет). Ты — сын Ра-Хар-Ахта, поборник того, кто в небе. Ты (будешь) повергать ему противников его повседневно, Усире, царь, владыка обеих земель Неб-шепр-рэ, сын Рэ, Тут-анх-амун, Властитель Она Верховья — жив он вечно!» (СнТ II: XI *b*). Слова «Есть (ты) царь, живой проявлениями» выглядят в подлиннике так:

ЙВ М Н(Й)-СВТ ^сНХ ХПРВ

После первого слова пропущено подлежащее — местоимение, которое должно было быть, несомненно, 2-го лица, единственного [209] числа, мужского рода. Как можно усмотреть из перевода, не только что настоящей, но вообще никакой необходимости в подобном заявлении в данной связи и в данном месте не было. Более того, заявление о «царе, живом проявлениями», звучит настолько необычно и странно, что для сочинения его должна была быть особая причина. Далеко искать ее не приходится. Стоит только вспомнить первое кольцо Семнех-ке-рэ: «Анх-шепр-рэ» — «Живой проявлениями — Рэ». Что надпись намекает на это имя царя, представляется бесспорным, и тем самым принадлежность третьей сени Семнех-ке-рэ, пожалуй, очевидна. В надписи внутри гробика для внутренностей, предназначавшейся первоначально для Семнех-ке-рэ, сказано также: «Будешь жить ты в проявлениях, облюбленных тобою» (*T. Buckley, E. F. Wente, I. E. S. Edwards, L. Boltin. Treasures of Tutankh-amun*⁴, N, Y., 1978. P. 157).⁺

С этим великолепно согласуется природа тех особенностей, которые наблюдаются внутри второй и третьей сеней и по краям их снаружи. Ведь особенности эти, если даже отвлечься от колец с добавочными наименованиями,— прямые пережитки солнцепоклоннической письменности Амен-хотпа IV. Мы потому и находим их в таком изобилии на определенных частях обеих сеней, что эти части отделялись вскоре после Амен-хотпа IV, т. е. при Семнех-ке-рэ или самое позднее при Тут-анх-йоте (после переименования Тут-анх-йота в Тут-анх-амуна солнечные знаки со змейками и значками жизни или знак пруда со значением *мр* являются в надписях большой редкостью).

Было бы, конечно, чрезвычайно желательно в связи со всем изложенным произвести новое тщательнейшее обследование колец на самих сенях для окончательного установления, где кольца были переделаны, а где не подвергались изменениям. Однако самая принадлежность третьей, а с нею вместе и второй сени первоначально царю Семнех-ке-рэ представляется едва ли не бесспорной. Но и в том случае, если б проверка по подлиннику не обнаружила переделок колец на третьей сени, что кажется ввиду всего сказанного совершенно невероятным, слова о «царе, живом проявлениями», все равно доказывали бы, что если не сама сень, то написанное на ней предназначалось первоначально для Семнех-ке-рэ, было выполнено по прописям, рассчитанным на него.

Если при новой тщательной проверке состояния колец на второй и третьей сенях окажется, что кольца подвергались переделке одинаково внутри и снаружи, иначе повсюду на этих двух сенях, то придется признать, что они были целиком изготовлены и отделаны при Семнех-ке-рэ. Если же окажется, что кольца на второй и третьей сенях были переделаны только там, где наблюдаются отмеченные нами особенности, надо будет признать, что при Семнех-ке-рэ были отделаны только те поверхности сеней, на которых эти особенности встречаются, прочее же было отделано уже при Тут-анх-амуне. В последнем случае ко времени свержения или смерти Семнех-ке-рэ его надгробные сени были бы еще далеко не доделаны, и это могло бы объяснить, почему они не были использованы при его погребении, но после доделки уже на имя Тут-анх-амуна попали в его [210] гробницу. Однако можно

⁺ Последнее предложение в книге помещено на стр. 295 и обозначено как добавление к этому месту.

сказать кое-что и в пользу первой возможности. Р. Энгельбах не сообщает, какие именно имена Семнех-ке-рэ были обнаружены им внутри и спереди второй сени под позднейшими кольцами Тут-анх-амуна, можно ли было прочесть изглаженное или удалось лишь установить, что кольца Тут-анх-амуна были привнесены впоследствии (ASAE XL: 138). На золотых же гробиках для царских внутренностей Р. Энгельбах прочел под позднейшими кольцами Тут-анх-амуна имена Семнех-ке-рэ, которые, как мы видели, должны быть приурочены к первым годам его царствования: «Анх-шепр-рэ Ме-н-ва-н-рэ» и «Нефр-нефре-йот (+ наименование?)» (ASAE XL: 137). Первые кольца Тут-анх-амуна на второй и третьей сенях, содержащие помимо имени «Неб-шепр-рэ» еще добавочное наименование и стоящие в местах, которые можно считать отделанными при Семнех-ке-рэ, являются, как мы видели, по всей вероятности, отголоском первых колец Семнех-ке-рэ с добавочными наименованиями, т. е. тоже более ранних колец его. Следовательно, если отделка двух сеней продолжалась в последующие годы царствования Семнех-ке-рэ, когда его первые кольца уже не содержали добавочных наименований, то части сеней, не содержащие солнцепоклоннических особенностей, могли быть отделаны в последние годы царствования, когда солнцепоклоннические обозначения исчезли из колец царя.

Изучение надписей на второй и третьей надгробных сенях из гробницы Тут-анх-амуна заняло у нас много времени, однако жалеть об этом нам не придется. Если большая часть надписей на этих сенях действительно первых лет царствования Семнех-ке-рэ, в наших руках оказывается превосходный источник для выяснения представлений, господствовавших при дворе в переходное время от исключительного и нетерпимого солнцепоклонничества последних лет Амен-хотпа IV к окончательному, полному восстановлению старого многобожия при Тут-анх-амуне. И значение этого источника не только в том, что он показывает нам, до какой степени многобожие уже вновь овладело умами при дворе Семнех-ке-рэ и как причудливо оно сочеталось тогда с остатками солнцепоклонничества Амен-хотпа IV. Надписи с особенностями на второй и третьей сенях позволяют также уловить своеобразие самого солнцепоклонничества Семнех-ке-рэ, которое, не будучи солнцепоклонничеством Амен-хотпа IV, не было, однако, и обыкновенным египетским солнцепочитанием, существовавшим до и после переворота. Но взглядами, отраженными в надписях на второй и третьей сенях, мы займемся немного позже, сейчас же возвратимся к отправной точке наших изысканий, касательно обеих сеней — к прозванию «живущий правдою».

После всего сказанного о второй и третьей надгробных сенях Тут-анх-амуна можно считать, что и на них прозвание «живущий правдою» или с добавлением «живущий правдою [211] повседневно» принадлежало по-настоящему не Тут-анх-амуну, а Семнех-ке-рэ. При этом надо отметить любопытную особенность употребления этого прозвания. Как на одной, так и на другой сени оно неизменно предшествует первому кольцу, хотя подзаголовком к нему (см. § 64) служит лишь в одном из четырех случаев. Это тем примечательнее, что в тех же самых надписях, тут же, рядом, второму кольцу тоже предпосланы подзаголовки, однако совсем иные: помимо звания «владыка венцов» прозвание «от утробы его» и прозвание «возлюбленный его» (т. е. солнца). На второй сени читаем в одной строке на косяке: «Властитель добрый, подобие Рэ, *живущий правдою повседневно*, царь (и) государь (кольцо), сын Рэ, *возлюбленный его*, владыка венцов (кольцо), возлюбленный Усире, властителя вечности» (ShT: XXXVII), в другой же строке: «Властитель добрый, Рэ во плоти своей (т. е. сам Рэ), царь (и) государь (кольцо), сын Рэ *от утробы его*, владыка венцов (кольцо), возлюбленный Усире, бога большого» (ShT: XXXVII) и затем в ином месте: «Бог добрый, вышедший из Рэ, яйцо горазое Атома, *живущий правдою повседневно*, царь (и) государь, владыка обеих земель (кольцо), сын Рэ *от утробы его*, возлюбленный его, владыка венцов (кольцо), возлюбленный Усире Вен-нофре, бога этого, владыки Р'-сч'в (т. е. кладбища в Мэнфе)» (ShT II: XLVII-XLIX). На третьей сени читаем: «Ты — сын его (т. е. Рэ), *живущий правдою*, владыка обеих земель (кольцо), сын Рэ *от утробы его*, возлюбленный его (кольцо)» (ChT II: X = ShT: XXIV), а на другой створке двери: «Царь (и) государь, владыка обеих земель (кольцо), сын Рэ, *возлюбленный его* (кольцо)» и в конце

надписи: «Царь (и) государь, владыка обеих земель, *живущий правдою*, (кольцо), (кому) дано жить вечно» (ChT II: X = ShT: XXIV). Прозвания «от утробы его» и «возлюбленный его» встречаются неоднократно на второй и третьей сенях как подзаголовки ко второму кольцу царя также вне связи с прозванием «живущий правдою» или «живущий правдою повседневно». В нижеследующий перечень включены только случаи, приходящиеся на надписи с «особенностями». К числу таких надписей отнесены также те, которые доступны мне лишь в переводах и потому не могут быть обследованы в отношении всех особенностей, однако тем не менее находятся на тех частях сеней, где такие особенности или ожидаются, или частично улавливаются даже в переводе. В последнем случае имеются в виду надписи на крыше второй сени, которые и по числу, и по расположению своему между, по сторонам и внизу восьми изображений коршунов в точности соответствуют находящимся внутри сени на потолке и, кроме того, многократно заключают внутри первых колец царя помимо имени «Неб-шепр-рэ» еще добавочное наименование (см. выше; ShT: 114-116). На второй сени второму кольцу царя предпосланы слова «сын Рэ от утробы его, возлюбленный его, владыка венцов» внутри на потолке [212] (ShT: 97 два раза, 98 два раза — всё по переводу) и справа на левой стенке (ShT: 110 — по переводу), также вверху левой стенки снаружи (ChT II: IV = ShT: XLVIII), слова «сын Рэ от утробы его, возлюбленный его» — внутри на потолке (ShT: 97 — по переводу) и на задней стенке (ShT: 106 — по переводу), снаружи на левой стенке на окаймлении слева (ShT: 127 — по переводу) и на задней стенке на окаймлении слева же (ShT: L), слова «сын Рэ от утробы его» — внутри на задней стенке (ShT: 105 — по переводу), снаружи спереди на правом косяке (ShT: 117 — по переводу), на правой стенке на окаймлении справа (ShT: L два раза) и на задней стенке на окаймлении справа же (ShT: L), слова «сын Рэ, возлюбленный его» — снаружи спереди на правом косяке (ShT: 118 — по переводу). На третьей сени второму кольцу царя предпосланы слова «сын Рэ от утробы его, возлюбленный его, владыка венцов» внутри на левой стенке (ChT II: XI a) и снаружи на крыше (ShT: 90 два раза — по переводу), слова «сын Рэ от утробы его, возлюбленный его» — внутри на правой стенке (ChT II: XIII a-b-c = ShT: XXV-XXVII, всего три раза) и на левой стенке (ChT II: XI c), снаружи на крыше (ShT: 91 — по переводу), слова «сын Рэ от утробы его, владыка венцов» — внутри на потолке (ChT II: IX = ShT: против 70) и на левой стенке (ChT II: XI b), слова «сын Рэ от утробы его» — внутри на потолке (ChT II: IX = ShT: против 70) и на правой стенке (ChT II: XIII b = ShT: XXVI), снаружи на крыше (ShT: 90 — по переводу), слова «сын Рэ, возлюбленный его, владыка венцов» — внутри на потолке (ChT II: IX = ShT: против 70), слова «сын Рэ, возлюбленный его» — внутри на потолке (ChT II: IX = ShT: против 70, три раза) и снаружи на крыше (ShT: 90 — по переводу). Таким образом, если прозвание «живущий правдою» или «живущий правдою повседневно» включалось в титул Семнех-ке-рэ, то только перед первым кольцом. Перед вторым же кольцом употреблялись иные подзаголовки, именно «от утробы его» и «возлюбленный его», если не считать звания «владыка венцов», употребительного одинаково в любых случаях. [213]

СОЛНЕПОКЛОННИЧЕСТВО СЕМНЕХ-КЕ-РЭ

Менее всего об изменениях в солнцепочитании и связанных с ним представлениях сообщают, естественно, те памятники, на которых Семнех-ке-рэ представлен солнцепоклонником в духе своего предшественника. В самом деле, какое, хотя бы самое малое, нарушение обыкновений нетерпимого солнцепоклонничества последних лет Амен-хотпа IV можно заметить на изображении его преемника и дочери, присутствующих при награждении домоправителя Ми-рэ в его гробнице в Ах-йот (ЕА II: XLI)? Все так же сияет солнце над царской четою, ниспосылая на нее свои руки-лучи, все так же, как прежде, по бокам солнца начертано по его титулу позднейшего вида (VII-го, см. § 40), и все так же большим солнечным кольцам почтительно «предстоят» обращенные к ним знаками кольца царя и царицы меньшего размера. Равным образом на куске изображения из Мэн-фе видны и простертые вниз руки-лучи, и солнечные кольца, и «предстоящие» им кольца царской четы (Ае: I 4 = JEA XIV: 8 = SAK II: 157). В гробнице Ми-рэ, домоправителя, фараон уже (см. гл. VIII) «Анх-шепр-рэ» и «Семнех-ке-рэ Теср-шопре»; имена «[Анх-]шепр-[рэ]» и «[Семнех-ке-рэ Теср]-шопре» надо восстановить и на обломке из Мэнфе.¹ Если на этих памятниках уже под именем «Семнех-ке-рэ Теср-шопре» зять мало чем отличается от тестя по части солнцепоклонничества, то будет в порядке вещей появление его под первоначальными именами (см. гл. VIII Б) «Анх-шепр-рэ Ми-ва-н-рэ» и «Нефр-нефре-йот Ми-эх-не-йот» в виде сотоварища Амен-хотпа IV в служении солнцу на плите из Ах-йот СА III: 231 + LXXIII 8 + CVII 3 + CVIII = ТЗГ: 99 = А: 104 = ZZR: между 128 и 129. На этом изображении Амен-хотпа IV сопровождала сначала его побочная жена Кэе, но затем вместо ее титула было проставлено титуло Анх-шепр-рэ Ми-ва-н-рэ Нефр-нефре-йот Ми-эх-не-йот и тем самым вторая из изображенных особ переименована в преемника Амен-хотпа IV (см. гл. V). Таким образом, молодой царь и здесь оказывается под лучезарным солнцем, притом вместе с [214] самим Амен-хотпом IV, и это солнце опять-таки названо с каждого бока своим последним (VII, см. § 40) титулом; кольца зятя стоят бок о бок с кольцами тестя (следом за ними), надо полагать почтительно обращенные своими знаками к ныне разрушенным кольцам солнца. Без предшествующего солнечного титула, но тоже следом, за титулом Амен-хотпа IV титуло Анх-шепр-рэ Ми-нефр-шепр-рэ Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ, в данном случае в сопровождении титула царицы Ми-йот, помещено на ларце из гробницы Тут-анх-амуна (JEA XIV: 5 = ТТА: 168 CXIX = U18D: 2024 = АОг XXXVI: 13 1a), и ничто решительно не выдает и здесь каких-либо отступлений от обыкновений конца царствования Амен-хотпа IV. Так же, возможно, обстояло дело и в случае колец Амен-хотпа IV, Семнех-ке-рэ и Ми-йот, выписанных краской на дворцовой стене (JEA XVIII: 108). Не знаем мы, что сугубо солнцепоклоннические первоначальные имена молодого фараона с упоминанием в каждом кольце его отношения к предшественнику спокойно уживались на памятниках с восстановленным многобожием, мы могли бы и эти имена зачислить в свидетели верности нового царя своему предшественнику и его взглядам. Но мы лучше воздержимся от того.

Насколько можно судить по многочисленным обломкам надписей, окаймлявших некогда настоящую и ложную двери в доме близкого к царю сановника «возницы первого величества его, распорядителя лошадей (царской) конюшни до края ее (т. е. в целом)» Ра-нофра (титуло его — СА I: 8 L, R, IX 3 = ТТА: 173 CC), в этом доме солнцепоклонничество дней Амен-хотпа IV соблюдалось нерушимо. Наиболее богатые остатки надписей сохранились на обломках дверных косяков (СА I: 8) и относятся определенно к царствованию Семнех-ке-рэ, притом к началу царствования, потому что царь носил еще солнцепоклоннические имена с добавочными наименованиями, выставлявшими его любимцем Амен-хотпа IV. От первого кольца уцелел конец: «- - - нефр-шепр-[рэ]», так что оно должно было быть «Анх-шепр-рэ

¹ P. E. Newberry. Akhenaten's eldest son-in-law 'Ankhkheprure' // JEA. Vol. 14, 1928. P. 9.

Ми-нефр-шепр-рэ» (CA I: 8 L'). Видимо, концом второго кольца является наименование «Ва-н-рэ», читающееся на другом обломке как будто бы внутри нижней дужки кольца (CA I: 8 X). Если даже эта дужка кажущаяся, то скромные размеры знаков все равно исключают возможность того, что перед нами наименование «Ва-н-рэ», употребленное вне кольца; расположение же знаков не позволяет видеть в этом «Ва-н-рэ» конец первого кольца Амен-хотпа IV: вверху знак солнца над *средней* частью знака остроги, под знаком остроги знак волнистой воды. Такого расположения знаков не бывает внутри первого кольца Амен-хотпа IV, за исключением только единичных случаев из первых лет его царствования (см. § 44, 46). Напротив, в кольце «Нефр-нефре-йот Ми-ва-н-рэ» расположить так знаки было вполне уместно. Именно так они расположены в стоячих [215] кольцах на ларце из гробницы Тут-анх-амуна (JEA XIV: 5 = TTA: 168 CXCIV = U18D: 2024 = АОг XXXVI: 13 1a). На Семнех-ке-рэ указывает затем подзаголовок, который был употреблен перед первым кольцом царя на косяке дома Ра-нофра: «властитель 9 луков (т. е. 9 народов)», звание, довольно частое в титулах царей конца XVIII дома, но для Амен-хотпа IV засвидетельствованное всего один раз — в наскальной плите близ Снэ (ASAE III: 260 [= В XI: 23-24 = TTA: 133 CXXIII] + ASAE XXXVII: 31 = U18D: 1963) времени строчного солнечного имени (см. § 63), т. е. до принятия прозвания «живущий правдою», вытеснившего прочие подзаголовки — помимо званий «владыка обеих земель» и «владыка венцов» (см. § 64). С отнесением отделки дома Ра-нофра к царствованию Семнех-ке-рэ отлично согласуется и то обстоятельство, что в житнице дома были обнаружены глиняные печати не только с изображениями двух фараонов под лучезарным солнцем (см. гл. V), но также, по-видимому, с частью царского имени Тут-анх-йота / Тут-анх-амуна «Неб-шепр-рэ» и уже известным нам из предыдущего прозванием самого Семнех-ке-рэ (см. гл. IX) «живущий правдою - - -» (CA I: X 6). Из остатков надписей по бокам дверей дома Ра-нофра видно, что на одном из косяков каждая из двух стоячих строк начиналась словами «(Да) живет отец» (CA I: 9), за которыми должны были следовать кольца солнца, что на других косяках, несомненно, на левом (CA I: 8 L') и, вероятно, на правом (CA I: 8 R' + X), стоячие строки начинались обращением к солнцу («Хвала тебе, Йот» или «Хвала двойнику твоему, Йот») и по меньшей мере на левом косяке — к «двойнику царя». Одним словом, косяки дверей были надписаны таким же солнцепоклонническим образом, как при самом Амен-хотпе IV. Из других обломков тех же надписей можно усмотреть, что в них упоминалось солнечное святилище «двор (камня) *бнбн*» (CA I: 8 R' + R), «воссияние» (CA I: 8 R') и что-то еще, связанное с солнцем (уцелел только низ определителя солнца с лучами, CA I: 8 X), т. е. эти надписи и дальше пестрели привычными солнцепоклонническими выражениями. Между прочим, и о царе там говорилось от имени домохозяина совсем в духе Амен-хотпа IV: «живут питанием его, моего питания повседневного» (CA I: 8 L').

В данной связи надо сказать еще о производственных скорописных отметках на сосудах с припасами, именно о тех из них, которые помечены первыми годами явно не Амен-хотпа IV, а его преемника и выдержаны в таком же солнцепоклонническом духе, как и пометки времени самого Амен-хотпа IV.

Нельзя быть, правда, уверенным, что этот не названный в пометках преемник во всех случаях Семнех-ке-рэ, им может быть также и Тут-анх-йот. Но это несколько не должно мешать нам пользоваться пометками как источниками для времени Семнех-ке-рэ: солнцепоклоннические установления, действовавшие [216] в дни Тут-анх-йота, вряд ли прекращали действовать при Семнех-ке-рэ. Вот эти пометки.

1. «Год царствования 1, месяц 4 Выхождения... - - - мясозаготовительное заведение великого (среди) видящих - - -», следует счетная запись разных видов мяса (CA II: LVII 4); на черепке, отбитом, возможно, еще до надписания; «год царствования 1» должен быть преемника Амен-хотпа IV ввиду звания «великий (среди) видящих» (см. § 65).

2. «Год царствования 1. Мясо заготовленное мясозаготовительного заведе[ния] - - - распорядитель места - - - (?) мясозаготовительн[ого] заведени[я] дома Йота - - -» (CA II: LVIII 32); слово «Йот» в кольце, следовательно, «год царствования 1» не Амен-хотпа IV, так как в его 1-м году это слово еще не заключалось в кольцо (см. § 16).

3. «Год царствования 1. Мясо заготовленное м[ясозаготовительного заведения (?)] дома Йота - - -» (СА III: ХСIII 220); времени преемника Амен-хотпа IV по той же причине, что и № 2.

4. «[Го]д царствования 1. Жир (?) (для) рожденья Йота - - - 1/10 (т. е. десятина) дома Йота за палкою (т.е. под управлением) *C^xpp-m'*...» (СА III: ХСIII 235); времени преемника Амен-хотпа IV по той же причине, что и № 2.

5. «Год царствования 1, месяц 1 Половодья. Жир свежий для рожденья (?) [Йота] - - - мясозаготовительное заведение дома (?) Йота - - -» (СА III: ХСIV 259); времени преемника Амен-хотпа IV по той же причине, что и № 2.

6. «Год царствования 1, месяц 1. Вино дома умиротворения Йота поток(а) западного из руки *П-хъ(?)*» (СА III: LXXXIX 111); «год царствования 1» преемника Амен-хотпа IV, так как в 1-м году Амен-хотпа IV словосочетание «умиротворение Йота» не было б еще заключено в кольцо (см. § 16).

7. «Год царствования 2. Вино дома великого (среди) видящих - - -» (СА II: LVIII 27 = ТТА: 182 *CCXX E*); о времени см. № 1.

8. «Год царствования 2. Вино дома "Тверд жизнью Йот" - - - начальник поливного хозяйства Хойе» (СА II: LVIII 11); «год царствования 2» преемника Амен-хотпа IV, так как во 2-м году Амен-хотпа IV ни слово «Йот» не было б еще заключено в кольцо (см. § 16), ни звание «начальник поливного хозяйства» не заменяло бы звания «начальник сада» (см. § 113).

9. «Год царствования 2. Вино сладкое потока западного - - - Йот» (СА III: ХСI 165); времени преемника Амен-хотпа IV по той же причине, что и № 2.

10. «Год царствования 2. (Растительное) масло дома Йота доставки начальника лучников Рэ, сына Мойе, очистителя умащения Рэйе Ра-мойе, стража Апэйе» (ТЕА: XXIII 32); времени преемника Амен-хотпа IV по той же причине, что и № 2. [217]

11. То же, лишь с опущением имени «Ра-мойе» (ТЕА: XXIII 37).

12. «Год царствования 2. (Растительное) масло дома Йота начальника лучников Хойе, очистителя умащения Анэйе, стража Ап[эйе] - - - (?)» (ТЕА: XXIII 36); времени преемника Амен-хотпа IV по той же причине, что и № 2.

13. «Год царствования 2. (Растительное) масло дома Йота доставки начальника корабля *Твй*, очистителя [умащения] Анэйе, стража Ап[эйе] - - - (?)» (СА III: ХСV 268); времени преемника Амен-хотпа IV по той же причине, что и № 2.

14. «Год царствования 3. (Растительное) масло дома Йота - - - начальник[а] лучников [(имярек)] - - - страж [а] [(имярек)]» (ТЕА: XXIII 35); времени преемника Амен-хотпа IV по той же причине, что и № 2.

Все эти четырнадцать записей были найдены в Ах-йот, и не приходится сомневаться в том, что упоминающиеся в них «дом Йота» и «великий (среди) видящих» — главный храм солнцепоклоннической столицы и его верховный жрец. «Дом умиротворения Йота» (№ 6) глухо, хотя и многократно, упоминается письменностью времени Амен-хотпа IV. «Дом "Тверд жизнью Йот"» (№ 8) вспоминается в этой письменности тоже, подчас определенно как место солнцепочитания в новой столице. В № 9 слово «Йот» в кольце с предшествующим определенным членом («П-йот») уцелело одно после пробела неизвестной длины; возможно, оно входило в название какого-нибудь установления. Глядя на эти записи 1, 2 и 3-го годов царствования одного или двух преемников Амен-хотпа IV, можно подумать, что в первые годы после его смерти его солнцепоклонничество сохранялось так же твердо и незыблемо, как и при жизни его провозвестника. По-прежнему столичному «дому Йота» и другим солнцепоклонническим храмам поставляют вино из виноградников преимущественно Низовья (№ 6, 9), корабли везут запасы масла (№ 10-14), заготавливаются мясо (№ 2-4) и жир (№ 5), в частности в собственных заведениях храма. По-прежнему во главе главного храма солнца стоит «великий (среди) видящих Йота» (№ 1, 7) и располагает собственным хозяйством («домом»), для которого поставляют вино (№ 7), и собственным мясозаготовительным производством (№ 1). По-прежнему справляется «рождение Йота» с его богатыми мясными приношениями (№ 4, ср. № 5). Как прежде, обозначения царственного солнца (в данных записях слово «Йот») заключаются в царское кольцо, более того, едва ли не во всех случаях

слово «Йот» пишется без определителя божественного, знака сокола на подставке, согласно требованиям нетерпимого солнцепоклонничества последних лет Амен-хотпа IV (см. § 116).

Таким образом, памятники (изображения, надписи, скорописные записи), выдержанные в духе солнцепоклонничества конца царствования Амен-хотпа IV, оставляют впечатление, [218] будто ничего в отношении солнцепочитания не изменилось. И все же даже подобные памятники, если взглянуть на них пристальнее, нет-нет да и выдадут какую-нибудь мелочью, что и в самом солнцепоклонничестве не все осталось так, как было. После того как Семнех-ке-рэ, еще в бытность «Нефр-нефре-йотом» (см. гл. VIII), не только восстановил служение Амуну, но и позволил своим именем назвать его храм — «двор Анх-шепр-рэ» (JEA XIV: V-VI), избегать того или иного слова или знака, напоминавшего имя Амуна, как то делали в последние годы Амен-хотпа IV (см. § 111), не имело никакого смысла. И действительно, в скорописной пометке от 2-го года царствования одного из первых двух преемников Амен-хотпа IV, пометке, которая касается масла «дома Йота» и в которой слово «Йот» заключено в кольцо (CA III: XCV 268), обозначение корабля — *мни* — не только употреблено, но и написано с помощью знака *мн* — игровой доски. То же слово и тоже в написании со знаком *мн* встречается еще несколько раз в пометках, хотя и не сохранивших числа года, но подобных пометке 2-го года царствования (TEA: XXIII 38-42). Более того, в скорописной пометке 1-го года, возможно, Тут-анх-йота (см. гл. VIII), посвященной «вину дома Семнех-ке-рэ Теср-шопре» (CA III: LXXXVI 35 + XCVIII; издатель читал вместо «Теср-шопре» слова «правый (?) голосом (?)»), начало имени — «Семнех» — написано со знаком игровой доски *мн*. В прочих известных мне написаниях имени «Семнех-ке-рэ» начало имени — «Семнех» — неизменно передано двумя знаками *с* и *резца* (TEA: XIV 103 [= HE II⁷: 234?], 104 [= HE II⁷: 234 = SCN: XXXVII 11], EA II: XLI, SCN: XXXVII 9, 10, AeISMB II: 529, JEA XIV: 6, CA II: L 29, CA III: C 23, 24, CXII). Видеть в таком кратком написании желание избежать знак игровой доски нет оснований — краткого написания требовала ограниченность места внутри кольца, особенно на перстнях, печатях и подвесках. Напротив, весьма сомнительно, чтобы Семнех-ке-рэ, будь он столь же ярым солнцепоклонником, как его тесть, сложил бы себе имя, содержавшее звуко сочетание *мн*: ведь в последние годы Амен-хотпа IV из надписей изгоняли даже глагол *мн* «оставаться» и существительное *мнмнт* «скот» (см. § 111).

Невозбранное употребление знака или слова, напоминавшего имя Амуна, касается прямым образом отношения солнцепоклонничества к старому многобожию. Самым, однако, существенным — можно сказать, несоизмеримо более существенным — показателем внутреннего перерождения солнцепоклонничества за обманчивой оболочкой в духе последних лет Амен-хотпа IV может служить более чем терпимое отношение к восстановленному многобожию, выказавшееся не только в дозволении его вновь, но и в прямом покровительстве ему, более того, в полном к нему приобщении. При этом особенно любопытно, что это [219] перерождение солнцепоклонничества падает не на последние годы царствования, когда молодой фараон удалил из своих колец все ссылки на любовь к нему почившего и вместо сугубо солнцепоклоннического имени «Нефр-нефре-йот» принял вполне безразличное имя «Семнех-ке-рэ Теср-шопре» (см. гл. VIII Б). Полное перерождение солнцепоклонничества — а потерю им своей исключительности и нетерпимости невозможно оценить иначе — было уже свершившимся делом в первые годы царствования Семнех-ке-рэ, когда он в кольцах своих еще выставлял себя любимцем Амен-хотпа IV и именовался «Нефр-нефре-йотом». Было б, конечно, странно относить за счет самого «Анх-шепр-рэ Ми-[нефр-шепр-рэ]» — «Нефр-нефре-йота Ми-[ва-н-рэ]» длинную многобожескую молитву, помеченную его 3-м годом и нанесенную скорописью на стену одной из гробниц в Нэ (JEA XIV: V-VI). Это «воздание хвалы Амуну, обоняние земли (т. е. поклонение) Вен-нофре» совсем не обязательно принимать за выражение чьих бы то ни было взглядов, помимо взглядов самих молящихся и их ближайшего окружения. Но то, что эти молящиеся — «(жрец-)чиститель (и) писец жертв божьих (так в строке 4, в строке 29 "писец двора божья (т. е. храма)") Амуна во дворе Анх-шепр-рэ в Висе II-вох» и «брат его, писец очерка

(т. е. живописец)... *Ч'й* двор[а] - - - Анх-шепр-рэ» и что они, следовательно, служили в храме Амуна в сооружении, названном по царю, позволяет заключить, что служба Амуну правилась в Нэ от царского имени еще до переделки царских колец из солнцепоклоннических в «безразличные». Но почитание Амуна в старой столице от царского имени могло быть и вынужденной уступкой, нисколько не выражавшей собственных взглядов царя. Поэтому для их выяснения важнее свидетельство четырех золотых гробиков — вместилищ для внутренностей умершего фараона, найденных в гробнице Тут-анх-амуна, но надписанных первоначально на имя его предшественника в бытность того еще «Анх-шепр-рэ Ме-н-ва-н-рэ» — «Нефр-нефре-йот (+ наименование?)» (ASAE XL: 137, ср. JEA XLVII: 39(1)). По словам Р. Энгельбаха, «надписи, выполненные для Сменхкерэ, не стоят ни в какой связи с почитанием Атена, но состоят из гимна Рэ и содержат фигуры антропоморфных божеств» (ASAE XL: 137). На изданных снимках крышки и дна двух гробиков изнутри видны как длинная надпись в старинном духе, упоминающая прежних богов и прилагающая к покойному царю обозначение «Усире», так и изображение во весь рост крылатой древней богини (ASAE XL: XXIII, TST: 152-153). Многобожеской отделке внутренности гробиков полностью созвучны ярко многобожеские надписи и изображения на тех частях второй и третьей надгробных сеней из гробницы Тут-анх-амуна, которые первоначально были отделаны на имя Семнех-ке-рэ или по меньшей мере по прописям, предназначавшимся для его сеней (см. гл. IX). Здесь читаются целые главы из так [220] называемой «Книги мертвых», покойный царь постоянно величается «Усире», поименовано и изображено множество старых богов и богинь и разных других существ, населявших, по старым верованиям, потусторонний мир (вторая сень: внутри — ShT: XXXVIII-XLV + 99, 102, 105, 110; снаружи, наличник дверцы — ShT: XXXVII + 117-118, окаймления правой и задней стенок — ShT: 120, L, LII; левая стенка — ShT: XXXVII, XLVII-XLIX; третья сень: внутри — ChT II: IX = ShT: против 70, ChT II: X = ShT: XXIV, ShT: XXIV [края], ChT II: XI *a-b-c*, XII = ShT: XXVIII, ChT II: XIII *a-b-c* = ShT: XXV-XXVII; снаружи, крыша — ShT: 90-91, притолока дверцы — ShT: XXIX, окаймления правой и левой стенок — ShT: XXIII, XXXII [= ChT II: VI], XXXIII). Как было сказано (см. гл. IX), необыкновенная во многих случаях длина первого кольца, не подходящая для краткого «Анх-шепр-рэ», первого кольца Семнех-ке-рэ после переименования, позволяет предполагать, что эти длинные кольца содержали некогда имя «Анх-шепр-рэ» с добавочным наименованием,ставлявшим царя любимцем Амен-хотпа IV (см. гл. VIII Б), и, следовательно, сень отделявали для Семнех-ке-рэ, когда он звался еще «Нефр-нефре-йотом».

Восстановление многобожия было настолько полным уже в первые годы царствования Семнех-ке-рэ, что трудно или даже просто невозможно согласовать видимость исключительного солнцепоклонничества в духе последних лет Амен-хотпа IV, присущую одним памятникам царствования, с явными и многочисленными проявлениями многобожия фараона на других. Проявления многобожия тем разительнее, что наблюдаются на таких памятниках сугубо личного назначения и выполненных задолго до смерти молодого фараона, как золотые гробики для царских внутренностей или надгробные сени. Вывод может быть, кажется, только один: сохранение для некоторых памятников видимости последовательного солнцепоклонничества, в том числе таких сгустков солнцепоклоннической нетерпимости, как поздние солнечные кольца, было всего лишь данью солнцепоклонническому умонастроению некоторых еще влиятельных кругов или просто пережитком еще полностью не изжитого недавнего прошлого.

Но не будет ли это означать, что Семнех-ке-рэ уже в первые годы царствования был, по сути дела, последователем прадедовского многобожия, а вся его пускай половинчатая, но все же подчеркнутая приверженность к делу тестя была не более как обманчивой личиной или привычкой, от которой молодой фараон еще не поспел отстать? Собственно солнцепоклоннические памятники царствования, как бы строго они ни были выдержаны в духе Амен-хотпа IV, не в состоянии опровергнуть подобного заключения именно ввиду несогласимости своей с многобожескими, притом сугубо личными, памятниками Семнех-ке-рэ. Но, как ни странно, именно эти многобожеские, сугубо [221] личные памятники свидетельствуют о том, что солнцепоклонничество предыдущего царствования было и оставалось для Семнех-ке-рэ совсем не простым пережитком.

И дело не в том, что внутри золотых гробиков для внутренностей и в надписях на надгробных сених охотно употребляются солнцепоклоннические начертания солнечных знаков — со змейкою впрямь и значком жизни или даже со многими лучами-руками (см. гл. IX). Такие начертания могли быть данью привычке, укоренившейся у писцов и резчиков за предшествующее десятилетие. Дело также не в частом упоминании солнца внутри гробиков и на сених. Такие упоминания сами по себе не слишком показательны, поскольку солнцепочитание было издавна свойственно египтянам. Не решает дела даже то, что некоторые обороты речи на сених явно отдают солнцепоклонничеством Амен-хотпа IV, воспроизводят слова и представления солнцепоклонников. Простые отголоски солнцепоклоннических мыслей и выражений не позволяют еще проникнуть в существо отношения самого Семнех-ке-рэ к солнцепоклонничеству Амен-хотпа IV. Для того чтобы это стало возможным, необходимо некоторые из этих прямых повторений солнцепоклоннических заявлений объединить с такими местами надписей на сених, которые, не имея прямых соответствий на солнцепоклоннических памятниках, по существу, однако, представляют своеобразное продолжение, самостоятельную разработку сокровенных сторон солнцепоклонничества Амен-хотпа IV. Вот эти любопытные места на третьей сени из гробницы Тут-анх-амуна.

Эсе говорит царю: «Сотворишь ты явление в небе, что Рэ, родившись утром по образу его» (СнТ II: X = ШТ: XXIV)». Один из четырех сыновей Хора говорит фараону: «Будешь ты в явлении твоём, что Ра-Хар-Ахт; родит он тебя по образу своему рано утром. Взойдешь ты, (и) зайдешь ты вместе с ним. Ты — сын его, царь (и) государь, владыка обеих земель» имярек и т. д. (СнТ II: XI а). Ануп обращается к царю: «Будешь ты жив вековечно, что Рэ в явлении его всяком. Будешь ты в явлении твоём добром, что Рэ, помолодеешь ты, что Шов при восходе. Ты — сын его, вышел ты из плоти его, царь (и) государь, владыка обеих земель» имярек и т. д. (СнТ II: XI б). Сын Хора, Хап, говорит фараону: «Умиротворишься (т. е. зайдешь) ты, что Рэ в небе, воссияешь ты, что Шов, когда воссиявает он. Сотворишь ты явление всякое, облюбванное тобой» (СнТ II: XIII а = ШТ: XXV). На кровле сени читается, судя по переводу издателя: «Будет царь воссиявать в белом венце, владыка обеих земель» имярек «как властитель окружаемого всего солнцем, молодой вечно, что Шов, когда воссиявает он в небе» (ШТ: 90). Там же по переводу издателя значится: «Воссиявает он (т. е. царь), что Рэ в небе (и) на земле, сотворяет он явление солнца (Йота), которое было предоставлено ему» (ШТ: 90). С этим [222] местом перекликаются слова древней богини, обращенные к Семнех-ке-рэ внутри золотого гробика для его внутренностей, переделанном впоследствии для Тут-анх-амуна: «Будешь ты тверд (?), молод в явлении твоём, облюбванное твоём. (Будешь) восходить ты, что солнце (Йот) в небосклоне своём» (ASAE XL: XXIII).

В этих заверениях отчетливо сквозит хорошо известное по надписям в гробницах солнцепоклоннической столицы любопытное представление о повседневном порождении фараона его небесным родителем — солнцем. По заявлениям солнцепоклоннических вельмож, это постоянное возрождение фараона осуществляется солнцем наподобие его собственного каждодневного самовозрождения, точнее, самопорождения в виде своего явления — видимого солнца (Йота).² Подробно все это рассмотрено в Приложении; там же показано, что представление о солнце как о повседневно возрождающемся вечном фараоне составляло самое существо солнцепочитания Амен-хотпа IV и что именно это представление выражено в солнечном имени, как в более раннем, так и в более позднем. В раннем виде этого имени обозначением самопорождаемого утром сыновнего солнца, тождественного с видимым солнцем — Йотом и тем самым с самовозродившим себя солнцем — «отцом» (поскольку слово йот созвучно³ слову «отец»), служит наименование «Шов»: «Ра-Хар-Ахт, ликующий (т. е. возликовавший утром) в небосклоне в имени своём как Шов, который (есть) Йот». В силу такого употребления слова «шов» как обозначения сыновнего солнца, порождаемого, как и фараон, повседневно отеческим солнцем, наименование «Шов» усердно

² É. Drioton. Trois documents d'époque amarnienne // ASAE. T. 43, 1944. P. 38.

³ G. Fecht. Amarna-Probleme (1-2) // ZAeSA. Bd 85, 1960. S. 108.

прилагалось солнцепоклонническими сановниками к своему царю, который, как и Шов, был «сыном Рэ», сыном солнечного «отца» Йота.⁴

Именно такое представление явственно сквозит в уподоблениях царя солнцу-Шов, читающихся на третьей надгробной сени из гробницы Тут-анх-амуна: «ты (будешь) молодеть, что Шов при восходе, ты сын его (т. е. Рэ), вышедший из плоти его», «молодой вечно, что Шов, когда воссиявает он в небе», «воссияешь ты, что Шов, когда воссиявает он». Уподобление мертвого царя солнцу под именем «Шов» тем примечательнее, что в унаследованных от предков заупокойных заклинаниях и пожеланиях солнце не именовалось «Шов». И тут же в тех же надписях на третьей сени и на гробике для внутренностей о видимом солнце-Йоте говорится так, что живо припоминается учение о нем как о явлении возродившегося утром солнца: «Воссиявает он (царь), что Рэ в небе (и) на земле, сотворяет он [223] явление солнца (Йота)», «Будешь ты (т. е. царь) тверд (?), молод в явлении твоём, облюбованном твоём, (будешь) восходить ты, что солнце (Йот) в небосклоне своём».

За всеми этими заверениями чувствуется то самое представление о солнце, которое в свое время было торжественно выражено Амен-хотпом IV в солнечном имени, в раннем его виде, и потому сравнительно частое упоминание на второй и третьей сенях Ра-Хар-Ахта, именем которого начиналось раннее солнечное имя, было только в порядке вещей. При этом примечательно правописание наименования «Ра-Хар-Ахт» в тех надписях на сенях, которые могут быть приурочены ко времени Семнех-ке-рэ. На второй сени в этих надписях сложное наименование «Ра-Хар-Ахт» пишется одним знаком из трех составных частей: сокол с кружком-солнцем на голове и двумя знаками небосклона — двумя горными седловинами с солнцем каждая — за спиной, т. е. так, как в раннем солнечном имени (см. § 19), как до него писали лишь очень редко. Привычное до Амен-хотпа IV и в первые его годы в строчном солнечном имени трехчастное написание — сокол с солнцем на голове и двумя островками за спиной (см. § 11) — тоже представлено на второй сени, но любопытным образом только в тех надписях, которые и в иных отношениях отличны от приуроченных нами ко времени Семнех-ке-рэ. Знак небосклона, а не островки, входит в состав написания имени «Ра-Хар-Ахт», и на третьей сени в тех надписях, которые приурочиваются к царствованию Семнех-ке-рэ. Написание это напоминает скорописное первых лет царствования Амен-хотпа IV (см. § 12). Во всех четырех случаях сочетание «Ра-Хар-Ахт» написано на третьей сени одинаково (ChT II: XI *a*, *b*, XIII 6 = ShT: XXVI, ChT II: XIII *c* = ShT: XXVII) (если не считать того, что в одном случае (ChT II: XIII *c* = ShT: XXVII) у знака небосклона нет ни змейки, ни значка жизни): рот, рука, солнце, черточка, сокол, небосклон, хлебец, две черточки, два дома.

Таким образом, представление о солнце, сквозящее в надписях на сенях, обнаруживает определенное родство с тем кругом представлений, который нашел в свое время выражение в раннем солнечном имени. Это позволяет полагать, что солнцепоклонничество Семнех-ке-рэ вопреки внешнему обличью, унаследованному от нетерпимого и исключительного солнцепочитания последних лет Амен-хотпа IV, внутренне тяготело ко времени раннего солнечного имени и связанным с ним представлениям. При этом ввиду явного расположения к старому многобожию солнцепоклонничество Семнех-ке-рэ сродственнее поре строчного имени, поре полной терпимости по отношению к многобожию, чем поре ранних солнечных колец, поре лишь относительной к нему терпимости (см. ч. II моего исследования «Переворот Амен-хотпа IV», подготовленную к печати).

Давно отмечено, что время непосредственно после Амен-хотпа [224] IV представляло постепенный отход к старому многобожию, с временным сосуществованием того и другого, подобно тому как и нарастание солнцепоклоннического переворота шло постепенно — от мирного сожительства со старыми верованиями до их отвержения.⁵ Мы можем теперь уточнить этот верный вывод в том смысле, что отход от солнцепоклонничества Амен-хотпа IV не просто был временным сохранением этого солнцепоклонничества в его окончательном, завершённом виде наряду с восстановленным многобожием, а протекал через возврат, если не по внешности, то по существу, к представлениям о солнце времени раннего солнечного имени.

⁴ Ibid. S. 105-110.

⁵ A. Erman. Geschichtliche Inschriften aus dem Berliner Museum // ZAeSA. Bd 38, 1900. S. 112-113.

Последние годы существования солнцепоклонничества были ознаменованы не только отказом от исключительности и нетерпимости, но и внутренним перерождением представлений о солнце в духе раннего солнечного имени. И то и другое вело неизбежно к восстановлению в правах старого понятия «бог», и вместе с ним слова «нуте», его выражавшего, и знаков, обозначавших его в письме (см. § 117). Правда, на тех немногочисленных памятниках времени Семнех-ке-рэ, которые выдержаны в строго солнцепоклонническом духе, ни слово «нуте» («бог»), ни знак для него, ни знаки-определители божественного не встречаются, зато на памятниках многобожеских, но выполненных еще тогда, когда царь звался «Анх-шепр-рэ» и «Нефр-нефре-йот» с добавочными наименованиями в честь Амен-хотпа IV (см. гл. VIII Б), и то слово, и те знаки представлены. Если скорописная молитва в одной из гробниц Нэ составлена от имени частных лиц и потому не может считаться выражением воззрений самого фараона (JEA XIV: V-VI), то надписи на второй и третьей сенях из гробницы Тут-анх-амуна, приурочивающиеся ко времени Семнех-ке-рэ (см. гл. IX) и содержащие в изобилии знаки для слова «нуте» («бог») и человекообразные определители божественного, можно рассматривать как отражение умонастроения самого молодого царя.

Наши представления о солнцепоклонничестве Семнех-ке-рэ могут быть пополнены известиями о солнцепоклонничестве при следующем фараоне — Тут-анх-йоте / Тут-анх-амуне.

Имя в честь Йота Тут-анх-йот получил не при воцарении, а до него, в бытность царевичем. На камне из Шмуна 831–VIII С (ARH: CVI) он назван «сыном царевым от утробы его, возлюбленным его, Тут-анх-йотом».

Насколько мне известно, нет ни одной надписи, которая бы содержала полное, пятичленное титуло Тут-анх-йота до его переименования в «Тут-анх-амуна». Четвертое и пятое из этих пяти имен, т. е. первое и второе кольца, «Неб-шепр-рэ» и «Тут-анх-йот», засвидетельствованы для времени до переименования [225] царя несколькими памятниками (см. ниже). Засвидетельствовано одним памятником — золотым письменным прибором из царской гробницы — также первое имя «Хор, телец крепкий, подобный рождением» (бок о бок с кольцами «Неб-шепр-рэ» и «Тут-анх-йот», TT III: XXII E = T III: XXI D). Так как это первое имя ничем не отличается от носившегося царем после переименования в «Тут-анх-амуна», не исключена возможность, что второе и третье имена тоже совпадали с позднейшими. В случае второго имени это даже вполне вероятно, потому что это имя в том виде, который оно имеет в титуле царя после переименования, если отвлечься от начального звания «обе владычицы», совершенно безразлично как по отношению к строгому солнцепоклонничеству, так и по отношению к старому многобожию. В титуле Тут-анх-амуна времени после переименования второе имя звучало: «обе владычицы, добрый законами, успокоивший обе земли». Иначе обстоит дело с третьим именем. После переименования царя третье имя звучало: «Хор золота, воздевший венцы, умиротворивший богов». Против исконности подобного имени в титуле юного фараона говорит как будто самый состав имени, притом не столько последнее обозначение — «умиротворивший богов» (старые боги были ведь восстановлены еще Семнех-ке-рэ, см. гл. VIII Б), сколько подозрительная краткость предшествующего обозначения: «воздевший венцы». «Воздевание венцов», т. е. венчание на царство и ношение царских головных уборов, было ведь чем-то само собою разумеющимся для любого фараона, и потому словосочетание «воздевший венцы», слишком общее по смыслу, плохо подходило для обозначения определенного царя. Можно было бы ожидать какого-нибудь продолжения: «воздевший венцы там-то» или «воздевший венцы такие-то». И действительно, в первоначальном титуле Амен-хотпа IV это самое третье имя звучало: «Хор золота, воздевший венцы в Оне Верховья», а в одной надписи в Коше сам Тут-анх-амун был назван, правда, вне пятичленного титула «Хором золота, воздевшим венцы отца своего Рэ» (U18D: 2044; в конце той же надписи к Тут-анх-амуну, тоже вне пятичленного титула, приложено и наименование «умиротворивший богов в мест[ах их]», U18D: 2046). Спрашивается, не могло ли такое обозначение, как «Хор золота, воздевший венцы отца своего Рэ», составлять первоначально третье имя Тут-анх-йота и только затем быть урезано

в целях введения многозначительного добавления: «умиротворивший богов»? Сомневаться в том, что второе и третье имена у Тут-анх-йота начинались старыми званиями «обе владычицы» и «Хор золота», как то наблюдается у Тут-анх-амуна, у нас нет достаточных оснований (о звании «властитель добрый» в начале третьего имени того пятичленного титула Тут-анх-амуна, которое было, по всей видимости, переделано из титула Семнех-ке-рэ, см. гл. VIII В). Если первое имя не начиналось больше у Тут-анх-йота, как у Амен-хотпа [226] IV в последнюю треть его царствования (позднее титуло Амен-хотпа IV см. в § 68), словами «властитель, крепкий мышцею», а начиналось по-обычному «Хор, телец крепкий» (см. выше), то почему бы было второму и третьему именам не начинаться прежними званиями вместо нововведенных Амен-хотпом IV «владыка (?) земли» и «властитель добрый»? Предположить это тем проще, что другое фараоновское звание, отмененное Амен-хотпом IV почти одновременно со старыми званиями в начале первого, второго и третьего имен, т. е. вскоре после переделки ранних солнечных колец в поздние (см. § 68, 114), именно звание «бог добрый», беспрепятственно употреблялось вновь при Тут-анх-йоте до переименования его в «Тут-анх-амуна». Притом прилагается звание «бог добрый» к Тут-анх-йоту на предметах, ему самому принадлежавших: трижды на его золотом кресле (ТТ I: LXIV = Т I: L B = Тои: против 65 = ГТ: LVII) и дважды на его луке (ТТ I: LXXVI = Т I: LXI S = ГТ: XXXVII). Впрочем, пример тому был показан еще Семнех-ке-рэ, так как звание «бог добрый» прилагается к царю не только на второй (ShT: XLVII, ChT II: IV = ShT: против 120) и третьей (ChT II: IX = ShT: против 70, два раза) надгробных сенях из гробницы Тут-анх-амуна, в тех надписях, которые могут быть приписаны Семнех-ке-рэ (см. гл. IX), но также на золотом гробике для царских внутренностей из той же гробницы, предназначавшемся первоначально для Семнех-ке-рэ (ASAE XL: XXIII + 137).

Предметов, которые можно безошибочно приурочить к началу царствования Тут-анх-амуна, когда он был еще «Тут-анх-йотом», поразительно мало. Напротив, памятников, надписанных после переименования, чрезвычайно много. Это одно уже заранее предрасполагает к заключению, что имя, сложенное в честь Йота, юный фараон носил недолго. Вот все известные мне памятники, на которых он назван еще «Тут-анх-йотом»: золотое кресло из его гробницы (ТТ I: LXII = ГТ: L, ТТ I: LXIV = Т I: L B = Тои: против 65 = ГТ: LIII), полускладное кресло оттуда же (ТТ III: XXXIII = Т III: XXXII = ASAE XL: XXVIII = AAEE: CXLIX = VMPh: против 53 = отчасти U18D: 2056), скипетр оттуда же (TST: 91), лук оттуда же (ТТ I: LXXVI = Т I: LXI B = ГТ: XXXVII, ТТ I: LXXVII = Т I: LXI B), золотой письменный прибор оттуда же (ТТ III: XXII E = Т III: XXI D), плита с изображением Тут-анх-йота перед Амуном и Мут (ZAeSA XXXVIII: 113 = AeISMB II: 117 = U18D: 2062). Это очень немного, и количественно эти памятники совершенно теряются перед великим множеством предметов, дошедших до нас от времени, когда царь был уже «Тут-анх-амуном».

Доподлинно известно, что он стал «Тут-анх-амуном» никак не позже 4-го года своего царствования. Я. Черны заключил об этом на основании скорописной пометки на винном сосуде из гробницы царя: «Год царствования 4. Вино дома Тут-анх-амуна — жив, цел, здоров! — [с] (?) поток[а] западн[ого] [227] начальника садовников X^C» (НГТТ: 21 4 = I 4).⁶ О том же свидетельствует скорописная надпись, оставленная на древнем погребальном сооружении царя Тосера одним из посетителей (писцом) времени Тут-анх-амуна: «Год царствования 4, месяц 4 Жатвы, числа 2, при величестве царя (и) государя Неб-шепр-рэ — жив, цел, здоров! — сына Рэ Тут-анх-амуна — жив, цел, здоров!» и т. д. (SP I: 78, по переводу Б. Ганна, так как подлинник не издан).

Какое-то время после переименования юный фараон прозывался во втором своем кольце просто «Тут-анх-амуном» без добавления слов «Властитель Она Верховья», подобно тому как и предшествующее во времени второе кольцо содержало одно имя «Тут-анх-йот» без добавочного наименования. Доказательством тому служат пометки на винных сосудах из гробницы Тут-анх-амуна.

⁶ J. Černý. Hieratic inscriptions from the tomb of Tut'ankhamūn. Ох., 1965. P. 4.

«Год царствования 4. Вино дома Тут-анх-амуна — жив, цел, здоров! — [с] (?) потока западного начальника садовников X^C » (НГТТ: 21 4 = I 4).

«Год царствования 5. Вино дома Тут-анх-амуна — жив, цел, здоров! — с потока западного. Начальник сада X^C » (НГТТ: 23 15 = III 15).

«Год царствования 5. Вино дома Тут-анх-амуна, Властителя Она Верховья — жив, цел, здоров! — [с] потока западного начальника садовников X^C » (НГТТ: 23 16 = III 16).

«Год царствования 5. Вино дома Тут-анх-амуна, Властителя Она Верховья с потока западного. Начальник сада X^C » (НГТТ: 22 14).

«Год царствования 5. Вино дома Тут-анх-амуна, Властителя Она Верховья — жив, цел, здоров! — с потока западного. Начальник садовников X^C » (НГТТ: 23 17 = IV 17).

«Год царствования 9. Вино дома Тут-анх-амуна, Властителя Она Верховья — жив, цел, здоров! — с потока западного. Начальник (с)адовников Мойе» (НГТТ: 23 19 = IV 19).

«Год царствования 9. Вино дома Тут-анх-амуна, Властителя Она Верховья — жив, цел, здоров! — с потока западного. Начальник садовников Сен-нуфе» (НГТТ: 24 23 = V 23).

«Тут-анх-амун» без наименования «Властитель Она Верховья» значится также на ручке (TST: 72 = 107 = 109) и на крышке (TST: 109) ларца из гробницы Тут-анх-амуна в надписях, переделанных на его имя и имя Анхес-н-амун из надписей, предназначавшихся первоначально для Семнех-ке-рэ и Ми-йот (АОг XXXVI: 17 2a). В надписях на стенках ларца, не переделанных из надписей предшественника (АОг XXXVI: 15(17)), во вторых кольцах стоит трижды «Тут-анх-амун, Властитель Она Верховья» (TST: 72, 107, 109). [228]

Ввиду изобилия памятников, сохранившихся от времени после переименования царя в «Тут-анх-амуна», позволительно заключить, что это время было сравнительно долгим. Обыкновенно продолжительность царствования юного фараона ограничивают девятью годами на том основании, что в его гробнице найдено несколько винных сосудов, помеченных 9-м годом царствования (НГТТ: 23 18-20 = IV 18-20, 23 21, 24 22, 23 = V 23). Однако там нашлась и пометка от 10-го года царствования (НГТТ: 24 24 = V 24), вероятно, тоже Тут-анх-амуна, как склонен полагать издатель.⁷ Да и вообще присутствия в гробнице нескольких пометок 9-го года вряд ли достаточно для заключения, что продолжительность царствования исчерпывалась девятью годами. Ведь на винных сосудах оттуда кроме шести пометок 9-го и одной 10-го года имелись еще пять пометок 4-го года (НГТТ: 21 1-5 = I-II 1-5) и целых двенадцать от 5-го года царствования (НГТТ: 22-23 6-16 — отчасти II-III 6, 7, 13 + 15-16), а вот от 6, 7 и 8-го годов не оказалось ни одной.

Но есть как будто б даже прямое свидетельство о том, что Тут-анх-амун царствовал значительно дольше, чем это принято думать.

Все на том же погребальном сооружении Тосера находится еще одна скорописная надпись, оставленная тоже писцом (другим?) и, видимо, при том же Тут-анх-амуне. К сожалению, она не издана по-египетски и известна мне только в переводе Б. Ганна. Вот как выглядит она в передаче издателями: «Regnal-year 14, month 2 of Prōyet, Day 2 (?), under the majesty of the king of Upper and Lower Egypt, Nebkheprurē^c (Akhenaten). The scribe... came... I found it...» (SP I: 81). Царское имя «Неб-шепр-рэ» и издательское пояснение к нему «(Akhenaten)» несовместимы: или в надписи назван «Неб-шепр-рэ», тогда это Тут-анх-амун, а не Эх-не-йот, или в надписи в действительности стоит «Нефр-шепр-рэ», а не «Неб-шепр-рэ», и тогда царь — Эх-не-йот. Поскольку на сооружении Тосера обнаружены еще две надписи времени Тут-анх-амуна, одна — уже упомянутая выше, другая — SP I: 81, легче счесть ошибочным издательское пояснение, чем само царское имя, читающееся в надписи. К тому же выводу предрасполагают также предлог «при» («under»), связывающий число с титулом, и отсутствие после царского имени наименования. Предлог «при» перестал связывать число и царское титуло еще в 4-м году царствования Амен-хотпа IV (см. § 18), и весьма сомнительно, чтобы в Мэнфе в 14-м году Амен-хотпа IV все еще пользовались предлогом для соединения числа и царского титула, когда в П-йоме этого не делали уже десять лет до того. Кольца Амен-хотпа IV с одним именем (Нефр-шепр-рэ) без [229] добавления «Ва-н-рэ» —

⁷ Ibid.

величайшая редкость, и встретить подобное кольцо в царском титуле в последние годы Аменхот-па IV было бы полной неожиданностью. По всему этому выходит, что издательское пояснение «(Akhenaten)», вероятно, не более как простой недосмотр и тем самым «год царствования 14» засвидетельствован для Тут-анх-амуна. Тогда на тот отрезок царствования, когда фараон именовался «Тут-анх-аму-ном», придется не менее десяти лет, а может быть, и того больше, и это хорошо согласовалось бы с обилием памятников, дошедших от времени после переименования.

Просто и окончательно вопрос мог бы быть решен по подлиннику или его воспроизведению, в свое время, несомненно, изготовленному. Было б очень желательно, чтоб скорописная надпись 14-го года была издана не только в переводе, но также в своем подлинном виде.

Некоторым подтверждением тому, что Тут-анх-амун царствовал не девять, а по меньшей мере четырнадцать лет, может, пожалуй, служить его изображение, помещенное на верхушке золотого жезла, найденного в его гробнице (ТТ II: VII = Т II: VII = TST: 87 = СГТ¹: № 20 = СГТ²: № 20). Изображение отличной работы. Фараон изображен в синем венце и еще совсем ребенком: судя по соотношению головы и тела, мальчику трудно дать больше четырех лет. Врачебное освидетельствование трупа Тут-анх-амуна показало, что он умер в возрасте примерно восемнадцати лет (между семнадцатью и девятнадцатью годами, ТТ II: 160 = ГТ: 257-258). Если б фараон царствовал только девять лет, ему должно было быть при воцарении восемь — десять лет, на девятилетнего же или восьмилетнего мальчика ребенок, изображенный на верхушке жезла, никак не похож.

Если Тут-анх-амун царствовал лет четырнадцать или дольше, а из этого времени «Тут-анх-йотом» звался самое большее три с лишним года, на деле же, возможно, и того меньше, редкость памятников от времени до переименования и обилие памятников о времени после переименования получают естественное объяснение. Во всяком случае, последний фараон-солнцеклонник, Тут-анх-йот, сидел на престоле под этим своим солнцеклонническим именем очень недолгое время.

По всей видимости, при Тут-анх-йоте до его переименования в Тут-анх-амуна двор держал себя по отношению к солнцу и старым богам так же, как при Семнех-ке-рэ.

Чтобы убедиться в продолжающейся привязанности к солнцеклонничеству Аменхотпа IV, довольно взглянуть на золотое кресло Тут-анх-йота, помещенное впоследствии его гробнице, на котором он и его царица Анхес-эм-п-йот изображены под солнцем, простирающим к ним свои руки-лучи под тем же самым поздним солнечным именем, которым оно именовалось в последнюю треть царствования Аменхотпа IV (ТТ I: 11 = Т I: Titelbild = Тут: I = SA III: XVII = Tou: против 64 = TuT: X = KEAZ: [230] LVIII = EPh: 122 = ГТ: LI = GT: IV). Но как странно читать поздние солнечные кольца по сторонам лучистого солнца, порождение и выражение нетерпимого солнцеклонничества, всем содержанием своим направленные против старых богов, и тут же, на том же памятнике, встречать трижды (ТТ I: LXIV = Tou: против 65) царское звание «бог добрый», недавно еще отверженное вместе со старыми богами и прежним солнечным именем (см. § 114)! Впрочем, и с самим надписанием солнечного круга не все обстоит так, как было принято в дни Аменхотпа IV: справа и слева помещены только кольца да многолетие, а титуловые прозвания все опущены. И чего стоят двойные венцы на головах крылатых аспидов, образующих ручки кресла! Двойные венцы, равно как и белый и красный в отдельности, на головах аспидов слишком напоминали старых богов, чтобы быть приемлемыми в поздние годы Аменхотпа IV, и, действительно, после переделки ранних солнечных колец в поздние до конца царствования венчанные аспиды больше не встречаются.

Поздние солнечные кольца читаются еще на одном памятнике Тут-анх-йота — на полускладном кресле тоже из царской гробницы (ТТ III: XXXIII = Т III: XXXII = ASAE XL: XXVIII + 162 = ГТ: 131). Но как и в каком окружении они помещены на этом кресле! Сами они стоят под простым кругом, солнцем без лучей. Под ними простирает свои крылья старая богиня-коршун, держащая в лапах по кольцу и опахалу. Еще ниже в отвесных надписях царь

именуется одновременно «властителем добрым» (см. § 114), «Тут-анх-йотом» и «сыном Амуна, возлюбленным им против (т. е. более) царя всякого», «возлюбленным богов, царем божественным» (АААЕ: CXLIX = VMPh: XII).

Восстановленное звание «бог добрый» Тут-анх-йот носит также дважды в надписях на луке, найденном в той же царской гробнице (ТТ I: LXXVI = Т I: LXI B). И на этом же луке по бокам царских колец изображены аспиды в красных венцах (белые венцы были, очевидно, на тех змеях, что не вышли на снимках, ТТ I: LXXVII = Т I: LXI B).

Перечисленные памятники особенно ценны для выяснения отношения двора к солнцу и старым богам в начале царствования Тут-анх-йота, потому что принадлежали не кому иному, как самому фараону. И если на этих личных вещах царя солнцепоклонничество, внешне как будто тождественное с процветавшим в поздние годы Амен-хотпа IV, мирно уживалось с теперь восстановленной стариной, то чего же ожидать от памятников, не принадлежавших к числу предметов царского обихода? На часто привлекающейся для доказательства возврата Тут-анх-йота к старине небольшой известняковой плите «владыка обеих земель Неб-шепр-рэ, владыка венцов Тут-анх-йот, (кому) дано жить вечно!» изображен перед «Амон-Рэ, царем богов», и «Мут, владычицей неба, госпожой богов» (ZAeSA XXXVIII: 113 = AeISMB II: 117 = U18D: 2062). На этой плите нет [231] решительно ничего, что говорило бы о солнцепоклонничестве Амен-хотпа IV, кроме одного только имени юного фараона да, быть может, несомненно бессознательной привычки ограничиваться простейшими заголовками «владыка обеих земель» и «владыка венцов» перед царскими кольцами (см. § 62). Зато старое многобожие выступает открыто с самыми своими заносчивыми притязаниями.

Но в каком бы безразличном или явно многобожеском окружении ни появлялись имена царя Тут-анх-йота и царицы Анхес-эм-п-йот, пока оба они, как царь и царица, продолжали зваться в честь Йота, связь с недавним исключительным почитанием его, связь их государства с солнцепоклонническим царством Амен-хотпа IV сохранялась, оставалась в силе. С переименованием царя в Тут-анх-амуна и царицы в Анхес-эн-амун преимущество быть названным в именах главы государства и его супруги перешло от Йота к Амуну.

Ученые неоднократно обращали внимание на заметную благосклонность к оставленному солнцепоклонничеству, проявлявшуюся при дворе и после того, как царь и царица были переименованы в честь Амуна. Указывалось, что предметы с самыми солнцепоклонническими именами и изображениями сохранялись нетронутыми и непеределанными в составе дворцового имущества. Таковы опахало с поздними кольцами солнца и кольцами Эх-не-йота (ТТ III: XLIII A = Т III: XLI A), письменный прибор слоновой кости царевны Ми-йот с упоминанием ее матери царицы Нефр-нефре-йот Нефр-эт (ТТ III: XXII A = Т III: XXI E = ГТ: CXXIV = TST: 55), чепец с нашитыми на нем ранними (не поздними, как указано в издании гробницы!) солнечными кольцами, который — это обращало на себя особое внимание — был даже надет на голову трупа Тут-анх-амуна (ТТ II: XXXII = Т II: XXXII = ГТ: XCI = VMPh: 224), наконец, оба уже упомянутые кресла с поздними солнечными кольцами, а одно даже с изображением солнца о многих руках-лучах. Как известно, кольца Эх-не-йота и царицы Нефр-нефре-йот Нефр-эт впоследствии очень часто изглаживались, а иногда той же участи подвергались и кольца солнца. В гробнице же Тут-анх-амуна кольца Эх-не-йота изглажены как будто б лишь на двух сосудах заодно с кольцами Семнех-ке-рэ (АОг XXXVI: 13 Ic). Плясовые хлопушки в виде рук с именами царицы Тэе и царевны Ми-йот, оказавшиеся тоже в гробнице Тут-анх-амуна (IM: XII B), нельзя включить в число перечисленных выше нетронутых предметов, потому что ненависть обыкновенно не распространялась на имена царевен. Можно, однако, упомянуть, что ни в гробике для внутренностей царя, первоначально Семнех-ке-рэ, ни на надгробных второй и третьей сенях, предназначавшихся сперва тоже для него, солнцепоклоннические знаки солнца с аспидом впрямь, значком жизни и даже лучами-руками не возбудили к себе ни малейшего враждебного отношения при переделке [232] этих вещей для Тут-анх-амуна (см. обо всем этом гл. IX). Более того, один раз знак солнца с солнцепоклонническим придатком, значком жизни, был употреблен даже

на четвертой надгробной сени, предназначавшейся с самого начала для Тут-анх-амуна (СнТ II: XV = ШТ: XIX). Однако нельзя придавать большого значения тому, что при дворе Тут-анх-амуна не боялись солнцепоклоннических знаков на унаследованных предметах и изредка даже употребляли такие начертания, потому что, как мы видели, они попадают то тут, то там, хотя и очень редко, на памятниках того времени, к числу личных вещей царя отнюдь не принадлежавших, — очевидно, просто по долголетней привычке.

Иное дело — подозрительно частое величание Тут-анх-амуна сыном или порождением Йота на вещах, принадлежавших лично царю и найденных в его гробнице. Такого рода величание тем замечательнее, что никто из ближайших предшественников или преемников Амен-хотпа IV, ни Тхут-мосе IV, ни Амен-хотп III, ни Эйе, ни Хар-м-ха, ни разу, насколько мне известно, ни в каких надписях так не названы. Сыном Йота величается помимо Амен-хотпа IV один Тут-анх-амун; даже для Семнех-ке-рэ подобное величание не засвидетельствовано — возможно, случайно, из-за общей скудости источников. При этом существенно, что сыном Йота Тут-анх-амун назван только на своих личных вещах; ни в надписях, начертанных от его имени в храмах, ни в надписях, оставленных его подданными, он, насколько могу судить, так не прозывается. Вот надписи, в которых Тут-анх-амун объявлен сыном Йота. На ларце из гробницы царя одна из надписей сзади читается: «(Да) живет бог добрый, знамение Рэ, сын старший Йота в небе, творящий памятники (так, что) появляются они немедленно, для отца своего Ра-Атома, устраняющий зло из дома Рэ (в) Оне, очищая это, (приводя) в случай первый (т. е. в первобытное состояние), (так что) души Она довольны, царь (и) государь Неб-шепр-рэ вечно» (U18D: 2052). В другом месте на том же ларце читаем: «(Да) живет бог добрый, знамение Рэ, сын гордый Йота в небе, царь (и) государь, владыка обеих земель Неб-шепр-рэ, сын Рэ от утробы его, возлюбленный его, памятный (т. е. созидатель памятников), возлюбленный богов, владыка венцов Тут-анх-амун, Властитель Она Верховья, (кому) дано жить!» (U18D: 2054). Сходное читается и на игровой доске из гробницы царя: «(Да) живет бог добрый, сын Амуна, порождение (мстй) йота в небе, царь (и) государь Неб-шепр-рэ, сын Рэ Тут-анх-амун, Властитель Она Верховья — жив он вечно!» (U18D: 2055).

Если фараон, даже став «Тут-анх-амуном», все еще чувствовал себя сыном Йота и не питал враждебных чувств к оставленному солнцепоклонничеству, то имеется полное основание полагать, что до переименования, в бытность царя «Тут-анх-йотом», [233] связь с солнцепоклонническим прошлым была при дворе еще вполне живою.

Приверженность к солнцепоклонничеству Амен-хотпа IV его второго зятя не только в бытность его «Тут-анх-йотом», но и после переименования в «Тут-анх-амуна» как нельзя лучше подтверждают производственные скорописные пометки на винных сосудах, обнаруженные в большом количестве в гробнице фараона в Нэ. Они доказывают, что солнцепоклоннический храм «дом Йота» продолжал существовать и получать вино из многочисленных (судя по разнообразию имен заведующих) нижеегипетских угодий по меньшей мере до 9-го года царствования Тут-анх-амуна включительно. Самые ранние пометки — от 4-го года его царствования, когда он был уже переименован в честь Амуна. Подавляющее большинство пометок — с «потока западного», т. е. из западного Низовья, где было и в дни Амен-хотпа IV большинство виноградников «дома Йота». Одна пометка — из Чилэ на восточном краю Низовья, и одна — из какой-то местности *Къ'рт*, возможно, тоже в восточном Низовье.⁸

1. «Год царствования 4. Вино сладкое дома Йота — жив, цел, здоров! — потока западного. Начальник сада *с'пр-рин*» (НГТТ: 21 1 = I 1).

2. «Год царствования 4. Вино дома Йота — жив, цел, здоров! — потока западного. Начальник сада *Ни*» (НГТТ: 21 2 = I 2).

3. «Год царствования 4. (Вино) *идхъ* доброе, доброе дома Йота — жив, цел, здоров! — [пото]ка западного. Начальник сада Ян» (НГТТ: 21 5 = I 3).

⁸ Там же.

4. «Год царствования 4. (Вино) *шдхъ* доброе, доброе дома Йота потока (западного). Начальник сада *Х^сй*» (НПТТ: 21 5 = II 5).
5. «Год царствования 5. Вино дома Йота потока западного. Начальник сада *'ни*» (НПТТ 21 6 = II 6).
6. «Год царствования 5. Вино дома Йота потока западного. Начальник сада П-вох» (НПТТ: 21 7 = II 7).
7. «Год царствования 5. Вино сладкое дома Йота - - - (?) Чилэ. Начальник сада П-амун» (НПТТ: 22 8 = II 8).
8. «Год царствования 5. Вино дома Йота потока западного. Начальник сада *Нвей*» (НПТТ: 22 9 = II 9).
9. «Год царствования 5. Вино сладкое дома Йота потока западного. Начальник садовник(ов) Нашт» (НПТТ: 22 10 = II 10).
10. «Год царствования 5. Вино дома Йота потока (западного) начальника садовник(ов) Нешт-сук» (НПТТ: 22 11 = III 11).
11. «Год царствования 5. Вино сладкое дома Йота (города) *Къ'рт*. Начальник сада Ра-мосе» (НПТТ: 22 12 = III 12). [234]
12. «Год царствования 5. (Вино) *шдхъ* доброе, доброе дома Йота потока западного. Начальник садовников *Рр*» (НПТТ: 22 13 = III 13).
13. «Год царствования 9. Вино дома Йота с потока западного. Начальник садовников Пай (?)» (НПТТ: 23 18 = IV 18).
14. «Год царствования 9. Вино дома Йота потока западного. Начальник сада Неб-нуфе» (НПТТ: 23 20 = IV 20).
15. «Год царствования 9. Вино дома Йота с потока (западного). Начальник садовник(ов) Нешт-сук» (НПТТ: 23 21).
16. «Год царствования 9. Вино дома Йота потока западного. Начальник сада Сен-нуфе» (НПТТ: 24 22). На ручке сосуда гончарное клеймо «дом Йота» (НПТТ: 3).

Примечательно, что во всех шестнадцати случаях слово «Йот» заключено в царское кольцо (см. § 16), а в случае трех из числа самых ранних пометок (от 4-го года) даже снабжено царским многолетием «жив, цел, здоров» (см. § 17), совсем как во времена Амен-хотпа IV. При этом слово «Йот» в большинстве пометок (№ 1, 4, 8, 9, 10, 11, 14, 16) написано без определителя божественности (знака сокола на древке), т. е. так, как стало принятым в последнюю треть царствования Амен-хотпа IV, в годы предельно нетерпимого солнцепоклонничества (см. § 116). Однако в семи других пометках (№ 2, 3, 5, 6, 7, 12, 15) слово «Йот» снова пишется с определителем божественного (см. § 116).

Во всех пометках — звание заведующего виноградником «начальник сада» или «начальник садовников» (*хърй к'м* или *хърй к'мвв*), хотя на рубеже 12–13-го годов царствования Амен-хотпа IV оно было изменено в «начальник поливного хозяйства» (*хърй б^схъ*)⁹ (см. § 113). Замена была произведена, по-видимому, потому, что слово *к'м* «сад» и особенно производное от него *к'мв* «садовник» почти совпадали по составу согласных с прозванием отверженного Амуна *к'мвт.ф* «телец матери своей». В 1-м (СА III: LXXXVI 35, 58, LXXXIX 121) и 2-м (СА II: LVIII 11, СА III: XC 165) годах царствования преемника Амен-хотпа IV в употреблении оставалось еще новое звание. Теперь же, при Тут-анх-амуне, прежнее звание снова господствовало в деловой письменности, как если б его никогда и не отменяли.

Нет также среди имен четырнадцати заведующих виноградниками таких, какие были бы даны в честь солнца, за единственным исключением — «Ра-мосе» («Рэ рожден») в пометке № 11. Зато имеются многобожеские имена в честь сирийского бога Рэшефа (пометка № 1), египетского бога-крокодила Сука [235] («Нешт-сук» — «Крепок Сук», пометка № 10, 15) и даже в честь Амуна («П-амун» — «Тот, кто принадлежит Амуну», пометка № 7). И это в храмовом хозяйстве самого солнца и после того, как в последние годы

⁹ W. Helck. Materialien zur Wirtschaftsgeschichte des Neuen Reiches. T. 4. Wiesbaden, 1963 (Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur (in Mainz). Geistes- und sozialwissenschaftliche Kl. Jg. 1963, № 3). S. 728.

Амен-хотпа IV египтяне один за другим слагали с себя имена в честь старых богов и принимали новые в честь солнца (см. ч. II моего исследования «Переворот Амен-хотпа IV», подготовленную к печати)!

Но как далеко ни зашло возрождение старины при Тут-анх-амуне, солнцепоклонничество Амен-хотпа IV продолжало существовать, пускай в пережиточном виде, но все же настолько действенном, что способно дополнить наши представления о нем в предшествующее царствование Семнех-ке-рэ. [\[236\]](#)

МЕРТВЕЦ ИЗ ЗОЛОТОГО ГРОБА

На свалке строительного мусора нашелся ключ к четырем загадкам солнцепоклоннического Египта. Этим ключом были отомкнуты одна за другою загадка царской усадьбы на юге Ах-йот, загадка золотого гроба из так называемой гробницы Тэе, загадка четырех алавастровых голов на сосудах, найденных вместе с гробом, и, по-видимому, даже загадка двух фараонов (см. гл. II, IV и V). Из загадок, связанных с золотым гробом, нерешенной осталась одна — загадка лежавшего в нем мертвеца.

Ученые правильно сетуют на то, что странное погребение не было издано полнее и тщательнее. Воссоздать теперь, десятилетия спустя, все обстоятельства находки невозможно. Врачебное заключение о возрасте покойного расходится с показаниями окружавших его вещей, да и само свидетельство этих последних противоречиво.

Бесспорно то, что умерший покоился в гробу, переделанном для Амен-хотпа IV. Бесспорно также то, что по погребальному помещению были расставлены волшебные кирпичи на имя царя-преобразователя. Однако ни на самый труп, ни вообще во гроб не было положено ни одной вещи, надписанной царским именем. Зато во гробе оказались предметы, каких нельзя было ожидать на останках Амен-хотпа IV, вещи, которые в его царствование могли быть в употреблении только в более ранние годы, но никак не накануне его смерти.

В пылу споров о возрасте покойного ученый мир позабыл об одной странности, на которую обратил внимание еще в 1921 г. К. Зэте. Он подметил, что на двух маленьких золотых пластинках, обнаруженных в гробе, стояли: на одной — первое солнечное кольцо, а на другой — оба солнечных кольца, но не поздние, как надо было бы ожидать на трупе Амен-хотпа IV, а ранние (TQT: 22-23). Неужели на мертвого царя надели бы украшения с тем видом солнечного имени, который он давно отверг? К. Зэте приходил к выводу, что молодой человек, лежавший в гробу Амен-хотпа IV, не только не был им, но и скончался много раньше его, еще тогда, когда в употреблении были ранние солнечные кольца.¹ [237]

Не меньшей неожиданностью был и головной убор трупа (TQT: XX + 20). Когда-то это был нагрудный знак из толстого листового золота, изображавший коршуна с воздетыми кольцеобразно крыльями, но его согнули так, чтоб его можно было надеть на голову. Коршун представлял верховую государственную богиню Нехбо, отвергнутую царем задолго до кончины в одно время с переделкою солнечных колец в поздние (см. § 68). Коршун считался и священной птицею Мут, жены Амуна, ненавистного отверженного бога старой столицы. Даже из письма был удален знак, изображавший коршуна, и слово *мвт* «мать» в последнюю треть царствования Амен-хотпа IV писали не этим знаком, а буквами *м* и *т* (см. § 109). В старой же столице знак коршуна прямо-таки истребляли в надписях.² А вот в гробу Амен-хотпа IV золотой коршун оказался на голове почившего! На эту странность обратил внимание еще в 1911 г. А. Вэйголл.³

В том, что погребение было фараоновским, сомнений быть не может. Человекообразный гроб изображал спеленатого мертвого царя: к подбородку была приставлена плетеная борода мужских египетских божеств (TQT: 19 + XXX, ASAE XXXI: I), лоб венчал царский аспид (TQT: 19 + II 5), руки сжимали царские скипетры — несохранившийся крючковатый жезл и частично уцелевшую махалку (уцелели частично подвески, TQT: 19 + VI 3). Надписи на гробе звали умершего «властителем добрым», «подобием Рэ», «воссиявшим в белом венце», «царем (и) государем», «владыкой обеих земель», «сыном Рэ», «владыкой венцов» (см. гл. IV) и содержали его фараоновские имена, от которых остались куски и следы заключавших его колец (ASAE XXXI: I-II). Из трех царей-солнцепоклонников — Амен-хотпа IV, Семнех-ке-рэ и Тут-анх-йота — в расчет могут быть приняты только первых

¹ K. Sethe. Beiträge zur Geschichte Amenophis' IV // Nachrichten von der k. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Kl.-Jg. 1921. B., 1921. S. 122-130.

² Nina de G. Davies, A. H. Gardiner. The tomb of Amenemhet (№ 82). L., 1915. P. 35, n. 6.

³ A. E. P. Weigall. The life and times of Akhnaton pharaoh of Egypt. 2 impression. Edinburgh-London, 1911. P. 263.

два, поскольку труп последнего был найден в его гробнице.

В пользу Амен-хотпа IV говорят прежде всего надписи на гробе. Никто из фараонов, кроме Амен-хотпа IV, не величал себя перед каждым из своих колец «живущим правдою» (см. § 64). Семнех-ке-рэ и вслед за ним Тут-анх-амуна иногда величали подобным образом, но только перед первым кольцом (см. гл. IX). Никто больше из египетских царей не именовался после второго кольца «большим по веку своему», кроме опять-таки одного Амен-хотпа IV (см. § 51). Таким образом, хотя сами имена на гробе уничтожены, сопроводительные наименования не хуже их доказывают, что гроб предназначался для [238] Амен-хотпа IV. На волшебных кирпичах, расставленных подле гроба, сохранилось и самое имя (TQT: 26-27 = XXII = JEA XLVII: VI 2). По справедливому заключению Э. Х. Гардинера, эти кирпичи доказывают, что совершившие погребение люди считали умершего Амен-хотпом IV.⁴

Против отождествления с царем-преобразователем говорят непомерная юность покойного⁵ и несходство с изображениями Амен-хотпа IV,⁶ установленные судебным освидетельствованием. Помехою служат также найденные во гробе украшения с ранними солнечными кольцами, отвергнутыми задолго до кончины царя (см. § 25).

В пользу Семнех-ке-рэ говорит возраст умершего, против же — надписи на гробе и заупокойных кирпичах, объявляющие почившего Амен-хотпом IV. Не в пользу Семнех-ке-рэ говорит также полное отсутствие его имени на вещах, окружавших покойного. Амен-хотп IV назван на гробе и на кирпичах, а также совместно с родителями на надгробной сени, предназначавшейся когда-то для его матери (TQT: 13-15 [= отчасти TTA: 164-165 *CLXXXVIII*] + XXIII + XXVIII-XXXIII). Отец и мать, Амен-хотп III и Тэе, поименованы, кроме того, еще на нескольких вещицах (TQT: 31-32, 35-36), но нигде ни разу не упомянут Семнех-ке-рэ.

Что же получается? Без затруднений покойника нельзя отождествить ни с тем, ни с другим фараоном. Так, может быть, надо принять первоначальную догадку Г. Масперо, допустить ошибку со стороны людей, ответственных за похороны, предположить, что они перепутали при перевозке из Ах-йот в Нэ останки тестя и зятя и похоронили во гробе Амен-хотпа IV его преемника?⁷ Конечно, предположить все это можно, но чем и как подтвердить предположение?

Трудновато более полувека спустя разбираться в плохо изданных раскопках, но, может быть, все-таки стоит попытаться, ухватившись за какие-нибудь неприметные кончики, распутать клубок противоречий?

Как мы уже говорили, Э. Х. Гардинер метко и правильно заключил по расстановке вокруг гроба защитных волшебных кирпичей на имя Амен-хотпа IV о полной уверенности хоронивших, что они хоронят не кого иного, как именно этого фараона. [239] Однако не менее метко и правильно Х. В. Фэрмэн возразил Э. Х. Гардинеру, что на обоих кирпичах, где сохранилось царское имя, ему предпослано обозначение «Усире» («Усире царь» такой-то), чего никогда б не сделали, буде кирпичи были надписаны на другой день после смерти Амен-хотпа IV. Ведь под конец царствования царь-солнцепоклонник не терпел никаких старых богов, а наименованием «Усире» он приравнивался к древнему богу мертвых. Х. В. Фэрмэн делал из этого вывод, что кирпичи были заготовлены давным-давно, в начале царствования, когда фараон еще признавал прежних богов, и что из мрака забвения эти кирпичи извлекли на свет, когда собирали погребальную обстановку для Семнех-ке-рэ.⁸ В таком случае, разумеется, упоминание на них Амен-хотпа IV теряет в значительной мере свою доказательность. Казалось бы, как нельзя более веское возражение, и тем не менее прав Э. Х. Гардинер. А прав он потому, что надписи на кирпичах неотделимы от надписей на гробе.

⁴ A. Gardiner. The so-called tomb of queen Tiye // JEA. Vol. 43, 1957. P. 23.

⁵ G. E. Smith. The royal mummies. Le Caire, 1912. P. 51-56, pl. XXXVI-XXXVII; D. E. Derry. Note on the skeleton hitherto believed to be that of king Akhenaten // ASAE. T. 31, 1931. P. 115-119, и особенно: R. G. Harrison. An anatomical examination of the pharaonic remains purported to be Akhenaten // JEA. Vol. 52, 1966. P. 95-119, pl. 20-30.

⁶ R. G. Harrison. An anatomical examination of the pharaonic remains.

⁷ G. Maspero. Causeries d'Egypte. P., [1907]. P. 343-350. Во втором издании, с теми же выходными данными, Г. Масперо уже не выдвигает предположений относительно тождества с Семнех-ке-рэ.

⁸ H. W. Fairman. Once again the so-called coffin of Akhenaten // JEA, Vol. 47, 1961. P. 37-38.

Это может показаться странным. На кирпичах — стародавние заклинания в соответствии с предписаниями упраздненной солнцепоклонниками «Книги мертвых», на гробе — самые что ни есть солнцепоклоннические титулы и приемлемые для солнцепоклонников пожелания; на кирпичах умерший — «Усире», на гробе нет и намека на старого бога мертвых. Все это так. Однако надписи на гробе сами содержат вставки, для Амен-хотпа IV, каким он стал под конец царствования, немногим более приемлемые, чем «Усире» на кирпичах. Дело в том, что гроб, предназначенный сначала для побочной жены Амен-хотпа IV, был переделан для него самого не раньше, как через несколько лет после его смерти.

Даже те из вставок на гробе (см. гл. IV), которые, казалось, ничем не противоречат строгому солнцепоклонничеству поздних лет Амен-хотпа IV, сплошь и рядом содержат намеки на время после него. В начале надписей А и С фараон назван на золотых заплатах «образом (*tjmt*) Рэ», «воссиявшим в белом (венце)». Оба обозначения, особенно первое, были употребительны при предшественнике и при преемнике царя-солнцепоклонника — Амен-хотпе III и Тут-анх-амуне. При самом Амен-хотпе IV засвидетельствованы наименования «образ Рэ впереди [обеих земель]» (гробница Ра-мосе правителя в Нэ, FTEQ: XVI = EW: XVI = DGKAIV: V = ABPK XL: 217-218 = ARK: III = BMRAH VI: 45 = TVR: XXIX = LI = AeKHK: X; ср. JEA IX: XXII 1 = EE 1922-1923: 43 = ASAE XLII: 459; ср. перстень из Ах-йот СА II: XLVI 1), «взявший добрый (т. е. верховый) венец» (плита близ Снэ, ASAE III: 261 = TTA: 134 CXIII = U18D: 1963), да и то только для начала царствования, несмотря на то что «образом» солнца [240] фараон считался и в белом венце изображался также в последующие годы. Конечно, одно то, что в позднейших вставках употреблены царские прозвания, свойственные времени до и после отрицания старины, но не засвидетельствованные для поры ее отвержения, не слишком доказательно. Как ни много дошло до нас солнцепоклоннических памятников, могли быть все-таки и такие, до нас не дошедшие, на которых одно из этих обозначений или оба вместе были употреблены даже в разгар солнцепоклоннических увлечений. Ведь сами по себе ничего не приемлемого для Амен-хотпа IV ни то, ни другое обозначение никогда не представляли. Тем не менее подозрительно, что сочинителям вставок в гробовые надписи пришли на ум никакие иные, как именно два неупотребительных или малоупотребительных до кончины царя прозвания, ставшие вскоре после нее употребительными.

В последней строке надписи F на золотой заплате значилось: «сын Рэ [Эх-не-йот], пра[виль] голо[сом]» (ASAE XXXI: II = TTA: 169 CXCVI = JEA XLIII: 17 = JEA XLVII: 33 = T3Г: 31 = ZZR: 27). К этой вставке как по содержанию, так и по положению в конце строки очень близки две другие вставки — в надписях по наружным краям гроба В и С. Тем не менее тут мы читаем: «- - - [Эх-не-йот], большой по веку своему» и «сын Рэ, живущий правдою, владыка венцов [Эх-не-йот], большой по веку своему». Наименование «большой по веку своему» — закономерный придаток ко второму кольцу с именем «Эх-не-йот» (см. § 51): примеров сочетания этого имени с таким добавочным к нему наименованием несчетное количество. Даже в правление преемника Семнех-ке-рэ имя «Эх-не-йот» сочетают с добавочным наименованием «большой по веку своему» (JEA XIV: 5 = TTA: 168 CXCVI = U18D: 2024 = AOt XXXVI: 13 1a). Таким образом, обе вставки в надписях В и С выдержаны в духе Амен-хотпа IV, вставка же в конце надписи F противоречит обычаям его царствования.

«Правым голосом» фараон назван также на золотой заплате в первой строке надписи F (TQT: 18 = BFAO XII: 150 = ASAE XXXI: II = TTA: 169 CXCVI = JEA XLIII: 17 = JEA XLVII: 33 = T3Г: 31 = ZZR: 27). Только тут эти слова следовали, наверное, за другим, именно первым кольцом Амен-хотпа IV «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ». Кроме как в двух местах на гробе да еще на заупокойных кирпичах, найденных вместе с ним, Амен-хотп IV «правым голосом» нигде почти больше не назван. В солнцепоклоннической столице не возбранялось называть умершего «правым голосом» — возможно, потому, что это выражение употреблялось просто и бездумно в смысле «покойный», без особой мысли об оправдании на загробном суде. Но к самому царю старинное обозначение обычно не прилагалось. На подавляющем большинстве «ответчиков» царя, дошедших во множестве из ущелья позади Ах-йот, в котором была вырублена царская [241] гробница, фараон не назван «правым голосом»,

несмотря на сугубо заупокойное назначение этих вещей, изображавших царя, подобно золотому гробу, в виде спеленатого трупа. Вместо того титуло на них кончалось после кольца с именем «Эх-не-йот» обычным наименованием «большой по веку своему» (MSECAE I: 7 четыре раза, ASAE XXXV: 195 = [I] 9 [= ASAE XXXIX: 382 = LVII A], 10, 11, 196 = [I] 12, FSMS II: 397 48549, 400 48558-48559, 401 48562, ср. 403 48568, ASAE XXXIX: 382 = LVII C, CHIBM I: LXXXI 384, 389, 390, 393, LXXXII 359, 408, LXXXIII 417, сводное издание — EA VII: XVI 57, 80, 81, 84, 85, 115, 127, 128, 129, 130, 133, XVII 171, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 184, 185, 186, 187, 189, 207, 229, 230, 237, XVIII 244, 250, 252, 253), так же как на боках гроба. Исключение составляют два «ответчика». На одном после кольца с именем «Эх-не-йот» написали «большой по веку своему, правый голосом» (CHIBM I: LXXXI 380 = EA VII: XVII 172 = XXXIX 172), на другом — только «правый голосом» (CHIBM I: LXXXII 404 = EA VII: XVII 170 = XXXIX 170). Наименование «[большой] по веку своему» следовало за кольцом с именем «Эх-не-йот и на погребальном алавастровом ящике с сосудами для внутренностей фараона, происходящем также из царской гробницы (EA VII: XXIII 17 + 33). Ящик был изготовлен впрок задолго до конца царствования: при ранних солнечных кольцах (ASAE XL: LI, EA VII: 30-32), т. е. тогда, когда фараон еще далеко не был таким нетерпимым, как впоследствии. Только «большой по веку своему» значится за кольцом царя и на обломке его каменного гроба (EA VII: VIII, ср. обломки на VI, VII, IX).

Любопытно, что на самом золотом гробе на золотой заплате в конце надписи снаружи крышки (надписи A, BFAO XII: 149 = ASAE XXXI: 100 = I = TTA: 169 CXCVI A) после кольца царя «[Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ]» и наименования «отрок добрый Йота живого, который будет жив вековечно вечно» стоят слова «правый на небе (и) на земле». Последнее определение, невиданное и неслыханное, подсказано, очевидно, обычным обозначением «правый голосом» и было придумано не иначе, как в противовес и взамен ему. При более спешной переделке надписи F никто уж не утруждал себя изобретением соответствий обозначению «правый голосом», и это обозначение спокойно ввели даже туда, где ему было совсем не место, как после имени «Эх-не-йот».

Впрочем, само причудливое сочетание «правый на небе (и) на земле» далеко не такое солнцепоклонническое, как может показаться на первый взгляд. Некий местный князь города *Нфр-вй-сй* (неподалеку от солнцепоклоннической столицы), по имени *Мхъ*, был явно не в ладах с царским солнцепоклонничеством и потому, возможно, не в меру осмотрительным. На изваянии своего почившего родителя он величал его, а заодно и самого себя не по старинке «правым голосом», а просто «правым», [242] и это не один раз, а целых пять (ASAE XVIII: 53-54 = TTA: 135-136 CXXIV A = U18D: 2019-2020). Знакомо было солнцепоклонникам и сочетание «на небе (и) на земле»: «Он (т. е. Йот) на небе (и) на земле» (EA V: XXIX, строка 10 = TTA: 111, EA V: XXXI, строка 11). В другом случае речь идет о том, чтобы здравствующий фараон «[воссиявал на] месте (т. е. на престоле) отца своего Йота, как Рэ на небе (и) земле повседневно» (ASAE X: 123 = LRE II: 348 = TTA: 146 CXXXIX = U18D: 1963). Сочетание обоих выражений «правый» и «на небе (и) на земле», кроме как на гробе, нигде больше на солнцепоклоннических памятниках не встречается. Если позаботились сочинить его взамен стародавнего «правый голосом», то, очевидно, хотели так или иначе засвидетельствовать «правоту» царя на его гробе. В солнцепоклоннической столице в царской усыпальнице и на предметах оттуда забота о «правогласности» фараона малоощутима (гробница — MSECAE I; об «ответчиках», о ящике с погребальными сосудами и каменном гробе см. выше).

Мы видели, что первоначальная владелица гроба Кэе была в великой чести у своего возлюбленного не только при ранних, но и при поздних солнечных кольцах, почти что до самого конца его царствования (см. гл. VI). Уничтожение ее памяти в усадьбе и на гробе приходится, следовательно, на время безраздельного господства поздних солнечных колец. И действительно, эти кольца начертаны на груди налобной царской змеи, венчавшей гроб после переделки.

Но вот в надписи F на подошвах гроба, переделанной в молитву фараона своему «отцу» солнцу, это последнее на поставленной при переделке золотой заплате названо «Ра-Хар-Ахтом» (строка 8 — BFAO XII: 150 = ASAE XXXI: II = TTA: 169 CXCVI = JEA XLIII: 17 = JEA XLVII: 33 = T3Г: 31 = ZZR: 27). Если бы гроб переделывали немедленно после смерти

Амен-хотпа IV, то на другой день после нее никак не вложили бы ему самому в уста в его же молитве на собственном гробе давно отвергнутое обращение к солнцу как «Ра-Хар-Ахту».

Далее, на золотых заплатах неоднократно употреблен знак человекообразного египетского бога — изображенье сидящего на земле и закутанного в плащ мужчины с зачесанными за спину волосами и длинной, загнутой на конце бородкой. В надписи этот знак передает в четырех случаях местоимение 1-го лица единственного числа применительно к покойному фараону как лицу божественному и в одном случае служит определителем к слову «отец», употребленному о солнце (первые четыре случая в строках 3 [уцелел лишь низ знака с кончиком длинных волос] и 6 [из трех знаков у одного разрушена бородка], последний случай в строке 8 — волосы длинные, но борода без загиба, ASAE XXXI: II = JEA XLIII: 17 = JEA XLVII: 33 = TЗГ: 31 = ZZR: 27). Кроме того, согласно воспроизведениям печатным набором, знак употреблен на золотой заплатке в начале надписи D как [243] определитель к обозначению покойного царя: «властитель» (BIFAO XII: 150 = ASAE XXXI: 100).

Мы знаем, что знак человекообразного египетского бога был решительно отвергнут в пору поздних солнечных колец, в частности как определитель к обозначению солнца как царского «отца» (см. § 115). Неужели сразу же после смерти царя на гробе, переделываемом для него, и не где-нибудь, а в царских мастерских, поместили бы отверженный знак, выставивший покойного и его лучистого «отца» богами? Разумеется, нет. Золотой гроб мог быть переделан для Амен-хотпа IV лишь значительное время спустя после его кончины.

Но не только во вставках, сделанных в гробовые надписи, много несвойственного последним годам Амен-хотпа IV. Нечто глубоко чуждое им заметно и во всем облике самого гроба, т. е. том облике, который ему был придан при превращении из женского в фараоновский. При переделке к лицу приставили бороду, но не ту прямую, какую носили на изображениях фараоны и какую имели «ответчики» царя-солнцопоклонника, помещенные в его гробницу в Ах-йот (MSECAE I: 6, ASAE XXXV: [I], ASAE XXXIX: LVII B, SE II: 289, сводное издание — EA VII: XVIII, XXV-XXVII, XXIX-XXXII, XXXV-XXXVII, XXXIX-XLIV, XLVI). Человекообразному гробу придали ту длинную, узкую плетеную бороду (TQT: 19 + XXX, ASAE XXXI: I = TЗГ: 11 = ZZR: между 48 и 49, APHe: XIV colour pl., XXXV), с какою отверженное многобожие изображало своих богов. Это — та самая борода, которую мы видим у знаков человекоподобного египетского бога, вставленных на золотых заплатках при переделке надписей на гробе.

Сравним теперь переделанный гроб с заупокойными кирпичами, которые были расставлены около него по погребальному помещению. Разве не перекликаются в какой-то степени переделки на гробе с заключительными строками на кирпичах? Сами по себе заклинания на них — старинные изречения, чуждые солнцопоклонничеству Амен-хотпа IV. Но назван-то в конце их как-никак он сам. Словами «Буду (я) защитой Усире царя Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» кончается заклинание на одном кирпиче и словами «Буду (я) защитой Усире царя Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, правого голосом» — на другом (TQT: 26-27 = XXII = JEA XLVII: VI 2). Вполне возможно, что сходным образом кончались заклинания на двух других кирпичах, нанесенные на них не вдавленными знаками, а чернильной скорописью (TQT: 27). К сожалению, концы этих кирпичей не сохранились. На втором из цельных кирпичей Амен-хотпа IV — «правый голосом», как на вставках в начале и конце надписи на подошвах гроба. На обоих цельных кирпичах покойный царь — «Усире». Но ведь и на вставках на гробе знак, передающий местоимение 1-го лица единственного числа и, следовательно, относящийся к говорящему обожествленному царю, изображал прежнего бога, и никакая [244] иная как прежняя божеская борода была прикреплена при переделке к лицу гроба.

Х. В. Фэрмэн правильно указывал, что на кирпичах никогда б не наименовали Амен-хотпа IV «Усире», не отождествили б с отверженным богом мертвых, если б они были надписаны около времени смерти фараона. Но этот законный вывод не требует, чтобы мы заподозрили правильность чтения царского имени на одном кирпиче, а другой приурочили к началу царствования, когда Амен-хотп IV еще признавал старых богов. Изданные снимки подтверждают чтение «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» для обоих кирпичей (TQT: XXII = JEA XLVII: VI 2). Маловероятно также, чтобы в ближайшие годы по воцарении уже готовили для царских

похорон такую мелочь, как заупокойные кирпичи из необожженной глины — речного ила с утвержденными на них волшебными вещицами. Ведь ровно ничего не известно о сооружении себе юным фараоном гробницы в Нэ. В царской же гробнице в Ах-йот даже такой относительно ранний предмет погребальной обстановки, как алавастровый ящик с сосудами для внутренностей (ASAE XL: LI-LV, EA VII: 30-32, XXI-XXIV) — не только еще с ранними солнечными кольцами, но даже с изображениями солнца в виде сокола, увенчанного кругом,— был надписан настолько по-солнцепоклоннически, что возможность наименования на нем Амен-хотпа IV «Усире» прямо-таки исключена.

Точки соприкосновения между переделками на гробе и заклинаниями на кирпичах, найденных вместе с ним, представляют не случайное сходство, а родство по существу. Как вставки, так и заклинания — дело рук людей, благорасположенных к Амен-хотпу IV, но уже далеко отошедших от него, утративших всякое его понимание. Должно было пройти немало времени, чтобы преданные царю-солнцепоклоннику люди позабыли, что тот, кто был «Большим по веку своему», не стремился стать взамен того «правым голосом», что он отказался от Ра-Хар-Ахта как отдававшего старым многобожием, что он признавал солнце и себя только царями (см. § 114-115), что «богов» он отверг, что отождествление с Усире было для него ненавистным.

Поучительно сравнить переделки на золотом гробе с надписями и изображениями на двух креслах из гробницы Тут-анх-амуна, изготовленных в начале его царствования, когда он был еще Тут-анх-йотом.

На спинке одного из этих кресел, именно золотого, юный фараон и его царица Анхес-эм-п-йот представлены под лучистым многоруким солнцем, названным оба раза одним своим солнечным именем в кольцах с последующим многолетием, но без титуловых прозваний (ТТ I: II = Т I: Titelbild = Тут: I = SA III: XVII = Tou: против 64 = TuT: X = KEAZ: LVIII = EPh: 122 = LT: LI = ВНеф: VI в цвете = GT: IV). При Амен-хотпе IV подобное [245] сочетание выглядело бы необычно. Солнечные кольца на кресле поздние, следовательно, враждебные всему, что как-нибудь напоминало старых богов. Однако позади подлокотников помещено по изображению государственных богинь (ТТ I: XXIV + LXII + LXIII + LXIV = отчасти Т I: XV + L = GT: L + LI + LIII). Сзади на спинке сам Тут-анх-йот дважды назван «богом добрым», обозначением, отвергнутым Амен-хотпом IV (см. § 114). Также и на золотом гробе — на налобной змее поздние солнечные кольца, к подбородку приставлена плетеная борода старых богов (TQT: 19 + XXX, ASAE XXXI: I = TЗГ: II = ZZR: между 48 и 49, APhE: XIV colour pl., XXXV), а в молитве призывается тот самый Ра-Хар-Ахт, из-за которого как раз и было переделано первое солнечное кольцо из раннего в позднее. В гробовых надписях употреблены одновременно прозвание «властитель добрый» (четыре раза, BIFAO XII: 149-150 = ASAE XXXI: 100 + I = TTA: 169 CXCVI A, B, D = отчасти TQT: 18 + XXX), заменившее отверженное «бог добрый» (см. § 114), и знаки, изображавшие человекоподобного бога (ASAE XXXI: II = JEA XLIII: 17 = JEA XLVII: 33 = TЗГ: 31 = ZZR: 27, ср. BIFAO XII: 150 = ASAE XXXI: 100, надпись D).

Еще показательнее другое кресло — со скрещенными ножками и высокою спинкою (ТТ III: XXXIII = Т III: XXXII = ASAE XL: XXVIII = GT: CXXXI = AAAE: CXIX = VMPh: XII = GT: XVII). Вверху спинки — солнечный круг с подписанными поздними солнечными кольцами, но уже без лучей-рук. Немного ниже простирает крылья верховая богиня-коршун (вспомним золотого коршуна, надетого на голову трупа, лежавшего в гробу, TQT: XX + 20). Но всего любопытнее надписи, расположенные отвесно ниже коршуна. В них Тут-анх-йот трижды величается по-солнцепоклоннически «властителем добрым», т. е. носит звание, распространившееся в свое время как замена старого «бог добрый» (см. § 114), и тут же объявляется не только «возлюбленным богов, царем божественным», но и «сыном Амуна, коего взлюбил он против (т. е. превыше) царя всякого» (AAAE: CXIX = VMPh: XII = GT: XVII).

Этим унаследованным от Амен-хотпа IV прозванием «властитель добрый» начинаются на кресле два царских титула, а в третьем то же прозвание значит на втором от начала месте: «царь (и) государь, властитель добрый». Не то же ли мы видим на золотом

гробе? На заплатках в начале трех надписей, трех фараоновских титул, стоит не что иное, как прозвание «властитель добрый» с последующим хвалебным наименованием. При этом любопытно, что самая видная из трех надписей, та, что снаружи на крышке гроба и что идет столбцом сверху вниз, имеет после слов «властитель добрый» то же самое добавочное наименование, что и основная по повороту знаков (в правую сторону) отвесная надпись на кресле. И тут и там [246] фараон — «властитель добрый, знамение Рэ». Добавочное наименование в другой из трех надписей на гробе (в третьей оно пропало) — «воссиявший в белом венце» — находит себе некоторое соответствие в одной из поперечных надписей на кресле, начинающейся прозванием «бог добрый». В ней фараон — однако уже не «Тут-анх-йот», как в отвесных надписях, а «Тут-анх-амун, Властитель Она Верховья» — назван «приглядным (? — снимки нечетки в этом месте) в белом венце, воссиявшим в двойном венце».

Переделки на гробе и надписи и изображения на креслах отражают одно и то же хорошо известное явление: существование бок о бок в течение некоторого времени при преемниках Амен-хотпа IV пережитков его солнцепоклонничества и восстановленной старины.

Если гроб переделывали, а заупокойные кирпичи изготовляли и надписывали значительное время спустя после кончины Амен-хотпа IV, то делали это не иначе, как для повторных его похорон, очевидно тех самых, что имели место в найденном в 1907 г. тайнике. Эти похороны происходили при Тут-анх-йоте/Тут-анх-амуне.⁹ В тайнике, как известно, были найдены поломанные глиняные печати с именем этого царя (TQT: 10, JEA XLVII: VII 1 + 66-67). Они валялись по погребальной помещению и, как справедливо полагают, отвалились или были сорваны с некогда запечатанного ими «приданого» покойного. Таким образом, гроб Кэе переделали для ее возлюбленного при его втором преемнике Тут-анх-йоте / Тут-анх-амуне и тогда же приготовили заупокойные кирпичи. Показания переделок на гробе и надписей на кирпичях сошлись, выходит, как нельзя лучше, с показаниями печатей.

Но это значит, что ко времени Тут-анх-йота / Тут-анх-амуна Амен-хотп IV лишился своей первоначальной погребальной обстановки. Что же тогда случилось с его первоначальным гробом или его первоначальными гробами, поскольку их, можно думать, было несколько? Царская гробница в покинутой солнцепоклоннической столице была разгромлена противниками царя-преобразователя. Не только его погребальные сосуды, но даже огромные наружные гробы членов царской семьи, изваянные из твердого камня, были разбиты вдребезги, а «ответчики» царя разломаны и разбросаны по ущелью. Неизвестно, при ком из преемников Амен-хотпа IV был произведен разгром его гробницы. Трудно поверить, что то было сделано по распоряжению Тут-анх-амуна, потому что, как правильно указал С. Олдред, Тут-анх-амун не преследовал память Амен-хотпа IV и на предметах дворцового обихода не уничтожал его имени¹⁰ (исключение [247] — два сосуда, см. гл. X). Тем не менее в опустелом городе враги могли, пожалуй, уже при Тут-анх-амуне расправиться с неохраняемой гробницей.

Как бы то ни было, через некоторое время после первых похорон для Амен-хотпа IV и для его внутренностей снова понадобились гроб и погребальные сосуды. Гроб имелся — тот самый, который когда-то предназначался для Кэе, надо было только его несколько переиначить. Переделать сосуды с головами Кэе на крышках было много труднее, поскольку Кэе на Амен-хотпа IV не походила. Но сосуды были настолько хороши, что ими не стыдно было воспользоваться для внутренностей фараона, тем более что он должен был покоиться во гробе, к которому они как раз и относились. Возможно также, что приходилось спешить и не было времени ни надписать сосуды на имя нового владельца, ни снова водрузить на головы царские змеи. В последних строках надписи F на подошвах гроба вставки были сделаны по большей части наспех: золотые заплатки не пригнаны к строкам, выходят за них, знаки прочерчены обобщенно, без подробностей (ASAE XXXI: II = JEA XLIII: 17 = JEA XLVII-33 = T3Г: 31 = ZZR: 27).

⁹ Th. M. Davis // Th. M. Davis a. o. The tomb of queen Tey. L., 1910. P. 4.

¹⁰ C. Aldred. The tomb of Akhenaten at Thebes // JEA. Vol. 47, 1961. P. 57.

Богатое ожерелье из золота и ценных камней, бывшее на шее у мертвеца, которого нашли в 1907 г. во гробе Амен-хотпа IV, вполне могло быть надето на царя-солнцопоклонника сразу же после его смерти (TQT: 9 + 20-21 + XXI). Ничего не приемлемого для строгого солнцопоклонничества последних лет Амен-хотпа IV в ожерелье не было. Но этого никак нельзя сказать о странном головном уборе, обнаруженном на трупе. Золотой нагрудный знак в виде коршуна с воздетыми крыльями, согнутый и надетый на голову умершему, изображал верховую государственную богиню (TQT: XX + 20). Мы уже говорили, что А. Вэйголл еще в 1911 г. обратил внимание на то, насколько неприемлемо было бы такое украшение для Амен-хотпа IV, как мы его знаем накануне смерти. Однако люди, которые могли величать его «Усире» и переделать для него гроб с полным пренебрежением обыкновениями конца его царствования, могли положить во гроб и золотого коршуна. Его могли взять из того же хранилища ненужных дорогих вещей, что и самый золотой гроб и погребальные сосуды. Попасть туда коршун мог как при Амен-хотпе IV — за свое многобожеское происхождение, так и впоследствии — из-за отломанной ноги.

Затем в 1907 г. во гробе нашли две золотые пластинки: одну — в виде царского именного кольца с вписанной в него первой половиной раннего солнечного имени, другую — в виде двух колец с тем же ранним солнечным именем, но в полном составе. Как мы видели, К. Зете считал⁵ эти украшения доказательством того, что молодой человек, найденный во гробе Амен-хотпа IV, скончался, когда в употреблении были еще ранние солнечные кольца, и потому Амен-хотпом IV быть не мог. [248] Но если в надпись на подошвах гроба можно было при переделке вставить обращение от имени царя к Ра-Хар-Ахту, то почему нельзя было положить во гроб пластинки с ранними солнечными кольцами, как раз и именовавшими солнце «Ра-Хар-Ахтом»? Пластика с одним первым кольцом представляет подвеску к ожерелью (TQT: 22). Пластика с двумя солнечными кольцами была, по мнению издателя, украшением, к чему-то когда-то прикрепленным (TQT: 23). В годы, когда употребительны были ранние солнечные кольца, Амен-хотпа IV и Нефр-эт охотно изображали в ожерельях с подвесками в виде солнечных колец. Они же значились на запястьях царской четы. После переделки солнечных колец из ранних в поздние царь и царица уже редко появлялись на изображениях в украшениях с солнечными кольцами. Устарелые драгоценности с ранними солнечными кольцами естественно было сложить в то место, где хранились вышедшие из употребления дорогие вещи. И что стоило, когда оттуда извлекали для Амен-хотпа IV золотой гроб и сосуды, прихватить также украшения с именем его бога и положить их во гроб? Ведь не кому иному, как Ра-Хар-Ахту, заставили молиться покойного фараона, переделывая надпись на гробе, а ранние солнечные кольца были полным именем как раз Ра-Хар-Ахта.

Расстановкою по погребальному помещению заупокойных кирпичей на имя Амен-хотпа IV Э. Х. Гардинер считал доказанным, что люди, ответственные за погребение, были твердо уверены в том, что хоронят именно этого фараона. Если кирпичи были изготовлены некоторое время спустя после смерти царя-солнцопоклонника, то возражения Х. В. Фэрмэна теряют силу.

Бесспорно, волшебные кирпичи — веский довод в пользу тождества покойного с Амен-хотпом IV. Но еще более веский довод представляет сам гроб, если он переделан для Амен-хотпа IV через значительный промежуток времени после его смерти в связи с похоронами в так называемой «гробнице Тэе». Переделка золотого гроба была делом дорогостоящим и трудоемким. Потрачено было немало золота на вставки в надписи; вставки были большей частью с мелочной тщательностью пригнаны к краям строк, знаки на вставках бывали не только выполнены с мельчайшими подробностями, но и выложены разноцветными составами. Не говорю уж о добавленных при переделке налобной змее, бороде, скипетрах. Нельзя себе представить, чтобы столько средств и труда потратили на переделку гроба для Амен-хотпа IV, не зная достоверно, что подлежавшие погребению останки — его, и никого иного.

При этом гроб был маленьким гробом. Если его переделывали для Амен-хотпа IV, то Амен-хотп IV должен был быть маленьким мужчиной. И что же? Молодой человек пускай

с трудом, но все же умещался в таком гробе! [249]

Итак, заключение науки о древностях может быть как будто бы только одно: молодой мужчина, похороненный в золотом гробе, не кто иной, как Амен-хотп IV.

А заключение врачебной науки? Может ли быть для нее этот молодой человек царем-преобразователем? Нет, ни в коем случае. После всестороннего обследования останков, недавно осуществленного Дж. Р. Харрисоном, это полностью исключено.¹¹

Для Дж. Р. Харрисона несомненно, что почившему не было и 25 лет (JEA LI: 111). Вполне вероятно даже, что он скончался еще раньше, на 20-м году жизни (JEA LI: 111). Следов недуга, который мог бы задержать возмужание, на костяке не оказалось. Покойный юноша явно не Амен-хотп IV. Тот процарствовал около 17 лет, а к нововведениям приступил вскоре по воцарении. К тому же к 6-му году царствования у него была уже дочь.

Далее, для Дж. Р. Харрисона несомненно, что покойный ни лицом, ни телосложением не был Амен-хотпом IV. У молодого человека не могло быть ни острого отвислого подбородка, ни толстых бедер; не было у него и объемистого таза (JEA LI: 111, 113).

Но если покойный не Амен-хотп IV, то кто же он, как не Семнех-ке-рз? К такому выводу вслед за Д. Э. Дэрри¹² приходит и Дж. Р. Харрисон.

Что же получается? Полное расхождение между свидетельством древностей и врачебным заключением? Да, как будто бы так. Но разве на этом можно успокоиться? Если врачебная наука наконец по-настоящему обследовала костяк, то пора и науке о древностях по-настоящему, насколько это осуществимо, обследовать и издать тайник и все в нем найденное. Тем временем нам придется продолжить разыскания с помощью неполных имеющихся изданий.

Издавна те ученые, которые верили в тождество мертвеца с Амен-хотпом IV, задавали себе вопрос: как могло случиться, что золотое лицо царя на гробе изуродовали, изображение царя на надгробной сени изгладили, имена царя и там и тут уничтожили, а самый труп царя не тронули? Не тронули? Мало того — вынув, чтобы истребить надписи на дне гроба, положили обратно!

Естественно и просто было бы ответить: те люди, которые истребляли память Амен-хотпа IV, не принимали за него того мертвеца, которого они оставили во гробе. И врачебная наука доказывает, что они не ошибались. [250]

Ну а те люди, которые совершали погребение, те-то были уверены, что хоронят четвертого Амен-хотпа! Очень трудно поверить, что они ошибались. Гроб был переделан для него с большою затратою труда и золота, и явно по распоряжению правительства. Неужели власти затеяли бы такую переделку, не располагая они несомненными останками того, для кого ее предпринимали?

Но если никто не ошибался, то возможно только одно решение. Когда совершали погребение, в золотом гробе лежал Амен-хотп IV; когда истребляли его память, там лежал уж кто-то другой. Иными словами, Амен-хотпа IV вынули, когда уничтожали его имена и изображение, а взамен положили останки другого лица.

Стоит лишь прийти к такому заключению, как разом станут понятны и прочие случаи кажущейся непоследовательности, наблюдающиеся в тайнике.

Надписи внутри гроба и по его наружным сторонам никогда не были изданы в своем подлинном виде: их воспроизводили всегда печатным набором (типографскими иероглифическими знаками). В подлинном виде обнародованы лишь надписи снаружи крышки (снимок ASAE XXXI: 1, ср. TQT: XXX = AA: XXIX = VMPh: 111, TЗГ: 11, APHe: XXXV, ср. XIV colour pl., ZZR: между 48 и 49) и на подошвах гроба (воспроизведение от руки по снимку ASAE XXXI: II = JEA XLIII: 17 = JEA XLIII: 33 = TЗГ: 31 = ZZR: 27). Переиздавая надписи в 1916 г., Ж. Даресси передал их все печатным набором, но при этом в пустые ободки, содержавшие имена царя, вписал по-французски в одних случаях — «пусто», в других — «вырвано» (BIFAО XII: 149-150). С помощью снимка и воспроизведения от руки можно узнать, что

¹¹ G. R. Harrison. An anatomical examination of the pharaonic remains. P. 95-119, pl. 20-30.

¹² D. E. Derry. Note on the skeleton hitherto believed to be that of king Akhenaten. P. 115-119.

отвечало на подлиннике каждой отметке. На надпись снаружи крышки приходится отметка «пусто». Здесь ободок с царским именем вырезан и удален бережно, негрубо. На надпись на подошвах приходится отметка «вырвано». И там действительно царское имя все три раза грубо и небрежно выдрано. Но Ж. Даресси ставит «пусто» и в надписях по наружным сторонам гроба, два раза в правой и два раза в левой. «Вырвано» же значит у него еще в надписях внутри гроба — в той, что снизу на крышке, и в той, что на дне.

Таким образом, отметки «пусто» относятся к надписям сверху крышки и по наружным сторонам гроба, т. е. к надписям, выполненным по золотому листу роскошными письменами — с разнообразными и разноцветными вставками (TQT: 18, BFAO XII: 149, ASAE XXXI: I = TЗГ: 11 = ZZR: между 48 и 49 = APhE: XXXV, ср. XIV colour pl.). Напротив, все отметки «вырвано» относятся к надписям внутри гроба и на его подошвах, следовательно, к надписям, нанесенным на золотой лист без каких-либо вставок (TQT: 18-19, BFAO XII: 149, ASAE XXXI: II = JEA XLIII: 17 = JEA XLVII: 33 = TЗГ: 31 = ZZR: 27). Значит, богатые [251] надписи щадили. Плохо обошлись лишь с надписями не видными снаружи да более простенькими. Память Амен-хотпа IV истребляли, но гроб берегли — для кого? Очевидно, для того, кого в нем оставили.

Когда Т. М. Дэвис и его спутники впервые спустились в тайнник, они нашли погребальную сень, которой полагалось стоять над гробом, разобранной. Ее дверцы лежали одна за другой на щебне, заполнявшем спуск (TQT: 7-8, XXIV). Притолока и косяки лежали на полу (TQT: 8, XXVII). Верхний край сени и стенки были прислонены к стене (TQT: 8, XXVI-XXVII). С этих стенок листовое золото большей частью отвалилось (TQT: 8), но на задней стенке сооружения, лежавшей плашмя на полу, оно сохранилось (TQT: 8, XXVII, XXIX, XXXII, XXXIII). На ней зияли пустые очертания изглаженного изображения царя (TQT: 14, XXVII, XXIX, XXXII). Не менее старательно были опустошены на ней и все кольца, содержавшие его имена (TQT: 14, XXIX, XXXII). Та же участь постигла имена Амен-хотпа IV и на других частях сени, валявшихся на полу (ср. TQT: 8 и XXVII): на притолоке (TQT: 13 = XXXI = TТА: 164 CLXXXVIII), косяке (TQT: 13 = XXXI = TТА: 164 CLXXXVIII), полотнище двери (TQT: 14, см. ниже). Напротив, на одной из стенок, стоявших у стены (TQT: 8, XXVI-XXVIII), на той из них, что сохранила часть золотого покрытия, ни изображение царя (TQT: XXVIII), ни его имя «Эх-не-йот» (TQT: 15 [= TТА: 166 CLXXXVIII], XXVI, XXVII) не были изглажены, хотя были на самом виду. На основании воспроизведения надписи печатными знаками TQT: 15 может показаться, что первое кольцо царя, «[Нефр-шепр]-рэ [Ва]-н-рэ», было сознательно разрушено. Уничтожая первое кольцо Амен-хотпа IV, сохраняли иногда как раз оба знака солнца — из почтения к Рэ. Даже на самой сени, возможно, имеется подобный случай (TQT: 13), хотя на другом воспроизведении того же места кольцо показано полностью опустошенным (TQT: XXXI), как, впрочем, и во всех остальных случаях на ней (TQT: 14 = XXXII, XXXII два раза, также 13 = XXXI и 14), не говоря уж о гробе. Однако в занимающем нас сейчас кольце уцелели не только знаки солнца, но и знак волнистой воды *н*. На снимках TQT: XXVI и XXVII первое кольцо царя распознать невозможно, но достаточно сравнить их со снимком действительно уничтоженных колец (TQT: XXIX), чтобы прийти к заключению, что золотая поверхность с данным кольцом не подвергалась сознательному разрушению: она не срезана и не разбита, а самое большее только отпала местами вместе со своей подосновой. Очевидно, части разобранной сени клали на пол и затем уничтожали на них ненавистные изображения и имена, до стенок же, оставшихся стоять у стены, очередь не дошла. Что-то помешало довести дело разрушения до конца. Заложив кое-как камнями вход — впереди прежней прочной преграды (TQT: 7-8), — разрушители ушли. Возможно, они даже оставили [252] в тайнике кое-что из своих орудий разрушения (TQT: 9, 39, V 6, VI 2). Однако обратно туда недруги покойного не пришли,

Недруги... Да. Но Амен-хотпа IV, а не того мертвеца, которого они покинули в склепе. Те люди, что так осторожно удаляли имена Амен-хотпа IV на гробе в надписях наиболее приметных и богатых, не менее примечательно обошлись с именами и на надгробной сени.

Она была сенью царицы Тэе, и потому там значились наряду с именами заказчика

(TQT: 13 = XXXI = TTA: 164 CLXXXVIII) — Амен-хотпа IV — также имена его отца, супруга царицы Тэ́йе, Амен-хотпа III (TQT: 13 = XXXI [= TTA: 164-165 CLXXXVIII], XXXII). И вот в двух местах вместо изглаженного имени сына было вставлено имя отца. В одном случае издатель отметил, что фараоновское имя Амен-хотпа III «Неб-ма-рэ» вписано вместо уничтоженного имени сына красными чернилами (TQT: 13). В другом случае издатель не сделал такой оговорки (TQT: 14; ср. ВІFAO XII: 156!), но «Неб-ма-рэ» там тоже написано со знаком, изображающим древнюю богиню правды — Мэ, а личное имя звучит «[Амен]-хотп Хок-висе» и сопровождается наименованием «большой по веку своему» (TQT: 14 = TTA: 165 CLXXXVIII).

Надгробная сень была изготовлена в последние годы Амен-хотпа IV, как доказывает титул солнца (TQT: 13-14, XXXI-XXXII, TTA: 164-165 CLXXXVIII) и своеобразное написание имени «Неб-ма-рэ» без многобожеского знака Мэ (см. § 108) там, где «Неб-ма-рэ» является исконным (TQT: 13 = XXXI = TTA: 164-165 CLXXXVIII, ср. TQT: XXXII). Если б занимающее нас сейчас «Неб-ма-рэ» находилось на сени с самого начала, оно тоже было б написано без знака Мэ. Но оно написано с ним — точь-в-точь как то «Неб-ма-рэ», о котором сам издатель сказал, что оно вставлено красными чернилами вместо изглаженного имени. Далее, в последние годы Амен-хотпа IV никто не посмел бы привести личное имя его отца — «Амен-хотп Хок-висе», упоминавшее отверженного Амуна. Личное имя царского родителя тогда или просто опускали (ЕА III: X, XVIII, XXI, СА III: 155 = LXIV 6), или взамен повторяли фараоновское имя «Неб-ма-рэ» (JEA XII: I = TTA: 166 CLXXXIX = HTES VIII: XXII = 26 = STEA: 21 = CuAE: XXII 6 = VMPh: 147 = APHE: XXX). Вконец изобличает вставку, подмену имен Амен-хотпа IV именами Амен-хотпа III, наименование «большой по веку своему», свойственное из всех фараонов одному Амен-хотпу IV (см. § 51).

Если бы разрушители задавались одной целью — истребить память Амен-хотпа IV в месте его погребения, то разве стали б они вписывать взамен одних имен другие? Возможно, что это было сделано из уважения к хозяйке сени — супруге преданного старине Амен-хотпа III. Но и в таком случае это означало б, что захоронение желали сохранить. Ради кого? Ради того, кого оставили в золотом гробе. [253]

Итак, в царствование Тут-анх-амуна в тайнике на царском кладбище в Нэ был вторично погребен в золотом гробе, переделанном из гроба Кэ́йе, солнцепоклонник Амен-хотп IV. Над гробом, помещенном посреди склепа, была поставлена золотая сень матери царя, накрывшая его со всех сторон. Что гроб стоял первоначально не в глубине тайника, а посредине и что сень не была сложена в нем в разобранном виде, доказывают места находок поломанных глиняных печатей с именем Тут-анх-амуна. Этими печатями было опечатано погребальное «приданое», но впоследствии они были оторваны и оказались под гробом и позади стенок, прислоненных к стене гробницы (TQT: 10).

После Тут-анх-амуна и, вероятно, после его преемника «отца божьего» Э́йе, скажем, при фараоне Хар-м-ха, если только не позже, в укромный тайник нагрянули должностные лица с поручением истребить там имена и изображения отверженного преобразователя, вынуть его самого из гроба, а взамен положить туда другого царственного мертвеца.

Посланцы проломили стенку, загораживавшую вход, скинули часть щебня из спуска в склеп, через образовавшийся просвет проползли в тайник, разобрали сень, отодвинули гроб в глубь помещения, а на освободившемся месте принялись за «работу». Они истребили царские имена на гробе и выдрали большую часть его золотого лица, именно нижнюю часть, но оставили лоб. При переделке гроба золотая личина с чертами Кэ́йе должна была быть заменена такою же личиною с чертами царя-солнцепоклонника, а у того лицо было своеобразным лишь ниже лба. Открывшаяся деревянная основа, равно как и головы на сосудах для внутренностей, передавала черты Кэ́йе (см. гл. IV), и потому разрушать их не было надобности. После гроба принялись за сень, но занятие пришлось прервать на полпути. Оставив последнюю «обработанную» ее часть — заднюю стенку на полу посреди помещения и не прихватив, возможно, даже кое-чего из своих орудий разрушения, посетители покинули тайник. Видимо, они собирались еще вернуться и вход в подземелье загородили лишь утлым заслоном из камней.

С собою в тайник разрушители принесли останки его нового обитателя, а унесли оттуда труп прежнего насельника — Амен-хотпа IV.

Вот так по имеющимся неполным изданиям можно предположительно представить себе судьбу тайника и почивавших в нем останков в ближайшие десятилетия после Амен-хотпа IV.

Человекообразный золотой гроб в своем переделанном виде был мужским фараоновским гробом. Надо лбом вздымалась царская змея, к подбородку была приставлена плетеная борода, в руки было вложено по скипетру (от крючковатого жезла и рукоятки махалки, бывших, очевидно, из позолоченного, со [254] временем истлевшего дерева, ничего не осталось, но подвески махалки уцелели — TQT: VI 9). В такой гроб взамен Амен-хотпа IV можно было положить только венценосца. По способу исключения нетрудно определить, что таковым мог быть только Семнех-ке-рэ.

Однако на трупе не оказалось ни одной вещи с именем юного фараона. Правда, в гробнице Тут-анх-амуна имелись предметы погребального обихода (в том числе золотые перевязи от савана), переделанные на имя Тут-анх-амуна из похоронных принадлежностей Семнех-ке-рэ. Последний, значит, мог лишиться своего погребального снаряжения. И тем не менее хотелось бы иметь вещественное подтверждение тождества покойного с Семнех-ке-рэ. Но может быть, тождество подтвердит сам труп?

Вместе с итогами недавнего врачебного обследования Дж. Р. Харрисон впервые обнаружил снимок знаменитого черепа спереди (JEA LI: XXII 2), чертежи своего восстановления по нему очерка головы (JEA LI: 114, 115) и два снимка юношеского лица, воссозданного (вылепленного) по черепу Д. Дж. Киддом, медиком-художником Медицинского факультета Ливерпульского университета (JEA LI: XXVIII 1, XXIX 1). Единственная оговорка, которую сделал при этом Дж. Р. Харрисон, касается носа, поскольку тот на черепе поврежден (JEA LI: 115).

И вот спрашивается, похоже ли восстановленное лицо на Семнех-ке-рэ? Однако есть ли у нас сколько-нибудь надежные изображения Семнех-ке-рэ?

Оставим в стороне те изображения, которые лишь по недоразумению присвоены ему некоторыми учеными, а на деле воспроизводят черты Амен-хотпа IV¹³ со свойственным ему отвислым и острым подбородком.¹⁴ На изображении потусторонней ладьи на второй надгробной сени Тут-анх-амуна в него мог быть переименован Семнех-ке-рэ, но на снимках ASAE XL: XXIV и ShT: XLIV черты лица неразборчивы. У нас имеются затем золотые ковчегцы для внутренностей, изображающие царя в виде спеленатого трупа (TT III: LIV = T III: LI = GT: CX, ВДИ 1953 3: 221, ShT: IX, VMPH: XXXIV, TST: 145, 151). Эти гробики-ковчегцы были найдены в гробнице Тут-анх-амуна, но надписи внутри их предназначались первоначально для Семнех-ке-рэ¹⁵ (ASAE XL: 137, JEA XLVII: 39(1)). Однако они были не на самих ковчегцах, а на вставном золотом листе. Затем у нас есть четыре изваяния, точнее, четыре головы, изображавшие молодого [255] солнцепоклоннического царя, но не Амен-хотпа IV и не Тут-анх-амуна, а кого-то третьего, иными словами, видимо, Семнех-ке-рэ. Деревянная голова, хранящаяся в Брюсселе (STEA: 37 29), и голова из голубоватого камня, хранящаяся в Москве (ВДИ 1972 4: 91), обе неизвестного происхождения; из двух песчаниковых одна найдена в Мэнфе¹⁶ (STEA: 37 30 = ZAeSA LXXXIII: IV a = TST: 69, 71 = APhE: VII, SAK II: III 1), другая — в самой солнцепоклоннической столице (CA III: LIX 6, 7, 8). И вот как ковчегцы, так и все эти четыре головы имеют некоторое, но, увы, отдаленное сходство с восстанавливаемым врачебною наукою обликом покойного.

Невольно напрашивается, вопрос: если замена останков Амен-хотпа IV останками Семнех-ке-рэ была произведена после царствования Тут-анх-амуна и, вероятно, также

¹³ Ср.: G. R. Harrison. An anatomical examination of the pharaonic remains. P. 114.

¹⁴ H. Schäfer. Altes und Neues zur Kunst und Religion von Tell el-Amarna // ZAeSA. Bd 55, 1918. S. 9-13.

¹⁵ R. Engelbach. Material for a revision of the history of the heresy period of the XVIIIth dynasty // ASAE. T. 40, 1940. P. 137.

¹⁶ Как показывает снимок спереди (впрямь) SAK II: 111 1, лицо слишком узко и подбородок слишком тяжел для Нефр-эт.

царствования Эйе, то где же находился до того в течение добрых двух десятилетий труп юного фараона? Ответить на это пока что нельзя, но все говорит за то, что он был похоронен убогим образом. Предметы из его роскошного погребального снаряжения, заготовлявшегося, видимо, впрок, даже золотые перевязи для савана (ТТ II: 84-85), оказались в гробнице Тут-анх-амуна, переделанные на имя последнего. На трупе, найденном во гробе Амен-хотпа IV, были наручи из тонкого золота (TQT: 9-10), богатое ожерелье (TQT: 9, 20-21 + XXI) да еще золотой нагрудный знак в виде летящего коршуна, зачем-то согнутый и надетый на голову (TQT: 9 + 20 + XX). При этом не исключено, что этот коршун мог достаться Семнех-ке-рэ от предшественника захоронения, т. е. от Амен-хотпа IV. Из издания, к сожалению, не усмотреть, где были найдены золотые подвеска (TQT: 22) и пластинка (TQT: 23) с ранним солнечным именем — внутри или вне пелен трупа? Если они лежали на дне гроба, то они могли упасть и остаться в нем, когда из него вынимали Амен-хотпа IV. В пользу этого могло бы кое-что говорить. На подвеске значится первая половина солнечного имени, но подвески со второй его половиной во гробе не оказалось. Как бы то ни было, на труп Семнех-ке-рэ, восстановителя прежних богов, как коршун, так и пластинки с именем Ра-Хар-Ахта могли быть вполне положены. На голову мертвому Тут-анх-амуну тоже надели чепец с тем же устарелым видом солнечного имени (ТТ II: XXXII; вопреки подписи под снимком солнечные кольца — ранние).

Видимо, с окончательным торжеством старины, когда власти задумали покончить с памятью ненавистного преобразователя, его гробницу на царском кладбище и его случайную, но довольно богатую погребальную обстановку решили использовать для Семнех-ке-рэ, который почему-то был погребен не по-царски [256] (не был ли он свергнут с престола?). При всем своем половинчатом солнцепоклонничестве молодой фараон в глазах ревнителей старины мог быть не без заслуг перед нею. Ведь это он восстановил старых богов и выказал самого себя их почитателем.

Будем надеяться, что со временем тайник и предметы из него будут заново обследованы и переизданы с надлежащей тщательностью и полнотой — насколько то выполнимо с опозданием в семь десятилетий! — и прольют больше света на превратную судьбу останков Амен-хотпа IV и его преемника Семнех-ке-рэ. [257]

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОЛНЕЧНОЕ ИМЯ

А. Солнце отеческое и солнце сыновнее

В солнцепоклоннических надписях весьма обычны, как было отмечено Г. Фехтом,¹ сравнения фараона с Йотом: «единый, как Йот» (EA VI: XXXII, последняя строка на правом косяке), «приглядный, как Йот» (EA VI: XVII, речь Туту, строка 2; XIX, речь возницы), «знающий, как Йот» (EA VI: XXV, строка 13), «(того же) род(а), что (и) Йот» (EA VI: XXV, строка 9), «возлюбленный, как Йот» (EA II: XXX, строки 3 и 4, XXXVI, EA III: 2, XIX), «светлый (? — если дополнить б) любовью, как Йот» (EA II: XXI), «властитель правды вековечно, как Йот» (EA V: XIII), «будешь ты вековечно, как Йот» (EA VI: XX, речь сановников и придворных), «будет он вековечно, как Йот» (EA IV: XIX), «(будешь) жить ты, как Йот, [повсе]дневно» (ZAeSA LV: 3 = KEA II: XV = EA VII: 16 = XX 2), «будешь ты - - - вековечно вечно, живя, как Йот» (TQT: 18 = BIFAO XII: 150 = ASAE XXXI: II = TTA: 169 CXCVI = JEA XLIII: 17 = JEA XLVII: 33 = T3Г: 31 = ZZR: 27), «ты молод, как Йот» (EA VI: XVII, речь Туту, строка 6), «(причем) молод ты, как Йот в небе, вековечно вечно» (EA V: XXIX = TTA: 110, строка 8; EA V: XXXI, строка 11 — в последнем случае слова «в небе» не сохранились), «властитель рожден, как Йот» (EA VI: XIV), «...чтобы творить мощь, как Йот живой, рождаешься ты, как рождается Йот» (EA I: XXXVIII, строки 3-4 западной надписи), «даешь ты, (чтобы был) он, как Йот» (EA V: II, строка 5; EA VI: XV, строка 2, XXV, строка 4), «даешь ты ему (быть) вековечно царем, как Йот» (EA VI: XXV, строка 8), «даешь ты ему (быть вековечно) царем, как Йот» (EA V: II, строка 8), «созидаешь ты его как образ твой, как Йота» (EA VI: XXV, строки 4-5), «воссиявай он на месте (т. е. на престоле) Рэ жи[вущих], как отец его Йот, повседневно!» (EA V: XXIX = отчасти TTA: 104, строка IV), «воссияние величества его — жив, цел, здоров! — на упряжке (коней), на колеснице большой светлого золота, как Йот, (когда) восходит он на небосклоне, исполнив обе земли (т. е. Египет) любовью его» (EA V: XXVII), «- - - на колеснице большой [258] светлого золота, как Йот, (когда) восходит он на небосклоне (и) исполняет землю любовью его» (EA V: XXIX = TTA: 105, строки IX-X; EA V: XXXI, строка XIII, худшей сохранности), «...как Йот, [его] отец» (EA VI: XIV).

Поразительно, что при таком изобилии и разнообразии сравнений царя с Йотом нельзя назвать ни одного сколько-нибудь надежного случая наименования самого фараона Йотом — за все царствование Амен-хотпа IV. Это было вполне правильно подмечено Г. Фехтом.² Имеются, правда, места в солнцепоклоннических надписях, где может показаться, что такое наименование все-таки могло иметь место. Но как мы сейчас увидим, нет не только надобности, но и действительной возможности вычитывать в каком-либо из этих четырех случаев обозначение царя «Йотом».

1. Полуразрушенное место из благодарственного обращения Туту к фараону (EA VI: XIX, строка 1) явно нельзя восстанавливать таким образом: «[Ты] — Рэ, (ты) — Йот живой, родивший тебя». Туту, конечно, не мог назвать фараона «Йотом живым, родившим тебя». Как можно восстановить это место, подсказывает остаток знака вверху пробела. Он выглядит в точности как верх знака дома *pr*. В пробеле ниже знака дома вполне уместятся знаки рта *p*, определитель ходьбы — знак идущих ног, знак волнистой воды *n* и знак корзинки с ручкой *k*. Таким образом, в пробеле можно восстановить *pr.n.k* «вышел ты». Присоединив первые два слова из последующих сохранившихся, получим предложение вполне в солнцепоклонническом вкусе: «Ты вышел (т. е. произошел) из Рэ». Такого рода выражения обычны в тогдашней письменности: «сын вековечности, вышедший из Йота» (EA V: II, строка 7, EA VI: XXV, строки 7-8), «вышел он из тебя» (EA V: II, строка 8, EA VI: XV, косяк, XXV, строка 7), «вышел ты из него» (EA VI: XV, косяк, XIX, строка 3 речи Туту к царю, XXI, строка 4; в последнем случае — в поврежденном виде), «сын твой, вышедший из плоти твоей» (EA VI: XV, строка 2, XXVII, строка 13, XXXIV; EA IV: XXVIII

¹ G. Fecht. Amarna-Probleme (I-2) // ZAeSA. Bd.85, 1960. S. 108.

² Ibid.

с ошибочными «дочь» вместо «сын» и «всякой» вместо «твоей»), «сын - - - вы[шедший] из плоти его во владыку окружаемого Йотом» (ZAcSA LXIV: IV = 114 = ТТА: 145 CXXXVIII = МА: XXXIII), «Ва-н-рэ, вышедший из плоти его» (ЕА XV: XV, строка 15), «сын твой, вышедший из утробы твоей» (ЕА V: XIII), «сын его, вышедший из утробы его» (ЕА VI: XVI, строки 13-14), «твой отрок (т. е. сын), вышедший из лучей твоих» (ЕА V: II, строка 5, ЕА VI: XV, строка 1, XXV, строка 3, и с разрушенным «отрок» на восточном косяке; MDOGВ XLVI: 18 = AelSMB II: 126 = ТТА: 172 CXCVIII = MDIAeAK IX: XXI — с «[твой отр]ок»), «властитель правды, вышедший из вековечности (т. е. из того же солнца, по солнцепоклонническому [259] словоупотреблению)» (ЕА V: II, строка 4, ЕА VI: XXV, строка 5). Все эти выражения, за исключением четырех, представлены и в гробнице Туту (ЕА VI: XV, XVI, XIX, XXI), где находится занимающее нас место. Правда, ни в одном из них не сказано, что царь «вышел» именно из «Рэ», ни в одном из них солнце не обозначено словом «Рэ». Однако на второй надгробной сени Тут-анх-амуна, предназначавшейся первоначально для Семнех-ке-рэ или выполненной по прописям для его сени (см. гл. X), Рэ назван в такого рода выражении: «бог добрый, вышедший из Рэ, яйцо гораздое Атома, живущий правдою повседневно, царь (и) государь, владыка обеих земель (имярек), сын Рэ от утробы его, возлюбленный его, владыка венцов (имярек), возлюбленный Усире-Веннофре, бога этого, владыки (местности) *Р-сч'в*» (ShT XLVII). Конечно, окружение здесь уже многобожеское, но имеются и солнцепоклоннические пережитки: царь — «живущий правдою повседневно» (см. гл. IX) и в самом выражении «вышедший из Рэ» слово «Рэ» написано кружком-солнцем с солнцепоклонническими придатками — аспидом впрямь и значком жизни (см. § 100; кружку приданы еще пояснительные знаки: стоячая черточка и определитель человекообразного египетского бога).

Но если б даже остаток знака сверху пробела был неточно воспроизведен ЕА VI: XIX и его можно было вместе с В. Хелком³ восстановить как знак корзины *нб*, что, конечно, объясняло бы отлично знаки кружка и черточки над ним («повседневно»), то все же примером наименования царя Йотом изучаемое место служить не могло бы. Допустим, что вначале стояло «- - - ты — Рэ», предложение от этого не станет наименованием фараона по указанной выше причине. Туту не мог сказать царю: «(Ты) — Йот живой, родивший тебя». Что же в таком случае значит это предложение? Понять его, очевидно, можно только так: «Это Йот живой — родивший тебя». Начальное *йм/м* будет новоегипетской передачей древнего *йн*, вполне оправданного здесь ввиду вероятного перехода *н* в *м* перед *н* определенного члена, предпосланного слову «Йот». Пример подобного сочетания: *м* + подлежащее + причастие, где подлежащим служит то же слово «Йот» с определенным членом спереди, содержится в XXI строке первичной плиты Ах-Йот К: «но это Йот, мой отец, — [свидетельствовавший о ней]» (ЕА V: XXIX = ТТА: 107), ср. также ЕА V: XXIX = ТТА: 106, строка XIX, и то же на плите X (ЕА V: XXXI, строка 2).⁴ Представляется, что такому переводу второй части занимающего нас места из надписи Туту следует отдать предпочтение и в том случае, если начало надо восстановить как «вы[шел ты] из Рэ». «Вы[шел ты] из Рэ; это Йот живой — родивший тебя» лучше, чем [260] «вы[шел ты] из Рэ, из Йота живого, родившего тебя», с его повторным «из» и повторным заявлением под конец о том, о чем было заявлено с самого начала.

2. Все в той же гробнице Туту одно место можно прочесть так: «Ва-н-рэ, властитель правды, сын вековечности, Йот живой, царь (и) государь [Нефр-шепр]-рэ [Ва-н-рэ]» (ЕА VI: XIII + XXXIV = VHE: XVIII). Но вероятно ли, чтобы к самому Амен-хотпу IV было приложено двучленное обозначение «Йот живой», составленное нарочно для его солнца с оттенением с помощью слова «живой» особого его свойства? Не вероятнее ли, что перед нами стяжение воедино двух солнцепоклоннических выражений: «властитель правды, вышедший из вековечности (т. е. из солнца, по тогдашнему словоупотреблению)» и «сын вековечности, вышедший из Йота», сохранившихся в гробницах Эйе (ЕА VI: XXV, строки 5, 7-8) и Мойе (ЕА V: II, строки 4 и 7), имеющих много общего с гробницей Туту в отношении состава надписей?

³ W. Helck. Urkunden der 18. Dynastie. H. 22. B., 1958. S. 2012.

⁴ F. Behnk. Grammatik der Texte aus El Amarna. P., 1930. S. 8.

Поэтому изучаемое место можно перевести: «Ва-н-рэ, властитель правды, сын вековечности, Йота живого, царь (и) государь [Нефр-шепр]-рэ [Ва-н-рэ]». Правильность такого перевода может быть, пожалуй, подтверждена сопоставлением данного места, середины отвесной строки, с серединою соседней, предшествующей ей такой же отвесной строки:

сын	сын
твой,	вековечности,
вышедший	
из	Йота
плоти твоей,	живого,
царь (и) государь	царь (и) государь
Не[фр-шепр]-рэ	Не[фр-шепр]-рэ
[В]а-н[-рэ]	[Ва-н-рэ].

Естественно предположить, что стоящие в соседних строках, на одном уровне и между одинаковыми словами одинаковой длины выражения построены однородным образом и однородны по содержанию, т. е. говорят только о происхождении царя.

3. Опять-таки в гробнице Туту писцы, присутствующие при возведении его царем в сан верховного жреца фараона, разражаются возгласом, который как будто бы можно понять так: «Дай быть здорову (*сснб*) Нефр-шеп[р]-рэ [Ва-н]-рэ, Йоту - - - [зигдущему] людей, являющему молодежь (т. е. выращивающему ее)!» (ЕА VI: XX). Однако на деле так переводить нельзя. Слово «зигдущий» восстановлено издателем в пробеле с полным основанием (см. ниже) и выглядит как прямое подтверждение того, что перед нами непрерывная цепь обозначений дара, и тем самым, казалось бы, подтверждает правильность перевода. И все же глагол *сснб* «дать быть здорову» может быть здесь только в повелительном наклонении (см. приведенные [261] ниже примеры), а из речи писцов при подобном переводе никак не видно, кто именно должен даровать здоровье фараону. Сходные места в надписях Ах-Йот с полной определенностью свидетельствуют, что слово «Йот» обращено не к царю, а к солнцу, которое молят сохранить фараона здоровым. Вот эти места. Из речи писцов, присутствующих при награждении *Пнчв*: «Дай быть здорову (*сснб*) фараону — жив, цел, здоров! — твоему отроку (т. е. сыну) доброму, Йот! Дай сотворить (т. е. жить) ему [тв]ой [век] - - -» (ЕА IV: VIII + IX). Из речи Ми-рэ, верховного жреца: «Дай быть здорову (*снб*) [фараону], [тво]ему (вероятно, так) [от]року доброму, Йот! Дай сотворить (т. е. жить) ему (тв)ой век! Дай, (чтобы был) он вековечно и вечно!» (ЕА I: XXV = XXX). Из речи Мха: «Дай быть здорову (*снб*) [фараону] — жив, цел, здоров! — Йот! Дай, (чтобы был) он вековечно, Ва-н-рэ, зигдущий питанием!» (ЕА IV: XVIII). Из речи подчиненных Туту (на том же изображении, где находятся изучаемые слова писцов): «Властитель, творящий памятники отцу своему, — повторяет он (их воздвижение?). Дай быть здорову (*сснб*) [Нефр-шепр]-рэ Ва-н-рэ, Йот! Дай ему тысячу тысяч празднеств тридцатилетия, твоему отроку (т. е. сыну), зигдущему, как зигдешь ты! (Да) дашь ты сотворить (т. е. жить) ему твой век! - - -» (ЕА VI: XX). Из обращения Эйе к посетителям его гробницы: «Творите хвалу Йоту живому — будете тверды в жизни. Скажите ему: "Дай быть здорову (*сснб*) властителю!" ((повторить) [два] раза (?)) — удвоит он вам пожалования» (ЕА VI: XXXII + XXXIV). В Нэ Ра-мосе правитель говорит в своей гробнице: «Дай быть здорову (*сснб*) фараону, Йот!» (TVR: XXXIV). Но если «Йот» в разбираемом возгласе писцов относится к самому солнцу, а не к фараону, то слова «[зигдущий] людей, являющий (т. е. выращивающий) молодежь» относятся, несомненно, к царю. Такое часто утверждается в солнцепоклоннических надписях о фараоне, но о солнце в них никогда так не говорится. Даже на том самом изображении, где значится речь писцов, возница называет царя «зигдущим людей, являющим молодежь» (ЕА VI: XIX). Таким образом, слова писцов в гробнице Туту надо перевести так: «Дай быть здорову Нефр-шеп[р]-рэ [Ва-н]-рэ, Йот!» (далее шла речь о царе как о «[зигдущем] людей, являющем молодежь»).

4. Хойе, обращаясь на изображении в своей гробнице с благодарственной речью к фараону, объявляет его как будто бы «Йотом»: «Властитель добрый, сильный в явлении (т. е. производстве людей), [вос]ходит он, Йот [живой(?)]; мног(ими владеет) вещами

знающий дающего их» (ЕА III: XVII). Слова «[вос]ходит он, Йот [живой(?))]» выглядят странно посреди прославлений царя как благодетеля вообще и тех, кто его «знает», в частности. Но еще страннее определитель отвлеченности — знак книжного свитка после обычного определителя слова «восходить» — знака солнца. Сходные места в других гробницах [262] Ах-Йот сами маловразумительны. Сановники в гробнице Туту приветствуют фараона словами: «Властитель добрый, восхо(д)ящий для Йота (или: восходит Йот?), мног(ими владеет) вещами [знающий дающего их]» (ЕА VI: XX), и так же величают царя вельможи в гробнице Ми-рэ, жреца: «Властитель добрый, восхо(д)ящий для Йота» (ЕА I: VI = VIII). Любопытным образом Туту и Ми-рэ, которые отнюдь не списывали друг у друга, пишут оба *вб*, определитель солнца и *н*, т. е. не дописывают глагол *вбн*, опускают конечное *н*, если только не счесть, что оно у обоих вынесено за определитель и тем самым никакого *н* «для» у того и другого нет. Но какой смысл может иметь заявление «восходит Йот» посреди восхвалений фараона?

Разгадку всех этих странностей доставляет надпись в гробнице Ра-мосе, правителя, в Нэ, сделанная после введения солнечных колец, но до переименования царя из «Амен-хотпа Ну-те-хок-висе» в «Эх-не-Йота». Награжденный фараоном верховный сановник, обращаясь к поздравляющим его, говорит о своем повелителе, в частности, следующее: «Властитель добрый, сильный в явлении (т. е. в производстве людей), для коего восходит Йот. Дай быть здорову фараону, Йот!» (TVR: XXXIV). Спорное выражение выписано здесь исправно всеми знаками: *вбн н.ф н' йтн*. Исправно передано такого же рода словосочетание и в другой гробнице в Нэ, именно наместника Коша при Тут-анх-амуне — Амен-хотпа-Хойе. На одном из изображений встречающие сановника после его награждения царем восклицают: «Властитель добрый (пожелание "жив, цел, здоров!", значащееся между обоими словами, явно не читалось), сильный в явлении (т. е. в производстве людей), для коего восходит Рэ! Мног(ими владеет) вещами [знающий] дающего их!» (THVNRT: XXIII + XXIX). Выражение «для коего восходит» выписано здесь сполна и точно *вбн н.ф*. Следовательно, и надпись другого Хойе в солнцепоклоннической столице должна быть переведена по замене ошибочного знака свитка знаком волнистой воды: «Властитель добрый, сильный в явлении, (для) коего восходит Йот! [Мног(ими владеет) ве]щами знающий дающего их!» Писцы или резчики, работавшие в Ах-Йот на Хойе, Туту и Ми-рэ, не поняли глагольного оборота с «подхватывающим» местоимением и устроили потому путаницу в передаче слов «для коего восходит Йот». Таким образом, и четвертое место не может служить примером наименования Амен-хотпа IV «Йотом», и наблюдение Г. Фехта, что Амен-хотпа IV так никогда не величали, сохраняет полностью свое значение.

Но Г. Фехт подметил также, что слово «Рэ» в противоположность слову «Йот» бывает употреблено как обозначение фараона.⁵ Конечно, фараон, по стародавнему обычаю, продолжал сравниваться и с Рэ в смысле долголетия — «как Рэ», «как отец [263] его Рэ», но только после вынесения наименования «большой по веку своему» за кольцо (см. § 49), т. е. туда, где прежде значилось сравнение с Рэ, это бывало далеко не часто. До появления наименования «большой по веку своему» после кольца: ZAE SA XLIII: I = 29 = HiP II: III, строка 15 = TTA: 132 CXXI, ZAE SA XLIII: II = 30, строка 21 = TTA: 132 CXXI, JEA IX: XXII I = EE 1922-1923: 43 = ASAE XLII: 459, ASAE XLII: 460, 464, ASAE LV: XXII a; DAe Ae III: CX d = DAe Ae T III: 49 = TTA: 148 CXLVI; наверное, JEA XIII: XLVI I = CA III: 188 + LX 7 (см. § 54); ср. REA II: 139. После вынесения этого наименования за кольцо: RME II: LVII 2h (само слово «Рэ» пропало, но, несомненно, было, см. § 53), ASAE XVI: 178 = TTA: 149 CXLVIII, ASAE X: 123 = LRE II: 348 = TTA: 146 CXXXIX = U18D: 1963; ср. MDREN: XXVI *и* = CMIEA I: 40 174 = DGKAIV: 4 = I = TTA: 174 CCIV A = MDAIAK XX: 86 = XXVII = XXX об Амен-хотпе III; ср. также на присвоенных Амен-хотпом IV изображениях Амен-хотпа III DAe Ae III: CX *k* = отчасти ABPK XL: 221-222. Во всех случаях имеется в виду длительность, даже в надписи ASAE X: 123: «[воссиявай он на] месте (?) (т. е. престоле) отца своего Йота, как Рэ на небе (и) земле, повседневно» — и — применительно к Амен-хотпу III — MDREN *и*: «(да) сотворится он (тем, кому) дано жить, (с тем чтобы) удлинялось (от радости) сердце его с двойником его,

⁵ G. Fecht. Amarna-Probleme (1-2). S. 106, 108.

как Рэ, вечно вековечно!» Этим употребление слова «Рэ» в сравнениях царя с солнцем существенно отличается от соответствующего употребления слова «Йот», с которым Амен-хотп IV сравнивается очень охотно, и притом в самых различных смыслах. Тем примечательнее относительно частое употребление слова «Рэ» как наименования Амен-хотпа IV, то самое употребление, которое для слова «Йот» ни разу не засвидетельствовано. Особенно часто фараон зовется «Рэ» в гробнице Туту: «ты — Рэ, породивший правду» (EA VI: XV, строка 8), «Рэ, живущий правдою, [Нефр]-шеп[р]-рэ [Ва-н-рэ]» (EA VI: XXI, строка 16), «Рэ, (такого) рода, чтобы быть гораздым для всех(?)» (EA VI: XXI, строка 10, следует разрушенное внутри кольцо царя), «Рэ, владыка (пред) определения, творящий век (т. е. время жизни), [Нефр]-шеп[р]-рэ [Ва-н-рэ]» (EA VI: XXI, строка 7), «Рэ, рождаемый Йотом, Нефр-шеп[р]-рэ Ва-н-рэ» (EA VI: XVII, строка 5 речи Туту), «Рэ живой, Нефр-шеп[р]-рэ [Ва-н]-рэ!» (EA VI: XX, речь иноземцев), «от[ро]к (т. е. сын) Йота, Рэ живой, великий любовью» (EA VI: XXI, строка 1). Но и в других гробницах Ах-Йот Амен-хотп IV величается «Рэ»: у Ра-мосе, военачальника, — «живущий правдою, владыка обеих земель, Нефр-[шеп]р-рэ Ва-н-рэ, Рэ живой лица всякого (т. е. всех людей)» (EA IV: XXXV, строка 1), у Хойе — «Рэ, (когда) воссиявает он Йотом, наполняющий обе земли (т. е. Египет) красотою своею» (EA III: XIX), у Пи-нхаса — «Рэ — величество [ег]о» (EA II: VIII, строка 11; понять иначе это место представляется невозможным). Так же величает Амен-хотпа IV и местный князь Мха [264] на сооруженном им изваянии своего отца: «Рэ большой земли всякой» (ASAE XVIII: 54 = TTA: 135 CXXIV A = U18D: 2019).

Г. Фехту принадлежит и третье существенное наблюдение касательно употребления солнечных обозначений в приложении к фараону. Г. Фехт правильно подметил, что слово «шов» — «солнце», помимо раннего солнечного имени, ни разу не засвидетельствовано как обозначение бога Амен-хотпа IV, но вне этого имени всегда обозначает царя.⁶ Вот эти места: «Шов лица всякого (т. е. всех людей)» (EA IV: XXXV, строка 3), «Шов земли всякой» (RGOMC: № 295), «Шов земли всякой — живут видом его» (EA II: VII, строка 14), «Шов — [жив]ут [в]идом его» (EA III: XIX), «Шов — живу я видом его» (EA I: XXXVIII, строки 3-4), «Ты — Шов, живу я видом твоим» (MDOGVB XLVI: 18 = AeISMb II: 126 = TTA: 172 CXCVIII = MDIAeAK IX: XXI; верх надписи отбит, но уцелевшие обращения имеют в виду явно не солнце, а фараона). Сюда же должны быть отнесены еще два места: «властитель, Шов в(?) - - -» (EA VI: XXI, строка 25) и «- - - Шов, владыка питания, великий, разлив(ной Нил) — живет земля питанием от (того, что) дает он» (EA IV: XXXIX). Первый пример — из надписи, сильно поврежденной, но обращенной целиком к фараону. Второй пример тоже относится к царю, и перед словом «Шов» не надо читать [м]й, хотя сохранившееся и не противоречит такому чтению. Что «Шов» и здесь фараон, доказывает сходство с упомянутыми выше примерами: «Шов земли всякой — живут видом его, разлив(ной Нил) земли совокупной — насыщаются питани[ем] его» (EA II: VII, строки 14-17) и «Шов — [жив]ут [в]идом его, питание земли до края [ее]» (EA III: XIX).

Неупотребительность слова «Шов» для обозначения действительного солнца указывает как будто бы на то, что только внутри раннего солнечного имени это слово что-то значило для представлений о самом солнце. С другой стороны, слову «шов» было присуще что-то, что делало его подходящим обозначением для фараона. И это тем более заслуживает внимания, что, согласно словарю, слово «шов» — «солнце» как обозначение царя входит в употребление только начиная с солнцепоклоннического времени.⁷

Еще Б. А. Тураев сближал Шов в раннем солнечном имени с одноименным древним богом города Она.⁸ В 1921 г. К. Зэте высказывал мнение, что слово «шов» — «солнце» произошло от имени египетского бога воздушного пространства Шов и было [265] заменено при переделке солнечных колец из ранних в поздние обозначением «отец Рэ», чтобы избежать принижения Йота, с которым в ранних кольцах отождествлялся Шов-солнце,

⁶ Ibid. S. 105, 108.

⁷ A. Erman, H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd 4. Lpz., 1930. S. 431.

⁸ Б. А. Тураев. История древнего Востока. Ч. 1. СПб., 1913. С. 307. Ср. также перевод раннего солнечного имени у G. Maspero. Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique [2]. Les premières mêlées des peuples. P., 1897. P. 320.

до уровня сына Рэ: Шов — воздушное пространство считался ведь сыном Рэ.⁹ Однако в 1929 г. К. Зете отказался от сближения Шов-солнца с Шов — воздушным пространством и вместе с тем от своего толкования переделок в заключительной части солнечных колец, хотя и замечал при этом, что такое толкование было бы очень заманчивым.¹⁰ Г. Фехт в 1960 г. объединил в известном смысле первоначальное и позднейшее мнения К. Зете: не возводя «Шов» — «солнце» к «Шов» — «(олицетворенному) воздушному пространству», Г. Фехт допускал в словоупотреблении солнцепоклонников игру созвучиями, которым египтяне придавали столь существенное, доподлинное значение. Это предположительное отождествление по созвучности имен солнца «Шов» и олицетворенного воздушного пространства Г. Фехт положил в основу своего истолкования солнцепоклоннического употребления слова «шов» — «солнце» в приложении как к самому Амен-хотпу IV, так и к его богу в его солнечном имени. Согласно Г. Фехту, по созвучности имени с воздушным Шов и солнечный Шов воспринимался как «сын Рэ», а поскольку «сыном Рэ» издавна считался фараон, его именовали «солнцем» — «Шов» и даже в солнечных кольцах под этим наименованием подразумевался Амен-хотп IV, отождествленный в них как «сын Рэ», солнечный Шов, со своим праотцом Рэ и вместе с тем с Йотом,¹¹ имя которого, как убедительно показал Г. Фехт, звучало в ту пору одинаково со словом «йот» — «отец».¹²

В том, что солнцепоклонникам солнечный Шов мог напоминать воздушного тезку, можно не сомневаться. Упорное величание «солнцем» — «Шов» — земного «сына Рэ», фараона, при неупотребительности — вне раннего солнечного имени — этого обозначения для самого солнца как будто бы определенно подтверждает возможную близость, хотя бы словесную, между воздушным и солнечным Шов в глазах современников Амен-хотпа IV.

Однако отнесением «Шов» в солнечных кольцах, по существу, не к солнцу, а к фараону предается забвению другой не менее веский довод в пользу перенесения солнечного сыновства с воздушного Шов на Шов — солнце. Действительно, если бы ранние солнечные кольца проповедовали тождество фараона как [266] «сына Рэ» и потому солнечного Шов, «который (есть) Йот», со своим и общепараоновским праотцом Ра-Хар-Ахтом, то какой довод в пользу сыновства солнечного Шов возможно было бы извлечь из наблюдения самого Г. Фехта, что Амен-хотп IV нигде не именуется «Йотом»? Ведь в солнечных кольцах говорится о таком «Шов, который (есть) Йот». И тем не менее подмеченная Г. Фехтом неупотребительность обозначения «Йот» в приложении к фараону — важнейший довод в пользу сыновства солнечного Шов.

Г. Фехт не только подметил, что царя не называют «Йотом», но и обстоятельно доказал, что слово «Йот» в ту пору звучало одинаково со словом «йот» — «отец».¹³ В таком случае, если «йот» — «отец», а солнечный «Шов» — «сын Рэ», то все становится на свое место и вносится ясность в солнцепоклонническое словоупотребление. Наименование «Йот» — «солнце» созвучно слову «йот» — «отец»; Йот — отец царя, и потому царь никогда не зовется «Йотом». Наименование «Шов» — «солнце» созвучно имени Шов, «сына Рэ»; царь — «сын Рэ» и потому зовется «Шов». Особенное значение всему этому придает то, что слово «Йот» бесконечно часто встречается в солнцепоклоннических надписях, и притом в самом разнообразном применении, и тем не менее ни разу не употреблено для обозначения фараона.

Но если «Йотом» царь нигде не именуется, а «Шов» его величают нередко, то неизбежно заключение, что в солнечных кольцах «Шов, который (есть) Йот» не может быть ни в каком смысле Амен-хотпом IV, что, конечно, не означает, что величание земного «сына Рэ» «солнцем» — «Шов» не имеет существеннейшего значения для уразумения ранних солнечных колец. Ясно только, что «Шов» в них не фараон.

⁹ K. Sethe. Beiträge zur Geschichte Amenophis' IV // Nachrichten von der k. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol.-hist. Kl. Jg. 1921. B., 1921. S. 119-120.

¹⁰ K. Sethe. Amun und die acht Urgötter von Hermopolis // Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philol.-hist. Kl. 4. B., 1929. S. 113, Anm. 2.

¹¹ G. Fecht. Amarna-Probleme (1-2). S. 105-115.

¹² Ibid. S. 108, 114.

¹³ Ibid.

«Шов» зовут царя сравнительно часто. Но еще чаще, как мы видели, его именуют «Рэ». Объяснение, думается, дают, с одной стороны, сочетание «Рэ живой» в приложении к фараону, с другой стороны — правописание слова «Рэ» вообще в солнцепоклоннических надписях.

Солнце никогда не именуется в них «Рэ живым», хотя бесконечно часто бывает названо «Йотом живым». Что такое «Йот живой»? Как превосходно подметил Э. Дриотон, это — солнечное соответствие «баи живому». «Невозможно, — пишет Э. Дриотон, — не поразиться параллелизмом способа выражения, какой существует между этой манифестацией (*хпр*) божества в диске, который получает эпитет столь частый в Амарне... *Диска живого*, и манифестацией духа умершего в виде *души живой*» (следует ссылка на выражение: «творишь ты явления в виде баи живого», Sandman, Texts, 100/10). «В обоих случаях, — продолжает Э. Дриотон, — речь идет одинаково о духе внешнем миру живых, который вводится туда и располагает там способностью [267] действовать».¹⁴ Оставляя в стороне вопрос о том, насколько применимо обозначение «дух» к солнцу Амен-хотпа IV и умершим в представлении древних египтян, нельзя не согласиться с Э. Дриотоном в том, что слово «живой» определяет Йота как являющегося, действующего — «живущего» в мире, иными словами, как видимое солнце. Сами солнцепоклонники подтверждают это недвусмысленным образом. В большом славословии солнцу в гробнице Эйе сказано: «Ты — один, взойдя в явлении твоём как Йот живой, воссияв, сияя, будучи далек, приблизясь» (EA VI: XXVII, строка 11), а в гробнице Туту читаем: «Пробудил ты обе земли (т. е. Египет) при восходе твоём в явлении твоём Йота живого» (EA VI: XV, строка 5) и еще в поврежденном месте: «- - в явлении твоём (в подлиннике ошибочно "всяком") Йота живого; земля всякая движется при восходе твоём» (EA VI: XV, строка 6). Солнце оборачивается «Йотом живым», является «Йотом живым» при своем восходе, при своем явлении в мир.

Но что же тогда означает «Рэ живой»? Очевидно, являющийся, действующий — «живущий» в мире Рэ. При этом «Рэ живой» не просто здешнее, видимое солнце — ведь настоящее солнце «Рэ живым» не именуется, оно — «Йот живой». Следовательно, «Рэ живой» — это некое солнечное существо, в чем-то и как-то отличное от видимого солнца и вместе с тем явленное, действующее — «живущее» в мире в лице своего подобия — фараона.

Хотя имя Рэ тоже значит «солнце», он издавна чтился и как человекообразное существо. Это нашло свое выражение в правописании солнцепоклоннических надписей.

Определителем к слову «Шов» — «солнце» служит неизменно кружок солнца; определителя в виде знака человекообразного бога у этого слова ни разу не видно. Из всего несметного количества написаний слова «Йот» на памятниках переворота я могу привести только два случая, когда «Йот» помимо кружка солнца снабжено еще определителем человекообразного бога. Слово «Йот» имеет после себя еще определитель в виде сидящего египетского бога с человеческими туловищем и головою» на пограничных плитах Ах-Йот S (RTRPhAEA XV: против 52 = EA V: XXVI = XXVII = XXXIX, строка 6) и А (EA V: XXVII, строка 2; определитель человекообразного бога отсутствует ME: XIV и NH: XV 1). Впрочем, пограничные плиты Ах-Йот вообще довольно щедры на этот определитель. На плитах S (дважды, RTRPhAEA XV: против 52 = EA V: XXVI = XXVII = XXXIX, строки 2 и 3), Q (EA V: XLII = XXVII, строка 3) и, вероятно, R (EA V: XXVII, строка 3) он стоит даже после словосочетания «сотворивший его» и на тех же плитах S (RTRPhAEA XV: против [268] 52 = EA V: XXVI = XXVII = XXXIX, строка 2), Q (EA V: XLII = XXVII, строка 3) и R (RTRPhAEA XV: 52 = EA V: XLII = XXVII = MIPAIBL XL: I, строка 3) — после словосочетания «родивший его» (во всех случаях имеется в виду солнце как родитель фараона). Знаки — определители божественного после слова «Йот» в скорописи (см. § 116) в счет, разумеется, не идут, поскольку они представляют сокращенное написание не знака человекообразного бога, а знака сокола на древке.

В отличие от слов «Шов» и «Йот» слово «Рэ» бывает нередко написано с определителем человекообразного египетского бога, притом на протяжении всего царствования Амен-хотпа IV, за исключением только последних лет (см. § 115). Вот примеры.

¹⁴ É. Drioton. Trois documents d'époque Amarnienne // ASAE. T. 43. 1944. P. 38, n. 1.

При первоначальных солнечных обозначениях: в гробнице Саха в Нэ четыре раза (ASAE XLII: 462, строки 1 и 2, 463 два раза), возможно, также в гробнице Ра-мосе, правителя в Нэ (TVR: XXVIII, см. ч. II моего исследования «Переворот Амен-хотпа IV», подготовленную к печати). Во всех случаях Рэ — само солнце.

При строчном солнечном имени: в гробнице Ра-мосе, правителя, в Нэ (ZAeSA XXI: 129 = TTA: 138 CXXVI = TVR: XXX = L, строка 10), в гробнице П-рен-нуфе в Нэ (JEА IX: XXV = TTA: 143 CXXXV — о времени см. § 73 и, несомненно, XXVII *m*, несмотря на повреждения), на камне из Эп-эсове (RME II: LVII 2 *i*), на изваянии «души Я» оттуда же (ASAE VII: 229 = В XI: 41 = SD I: 155 = TTA: 147 CXLII). Во всех случаях Рэ — само солнце.

При ранних солнечных кольцах (после переименования царя из «Амен-хотпа Нуте-хок-висе» в «Эх-не-Йота»): после «Рэ», обозначающего само солнце, — на пограничной плите Ах-Йот К (ЕА V: XXX = TTA: 114, строка 15), в гробницах в Ах-Йот Туту (ЕА VI: XIX, строка 4 речи Туту), Эйе (ЕА VLXXXIII *w*, *E*, *MID*), Мойе (ЕА V: II, надпись на потолке; IV, строка 2 жизнеописания), на косяке дома П-воха в Ах-Йот (MDOGB XLVI: 18 = AeISMB II: 126 = TTA: 172 CXCVIII = MDIAeAK IX: XXI, три раза; времени ранних солнечных колец ввиду определителя царицы с перьями на голове после имени «Нефр-нефре-Йот Нефр-эт», см. § 80), на подножии изваяния (TRSLUK I: II = PSBA XV: 210-211 = TTA: 159 CLXXXIII = HTES VIII: XXIV = 28); после имени «Рэ», отождествляемого с царем, — в гробнице Пи-нхаса в Ах-Йот (ЕА II: VIII, строка 11).

При поздних солнечных кольцах: в гробницах в Ах-Йот Ми-рэ, жреца (ЕА I: XXXVIII, строки 4 и 6 правой надписи), и, видимо, Ми-рэ, домоправителя (ЕА II: XXIX; повреждено, в частности разрушена голова человекообразного знака), на плите из гробницы Анэйе в Ах-Йот, отделанной при поздних солнечных кольцах (ZAeSA XXXIV: 64 = MSECАE I: XXVI 2 = ЕА V: XXI = 9 = SNE I: 221). Во всех случаях имеется в виду само солнце.

Для написания слова «Рэ» употреблялся также знак, [269] изображавший египетского бога солнца в виде сидящего на земле и закутанного в плащ мужчины с головой человека или сокола, увенчанной солнечным кругом. Знак в той или иной его разновидности засвидетельствован на протяжении всего царствования Амен-хотпа IV, за исключением последних лет поры поздних солнечных колец (см. § 115). Знак употребляется одинаково как словесный — для написания всего слова «Рэ», так и как определитель к нему.

При строчном имени (включая последние месяцы до его введения): на плите близ Хине (DAeAe III: CXi = ASAE III: 263 = HKEA: II = ARK: 13 = TTA: 144 CXXXVII = U18D: 1962, уцелел лишь низ знака), на перекладине из Эп-эсове (DAeAe III: CXd = DAeAeT III: 49 = TTA: 148 CXLVI, о времени см. § 8, 48), на камнях оттуда (DAeAeT III: 50, о времени см. § 48; ASAE XXIV: 81 = TTA: 188 CCXXXIX, о времени см. § 45, 46), на перстне S: XXXI 25 (сложный знак «Хар-Ахт» с двумя островками, см. § 11; возможно, что и поры первоначальных обозначений, см. § 3). Во всех случаях «Рэ» — само солнце, знак словесный.

При ранних солнечных кольцах (после переименования царя из «Амен-хотпа Нуте-хок-висе» в «Эх-не-Йота»): в гробницах в Ах-Йот Пи-нхаса (ЕА II: IX) и Пнчв (ЕА IV: IV, строка 1), на плите Нешт-мина, местного князя города Шмина, солнцепоклоннической, но с сильными пережитками старого многобожия, трижды (ZAeSa LXIV: IV = 113 + 115 = TTA: 144-145 CXXXVIII; об этой плите см. ч. II моего исследования «Переворот Амен-хотпа IV»). Во всех случаях «Рэ» — само солнце, знак у Пи-нхаса и дважды у Нешт-мина — словесный, у Пнчв и раз у Нешт-мина — определитель.

При поздних солнечных кольцах: в гробнице Туту в Ах-Йот (ЕА VI: XXI, строка 1; что надпись поры поздних солнечных колец, видно по написанию слова *мвт* «мать» буквами *м* и *т*, см. § 109). «Рэ» — фараон, знак словесный.

Можно еще указать на знак (словесный) на печати, найденной в Ах-Йот, изображающий человека с птичьей головой, увенчанной кругом (СА III: С 2; печать надписана именем Амен-хотпа IV «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ» и, возможно, древнее переделки солнечных колец из ранних в поздние ввиду данного знака; см. § 115).

Таким образом, наблюдается известная склонность писать слово «Рэ» в отличие от слов «Йот» и «Шов» с человекообразным определителем или даже одним человекообразным

знаком египетского солнечного божества. Это, несомненно, связано с завещанным предками человекообразным образом Рэ. Но если и для солнцепоклонников наименование «Рэ» более всего связывалось с человекообразными представлениями, то именовать так «чело­векообразного» фараона было для верноподданных Амен-хотпа IV только естественно. Это, конечно, ни в коем случае не означает, что в отказе Амен-хотпа IV именоваться [270] «Йотом» замешано нечело­векообразное, природное об­ли­чье Йота. Хорошо известно, что отец фараона Амен-хотп III очень охотно величал себя «Йотом», а сам Амен-хотп IV довольно часто именовался «Шов». Мы же видели, что если у слова «Йот» в виде редчайшего исключения еще можно встретить в солнцепоклоннических надписях определитель человекообразного бога, то после слова «Шов» — «солнце» такой определитель не удастся обнаружить в них никогда: иного определителя, как кружок солнца, у этого слова там не бывает.

В итоге можно сказать, что Йот в такой же степени солнце отеческое, в какой Шов — солнце сыновнее.

Б. Самовозрождение солнца

Места, в которых говорится, что солнце восходит в своем «явлении» (*хпрв*) как «Йот живой», позволяют уже сами по себе предполагать, что принятие солнечным существом образа «Йота» приурочивалось к утру. Это полностью подтверждает надпись слева во входе в гробницу Эйе в Ах-Йот: «Рождает ты (т. е. солнце) его (т. е. царя) утром, подобно явлению (*хпрв*) твоему. Создаешь ты его как знамение твое, подобно Йоту» (EA VI: XXV, строки 4-5). Содержание надписи Эйе было передано своими словами со многими переделками и добавлениями, включая пересказ отрывка из другого («большого») славословия Эйе, в гробнице Туту на южном же кладбище Ах-Йот и тоже на стене входа. Для лучшего уразумения приведенного места из гробницы Эйе хорошо сравнить его с вольным его пересказом у Туту (EA VI: XV, строка 3).

Эйе	Туту
(«ты» — солнце, «он» — фараон)	
Рождает ты его утром, подобно явлению твоему.	Рождает ты величество его подобно тому, как рождает ты тебя повседневно непрерывно.
Создаешь ты его как знамение твое, подобно Йоту.	Создал ты его из лучей твоих, чтобы сотворить (т. е. жить) век Йота.

Итак, рождение по утрам солнцем самого себя есть рождение им своего «явления», которое, как мы видели, есть «Йот живой», «живущее» в мире, видимое солнце. Древнее представление о ежедневном самовозрождении солнца повторяется упорно в солнцепоклоннических надписях и часто связывается с представлением о ежедневном порождении солнцем Амен-хотпа IV. Вот что писал об этом Э. Дриотон: «Божество... открывается каждое утро миру посредством двойной операции: оно [271] производит диск, посредством которого оно являет себя само, и в то же время оно рождает царя как свой собственный образ».¹⁵ И вот что говорят по этому поводу солнцепоклоннические надписи: «Рождает оно сына своего честного Ва-н-рэ наподобие себя непрерывно» (EA IV: XXXIII *Ару* = XLIII, строка 8), «рождает оно сына своего честного Ва-н-рэ наподобие себя непрерывно вековечно» (EA I: XXXVII, строка 10, из того же «малого» славословия солнцу), «Йот рожден в небе повседневно, (и) рождает он сына своего, вышедшего из утробы его, наподобие себя не[пре]станно» (EA VI: XVI, строки 13-14, из того же славословия), «рождает ты его утром, подобно явлению твоему» (EA VI: XXV, строка 4, из приведенного выше места), «рождает ты величество его подобно тому, как рождает ты тебя повседневно непрерывно» (EA VI: XV,

¹⁵ Ibid. P. 38.

строка 3, пересказ предыдущего места), «рождаешься ты подобно тому, как рождается Йот» (EA I: XXXVIII, строки 3-4 западной надписи), «Йот живой, рождающий себя сам повседневно» (EA VI: XXIV); ср. «властитель рожден, как Йот, оставаясь вековечно наподобие его, сотворяя тысячу тысяч празднеств тридцатилетия, приказанных ему Йотом живым, (кому) дано жить вечно вековечно» (EA VI: XIV).

Итак, солнце ежедневно порождает себя вновь, и это самовозрождение есть порождение своего «явления» — видимого солнца, самопорождение себя как Йота.

В. Смысл солнечного имени

а. Знак жизни в начале имени

Солнечное имя обыкновенно начинается знаком жизни: маленьким — в раннем виде имени (см. § 11, 19), большим — в позднем (см. § 26). Если б даже этот знак иногда читали («да живет»), то для понимания имени он все равно не имел бы значения. И это не только потому, что его не проставляли подчас в раннем виде имени (см. § 11, 19) и изредка даже в позднем (см. § 26). В ряде случаев читать знак жизни впереди солнечного имени было бы просто неестественно. И таких случаев много. До чего неуклюже, например, выглядели бы нижеследующие словосочетания, если бы в составе их знак жизни в начале солнечного имени надо было читать «да живет», а «Ра-Хар-Ахт» и «Рэ, властитель небосклонный» превращать в подлежащее из определения или дополнения.

В строчном солнечном имени:

«Прославление ДА ЖИВЕТ Ра-Хар-Ахта, ликующего в небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) Йот», (и) [слуги божьего первого (т. е. верховного жреца)]¹⁶ ДА ЖИВЕТ [272] Ра-Хар-Ахта, ликующего в небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) Йот» (JEA IX: XXVII *h* = TTA: 141-142, CXXXIII, ср., возможно, тоже верховножрецское звание RME II: LVII 2c = TTA: 149 CXLVII *A*, см. § 55, 65); «связка (растений) отца твоего ДА ЖИВЕТ Ра-Хар-Ахта, ликующего в небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) Йот» (FTEQ: XXVII = ZAeSA XXI: 129 = TTA: 138 CXXVI = TVR: XXX = LI = U18D: 1780).

В ранних солнечных кольцах:

«Тогда подняло величество его руку свою к небу к родившему его ДА ЖИВЕТ Ра-Хар-Ах[т]у, ликующему в небосклоне в имени своем как [Шо]в, [кото]р[ый] (есть) [Йот], сказывая: (следует клятва)» (EA V: XXIX = XXXVIII = TTA: 110, строка 8, EA V: XXXI, строка 11); «согласно приказанному отцом его ДА ЖИВЕТ Ра-Хар-Ахтом, ликующим в небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) Йот, (кому) дано жить вечно вековечно» (RTRPhAEA XV: против 52 = EA V: XXVI = XXXIX, строки 6-7, EA V: XXV, строка 6, XLII Q, строка 8, ME: XIV, строка 2 = NH: XV I, ср. EA V: XLII R = RTRPhAEA XV: 53, строка 7); «перед отцом своим ДА ЖИВЕТ Ра-Хар-Ахтом, ликующим в небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) Йот, (кому) дано жить вечно вековечно» (RTRPhAEA XV: против 52 = EA: XXVI = XXXIX, строка 9, EA V: XXV, строка 8, XLII Q, строка 10, ср. XLII R, строка 7 = MMRAIBL XL: I); «он (т. е. Ах-Йот) (принадлежит) отцу моему ДА ЖИВЕТ Ра-Хар-Ахту, ликующему в небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) Йот, (кому) дано жить вечно вековечно» (RTRPhAEA XV: против 52 = EA V: XXVI = XXXIX, строка 20, EA V: XXV, строка 18); «прославление ДА ЖИВЕТ Ра-Хар-Ахта, ликующего в небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) Йот, (кому) дано жить вечно вековечно...» (EA IV: XXXII, строка 1, EA VI: XXV, строка 1, XXVII, строка 1, ср. EA V: IV).

В поздних солнечных кольцах:

«Прославление ДА ЖИВЕТ Рэ, властителя небосклонного, ликующего в небосклоне в имени своем как Рэ, отец, пришедший Йотом, (кому) дано жить вечно вековечно» (EA III: II, строка 1, EA IV: XXIII, строка 1, XXIX, строка 1, ср. MSEC AE I: 97, строка 1).

Не менее существенно, что приведенное выше верховножрецское звание со значком жизни во главе строчного имени засвидетельствовано также и без значка (DAeAe III: CXi =

¹⁶ N. de G. Davies. Akhenaten at Thebes // JEA. Vol. 9, 1923. P. 138.

ASAE III: 263 = RKEA: 11 = ARK: 13 = TTA: 144 CXXXVII = U18D: 1962; ASAE VII: 228 = B XI: 41 = RGOMC: 172 = TTA: 147 *CXLIII*). И то, что в первом случае, на «плите» близ Хине, отсутствие значка не случайность, доказывает опущение его в той же надписи и в сочетании, где его присутствие создавало бы при прочтении его «неестественность» (мы бы сказали, ввиду «косвенного падежа», в котором у нас стояло бы в обоих местах строчное имя): [273] «чтобы сотворить солнечный камень большой Ра-Хар-Ахту в имени его как Шов, который (есть) Йот, в Эп-эсове».

Начало солнечного имени — «Ра-Хар-Ахт» или «Рэ, властитель небосклонный» употреблялось также самостоятельно, вне его (см. § 11, 19, 26). Показательны написания названия солнечного храма «дом Ра-Хар-Ахта». На каменной гире поры строчного имени (ввиду островков за знаком сокола, см. § 11) перед наименованием «Ра-Хар-Ахт» имеется значок жизни: «дом ДА ЖИВЕТ Ра-Хар-Ахта» (СА II: XXXII 2), но значка не видно на обломках печатей с винных сосудов того же времени (ввиду островков): «[вино] дома [Ра-]Хар-ах[т]а» (СА III: LXXXI 10), ср. печать «[вино дома(?)] Ра-Хар-Ахт[a]» (СА III: LXXXI 9). На трех печатях поры ранних солнечных колец (ввиду знаков небосклонов за спиною сокола, см. § 19) значок жизни имеется: «вино дома ДА ЖИВЕТ Ра-Хар-Ахта» (СА III: LXXXI 5), «вино дом[a] ДА ЖИВЕТ Ра-Хар-Ахта» (СА III: LXXXI 6), «[вино] дома ДА ЖИВЕТ Ра-Хар-Ахта» (СА III: LXXXI 7); на обломке четвертой, возможно, такой же печати той же поры (ввиду значков небосклона) значка жизни не видно: «[вино дома (?)] Ра-Хар-Ахт [a]» (СА III: LXXXI 8). Окончательно решают вопрос в том смысле, что никакого «да живет» в названии этого храма не звучало, скорописные чернильные пометки на винных сосудах. Ни в одной из них нет знака жизни перед наименованием «Ра-Хар-Ахт»: «Год царствования 4. Вино дома Ра-Хар-Ахта...» (ТЕА: XXV 91); «Год царствования 4. Вино дома Ра-Хар-Ах(т)а...» (СА III: LXXXVI 44); «[Год царствования 4 (? — от числа уцелели две черточки)]. Вино дом [a] Ра-Хар-[Ах-та]...» (СА III: LXXXVI 43); «- - - [(Гранатовое) ви]но дома Ра-Хар-Ах[т]а...» (СА III: LXXXVI 45). Пометки от 4-го года царствования вряд ли древнее строчного солнечного имени (см. § 12), скорее всего, они времени около смены строчного солнечного имени ранними солнечными кольцами (см. § 12). Заслуживает еще внимания следующее. Самостоятельно употребленное «Ра-Хар-Ахт» в пору ранних солнечных колец бывает часто написано со значком жизни спереди, не менее часто, чем без него (см. § 19). Напротив, самостоятельное «Рэ, властитель небосклонный» ни разу не засвидетельствовано, насколько мне известно, со знаком жизни впереди (см. § 26). Нетрудно представить себе, в чем тут дело. В ранних солнечных кольцах, как и в строчном солнечном имени, маленький значок жизни входил в состав сложного знака «Ра-Хар-Ахт» и потому легко удерживался в нем и вне солнечного имени. В поздних же солнечных кольцах начальная его часть распалась на отдельные знаки, и знак жизни, теперь самостоятельный и чаще всего большой, не следовал за словами «Рэ, властитель небосклонный» при вынесении их из солнечных колец (см. § 26). Но если самостоятельно употребленное начальное обозначение из поздних солнечных колец не увлекало с собою из них знака жизни, то [274] употребленное таким же образом начало ранних солнечных колец, когда содержало значок жизни, содержало его, очевидно, лишь как непроизносимое начертание.

Следовательно, если знак жизни в солнечном имени и произносился когда-нибудь (чего доказать нельзя), то очень часто он явно не читался и, во всяком случае, для понимания солнечного имени несуществен. Из этого не следует, конечно, что он не имел никакого значения. Его появление перед солнечным именем, когда оно было еще строчным и не сопровождалось никакими титуловыми прозваниями, как впоследствии солнечные кольца, представляло собою первое приближение обозначения нового бога к фараоновскому титулу.¹⁷ Как перед тем ставился не произносившийся¹⁸ знак жизни, так и перед строчным именем, которое тогда одно составляло как бы все солнечное титуло, стали ставить тот же знак-пожелание.¹⁹

¹⁷ K. Sethe. Beiträge zur Geschichte Amenophis' IV. S. 112-113, 117.

¹⁸ A. Erman, H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd 1. Lpz., 1926. S. 193.

¹⁹ Ср.: A. H. Gardiner. Horus the Behdetite // JEA. Vol. 30, 1944. P. 51.

б. «Ра-Хар-Ахт» — «Рэ, властитель небосклонный»

Истолкование Б. Ганном²⁰ слова «ахт» в солнечном имени в смысле прилагательного «небосклонный», а не в смысле двойственного числа существительного «небосклон» («Рэ, Хор двух небосклонов», «Рэ, властитель двух небосклонов») представляется предпочтительным по ряду причин. Во-первых, оно сохраняет не только «традиционную интерпретацию» египтянами древнего наименования,²¹ но также несомненную преемственную связь солнечного имени с первоначальным (см. § 2) обозначением нового божества как «Ра-Хар-Ахта, бога большого, владыки неба», тождество которого с одноименным древним божеством не подлежит сомнению. Во-вторых, в пользу толкования Б. Ганна говорят не только привлеченная им самим изложница с разновидностью солнечного имени со словом «ахт», написанным знаками одного небосклона, хлеба *m* и двумя черточками *й*, т. е. как прилагательное, но и неизвестные еще Б. Ганну в 1923 г. обломки из большого дворца в Ах-Йот (СА III: СП 18, 20), надпись на дверце божницы из того же города (СА III: LVI 2), обломки изваяния и плиты оттуда же (СА III: CVIII U.C.98 и U.C.351), подвеска из Чэме (JNES XX: против 234, R 23), все с той же переходной разновидностью солнечного имени (см. § 23) и с тем же написанием слова «ахт» как прилагательного (на подвеске без знака хлеба). В-третьих, [275] возможно, по-видимому, привести в пользу толкования Б. Ганна также поздние солнечные кольца с подобными написаниями слова «ахт»: в царской гробнице в Ах-Йот (MSECAE I: XII, слева; что кольца поздние, было распознано по нечеткому снимку К. Зэте²² и на обломке в Государственном музее изобразительных искусств (см. § 23).

В первой части моего исследования «Переворот Амен-хотпа IV» (см. § 19) было обращено внимание на замену в солнечном имени со времени заключения его в кольца двух островков за спиной сокола двумя значками небосклона. Если учащение с этого времени в солнечных кольцах однозначного написания для слова «небосклон» (в сочетании «ликующий в небосклоне») вместо трехзначного или двухзначного (см. § 21), равно как почти полное вытеснение знака совы знаком ребер для написания предлога *m* (см. § 22), легко объясняются ограниченностью пространства в кольцах по сравнению со строчным именем, то изменение правописания слова «небосклонный» нельзя объяснить таким способом. Совершенно очевидно, что два знака солнца в горной седловине были более прихотливы по части места, чем два узеньких островка. Поскольку же эта замена не может быть объяснена пространственными соображениями, остается искать причину в изменившемся значении слова «небосклонный».

В звуковом отношении оба написания наименования «Ра-Хар-Ахт» с островками и с небосклонами были тождественны. Однако при сравнении с написаниями прежних времен написание с двумя небосклонами представляется если не совершенной новостью, то все же неупотребительной прежде разновидностью. Полоска земли с округлыми концами, песчаный островок, маловыразительный в качестве знака небосклона, был в этом значении вне сочетания «Хар-Ахт» малоупотребителен в Новом царстве; его вытеснил более выразительный и наглядный знак солнца в горной седловине. Введение двух таких знаков, двух значков небосклона, в сложный знак «Ра-Хар-Ахта» взамен стародавних двух островков могло быть вызвано желанием отчетливо, наглядно выделить отношение наименования к небосклону, но вряд ли может быть целиком объяснено одним таким желанием. Ведь в пору строчного написания солнечного имени состав этого последнего в его раннем виде полностью определился, но тем не менее никто не менял в нем унаследованного от предков правописания сочетания «Ра-Хар-Ахт». Очевидно, перемена стояла в какой-то связи с заключением солнечного имени в кольца, раз только с этого времени в нем начали писать слово «ахт» двумя знаками небосклона. Последнее обстоятельство тем примечательнее, что в кольцах пространство было ограниченным, места было мало, и тем не менее именно в них

²⁰ B. Gunn. Notes on the Aten and his names // JEA. Vol. 9, 1923. P. 173.

²¹ Ibid.

²² K. Sethe. Beiträge zur Geschichte Amenophis' IV, S. 115, Anm. 3.

заменяли [276] непритязательные значки островков куда более сложными значками небосклонов. Поэтому, если заключение солнечного имени в царские кольца означало воцарение нового бога, уподобление его имени фараоновскому, то в замене в связи с этим островков за спиною сокола небосклонами хотелось бы тоже видеть некое наращение сходства с фараоновским титулом. Это последнее в своем полном пятиименном составе начиналось беззвучным знаком жизни, за которым следовал знак сокола (слово «Хор»), часто увенчанный двойным венцом и с солнечным кругом за спиною. В своем раннем виде солнечное имя тоже начиналось знаком сокола, только с солнцем на голове вместо двойного венца и с предпосланным знаком жизни — тоже в целях уподобления фараоновскому титулу.²³ Почему было не приблизить также начертания за спиною сокола в солнечном имени к начертанию, употребительному там в царском титуле? У царя за соколом Хора витало круглое солнце. Островки в сочетании «Ра-Хар-Ахт» можно было заменить знаками солнца в горной седловине. Тем самым и наименование «Хор» в составе сочетания «Ра-Хар-Ахт» еще более сближалось с обозначением «Хор» в начале царского титула и могло быть даже воспринято как равнозначное ему слово. «Хор» же вне царского титула как обозначение фараона было почти что равнозначным слову «царь».²⁴ Иначе «Ра-Хар-Ахт» в раннем солнечном имени могло означать примерно то же, что и «Рэ, властитель небосклонный», — в позднем. Разумеется, то, что с передачей слова «ахт» в солнечном имени знаками небосклонов росло его сходство с фараоновским титулом, несколько не мешало новому написанию быть одновременно также более выразительным и наглядным в смысле оттенения именно небосклонной, утренней природы его Ра-Хар-Ахта. Впрочем, как мы сейчас увидим, сама эта «небосклонная» природа имела прямое отношение к «царственности»: в следующем же словосочетании в составе солнечного имени — «ликующий в небосклоне» — мы уже встретимся с этим.

в. «Ликующий в небосклоне»

Случайно или не случайно, но уже Г. Масперо перевел это словосочетание в составе солнечного имени как «который восходит на горизонте».²⁵ В новейшее время, видимо, сходным образом понимал данное место солнечного имени А. Пианков, когда, пересказывая это последнее, писал: «Новое солнце появляется на горизонте, полное силы, как манифестация света, что [277] находится в солнечном диске».²⁶ Словарь подтверждает толкование слов «ликующий в небосклоне» в смысле «восходящий на небосклоне». Под сочетанием «ликовать в небосклоне» там сказано: «о восходе солнца».²⁷

Спрашивается, однако, почему не был употреблен для понятия «восходить» более естественный и привычный глагол, почему не сказано просто «восходящий» или «воссиявший» «в небосклоне»? Очевидно, употребленный глагол имел здесь еще какое-то дополнительное значение помимо «восходить». Солнцепоклоннические памятники подскажут нам это значение.

Глагол «ликовать» многократно встречается на памятниках переворота. Можно оставить без внимания те случаи, когда «ликует» не солнце, а кто-то другой, например, по поводу его благодетельного явления или действия в мире. Нам сейчас нужны такие случаи, когда само солнце «ликует» или участвует в «ликовании».

Основывая новую столицу, Амен-хотп IV клятвенно обещал воздвигнуть в ней своему солнцу целых два «дома ликования»: «Сотворю я дом ликования Йоту, моему отцу, на (или: в) острове Йота, выдающегося (в смысле) празднеств тридцатилетия, в Ах-Йот в этом месте,

²³ Ibid. S. 112-113, 1: 17.

²⁴ A. Erman, H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd 3. Lpz., 1929. S. 124.

²⁵ G. Maspero. Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique. [2]. P. 320.

²⁶ A. Piankoff. Les tombeaux de la Vallée des rois avant et après l'hérésie amarnienne // Bulletin trimestriel de la Société Française d'Égyptologie. № 28-29, Mars-Juillet. [P.], 1959. P. 9.

²⁷ A. Erman, H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd 3. S. 40.

сотворю я (разночтение: (после того как?) сотворил я) дом ликования [Йота (?)]²⁸ Йоту, моему отцу, на (или: в) острове Йота, выдающегося (в смысле) празднеств тридцатилетия, в Ах-Йот в этом месте» (ЕА V: XXX = XXXVIII = ТТА: 114, строки 15-16, ЕА V: XXXII, строка 18, JEА XXI: 136 = СА III: 190). Впоследствии в Ах-Йот действительно существовал «дом ликования Йота», а может быть, даже их было два.²⁹ Полное название, много раз встречающееся на памятниках, звучало так: «дом ликования Йота в доме Йота в Ах-Йот» (СА III: 186, XLI 2, LXIX 4, CI 1, 17, ср. LXVIII 4, CM C: № 10 = КОз: IX = НЭС XVII: VIII = SA III: 315 = STEA: 19 = СА III: LXIX 5 = KEAZ: XI = RID: 30 = GE: LIV = CuAE: XXIII a = СПДЕ: XXIV = ИДЕ: 132 = ОеА: между 90 и 91 = IFAOBE XXXII: 85 = ИДЕг: 319 = VMPh: 129 = ВНеф: IV = N: между 220 и 221, MDIAeAK III: между 35 и 37 a [= IV = ARH: II] и b = ARH: I = ТТА: 154 CLXII, СА III: 186, XLI 2, CI 1, 17, ср. XLI 3 [= JEА: XXII: XX 4] и LXVIII 4, MDAIAK XIV: X 1; частичной сохранности — TEA: XII 4 = ТТА: 153 CLXI, M: XLIX 8, СА III: CI 2, 6, 7, 8, 10, 16, 193, CII 27, 32; [278] сокращенно «дом ликования Йота» за недостатком места — на печати СА III: LXXXI 34, ср. 35 и на клейме СА III: LXXXIII II, также в должностном звании СА III: CIII 49 и, вероятно, в скорописной пометке СА III: LXXXVIII 90). В связи с именем Семнех-ке-рэ «дом ликования Йота» назван на обломанных кирпичных клеймах (СА III: LXXXIII III). О «доме ликования Йота в доме Йота в Ах-Йот» как месте сооружения «сений Рэ» см. гл. III.

Само название «дом ликования Йота в доме Йота в Ах-Йот» свидетельствует, что это сооружение присваивалось солнцу в связи с празднеством «тридцатилетия». «Домом ликования» именно и прозывалось в древнем Египте то здание или помещение, где справлялось «празднество тридцатилетия».³⁰ Принадлежность данного «дома ликования» Йоту и его местонахождение «в доме Йота» доказывают причастность самого Йота к этому фараоновскому празднеству. В царской клятве при основании Ах-Йот прямо сказано, что оба «дома ликования» будут воздвигнуты «для Йота», притом «на (или: в) острове Йота, выдающегося (в смысле) празднеств тридцатилетия». Что такое был этот «остров», и где он находился в новой столице, и был ли он на деле так наименован и отстроен, остается неизвестным. Высказанная догадка,³¹ что так могла прозываться вся совокупность сооружений, посвященных солнцу в средоточии новой столицы, к сожалению, не более как предположение и не объясняет, почему в царской клятве речь об «острове» заходит в случае каждого по отдельности «дома ликования», но не в случае самого главного храма солнца — «дома Йота», упомянутого царем на первом месте во главе всех намеченных сооружений. Но как бы ни обстояло дело с этим «островом», его название опять-таки доказывает, что «дома ликования», которые должны были быть там воздвигнуты, связывались с «празднествами тридцатилетия» самого солнца.

Насколько могу судить по известным мне памятникам, «дом ликования» появился у солнца только с перенесением столицы в Ах-Йот. До основания нового города о солнечном «доме ликования» ничего как будто б не слышно. Зато тогда имелись другие сооружения, связанные с «ликованием», притом именно с «ликованием в небосклоне», как в солнечном имени.

Одно из этих сооружений и было, по-видимому, непосредственным предшественником в старой столице солнечного «дома ликования» в новой.³² Оно существовало уже при строчном солнечном имени, притом в довольно раннюю пору его бытования, когда слово «ликующий» писалось в нем буквами и знаком [279] свитка (см. § 10), а царь носил еще верховножреческое звание (см. § 65). На обломке каменного жертвенника из Эп-эсове читаем: «[Ра-Хар-Ахт, ликующий в небосклоне] в имени своем как Шов, который (есть) Йот, что в сердце (т. е. почитается внутри) (сооружения) Ликование в небосклоне - - -» (MDAIAK XX: 76 = XXIII; остатки солнечного имени перед словами «царь (и)

²⁸ Восстановление Х. В. Фэрмэна; см.: H. W. Fairman. Topographical notes on the central city, Tell el Amarna // JEА. Vol. 21, 1935. P. 136; H. W. Fairman // J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. L., 1951. P. 190.

²⁹ H. W. Fairman // J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. P. 195-197.

³⁰ A. Erman, H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd 3. P. 40.

³¹ H. W. Fairman // J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten, P. 3. Vol. I. Text. P. 196.

³² Х. В. Фэрмэн готов даже отождествить оба названия (Ibid. P. 193).

государь Нефр-шеп[р]-рэ [Ва-н-рэ]» в соседней строке — из верховножреческого звания). Немного времени спустя, уже после заключения солнечного имени в кольца, но до появления перед кольцами царя подзаголовков «живущий правдою» (см. § 64; вместо этих подзаголовков обозначения: «творящий вещь (т. е. жертвенный чин)» перед одним из первых колец и «возлюбленный его», «от утробы его, возлюбленный его» перед вторыми кольцами, см. § 63), возможно, даже до придачи солнцу титуловых прозваний, мы находим на другом каменном жертвеннике два одинаковых обозначения солнца: «Ра-Хар-Ахт, ликующий в небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) Йот, что в сердце (сооружения), "Ликование в небосклоне" Йота в Оне Верховья, большом, первенственном Йота» (в одном случае заключительное слово «Йот» отбито), а также сходное третье: «Ра-Хар-Ахт, ликующий в небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) Йот, что в сердце (сооружения) "Ликование в небосклоне" Рэ в доме его в Оне Верховья, большом, первенственном Рэ» (MDAIAK XX: 75). Следовательно, это помещение «Ликование в небосклоне», которое безразлично присваивается то Йоту, то Рэ, находилось в «доме его», т. е. в солнечном храме в Эп-эсове, откуда происходят все эти жертвенники. На некоторых обломках таких жертвенников уцелели только концы подобных обозначений, так что лишь по полному совпадению этих остатков с концами только что переведенных трех обозначений можно предполагать, что они того же времени, что и те, а не несколько древнее: «[Ликование] в небосклоне Йота в Оне Верховья - - -», « - - - в Оне Верховья, большом, первенственном Рэ» (RTRPhAEA XXIII: 62 = TTA: 179 CCXIII), «- - - в сердце (сооружения) "Ликование в небосклоне" Йота в Оне Верховья» (O XXIV: I 19), «- - - Рэ в доме его в Оне Верховья» (O XXIV: II 20). Ср. «- - - [в] Он[е Верхо]вья, большом, первенственном Рэ» на камне из Эп-эсове с ранними солнечными кольцами (Ag XXVIII: 18).

Видимо, немного новее титуло на двух камнях, купленных на месте древнего Апе, поскольку тут, если точно восстановление издателя, употреблены уже обычные титуловые прозвания: «Ра-Хар-Ахт, ликующий в небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) йот, [Йот живой, великий, что в празднестве тридцатилетия, владыка неба, владыка земли],³³ что в сердце (сооружения) Ликование в небосклоне Йота» (O XXIV: I 16). [280] Уже, несомненно, этого времени, т. е. последних месяцев до переименования царя из «Амен-хотпа Нуте-хок-висе» в «Эх-не-Йота», титуло на другом камне (JEA V: VIII = 62 [= SPAW 1919: 477 = TTA: 152 CLX] + SPAW 1919: 480 + JEA VIII: 200): «[Ра-Хар-Ахт, ликующий в небосклоне в имени своем как Шов, который (есть) Йот, Йот живой, великий], что в празднестве тридцатилетия, владыка неба, владыка земли, что в сердце (сооружения) Ликование в небосклоне Йота». Это титуло — второго вида (см. § 35), второе кольцо царя («Эх-не-Йот») переделано из «Амен-хотп Нуте-хок-висе».³⁴ Титуло относится к лучистому солнцу, ниспосылающему свои руки-лучи к жертвеннику, перегруженному дарами. Подле жертвенника фараон подносит солнцу жертвенный сосуд. На царе, увенчанном белым венцом, короткое облачение вроде того, которое он носит на соседнем изображении и которое представляет тот своеобразный наряд, который фараоны надевали во время «празднеств тридцатилетия». На соседнем изображении царь торжественно шествует в сопровождении жрецов в белом венце с «бичом» и жезлом в руках, весь озаренный своим лучистым солнцем. Изображено, таким образом, «празднество тридцатилетия». Второе изображение, действие которого могло разворачиваться под открытым небом, отделено от первого широкою отвесною полосой с поперечной чертой внизу. Эта черта как будто бы ниспадает затем, округляясь, вниз перед внутренним краем полосы, обращенным к жертвеннику. Поэтому то не стена и не столб, а распахнутая дверь в помещение, где совершает жертвоприношение царь. Правильность такого понимания подтверждают изображения на камнях из Эп-эсове Ag XXVIII: 18. Таким образом, и празднество тридцатилетия, по крайней мере частично, протекает вместо «дома ликования» в сооружении «Ликование в небосклоне Йота». Сродство обоих «ликующих» сооружений

³³ Восстановление М Дорецк; см.: M. Dorese. Les temples atoniens de la région thébaine // O. NS. Vol. 24, 1955. P. 121-122, pl. 1 (№ 16).

³⁴ H. Schäfer. Die Anfänge der Reformation Amenophis des IV // SPAW. 1919. S. 480.

между собою и связь также второго из них, в силу как этого сродства, так и совершения там празднества тридцатилетия, с этим самым празднеством представляются более чем вероятными. Как уже было сказано, Х. В. Фэрмэн готов был даже отождествить оба названия.

Но к «ликованию в небосклоне» имели прямое отношение и другие ранние постройки помимо сооружения «Ликование в небосклоне Йота (или: Рэ)». Все они поименованы в письменных источниках более древних, чем упоминающие это сооружение, и потому могут быть в том или ином смысле его предшественниками. Наиболее новое и потому, возможно, наиболее близкое по составу упоминание такого сооружения имеется в гробнице П-рен-нуфе, в надписи, в которой строчное солнечное имя трижды написано одними буквами без определителя (см. [281] § 9): «Творят они (т. е. люди) приветственное восклицание, как творю я (т. е. П-рен-нуфе) восхваление лику твоему (т. е. солнца) доброму [на(?)] лестнице (? — *р*д без определителя) Ликования (или: ликующего) в небосклоне - - -» (JEA IX: XXVII h = TTA: 142 CXXXIII).

Сохранилась пометка на винном сосуде: «[Год царствования] 3, [ви]но дома Рэ, ликующего в небосклоне...» (TEA: XXII 13). Что надо читать «[год царствования] 3», а не «[год царствования 1]3», указывает написание слова «ликующий» знаком мужчины с воздетыми руками, что свойственно обычно лишь первым годам царствования Амен-хотпа IV (см. § 5, 8), а также отсутствие кольца (см. § 16). Пометка явно древнее строчного солнечного имени. Существой оно тогда, когда ее делали, надо было б ожидать вместо «Рэ, ликующего в небосклоне» «Ра-Хар-Ахта, ликующего в небосклоне». Названное в ней хозяйство — «дом Рэ, ликующего в небосклоне», владевшее виноградниками, могло быть предшественником будущего «Ликование в небосклоне», но не исключено, ввиду слова «дом», что преемником стал «дом Ра-Хар-Ахта», упоминаемый в пометках 4-го года царствования, а также в не сохранивших числа, но дающих наименование «Ра-Хар-Ахт» еще без кольца (см. § 16), равно как на некоторых других мелких памятниках, как времени до заключения солнечного имени в кольца, так и после того (см. об этом храме в ч. II моего исследования «Переворот Амен-хотпа IV»).

На закупорке сосуда из Ах-Йот уцелел низ печати: «- - - [до]м (?) ликующего в небосклоне своем» (CA III: LXXXIII 126). Печать, скорее всего, первых лет царствования Амен-хотпа IV ввиду написания слова «ликующий» знаком мужчины с воздетыми руками (см. § 5, 8), а также необычного для солнцепоклоннического «ликующий в небосклоне» притяжательного, местоимения после слова «небосклон».

Пока мы имели дело все с храмовыми сооружениями, связанными с «ликованием в небосклоне». Но древнейшее упоминание здания с подобным наименованием относится к сооружению гражданского порядка. Время и место получения клинописного послания Тушратты митаннийского к фараону указаны в скорописной отметке на этом письме так: «[Год царствования] 2, месяц 1 Выхожденья, число 7; были во Граде Южном (т. е. в Нэ) в замке ликования (или: ликующего) в небосклоне» и т. д. (ThEA I: 23 = ZAeSA XXVII: 63 = ToEA I: 21 = U18D: 1995 = VMPh: 111 = APhE: XLI ср. EAT I: 240-241 и SAK II: 99(8)). Эту пометку необходимо сопоставить с другою, сделанною на письме того же Тушратты, но к Амен-хотпу III, года на три-четыре раньше: «[Год царствования] 36, месяц 4 Выхожде[нь]я; были в [за]мке южном доме ликования» и т. д. (EAT I: 180-181). Трудно не предположить, что в обеих пометках речь идет об одном и том же местопребывании царского двора, притом [282] именно о дворце, построенном Амен-хотпом III на западном берегу в Нэ, на южной его окраине в Чэме. Дворец Амен-хотпа III прозывался, как известно, «домом ликования».³⁵ Это название значится на кирпичях оттуда («двор Амуна в доме ликования», JNES X: 36) и из местности по соседству с поминальным храмиком Тут-анх-амуна — Эйе в том же Чэме («Неб-ма-рэ в доме ликования», TED: 7). В гробнице «руководителя дворца» Амен-хотпа III и «распорядителя дома жены царицы великой Тэе» Саха в Нэ на изображениях празднования тридцатилетия царствования, между прочим, значится: «Год царствования 30, месяц 2

³⁵ W. C. Hayes. Inscriptions from the palace of Amenhotep III // JNES. Vol. 10, 1951. P. 35, n. 2; H. W. Fairman // J. D. S. Pendlebury. The city of Akhenaten. P. 3. Vol. 1. Text. P. 193.

Жатвы, число 27 при величестве Хора, тельца крепкого, воссиявшего в правде, кому дано жить, царе (и) государе, владыке обеих земель Неб-ма-рэ, сыне Рэ, возлюбленном его, Амен-хотпе Хок-висе, кому дано жить, во время сотворения празднества тридцатилетнего первого величества его. Воссияние царя (у) двух врат великих во дворце [своем] дом [а] ликования... Дано было указание о пруде величества его, чтобы везти на веслах в ладье царя» (ASAE XLII: 491-492 = U18D: 1867). На том же изображении в гробнице Саха над покидающим дворец царем написано: «Воссияние во [дворце], (совершенное) царем», а над самим дворцом: «Дворец его дома ликования» (ASAE XLII: 492 = U18D: 1868).³⁶

Таким образом, более чем правдоподобно, что «замок южный дом ликования» Амен-хотпа III и «замок ликования в небосклоне» во «Граде Южном» Амен-хотпа IV — одно и то же сооружение, именно дворец в Чэме, и поскольку как «дом ликования» он был определенно связан с «празднеством тридцатилетия», то и по переименованию в «замок ликования в небосклоне» он должен был иметь отношение к этому празднеству. Только празднество это не могло быть празднеством земного фараона, раз «ликование» было «в небосклоне». Новое название имело в виду празднество небесного фараона — праздничное «ликование» солнца на восточном склоне неба. Но на восточном небосклоне солнце восходило повседневно. «Ликовать в небосклоне», как показала нам выше справка в словаре, значило то же, что «восходить». Тем самым у солнца празднество повторялось не через годы, как у земных царей, а ежедневно, с каждым его восходом на небосклоне.

Все это как нельзя лучше согласуется с тем, что показали нам наши расследования относительно «дома ликования» Йота в Ах-Йот и «Ликования в небосклоне» Йота или Рэ в старой столице. С заключением солнечного имени в кольца и придачею им титуловых прозваний праздничное обозначение солнца внутри [283] кольца — «ликующий в небосклоне» — получило соответствие и в титуловых прозваниях, именно в том из них, которое с полной определенностью ставило царственное солнце в связь с «празднеством тридцатилетия». Прозвание, употребительное с ранними солнечными кольцами, было, как известно, «кто в празднестве (или: празднествах) тридцатилетия», с поздними — «владыка празднества (или: празднеств) тридцатилетия» (см. § 30-40). О том, что в этих прозваниях речь идет не о празднествах земного царя, а о празднествах небесного фараона-солнца, первым догадался Б. Ганн.³⁷

Сами по себе оба прозвания могли бы быть, правда, поняты и в ином смысле. Прозвание «кто в празднестве (или: празднествах) тридцатилетия» можно истолковать в том смысле, что солнце объявляется присутствующим на «празднестве (или: празднествах) тридцатилетия» своего сына-фараона. На изображении празднования тридцатилетней годовщины царствования Амен-хотпа III в гробнице Саха царя при его торжественном выходе из дворца сопровождают священные стяги, названные «[богами], что в празднестве тридцатилетия, пребывающими в сопровождении величества [его]» (ASAE XLII: 493 = U18D: 1868). Более позднее прозвание можно понять в том смысле, что солнце провозглашается «владыкою празднеств тридцатилетия» как располагающее, распоряжающееся ими. Именно так возможно воспринять некоторые обозначения старых божеств при Амен-хотпе III: «бог добрый Неб-ма-рэ, кому дано жить, возлюбленный Амуна, владыки празднества тридцатилетия» (U18D: 1760), «бог добрый Неб-ма-рэ, возлюбленный Птаха, владыки правды, бога большого, владыки празднества тридцатилетия, что в сердце палаты летописей» (U18D: 1756), «бог добрый, владыка творения вещи (т. е. жертвенного чина) Неб-ма-рэ, сын Рэ от утробы его Амен-хотп Хок-висе, (кому) дано жить вечно, возлюбленный Хнума, владыки (города) Хе-вэр, бога большого, владыки празднества тридцатилетия» (U18D: 1757), «царь (и) государь Неб-ма-рэ, (кому) дано жить, возлюбленный Сате, владыки (читай: владычицы) празднества тридцатилетия, богини срединного чертога дома великого» (U18D: 1757), «сын Рэ Амен-хотп Хок-висе, бог добрый Неб-ма-рэ, (кому) дано жить вечно, возлюбленный Рдв, владыки (читай: владычицы?) празднества тридцатилетия» (там же); ср. ASAE XLII: 72 = U18D: 1755.

³⁶ Известия о «доме ликования» Амен-хотпа III были сопоставлены Х.В. Фэрмэном (там же).

³⁷ B. Gunn. Notes on the Aten and his names // JEA. Vol. 9. 1923. P. 170-172.

Как известно, старое многобожие охотно выставляло своих богов подателями «тридцатилетних» празднеств фараонам. Подобное представление было свойственно в не меньшей, если только не в большей, мере и солнцепоклонничеству Амен-хотпа IV (FTEQ: XXVII = EW: XXVII = ZAeSA XXI: 129 = TTA: 138 CXXVI = TVR: XXX = L = U18D: 1780, EA II: XXI, XXXVI, EA III: XXIX, строка 8, [284] EA IV: XXXV, строка 3, EA VI: III, строка 6, XIV, XV, строка 6, XIX, строка 3, XX, XXV, XXV, строки 2-3, 18, ср. EA VI: VI; также изображение ME: X 1 = RA V: 63 = RKEA: II = ZAeSA LVIII: I = KAO: 3603 = ARK: V).

Тем не менее в титуловых прозваниях солнца под «празднествами тридцатилетия» надо вместе с Б. Ганном разуместь «тридцатилетние» празднества самого солнца. Решающим доводом английскому ученому³⁸ служит замена в двух титулах солнца с ранними кольцами обычного при них прозвания «кто в празднествах тридцатилетия» (см. § 34–39) необычным: «сотворяющий празднества тридцатилетия». Оба эти титула находятся на наскальном изображении Бока в Свэн (MDREN: XXVI *u* = CMIEA I: 40 174 = DGKAIV: I 1 [= отчасти 5] = MDAIAK XX: 86 = XXVII = XXVIII, два раза = отчасти TTA: 175 CCIV B = отчасти U18D: 1942). Выходит, что лицо, столь приближенное ко двору, как «распорядитель работ в Горе Красной, подручный, наученный величеством его самим, начальник ваятелей по (части) памятников больших великих цар(я) в доме Йота в Ах-Йот Бок», могло полагать, и, должно быть, вполне уверенно, что праздничное прозвание солнца относилось к празднованию самим солнцем своих собственных «тридцатилетних» празднеств. Б. Ганн с полным основанием указывает, что по-египетски «сотворить празднества тридцатилетия» значило «праздновать» их как свои собственные.³⁹ Из солнцепоклоннических примеров он ссылается на EA VI: XXI, строка 5: «будешь ты (т. е. царь) вечно, сотворишь ты празднества тридцатилетия». К этому примеру можно добавить еще два других: «ты сотворишь (т. е. проведешь) годы многие, сотни тысяч празднеств тридцатилетия» (EA I: XXXVIII, строка 1 западной надписи), «властитель рожден, подобно Йоту, оставаясь вековечно наподобие его, сотворяя тысячу тысяч празднеств тридцатилетия, приказанных ему Йотом живым» (EA VI: XIV). Можно также привести пример такого словоупотребления для последних лет Амен-хотпа III, времени празднования им своих тридцатилетних празднеств, т. е. для времени, непосредственно предшествующего воцарению Амен-хотпа IV: «бог добрый, сотворяющий празднества тридцатилетия, подобно отцу своему Туну» (ASAE XLII: 490 = U18D: 1865), ср. «во время сотворения празднества тридцатилетия первого величества его» (ASAE XLII: 491 = U18D: 1867). Другой пример времени Амен-хотпа III, хотя и не обязательно конца его царствования: «сотворишь ты (т. е. Амен-хотп III) тысячи тысяч празднеств тридцатилетия» (U18D: 1754).

Но и словоупотребление, отраженное в обоих обычных прозваниях солнца, может быть прослежено отнюдь не только в приложении к участникам или подателям «тридцатилетних» [285] празднеств, как то было показано выше, но и в приложении к самим их виновникам. Б. Ганн ссылался на личные имена, составленные по образцу: такое-то египетское божество «в празднестве», как на соответствия солнечному прозванию «кто в празднестве (или: празднествах) тридцатилетия».⁴⁰ Имеется, по-видимому, и более близкий пример, где речь идет не о празднике вообще, а именно о «празднике тридцатилетия», «в» котором пребывает сам его виновник. Пример этот самого конца царствования Амен-хотпа III, его 36-го года царствования, так что отстоит от воцарения Амен-хотпа IV на каких-нибудь два года: «(когда) было величество его в (т)ретьем празднестве [тридцатилетия]» (U18D: 1891). Что же касается прозвания «владыка празднества (или: празднеств) тридцатилетия», то это словосочетание было тогда в приложении к виновникам торжества вполне употребительно. Б. Ганн ссылался, в частности, на жуковик с таким обозначением, приложенным к Амен-хотпу IV.⁴¹ На этом жуковике, когда писал Б. Ганн, еще не изданном, значится: «Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ, владыка празднества тридцатилетия» (BMQ XIV: V 8). Имеется несколько примеров от предшествующего царствования, в которых «владыкою

³⁸ Ibid. P. 171.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid.

празднеств тридцатилетия» объявляется сам Амен-хотп III: «[Хор, телец] крепкий, воссиявший в правде, царь, любимец, подобно Амуну, владыка празднеств тридцатилетия на престоле Рэ» (U18D: 1758), «Хор золота, зеленеющий (т. е. процветающий) (в отношении) двойников (или: питания?), добрый годами, владыка празднеств тридцатилетия» (MMAV VI: 276 = U18D: 1749), «Неб-ма-рэ, владыка празднества тридцатилетия» (ThIAe VI: 1456), «- - - [Амен]-хотп Хок-висе, владыка празднества тридцатилетия» (RIEMRCB: 365); «владыкой празднества тридцатилетия, как отец его Рэ», назван Амен-хотп III на изображении, к этому празднеству как раз относящемуся, DAeAe III: LXXVI-LXXVII. Ср. RMT II: 177.

Но вернемся к сочетанию «ликующий в небосклоне». Присутствие среди титуловых прозваний солнца такого прозвания, которое говорило о справлении солнцем «празднеств тридцатилетия», сильно оттеняло празднично-фараоновский смысл сочетания «ликующий в небосклоне» в самих солнечных кольцах. И эти слова отнюдь не служили в них малозначительной связкой между солнечными наименованиями, в них заключенными. Сочетание «ликующий в небосклоне» представляло важную, многозначительную составную часть солнечного имени. Недаром уже на первых порах нового солнцепоклонничества храм царского бога прозывался не «домом Рэ», а «домом Рэ, ликующего в небосклоне» (TEA: XXII 13, см. § 5), а сам царь величался «возлюбленным Ра-Хар-Ахта, ликующего в небосклоне» (DaeAe [286] III: CXd = DAeAeT: 49 = TTA: 148 CXLVI, см. § 8). Также и позже, в пору ранних солнечных колец, на печатях винодельческих заведений бывало написано: «Вино [дома Ра =] Хар-Ах[т]а, ликующего в небосклоне» (CA III: LXXXI 4), или, просто: «Ра-Хар-Ахт, ликующий в небосклоне» (CA III: LXXXI 1); время обеих печатей определяет знак Ра-Хар-Ахта о двух небосклонах (см. § 19). К «- - - ликующему в небосклоне» обращена молитва на стенке ящика AeISMB II: 266 = TTA: 160 CLXXV (позднее заключения солнечного имени в кольца ввиду того, что «Ахт» написано двумя знаками небосклона, см. § 19). Ср. также «[до]м(?) ликующего в небосклоне своем», упомянутый на закупорке сосуда из Ах-Йот, но ввиду написания слова «ликующий» знаком мужчины с воздетыми руками, скорее всего, первых лет царствования (CA III: LXXXIII 126, см. § 5, 8).

г. Шов — Йот — Рэ-отец

В том, что у земных фараонов «празднество тридцатилетия» представляло так или иначе обновление царствования, согласны сейчас едва ли не все исследователи. Но не менее ясно, что греческая передача названия этого фараоновского празднества как «тридцатилетие» в значительной мере условна. И условна она не только потому, что некоторые цари справляли свое первое «празднество тридцатилетия» за много лет до тридцатилетней годовщины царствования. Греческая передача условна прежде всего потому, что даже те цари, которые праздновали первое «празднество тридцатилетия», процарствовав действительно тридцать лет, последующие свои «празднества тридцатилетия» — второе, третье, четвертое и т. д. — справляли одно за другим через короткие промежутки времени, в несколько лет каждый.

Царственное солнце Амен-хотпа IV обновлялось, возрождало само себя каждое утро и тем самым справляло при каждом своем «возникновении» на небосклоне «празднество тридцатилетия». Недаром его постоянным титуловым обозначением было «Йот живой, великий, что в празднествах тридцатилетия», или, позднее, «владыка (т. е. обладатель) празднеств тридцатилетия». Но если слова «ликующий в небосклоне» в составе солнечного имени относились к праздничному обновлению, т. е. утреннему самовозрождению царственного солнца, то не естественно ли ожидать, что непосредственное продолжение этих слов, заключительная часть солнечного имени, должно было иметь отношение к тому же? «Возликовывающий на небосклоне под именем своим как...» — не будет ли то, что следует затем, т. е. это самое «имя», обозначать как раз самовозрождающееся солнце?

И действительно, последующие наименования имеют отношение к рождению. Согласно раннему солнечному имени, «ликующий [287] на небосклоне» восходит как

сыновнее солнце Шов (см. выше), согласно позднему имени — как отец Рэ. И оба, Шов и «отец Рэ», оказываются затем Йотом, видимым солнцем, явлением, которое солнце, как таковое, порождает или в котором самопорождается по утрам (см. выше) и которое в то же время есть отеческое солнце, чье наименование созвучно со словом «Йот» — «отец» (см. выше). В самом деле, какое-то скопление отеческого и сыновнего, порождающего и порождаемого, но притом скопление на первый взгляд очень странное, противоречивое. Если то, что сыновнее солнце Шов отождествляется с видимым солнцем Йотом, порождаемым по утрам, никакого противоречия в себе не содержит, напротив, выглядит вполне последовательным, то признание этого Йота, порождаемого солнца, одновременно «отцом», отеческим солнцем, включает в себе как будто б невыносимое внутреннее противоречие. Не менее внутренне противоречиво и провозглашение отца Рэ порождаемым видимым солнцем Йотом, хотя бы последний был тоже «отцом», отеческим солнцем. Противоречивость подобных отождествлений не подлежит, по-видимому, сомнению, но что, если именно она и составляет самое существо заключительной части солнечного имени?

В самом деле, кого, по тогдашним представлениям, порождало солнце каждое утро? Не кого иного, как самого себя. Утреннее солнце, восходящее на небосклоне, есть солнце сыновнее, порожденное, но в этом возрожденном солнце, ставшем вновь зримым явлением, возродилось, пришло, вернулось прежнее солнце, его породившее, солнце отеческое. Но разве не то же самое утверждает солнечное имя в его более раннем виде? Утренний, потому что небосклонный, Ра-Хар-Ахт празднично-обновленно возликовывает на небосклоне как сыновнее солнце Шов, которое есть видимое солнце Йот, иначе, все тот же «Йот» — «отец», отеческое солнце.

Раннее солнечное имя было основано на привычной и значительной для древних египтян игре наименованиями. «Солнце» Шов потому «сын Рэ», что таковым был старый бог воздушного пространства Шов. Йот («видимое солнце») потому «отец», что по-египетски «отец» тоже «йот». С окончательным отвержением старых божеств игра именем одного из них в составе обозначения самого предмета нетерпимого солнцепочитания становилась неуместной. Неуместною она была сочтена даже раньше устранения из солнечного имени слова «хор». В переходном виде солнечного имени (см. § 23) слова «шов» уже нет, но слово «хор» еще остается, хотя пишется буквами, а не знаком сокола, священной птицы и образа старого бога Хора. Если солнечное наименование «Ра-Хар-Ахт» на первых порах еще сохранялось, то его отрывали от старого Хора, бытовавшего в прежнем многобожии и вне этого сочетания. Нарочно отграниченное самим своим правописанием от старого бога и включенное в царское [288] кольцо чисто буквенное «хор» могло легко восприниматься как равнозначное слову «царь»,⁴² но затем и буквенное «хор» заменили уже вполне недвусмысленным обозначением «властитель». Но никакое буквенное написание не могло бы спасти даже временно слово «Шов» в солнечном имени, как только старые боги были окончательно отвергнуты новым солнцепоклонничеством. Ведь слово «Шов» затем и находилось в солнечном имени, что там играли как раз теми представлениями, которые связывало с этим словом отвергнутое многобожие. Фараона еще некоторое по крайней мере время продолжали величать «Шов» (см. выше). К царю ведь прилагалось еще другое обозначение для солнца — «Рэ»; «Шов» тоже значило «солнце», и, величая Амен-хотпа IV «солнцем» — «Шов», совсем не обязательно было вспоминать многобожескую подоплеку последнего обозначения. Но в солнечном имени дело было именно в этой подоплеке. С окончательным отвержением прежнего многобожия слову «Шов» не было больше места в солнечном имени.

Но чем и как было заменить неуместное обозначение? Пересказать его, передать описательно как «сын Рэ»? Но ведь то было привычное обозначение фараона, а никак не солнца. Значит, нельзя уже было высказывать в солнечном имени, что сыновнее солнце, будучи видимым солнцем и, как оно, именуемое созвучно с «отцом», есть возродившееся

⁴² A. Erman, H. Grapow. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd 3. S. 124.

отеческое солнце. Но если стало невозможным высказываться в солнечном имени о сыновнем солнце, то можно было высказать там ту же мысль применительно к отеческому солнцу, вместо сыновнего солнца, сына Рэ, сделать предметом высказывания самого «Рэ-отца». В таком случае оставалось только сказать, что отеческое солнце вернулось в порожденном им видимом солнце, именующемся потому созвучно с «Йотом» — «отцом» — Йотом. Это и было сделано при переделке солнечных колец из ранних в поздние. Теперь утренний, потому что небосклонный, Рэ — властитель возликовывает празднично-обновленно на небосклоне как отеческое солнце, как «Рэ-отец», вновь пришедший в порожденном им видимом солнце Йоте, потому так и именуемом — созвучно с «Йотом» — «отцом».

Глагол *йй* «приходить», употребляемый также с оттенком «возвращаться», встречается несколько раз в приложении к солнцу Амен-хотпа IV и вне позднего солнечного имени, притом на протяжении всего царствования, от времени первоначальных солнечных обозначений до поры поздних солнечных колец включительно. Правда, за одним исключением, словоупотребление очень однообразно, ограничено приветственными обращениями к солнцу *ий.тй* «Прииди» (досл. «Пришедши ты!») и *йй.вй* «Прииди же!» (досл. «Сколь (приятен) пришедший!») в смысле «Добро пожаловать!». [289]

Пнчв и Пи-нхас при ранних солнечных кольцах и Хойе при поздних приветствуют солнце в своих гробницах в Ах-Йот такими словами: «Привет тебе, восходящий в выси, сияющий утром на склоне неба! (Разночтение Пи-нхаса: "(когда) восходишь ты в выси, (когда) сияешь т(ы) [у]тром на склоне неба".) Прииди в мире, владыке» мира (т. е. спокойствия)! Земля до края ее собрана, когда воссияваешь ты. (Пи-нхас добавляет: Лица (т. е. люди) все живут при виде тебя".) Обе руки их (воздеты) в похвалу восходу твоему. (У Пи-нхаса восхваление солнца на этом обрывается и начинается прославление фараона.) Обоняют они земли? (т.е. поклоняются), (когда) сияешь т[ы] им. Восклицают они до высоты неба. Восприемлют они радость (и) веселье. Ликут они, (когда) видят величество твое (т. е. солнце). Даешь ту лучи твои лицам всем (т. е. всем людям) подающимся наружу (т. е. выходят из жилищ?), (когда) приобщаешься ты выси (т. е. поднимаешься на небо), (когда) предпринял ты дорогу добрую» (следует заупокойная молитва; *Пнчв* — ЕА IV: III, Пи-нхас — ЕА II: VII, Хойе — ЕА III: II). Снаружи своей гробницы в Ах-Йот, по бокам ее двери, Эйе встречает солнце такими словами: «Прииди [же], Йот живой — [наполнил ты о]бе зем[ли] красотою твоею] - - - [не]т другого, знающего тебя, кроме сына твоего, царя (и) государя Нефр-шепр-рэ Ва-н-рэ»; «[При]иди же! Восходишь [т]ы - - - направить - - - Йот это во (всю) долготу (т. е. всё) сын его, - - - [сы]н Рэ [Э]х-не-[Йот], большой [п]о [в]еку своему»; «Прииди же, Йот живой, рождающий себя сам повседневно. Земля всякая в [праз]дне[стве] (?) - - - умиротворяешься т[ы] - - - ты(?) жене царицы великой Нефр-нефре-[Йот] Нефр-эт — жива она вечно [веко]вечно!» (ЕА VI: XXIV, при ранних солнечных кольцах). Во всех этих надписях глагол *йй* «приходить/возвращаться» относится к восходу солнца, к его приходу вновь утром — употреблен в конечном итоге в том же смысле как и в позднем солнечном имени. Там за глаголом следуют слова *м йтн* — *йй м йтн* «приходить солнцем, возвращаться Йотом». Точь-в-точь такое же и еще одно сходное словосочетание являет наиболее ранний свидетель употребления глагола *йй* применительно к солнцу Амен-хотпа IV — славословие ночному солнцу, начертанное на гробнице Саха в Нэ. Хотя надпись очень ранняя и вполне многобожеская, она тем не менее посвящена солнцу Амен-хотпа IV (см. § 2), правда еще с трудом отличимому от старых солнечных божеств, как то часто бывало в ту пору первоначальных солнечных обозначений. Вот перевод этой надписи: «Прославление Рэ, (когда) умиротворяется он в жизни (т. е. заходит живым) на склоне западном неба — повелителем-князем, другом (царевым) единственным, приближающимся к владыке своему (т. е. фараону), тем, кто в сердце Хора, владыки Дворца (т. е. в сердце фараона) — распорядителем дома Хър[в.ф] (другое имя Саха), правым] голосом [290] (т. е. оправданным на том свете, покойным). Сказывает он:

"Привет тебе - - - Атом [владыка (?) веч]ности (?)! [Прио]бщился ты склону неба. Ты

воссиял на западе Атомом, что ввечеру, пришедши (*йй.ти*) в мощи твоей. [Поверг ты про]тивника твоего (— змия). Властвуешь ты (над) высью как Рэ. Касаешься ты неба (и) земли - - -. Удалил ты облака (и) тучи (или: град). Спускаешься ты из утробы матери твоей Нав[не]. Отец твой Нун [в радости (?)]. Боги [(такие-то)] в воскликновении, те, что в преисподней, в ликовании, (потому что) [видят они (?)] владыку своего, растягивающего шаг [свой (?)]. Т[ы (?)] — владыка всех. Прииди (*йй.ти*) в мире, касающийся обеих земель (т. е. Египта — в смысле заходящий?! Приобщи́л ты руки закатным горам (т. е. обнял место заката). Восприял (о?) - - - величество твое честь, приставши ко храму твоему ради отрешения рук матери твоей от - - -. Влекут тебя (т. е. солнце в его ладье) души западные на дорогу, что (?) в земле святой (т. е. в мире мертвых). Освещаешь ты лицо приставников преисподней. Слышишь ты зов (того), который во гробе. Поднимаешь ты (тех), которые положенные на бок (т. е. мертвых). Вкушаешь ты правду у того, кто с ней. Молодишь ты носы тем, что в ней (т. е. жизнью-дыханием, которые она сообщает?). Отделяешься ты оттуда на место честное. Восполняешь (?) ты явления в (виде ?) богов — выходящих отсюда, (тем временем как) тепло их явилось,— обновившись в мощном (обличье) твоём первоначальном, пришедши Йотом (т. е. видимым солнцем, *йй.ти м йтн*), мощью неба, соединившись с власт(ью?) (над) [(такою-то нагорной страной)]. Учитываешь ты красоту твою посреди преисподней. Сияешь ты, именно ты, тем, кто во тьме. Те, кто в пещерах, в ликовании. Славят они [те]бя, (когда) достигаешь ты до них, перед (?) лицом твоим этим пробудившегося целым - - - ... ежедневно. Светает земля - - - ... в облике его, выходящий из утробы матери его непрестанно, умиротворяющийся внутри во вре[мя (?)] - - - Рэ при восходе своем, Атом после [умиротворения (т. е. захода) своего (?)]. (Да) дашь ты быть мне среди жалуемы(х) тобою, видя красоту твою повседневно, (когда ?) принимаю я концы (?) ночной солнечной ладьи - - -"» (ASAE XLII: 462-463 + JEA IX: XXVII n).

Несмотря на досадные повреждения и отдельные неясные места, из надписи со всею определенностью следует, что приход солнца в виде Йота, т. е. видимого солнечного круга, связывался непосредственно с обновлением солнца в прежнем образе: «обновившись в мощном (обличье) твоём первоначальном, пришедши Йотом, мощью неба» (ASAE XLII: 462 ошибочное чтение «в животворении твоём» должно быть исправлено по JEA IX: XXVII n как в «мощном (обличье) твоём»). Лучшего [291] подтверждения предложенного понимания позднего солнечного имени, подтверждения добавок устами самих солнцепоклонников, трудно было б даже ожидать.

Два других примера глагола *йй* «приходить» в приложении к солнцу, содержащиеся в надписи, заслуживают внимания в том смысле, что относятся не к утреннему, а к вечернему приходу или возвращению солнца. Они тем самым показывают, что «приходить» применительно к солнцу не тождественно с «восходить», но что *йй* в этом употреблении сохраняло свое основное значение, значило именно «приходить», возможно, с оттенком «возвращаться». То же следует из вечернего славословия солнцу, сохранившегося в двух гробницах в Ах-Йот — у *Пнчв* (EA IV: IV) и в списке отсюда у Хойе (MSECAE I: 24 = 59-60 + EA IV: 29-30):

«Воздавание хвалы Ра-Хар-[Ахту], ликующему в [небоскло]не в имени своем как Шов, который (есть) Йот, (кому) дано жить вечно вековечно. (У Хойе: «Умиротворяешься (т. е. заходишь) ты добре, [Рэ, властитель небосклонный, ликующий в небосклоне в имени своем как Рэ-отец, пришедший Йотом], (кому) дано жить вечно».) Прииди же ты(?), владыка вечности! Хвала тебе, Рэ, владыка небосклона! Пересекаешь (ли) ты небо — лицо всякое (обращено) на тебя непрестанно ночью(!), как (и) днем. Восходишь (ли) ты на небосклоне восточном, умиротворяешься (ли) ты в жизни (т. е. живым) с удлинением (от радости) сердца — око всякое (т. е. все люди, видящие тебя) в шумном восторге. Ночь (у н)их, после того как умиротворился т[ы]. (Когда) приобщи́лся ты небу(!), не видит (одно) око второго своего (т. е. другое). Червь всякий на спине (т. е. поверхности) земли. Спят они (т. е. люди), сотворяют(ся) они слепыми, доколе (не) объявится просияние твое. Просыпаются они, чтобы видеть красоту твою. Воссиява[ешь ты (?)], (и(?)) зрят они, узнают себя(?). Даешь ты лучи

твои им (следует заупокойная молитва)». Что глагол *йй* «приходить» ни в коем случае не служит сказуемым к солнечным кольцам в начале надписи, доказывает сравнение с другими заголовками солнечных славословий в гробницах Ах-Йот. Глагол может быть только приветственным обращением. Однако имеющиеся воспроизведения славословия расходятся в том, что следовало за корнем *йй*. Старинное воспроизведение этого места у *Пнчв* дает птенца *в* и кружок над его спиною (ср. ЕА IV: IV с ЕА IV: 29(11)). У Хойе, по ЕА IV: 29 13, за птенцом *в* следовали кружок со стоячей черточкой под ним, но они снабжены вопросительным знаком. В MSEC AE I на с. 60 над спинкою птенца значится кружок, а на с. 59 перед птенцом помещен хлеб *т*, за спиною же ничего не показано. Что кружок вместе с последующей корзиной *нб* можно читать как «повседневно», в высокой степени неправдоподобно ввиду отъединения кружка далеко от корзины — над спинкой стоявшего над корзиной птенца. Читать [292] «Прииди же (*йй.в(й)*), Рэ, владыка вечности!» тоже затруднительно как ввиду положения кружка над спиною птенца, так и ввиду полного (трехзначного) написания имени «Рэ» в последующем сочетании «Рэ, владыка небосклона». Однако соответствие между подобным «Рэ, владыка вечности» и последующим «Рэ, владыка небосклона» могло бы говорить в пользу такого чтения, как бы неправдоподобно оно ни выглядело, тем более что иной выход из положения придумать трудно, если только не предпочесть разночтение MSEC AE I: 59. В последнем случае верхушку кружка надо было бы считать хлебом *т*, а низ кружка и черточку под ним отнести к знаку-завитку *в*. Тогда можно было бы читать *йй.в(й) те* «прииди ж, ты», что во всех отношениях было б, конечно, самым лучшим.⁴³

При изложенном понимании солнечного имени получает объяснение замена необычным *м рн.ф м* «в имени своем как» привычного *м рн.ф н* «в имени своем *of/de*». «Имя» здесь не просто «Шов» или «Рэ-отец», а умозрительное «Шов, который (есть) Йот», или «Рэ-отец, пришедший Йотом».

Примечание

В 1959 г. Мохаммад Хасан Абд-Ур-Рахман писал о некоторых изваяниях Амен-хотпа IV из его солнечного храма в Эп-эсове: «Из этих сорока фрагментарных песчаниковых колоссов четыре по крайней мере должны были носить чепец, увенчанный четырьмя страусовыми перьями. Только нижняя часть перьев видна на том, что выставлен в Каире, тогда как перья (высотой в 0,8 м) полностью сохранились на другой голове из той же серии, хранящейся в музейном запаснике (таблица 1)... Оперенная корона, таким образом, введенная Ахенатеном, приводит на ум Хорово имя царя: *Хър к' нхт къ' швтй*... которое включает характерный эпитет Онуриса: *къ' швтй*... Если мое предположение правильно, корона о четырех перьях доставила бы археологическое доказательство связи между Онурисом — Шу (= Рэ^с = Атен) и Ахенатеном...».⁴⁴

Эти изваяния объясняет да и само объясняется ими примечательное изображение на стене входа в гробницу Апэе в Ах-Йот (MSEC AE I: XXXIX = XL = ЕА IV: XXXI = XLV). Изображено царское семейство, правящее службу многорукому лучистому солнцу. Три царевны бряцают ему гремушками. Нефр-эт [293] подносит ему своеобразный художественный дар: плоскую подставку с водруженными на нее стоймя кольцами солнца, перед которыми сидит наподобие младенца с подтянутыми вверх коленями царица, молитвенно приподняв руки. На ней тот же синий, венец с плоским верхом, который мы видим на самой дарительнице. Ее супруг подносит солнцу знаменательный дар: подставку с отвесно стоящими солнечными кольцами, по бокам которых стоит по изображению царевича. У обоих у них отличительные черты Амен-хотпа IV: отвислый подбородок (виден на снимке ЕА IV: XLV), толстые бедра, тонкие конечности, и на обоих одно и то же широкое

⁴³ Слова *йй м йтн* в позднем солнечном имени относят к ежедневному возвращению возрожденного солнца А. Пианков и С. Олдред (*Al. Piankoff. Les grandes compositions religieuses du Nouvel empire et la réforme d'Amarna* // BIFAO. T. 62, 1964. P. 209; *C. Aldred. Akhenaten, pharaoh of Egypt — a new study. L., 1972. P. 131*).

⁴⁴ *Mohammad Hasan Abd-Ur-Ratiman. The four-feathereel crown of Akhenaten* // ASAE. T. 56, 1959. P. 247-248.

складчатое опоясание, что и на самом царственном дарителе. Головы царевичей ничем не накрыты, отчего видно, что череп у них выдается назад — о том, что таким был череп у Амен-хотпа IV можно было бы догадаться иначе только по подражательным изображениям верноподданных, так как у него самого эта особенность обыкновенно скрыта венцами или накладными волосами. Сбоку у царевичей свисает с темени по пряди волос, как то подобало царственным отрокам. На лбу у обоих по царскому аспиду, а над теменем (придерживаемые, очевидно, повязкою, концы которой свешиваются сзади) у каждого высится по три высоких пера — точь-в-точь таких же, как у изваяний из Эп-эсове. Если египетского бога воздушного пространства Шов изображали с таким пером на голове, то почему было не изобразить с подобным головным убором и одноименного с тем Шов земного солнечного Шов — Амен-хотпа IV? А поскольку и солнце Шов и Амен-хотп IV были сынами Рэ, сыновними солнцами, фараона надлежало изобразить отроком, царевичем, хотя и с царским налобным аспидом, царевичам вообще не присвоенным. Изображение в гробнице Апэйе времени V солнечного титула (см. § 38), и солнечные кольца — ранние, еще упоминающие сыновнее солнце Шов. Изваяния из Эп-эсове тоже современны ранним солнечным кольцам, I (см. § 34) или II (см. § 35) их титулу. Пряди волос, свешивающиеся из-под чепца изваяния, передавали, возможно, прическу все того же воздушного Шов.

С изображением в гробнице Апэйе перекликается другое любопытное изображение на обломке плиты из большого дворца в Ах-Йот (ТЕА: XII 2). Неизвестно, что держал в руках царь (его руки отбиты). Но царица подносит лучистому солнцу на полукруглой подставке (в виде корзины *нбт*) весьма затейливый дар: представлен сидящий царственный младенец, с подтянутыми вверх коленями и молитвенно приподнятой рукою, держащий в другой руке на полукруглой же подставке два стоячих солнечных кольца, окруженных знаками жизни, долгоденствия (*дждт*) и процветания (*в'с*). Что младенец не царица, а фараон, доказывает как один аспид над его лбом (у подносящей дар царицы их два, притом с рожками и солнечными кружками на головах), так и фараоновский чепец (*нмс*), царицам не положенный. [294] И вот на голове царственного дитяти опять-таки высятся четыре пера с загнутыми вверх концами (т. е. страусовые). Солнечные кольца — ранние.

Родственное изображение имеется на оттиске печатки СА III: С 30, к сожалению не полностью сохранившемся. На нем мы видим человека, возможно отрока, если выступ на затылке соответствует концу пряди волос. На темени у человека три высоких пера, но не загнутых на концах, как у изваяний, в гробнице и на куске плиты, а прямых, как у Ан-хуре, отождествлявшегося с воздушным Шов. Зато в приподнятой руке человек держит три пера с концами загнутыми, как у самого Шов.

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИЗДАНИЙ, В КОТОРЫХ ВОСПРОИЗВЕДЕНЫ ИЛИ ОПИСАНЫ ПАМЯТНИКИ

- ВДИ — «Вестник древней истории». М.
1953, с. 212-223. — *Матье М.* О периодизации истории амарнского искусства.
1972, 1, с. 79-103, л. 1-2. — *Богословский Е. С.* Памятники и документы из Дэр-эль-Медина, хранящиеся в музеях СССР.
1972, 4, с. 90-94. — *Павлов В. В.* Голова мужчины позднеамарнского периода из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
ВНеф — *Матье М. Э.* Во времена Нефертити. Л.-М., 1965.
ГТ — *Картер Г.* Гробница Тутанхамона. Пер. с англ. Ф. Л. Мендельсона и Д. Г. Редера. Отв. ред. И. С. Кацнельсон. М., 1959.
ДР — *Авдиев В.* Древнеегипетская реформация. Под ред. и с предисл. И. Н. Бороздина. М., 1924 (Всемирная литература. Культура Востока).
ДМ — Древний мир. Изборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима. Под ред. Б. А. Тураева и И. Н. Бороздина. Ч. 1. Восток. Изд. 3-е. М., 1917.
Ег — *Масперо Г.* Египет (*Ars una — species mille*). Пер. Н. Гальперин. М., 1916.
ЕИВАIV — *Баллод Ф. В.* Египетское искусство времени Аменофиса IV. М., 1914.
ЕРИИИ — «Ежегодник Российского института истории искусств». Пб.-М.
Т. 1. Вып. 2, 1922, с. 89-109. — *Струве В. В.* Эрмитажная стела Харемхеба.
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения императорского Русского археологического общества». СПб.
Т. 2, 1887 (1888), с. 65-79, л. 1-18. — *Голенищев В.* Эпиграфические результаты поездки в Уади Хаммамат.
ЗЧ — *Добльхофер Э.* Знаки и чудеса. Рассказы о том, как были дешифрованы забытые письмена и языки. Пер. с нем. Г. М. Бауэра. М., 1963.
И — «Искусство». М.
1974, 6, с. 61-66. — *Ходжаи С.* Сокровища гробницы Тутанхамона.
ИДВ — *Тураев Б. А.* История древнего Востока. Ч. 1. Курс, читанный в СПб. Университете. СПб., 1913.
ИДЕ — *Матье М. Э.* Искусство древнего Египта. М., 1958 (Очерки истории и теории изобразительных искусств).
ИДЕг — *Матье М. Э.* Искусство древнего Египта. Л., [1961].
КОз — *Бальмонт К.* Край Озириса. М., 1914.
НЭС — Новый энциклопедический словарь. [Издатели] Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон. СПб.
Т. 17. — *Тураев Б.* Египетское искусство.
ОИДИ — *Баллод Ф. В.* Очерки истории древнеегипетского искусства. Москва — Саратов, 1924.
СГТ — *Пиотровский Б. Б.*, при участии *Ланда Н. Б.* и *Ланис И. А.* Сокровища гробницы Тутанхамона. Каталог выставки. М., 1973 (¹ — для выставки в Москве, ² — для выставки в Ленинграде).
СПДЕ — *Павлов В.* Скульптурный портрет древнего Египта. М., 1957.
СПЦН — *Матье М. Э.* Скульптурный портрет царицы Нефертити. Л., 1958.
Тут — *Картер Г., Мейс А.* Тутанхамон. Гробница египетского фараона, открытая Карнарвоном и Картером, с приложением статей профессоров Н. Д. Флиттнер и Г. Штейндорфа. Пер. с нем. А. Г. Горнфельда. М.-Л., 1927.
ТЗГ — *Перепелкин Ю. Я.* Тайна золотого гроба. М., 1968; изд. 2-е. М., 1969.
А — *Samson J.* Amarna. City of Akhenaten and Nefertiti. Key pieces from the Petrie collection. With an introduction by professor H. S. Smith. L., 1972.
Ае — *Nicholson C.* Aegyptiaca, comprising a catalogue of Egyptian antiquities, collected in the years 1856, 1857, and now deposited in the Museum of the University of Sydney: together with

an account of some remains of the «disk worshippers»: as also of some funeral hieroglyphic inscriptions found at Memphis: accompanied also by a facsimile and translation from a hieratic papyrus. L., 1891.

Ar — «Archaeology». N. Y.

Vol. 28 (1975). P. 16-22. — *Redford D. B.* Reconstructing the temples of a heretical pharaoh.

AA — *Baikie J.* The Amarna age. A study of the crisis of the Ancient World. With a preface by S. A. Cook. L., 1926.

AAA — University of Liverpool. Annales of archaeology and anthropology issued by the Institute of archaeology.

Vol. 17 (1930). P. 82-97, pl. 18-30 — *Peet T. E.* Two letters from Akhetaten.

AAAE — *Smith W. S.* The art and architecture of Ancient Egypt. [Б. м.], 1958 (The Pelican history of art, 214).

AANE — *Lloyd S.* The art of the ancient near East. Second printing. N. Y., 1963.

ABKK — «Amtliche Berichte aus den königlichen Kunstsammlungen». B.

34. Jg. (1913), стб. 127-146. — *Schäfer.* Kunstwerke aus der Zeit Amenophis' IV (um 1375 v. Chr.) (Ägyptische Abteilung).

35. Jg. (1914), стб. 134-148. — *Schäfer.* Sonderausstellung der Funde aus der Bildhauerwerkstatt des Thutmes in Tell el-Amarna (um 1375 v.-Chr.).

ABPK — «Amtliche Berichte aus den Preusz. Kunstsammlungen». B.

40. Jg. (1919), стб. 211-230. — *Schäfer.* Die frühesten Bildnisse König Amenophis des IV. Ein Beitrag zur Entstehung der Kunst von Tell el-Amarna.

ABPS — «Amtliche Berichte aus den Preusz. Staatssammlungen». B.

40. Jg. (1918), стб. 41-61. — *Schäfer.* Der König im Fenster. Ein Beitrag zum Nachleben der Kunst von Tell el-Amarna.

AeGDSS — *Dyroff K., Pörtner B.* Aegyptische Grabsteine und Denksteine aus süddeutschen Sammlungen, herausgegeben von W. Spiegelberg. II: München. Lpz., 1904.

AHNE — *Hall H. R.* The ancient history of the Near East from the earliest times to the battle of Salamis. 6 ed., revised. L., 1924.

AeISMB — *Roeder G.* Aegyptische Inschriften aus den Staatlichen Museen zu Berlin. Bd 2. Inschriften des Neuen Reichs. Indizes zu Band 1 und 2. Lpz., 1924.

AJSLL — «American journal of Semitic languages and literatures». Chicago.

Vol. 25 (1908). P. 1-110. — *Breasted J. H.* Oriental Exploration Fund of the University of Chicago: Second preliminary report of the Egyptian expedition.

AeKHK — *Koefoed-Petersen O.* Aegyptens Koetterkonger og hans Kunst. København, 1943.

AeKZKE — *Möller L. L., Roeder G.* Agyptische Kunst aus der Zeit des Königs Echnaton. Hamburg, [1965].

AM — *Champdor A.* Die altägyptische Malerei. Lpz., 1957.

AN — *Aldred C.* Akhenaten and Nefertiti. N. Y., 1973.

AOr — «Acta orientalia». Havniae.

36 (1974). P. 11-21. — *Harris J. R.* Nefernefruaten regnans.

AeP — *Ranke H.* Die aegyptischen Personennamen. Bd 1. Verzeichnis der Namen. Glückstadt, 1935.

APhE — *Aldred C.* Akhenaten pharaoh of Egypt — a new study. 1 Abacus edition. L., 1972.

ARH — *Roeder G.* Amarna-Reliefs aus Hermopolis. Hrsg. von R. Hanke. Hildesheim, 1969 (Pelizaeus-Museum zu Hildesheim. Wissenschaftliche Veröffentlichung 6. Ausgrabungen der Deutschen Hermopolis-Expedition in Hermopolis 1929-1939. Bd 2).

ARHAC — *Cooney J. D.* Amarna reliefs from Hermopolis in American collections. [Brooklyn], 1965.

ARK — *Schäfer H.* Amarna in Religion und Kunst. Lpz., 1931 (7te Sendschrift der Deutschen Orient-Gesellschaft).

ASAE — «Annales du Service des Antiquités de l'Égypte». Le Caire.

T. 3 (1902). P. 259-266. — *Legrain G.* Notes d'inspection. 1. Les stèles d'Aménôthès IV à Zernik et à Gebel Silsileh.

T. 7 (1906). P. 228-231. — *Legrain G.* Sur quelques monuments d'Aménôthès IV provenant de la cachette de Karnak.

T. 10 (1910). P. 122-123. — *Gauthier H.* Quelques fragments trouvés à Amada.

T. 18 (1919). P. 53-57. — *Daressy G.* Deux statues de Balansourah.

T. 22 (1922). P. 249-250, pl. 2-4. — *Pillet M.* Rapport sur les travaux de Karnak (1921—1922).

T. 31 (1931). P. 98-114, pl. 1-3. — *Engelbach R.* The so-called coffin of Akhenaten.

T. 31 (1931). P. 115-119. — *Derry D. E.* Note on the skeleton hitherto believed to be that of king Akhenaten.

T. 31 (1931). P. 120-122. — *Lucas A.* The canopic vases from the «tomb of queen Tíyi».

T. 31 (1931). P. 123-125. — *Pendlebury J. D. S.* Report on the clearance of the royal tomb at El-'Amârna.

T. 35 (1935). P. 35-51, pl. 1-6. — *Ahmed Fakhry.* Blocs décorés provenant du temple de Louxor (suite). Basreliefs d'Akhenaton.

T. 35 (1935). P. 193-196, pl. *Moharram Kamal.* Fouilles du Service des antiquités à Tell el-Amarna en 1934.

T. 37 (1937). P. 25-38, pl. 1-3. — *Ahmed Fakhry.* Miscellanea. C. 30-33: 3. A note on the Zernikh stelae.

T. 38 (1938). P. 435-453 (P. 441-448 = pl. 72-75). — *Roeder G.* Die Ausgrabungen in Hermopolis im Frühjahr 1938.

T. 39 (1939). P. 381-384 (P. 383-384 = pl. 57). — *Moharram Kamal.* Some fragments from swaoabti-figures of Akhenaten in the Egyptian Museum.

T. 40 (1940). P. 133-165, pl. 20-28. — *Engelbach R.* Material for a revision of the history of the heresy period of the XVIIIth dynasty.

T. 40 (1940). P. 537-552 (P. 545-552 = pl. 52-55), pl. 56. — *Hamza M.* The alabaster canopic box of Akhenaton and the royal alabaster canopic boxes of the XVIIIth dynasty.

T. 42 (1943). P. 447-508, pl. 39-42. — *Ahmed Fakhry.* A note on the tomb of Kheruef at Thebes.

T. 43 (1944). P. 15-43. — *Drioton É.* Trois documents d'époque amarnienne.

T. 50 (1950). P. 137-248 (P. 173-248 = pl. 1-41). — *Varille A.* Description sommaire du sanctuaire oriental d'Amon-rê à Karnak.

T. 53 (1955). P. 7-19, pl. 1-11. — *Chevrier H.* Rapport sur les travaux de Karnak 1952—1953.

T. 53 (1955). P. 21-42, pl. 1-26. — *Chevrier H.* Rapport sur les travaux de Karnak 1953—1954.

T. 53 (1955). P. 195-202, pl. 1. — *Labib Habachi.* Preliminary report on Kamose stela and other inscribed blocks found reused in the foundations of two statues at Karnak.

T. 55 (1958). P. 325-350, pl. 1-22. — *Labib Habachi.* Clearance of the tomb of Kheruef at Thebes (1957—1958).

B — «Bessarione», Roma.

Anno 11 (1906). P. 13-42. — *Legrain G.* Thèbes et le schisme de Khouniatonou Aménôthès IV.

BBAAe — *Huber E.* Bier und Bierbereitung im alten Ägypten. B., 1926 (Veröffentlichungen der Gesellschaft für die Geschichte und Bibliographie des Brauwesens. Bier und Bierbereitung bei den Völkern der Urzeit. 1. Babylonien und Ägypten).

BIFAO — «Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale». Le Caire.

- T. 12 (1916). P. 145-159. — *Daressy G.* Le cercueil de Khu-n-Aten.
- BMMA — «Bulletin of the Metropolitan Museum of Art». N. Y.
Vol. 17 (1922). P. 169-173. — *W[inlock] H. E.* A gift of Egyptian antiquities.
- BMQ — «The British Museum quarterly». L.
Vol. 14. № 1 (1940). P. 1-5, pl. 1- 6. — *Edwards I. E. S.* 1. The Late sir Robert Mond's bequest (ctd.).
- BMRAH — «Bulletin des Musées royaux d'art et d'histoire». Bruxelles.
3 série. 6 année, № 2 (Mars-Avril 1934). P. 44-46. — *Werbrouck M.* Deux fragments de la tombe de Ramose.
- BPh — *Steindorff G.* Die Blütezeit des Pharaonenreichs 1. Aufl. Bielefeld und Leipzig, 1900 (Monographien zur Weltgeschichte. In Verbindung mit anderen herausgegeben von Ed. Heyck, 10); 2. Aufl. — 1926.
- BiPh — *Hering E.* Der Bildhauer des Pharao. Lpz., 1963.
- BPK — «Berichte aus den Preussischen Kunstsammlungen». B.
Jg. 49 (1928). P. 34-40. — *Schäfer H.* Ein Relief aus der Zeit Tutanchamuns.
- CA — *Peet T. E., Woolley C. L.* The city of Akhenaten, P. 1. Excavations, of 1921 and 1922 at El-'Amarneh. With chapters by B. Gunn and P. L. O. Guy and drawings and plans by F. G. Newton. L., 1923 (38 memoir of the Egypt Exploration Society).
Frankfort H., Pendlebury J. D. S. The city of Akhenaten. P. 2. The North suburb and the desert altars. The excavations at Tell el Amarna during the seasons 1926-1932. With a chapter by H. W. Fairman. L., 1933 (40 memoir of the Egypt Exploration Society).
Pendlebury J. D. S. The city of Akhenaten. P. 3. The central city and the official quarters. The excavations at Tell el-Amarna during the seasons 1926-1927 and 1931-1936. With chapters and contributions by J. Cerny, H. W. Fairman, H. Frankfort, Mrs. L. Murray Thriepand, Mrs. J. Samson, analyses of materials etc. by L. A. Boodle, H. E. Cox, A. F. Hallimond, J. W. Jackson, L. Keimer, L. Mathieu, O. H. Myers and plans and? drawings by H. B. Clark, R. S. Lavers. Vol. 1. Text. Vol. 2. Plates. L., 1951 (44 memoir of the Egypt Exploration Society).
- CuAE — *Wilson J. A.* The culture of ancient Egypt. 3 impression. Chicago, 1956.
- CE — *Maspero G.* Causeries d'Égypte. 2 éd. P., [1907]. P. 343-350: Le tombeau de la reine Tiye.
- ChE — «Chronique d'Égypte». Bruxelles.
T. 48 (1973). P. 243-250. — *Samson J.* Royal inscriptions from Amarna (Petrie collection, University College. London).
T. 49 (1974). P. 25-30. — *Harris J. R.* Kiya.
- CEAPHP — *Price F. G. H.* A catalogue of the Egyptian antiquities in the possession of F. G. H. Price. L., 1897.
- CECFMC — *Budge E. A. W.* A catalogue of the Egyptian collection in the Fitzwilliam Museum Cambridge. Cambridge, 1893.
- CEPh — *Daumas F.* La civilisation de l'Égypte pharaonique (Collection Les grandes civilisations dirigée par Raymond Bloch). [P.], 1967.
- CESBM — *Hall H. R.* Catalogue of Egyptian scarabs etc., in the British Museum. Vol. 1. Royal scarabs. [L.], 1913.
- CHIBM — *James T. G. H.* Corpus of hieroglyphic inscriptions in the Brooklyn Museum. 1. From dynasty I to the end of dynasty XVIII. Brooklyn. N. Y., 1974.
- CM — Cairo Museum [post card]. Series C. № 10.
- CMAB — «The Cleveland Museum of Art Bulletin».
T. 55 (1968). P. 3-17 и обложка. — *Cooney J. D.* Amarna art in the Cleveland Museum.
T. 64 (1977). P. 287-298 и обложка — *Kozloff A. P.* Nefertiti, beloved of the living disk.

CMIEA — *Morgan J. de, Bouriant U., Legrain G., Jéquier G., Barsanti A.* Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique. 1 sér. Haute Égypte. T. 1. De la frontière de Nubie à Kom Ombos. Vienne, 1894.

CSBGF — [*Fraser G.*] Catalogue of the scarabs belonging to George Fraser. L., 1900.

ChT — *Piankoff A.* Les chapelles de Tout-ankh-amon. Fasc. 2. Le Caire, 1951 (Mémoires publiés par les membres de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire, sous la direction de M. Ch. Kuentz. T. 72).

DAeAe — *Lepsius R.* Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. 3 Abt. Denkmäler des Neuen Reiches. B., [circa 1850].

DAeAeT — *Lepsius R.* Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien hrsg. Und erl. von R. Lepsius. Text. Hrsg. von E. Naville unter Mitwirkung von L. Borchardt bearb. von K. Sethe. Lpz.

Bd 2. Mittelaegypten mit dem Faijum. 1904.

Bd 5. Nubien, Hammamat, Sinai, Syrien und europäische Museen. Bearbeitet von W. Wreszinski. Mit einer Konkordanz für alle Tafel- und Textbände von H. Grapow. 1913.

DAeS — *Bissing Fr. W. von.* Denkmäler ägyptischer Sculptur. Tafeln 2 (58-125). München, 1914.

DCE — *Posener G.* Dictionnaire de la civilisation égyptienne. En collaboration avec S. Sauneron et J. Yoyotte. P., 1959.

DGKAIV — *Bissing F. W. v.* Denkmäler zur Geschichte der Kunst Amenophis IV. München, 1914 (Sitzungsberichte der königlich Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-philologische und historische Klasse. Jg. 1914, 3. Abh.).

DNHOGA — *Lieblein J.* Dictionnaire de noms hiéroglyphiques en ordre généalogique et alphabétique. Christiania — Leipzig, Supplément 1892.

DNR — *Boeser P. A. A.* Die Denkmäler des Neuen Reichs. 1. Abt. Gräber. Haag, 1911 (Beschreibung der aegyptischen Sammlung des Niederländischen Reichsmuseums der Altertümer in Leiden).

DPMH — *Roeder G.* Die Denkmäler des Pelizaeus-Museums zu Hildesheim. Unter Mitwirkung von A. Ippel bearb. von G. Roeder. B., 1921.

Eg — *Maspero G.* Égypte (Ars — una, species — mille. Histoire générale de l'art). P., 1912.

EA — *Davies N. de G.* The rock tombs of El Amarna. L., 1903—1908 (Archaeological Survey of Egypt. Ed. by F. Ll. Griffith. 13, 14, 15, 16, 17, 18 memoirs.).

P. 1. The tomb of Meryra. 1903.

P. 2. The tombs of Panehesy and Meryra II. 1905.

P. 3. The tombs of Huya and Ahmes. With an appendix on the Greek graffiti by Seymour de Ricci. 1905.

P. 4. Tombs of Penthu, Mahu, and others. 1906.

P. 5. Smaller tombs and boundary stelae. 1908.

P. 6. Tombs of Parennefer, Tutu, and Ay, 1908.

Martin G. T. The rock tombs of El-Amarna. P. 7. The royal tomb at El-Amarna.

1. The objects. L., 1974 (Archaeological Survey of Egypt. Ed. by T. G. H. James. 35 memoir).

EAACO — Enciclopedia dell' arte antica classica e orientale. Vol. 1. A — Bar. Roma, [1958].

EAT — *Knudtzon J. A.* Die El-Amarna-Tafeln. Mit Einleitung und Erläuterungen hrsg. von J. A. Knudtzon. 1. T. Die Texte. Lpz., 1915 (Vorderasiatische Bibliothek, 2. Stück, 1. Hälfte).

EATh 1930/31 — *Hölscher U.* Excavations at ancient Thebes 1930/31. Chicago, Illinois, 1932 (The Oriental Institute of the University of Chicago. Oriental Institute communications. № 15).

ECAE — *Posener G.* Enciclopedia civilizatiei și artei egiptene. In colaborare cu S. Sauneron și J. Yoyotte. Traducere de R. Florescu și G. Ceacalopol. Introducere de R. Florescu. București, 1974.

EE 1922—1923 — The Egyptian expedition 1922—1923. N. Y., December 1923 (The Metropolitan Museum of Art. Part 2 of the Bulletin of the Metropolitan Museum of Art). P. 40-53: *Davies N. de G.* The graphic work of the expedition.

- EM — *Smith G. E., Dawson W. R.* Egyptian mummies. L., 1924.
- Eph — *Champdor A.* L'Égypte des pharaons. Saqqara — Abydos — Louqsor — Karnak — Médinet-Habou — Edfou — le Ramesseum — Kom Ombo — Deir el Bahari — Abou Simbel — la Vallée des rois. P., [1955].
- EgPh — *Gardiner A.* Egypt of the pharaohs. An introduction. [4 ed.]. Ox., 1964.
- ERE — *Steindorff G., Seele K. C.* When Egypt ruled the East. 3 impression. Chicago, Illinois, 1945.
- EW — *Stuart V.* Egypt after the war, being the narrative of a tour of inspection (undertaken last autumn) including experiences among the natives, with descriptions of their homes and habits, in which are embodied notices of the latest archaeological discoveries and a revised account of the funeral canopy of an Egyptian queen with interesting additions. L., 1883.
- FAAe — *Wenig S.* Die Frau im alten Ägypten. Lpz., [1970].
- FSMS — *Newberry P. E.* Funerary statuettes and model sarcophagi. Fasc. 2. Le Caire, 1937 (Service des antiquités de l'Égypte. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. Nos 48274-48575).
- FTEQ — *Stuart V.* The funeral tent of an Egyptian queen, printed in colours, in facsimile, from the author's drawings taken at Boulak, together with the latest information regarding other monuments and discoveries, with translations of the hieroglyphic texts and explanatory notices of the various emblems. L., 1882.
- GE — *Audrain M., Samivel.* The glory of Egypt. 115 photographs by M. Audrain. Text and notes by Samivel. With ten translations of original Egyptian texts. Transl. by J. E. M. White. N. Y., [1955].
- GK — *Hamann R.* Geschichte der Kunst. Bd 1: Von der Vorgeschichte bis zur Spätantike. B., 1957.
- GM — «Göttinger Miszellen». Beiträge zur ägyptologischen Diskussion. Göttingen. H. 5 (1973). S. 9-11. — *Harris J. R.* The date of the «Restoration» stela of Tutankhamun.
- GMAAe — *Morenz S.* Gott und Mensch im alten Ägypten. Lpz., 1964.
- GT — *Riesterer P. P.* Grabschatz des Tut-ench-Amun. Aufl. 2. Bern, Kairo, 1966 (Das Ägyptische Museum Kairo, 2).
- GThFER — *Budge E. A. W.* A guide to the Third and Fourth Egyptian rooms. [L.], 1904.
- HAPOC — *Maspero G.* Histoire ancienne des peuples de l'Orient classäque. T. 2. Les premières mêlées des peuples. P., 1897.
- HE — *Petrie W. M. F.* A history of Egypt. Vol. 2. A history of Egypt during the XVIIth and XVIII dynasties. L., 1896. With additions to 1898. 3 ed. L., 1899. With additions to 1924. 7 ed., enlarged. L., 1924.
- HGR — Histoire générale des religions (sous la direction de M. Gorce et R. Mortier). T. 1. P., 1948. P. 204-327: *Desroches-Noblecourt C.* Les religions égyptiennes.
- HITT — *Cerný J.* Hieratic inscriptions h. om the tomb of Tut'ankhamun. Ox., 1965 (Tut'ankhamūn's tomb series II).
- HP — *Easton S. C.* The heritage of the past. From the earliest times to the close of the Middle Ages. 2 printing. N. Y., 1955.
- HiP — *Möller G.* Hieratische Paläographie. Bd 2. Lpz., 1909.
- HTES — *Edwards I. E. S.* Hieroglyphic texts from Egyptian stelae, etc. (British Museum). P. 8. [L.], 1939.
- HTESBM — *Hall H. R.* Hieroglyphic texts from Egyptian stelae, etc., in the British Museum. P. 7. [L.], 1925.
- HWC — *Savelle M.* (general editor). A history of world civilization. Vol. 1. N. Y., [1957].
- IFAOBE — «Institut Français d'Archéologie Orientale. Bibliothèque d'études». T. 32 (1961). P. 81-95, pl. 1-4. — *Pillet M.* L'art d'Akhenaton.
- IHHOuH — *Couyat J. et Montet P.* Les inscriptions hiéroglyphiques et hiératiques du Ouâdi Hammâmât. Le Caire, 1912 (Mémoires publiées par les membres de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire. T. 34).

IKG — *Petrie W. M. F.* Illahun, Kahun and Gurob 1889-90. With chapters by prof. Sayce, canon Hicks, prof. Mahaffy, F. Ll. Griffith, and F. C. J. Spurrell. L., 1891.

IM — *Hickmann H.* Instruments de musique. Le Caire, 1949 (Service des Antiquités de Égypte. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. Nos 69201-69852).

InM — *Gardiner A. H.* The inscription of Mes. A contribution to the study of Egyptian judicial procedure. Lpz., 1905 (Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Aegyptens. Hrsg. von K. Sethe. Bd 4. H. 3).

JARCE — «Journal of the American Research Center in Egypt». Princeton, New Jersey-New York.

Vol. 10 (1973). P. 77-94, pl. 1-10. — *Redford D. B.* Studies on Akhenaten at Thebes. 1. A report on the work of the Akhenaten Temple Project of the University Museum, University of Pennsylvania

Vol. 12 (1975). P. 9-14, pl. 1-8. — *Redford D. B.* Studies on Akhenaten at Thebes. 2. A report of the work of the Akhenaten temple project of the University Museum, the University of Pennsylvania, for the year 1973-4.

JEA — «The journal of Egyptian archaeology». L.

Vol. 4 (1917). P. 39-46, pl. 10-13, — *Blackman A. M.* The Nugent and Haggard collections of Egyptian antiquities.

Vol. 5 (1918). P. 61-63, pl. 8. — *Griffith F. Ll.* The jubilee of Akhenaton.

Vol. 7 (1921). P. 1-7, pl. 1-4. — *Davies N. de G.* Mural paintings in the city of Akhetaten.

Vol. 7 (1921). P. 31-35, pl. 5-7. — *Capart J.* The Memphite tomb of king Haremhab.

Vol. 8 (1922). P. 193-199. — *Weigall A.* The mummy of Akhenaton; c. 199-200: ([appendix by] F. Ll. Griffith).

Vol. 9 (1923). P. 132-152, pl. 22-28. — *Davies N. de G.* Akhenaten at Thebes.

Vol. 10 (1924). P. 133. — *Dawson W. R.* Note on some ostraca from El-'Amarnah.

Vol. 10 (1924). P. 289-298, pl. 23-32. — *Newton F. G.* Excavations at El-'Amarnah, 1923—24.

Vol. 11 (1925). P. 36, pl. 6. — Tomb-chapel 525 at Tell el-'Amarnah.

Vol. 12 (1926). P. 1-2, pl. 1. — *Griffith F. Ll.* Stela in honour of Amenophis III and Taya, from Tell el-'Amarnah.

Vol. 12 (1926). P. 3-12, pl. 2-8. — *Whillemore T.* The excavation at El-'Amarnah, season 1924—5.

Vol. 13 (1927). P. 209-218, pl. 44-54. — *Frankfort H.* Preliminary report on the excavations at Tell el-'Amarnah, 1926—7.

Vol. 14 (1928). P. 3-9, pl. 4-6. — *Newberry P. E.* Akhenaten's eldest son-in-law 'Ankhkheprurē'.

Vol. 14 (1928). P. 10-11, pl. 5-6. — *Gardiner A. H.* The graffito from the tomb of Pere.

Vol. 15 (1929). P. 2-8, pl. 2-4. — *Glanville S. R. K.* Some notes on material for the reign of Amenophis III.

Vol. 17 (1931). P. 179-184, pl. 23-27. — *Griffith F. Ll.* Excavations at Tell el-'Amarnah, 1923—4. A. Statuary.

Vol. 17 (1931). P. 223-244, pl. 68-78. — *Pendlebury J. D. S.* Preliminary report of excavations at Tell el-'Amarnah, 1930—1.

Vol. 18 (1932). P. 108-111. — Notes and news.

Vol. 19 (1933). P. 113-118, pl. 12-19. — *Pendlebury J. D. S.* Preliminary report of the excavations at Tell el-'Amarnah, 1932—1933.

Vol. 21 (1935). P. 129-135, pl. 8-12. — *Pendlebury J. D. S.* Preliminary report of the excavations at Tell el-'Amarnah, 1934—1935.

Vol. 21 (1935). P. 136-139. — *Fairman H. W.* Topographical notes on the central city, Tell el-'Amarnah.

- Vol. 39 (1953). P. 3-12. — *Gardiner A.* The Memphite tomb of the general Haremlab.
- Vol. 43 (1957). P. 10-25, pl. 3. — *Gardiner A.* The so-called tomb of queen Tiye.
- Vol. 45 (1959). P. 19-33, pl. 3. — *Aldred C.* The beginning of the El-'Amarna period.
- Vol. 47 (1961). P. 24. — *Thomas E.* The plan of tomb 55 in the Valley of the kings.
- Vol. 47 (1961). P. 25-40, pl. 6. — *Fairman H. W.* Once again the so-called coffin of Akhenaten.
- Vol. 47 (1961). P. 41-65. — *Aldred C.* The tomb of Akhenaten at Thebes.
- Vol. 52 (1966). P. 95-119, pl. 20-30 — *Harrison R. G.* An anatomical examination of the pharaonic remains purported to be Akhenaten.
- JNES — «Journal of Near Eastern studies». Chicago.
- Vol. 10 (1951). P. 35-56; 156-183, 2 pl.; P. 231-242, 6 pl. — *Hayes W. C.* Inscriptions from the palace of Amenhotep III.
- KIAe — *Fechheimer H.* Kleinplastik der Agypter. B., 1921 (Die Kunst des Ostens. Hrsg. von W. Cohn. Bd 3).
- KAe — *Michałowski K.* Kanon w architekturze egipskiej. Warszawa, 1956.
- KAeMC — *Borchardt L.* Kunstwerke aus dem Aegyptischen Museum zu Cairo. Cairo — Dresden, [6. z.].
- KAo — *Schäfer H., Andrae W.* Die Kunst des alten Orients. B., 1925 (Propyläen-Kunstgeschichte, 2).
- KEA — *Schäfer H.* Kunstwerke aus El-Amarna. Bd 1-2. [B., 1923] (Meisterwerke in Berlin).
- KEAZ — *Lange K.* König Echnaton und die Amarna-Zeit. Die Geschichte eines Gottkünders. München, [1951].
- KGH — *Petrie W. M. F.* Kahun, Gurob, and Hawara. With chapters by F. Ll. Griffith and P. E. Newberry. L., 1890.
- LRE — *Gauthier H.* Le livre des rois d'Égypte. Recueil de titres et proto-coles royaux, noms propres de rois, reines, princes, princesses et parents de rois, suivi d'un index alphabétique. T. 2. De la XIIIe à la fin de la XVIIIe dynastie. Fasc. 2. Le Caire, 1912 (Mémoires publiés par les membres de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire. T. 18, fasc. 2).
- LTAPhE — *Weigall A. E. P.* The life and times of Akhnaton, pharaoh of Egypt. Edinburgh — London, 1911.
- MA — *Wenig S.* Meisterwerke der Amarnakunst. Lpz., 1977.
- MAEg — *Vandier J.* Manuel d'archéologie égyptienne. T. 3. Les grandes époques. La statuaire. Album. P., 1958.
- MDAIAK — «Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Abteilung Kairo».
- Bd 14 (Wiesbaden, 1956). S. 160-174, Abb. 10-12. — *Roeder G.* Amarna-Blöcke aus Hermopolis.
- Bd 20 (Wiesbaden, 1965). S. 70-92, Abb. 21-31. — *Labib Habachi.* Varia from the reign of king Akhenaten.
- Bd 29, 1 (Mainz/Rhein, 1973). S. 77-86, Abb. 28-29, — *Sayed Tawfik.* Aton studies.
- MDIAeAK — «Mitteilungen des Deutschen Instituts für Ägyptische Altertumskunde in Kairo».
- Bd 3 (Wien, 1932). S. 9-45, Abb. 2, л. ил. — *Balcz H., Bittel K.* Grabungsbericht Hermopolis 1932.
- Bd 5 (Wien, 1934). S. 11-44, план, таблицы. — *Billel K. und Hermann A.* Grabungsbericht Hermopolis 1933. S. 27-44 + таблицы: *Hermann A.* 2. Bruchstücke von Inschriften und Darstellungen vom Kôm.
- Bd 9 (Berlin, 1940). S. 40-92, Abb. 1-46. — *Roeder G.* unter Mitwirkung der Teilnehmer [an der Expedition]. Vorläufiger Bericht über die Deutsche Hermopolis-Expedition 1938 und 1939. S. 55-63 + таблицы: *Brunner H.* Die Inschriften und Reliefs.

- Bd 9 (Berlin, 1940). S. 120-131, Abb. 19-21. — *Cramer M.* Die Inschriften der Berliner Amarnatür 20376 im Zusammenhang der Amarna-texte.
- MDOGB — «Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin».
- № 34 (September 1907). S. 14-31. — *Borchardt L.* Voruntersuchung: von Tell el-Amarna im Januar 1907.
- № 46 (November 1911). — *Borchardt L.* Ausgrabungen in Tell el-Amarna 1911. Vorläufiger Bericht.
- № 52 (Oktober 1913). — *Borchardt L.* Ausgrabungen in Tell el-Amarna 1912/13. Vorläufiger Bericht.
- № 55 (Dezember 1914). S. 3-45, 5 Abb. — *Borchardt L.* Ausgrabungen in Tell-el-Amarna 1913/14. Vorläufiger Bericht.
- № 57 (März 1917). — *Borchardt L.* Aus der Arbeit an den Funden von Tell el-Amarna. Vorläufiger Bericht.
- MDREN — *Mariette-bey A.* Monuments divers recueillis en Égypte et en Nubie. P., 1872.
- Mariette-pacha A.* Monuments divers recueillis en Égypte et en Nubie. Texte par G. Maspero. P., 1889.
- ME — *Prisse d'Avennes E.* Monuments égyptiens, bas-reliefs, peintures, inscriptions, etc., d'après les dessins exécutés sur les lieux, par E. Prisse-d'Avennes, pour faire suite aux Monuments de l'Égypte et de la Nubie, de Champollion le Jeune. P., 1847.
- MuE — Le Musée égyptien. Recueil de monuments et de notices sur les fouilles-d'Égypte publié par M. G. Maspero. Le Caire.
- T. 3 (1909). P. 27-28, pl. 23. — *M[aspero] G.* Planche XXIII. Figurine funéraire du temps de Khouniatonou.
- METH — *Wilkinson G.* Modern Egypt and Thebes: being a descriptive of Egypt; including the information required for travellers in that country. Vol. 2. L., 1843.
- MJBK — «Münchner Jahrbuch der bildenden Kunst». München.
3. Folge. Bd 14 (1963). S. 213-222. — *Müller H. W.* Agyptische Staatssammlung (Berichte der staatlichen Kunstsammlungen, Neuerwerbungen).
- MMAB — The Metropolitan Museum of Art Bulletin. New series. N. Y.
- Vol. 6 (1948). P. 272-279. — *Hayes W. C.* Minor art and family history in the reign of Amun-hotpe III.
- Vol. 15 (1956—1957). P. 141-147. — *Aldred C.* Hair styles and history.
- MMPAIBL — «Monuments et mémoires publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres (Fondation Eugène Piot)». P.
- T. 40 (1944). P. 5-22, pl. 1-2. — *Vandier J.* Les stèles-frontières d'El-Amarna. A propos d'une nouvelle acquisition du Musée du Louvre.
- MSECAE — *Bpuriant U., Legrain G., Jéquier G.* Monuments pour servir à l'étude du culte d'Atonou en Égypte. T. 1. Les tombes de Khouitatonou. Le Caire, 1903 (Mémoires publiés par les membres de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire. T. 8).
- MW — *Hale G. E.* Beyond the Milky Way. N.Y.-L., 1926.
- N — *Vandenberg Ph.* Nofretete. Eine archäologische Biographie. Bern-München, 1975.
- NG — «National geographic». Wash.
- Vol. 138, 1970. P. 634-655 + обложка. — *Smith R. W.* Computer helps scholars recreate an Egyptian temple.
- NH — *Vandier d'Abbadie J.* Nestor L'Hôte (1804—1842). Choix de documents conservés à la Bibliothèque Nationale et aux archives du Musée du Louvre et présentés par J. Vandier d'Abbadie. Préface de R. L. B. Moss. Leiden, 1963.
- NKAP — *Desroches-Noblecourt Ch.* The New kingdom and the Amarna period. Photographed by F. L. Kenett. L., 1960 (The Acanthus history of sculpture. Ancient Egypt).
- O — «Orientalia» (Commentarii periodici Pontificii Instituti Biblici). Roma.
- Vol. 24 (Nova series) (1955). P. 113-135. — *Doresse M.* Les temples atoniens de la région thébaine.

- Vol. 42 (Nova series) (1973). P. 479-488, pl. 37-39. — *Aubert J.-F.* Sculptures inédites de la période amarnienne.
- OeA — *Velikovskiy I.* Oedipus and Akhnaton. Myth and history. N. Y., 1960.
- PKN — *Borchardt L.* Porträts der Königin Nofret-ete aus den Grabungen 1912/13 in Tell el-Amarna. Lpz., 1923 (44. wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft. Ausgrabungen der Deutschen Orient-Gesellschaft in Tell el-Amarna).
- PKT — *Borchardt L.* Der Porträtkopf der Königin Teje im Besitz von Dr. James Simon in Berlin. Lpz., 1911. (18. wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft. Ausgrabungen der Deutschen Orient-Gesellschaft in Tell el-Amarna. 1. Als Einleitung).
- PSBA — «Proceedings of the Society of Biblical Archaeology». L.
 Vol. 7 (1885). P. 200-203. — *Wiedemann A.* On a monument of the time of king Khu-n-aten.
 Vol. 11. (1889). P. 228-234. — *Griffith F. Ll.* Note on a tour in Upper Egypt.
 Vol. 15 (1893). P. 206-215 — *Bryant A. C., Read F. W.* An inscription of Khuenaten.
 Vol. 17 (1895). P. 152-157. — *Wiedemann A.* Inscriptions of the time of Amenophis IV.
 Vol. 22 (1900). P. 305-320, 386-401, pl. 1-8. — [Ward J.]. A collection of historical scarabs and others, with a few cylinders. The property of Mr. J. Ward, F. S. A., of Belfast.
 Vol. 36 (1914). P. 168-174, pl. 9-10. — *Newberry P. E.* Egyptian historical notes. 3.
- RA — «Revue archéologique». P.
 5 année (1848-1849). P. 63. — Découvertes et nouvelles.
- RAAM — «La revue de l'art ancien et moderne». P.
 T. 28 (1910). P. 241-252. — *Maspero G.* Sur quatre têtes de canopes découvertes à Thèbes dans la Vallée des rois.
- RALN — *Weigall A. E. P.* A report on the antiquities of Lower Nubia (The First Cataract to the Sudan frontier) and their condition in 1906-7. Ox., 1907.
- RE — «Revue d'égyptologie». P.
 T. 20 (1968). P. 51-54, pl. 3. — *Clère J. J.* Nouveaux fragments de scènes du jubilé d'Aménophis IV.
- REA — «Revue de l'Égypte ancienne». P.
 T. 2 (1929). P. 136-143, pl. 3-10. — *Pillet M.* Quelques bas-reliefs inédits d'Amenhotep IV - Akhenaton à Karnak.
- RFDEM — *Bruyère B.* Rapport sur les fouilles de Deir el Médineh (1933-1934). P. 1. La nécropole de l'ouest. Illustrations de G. Jourdain. Le Caire, 1937 (Fouilles de l'Institut Français du Caire. T. 14).
- RFM — *Cottéville R.* Rapport sur les fouilles de Médamoud (1932). Les reliefs d'Aménophis IV Akhenaton. Le Caire, 1936 (Fouilles de l'Institut Français du Caire. T. 13).
- RGOMC — *Legrain G.* Répertoire généalogique et onomastique du Musée du Caire. Monuments de la XVIIe et de la XVIIIe dynastie. Genève, 1908 (Service des Antiquités de l'Égypte).
- RID — *Daniel-Rops H.* Le roiivre de dieu. Strasbourg — Paris, 1953.
- RIEMRCB — *Speleers L.* Recueil des inscriptions égyptiennes des Musées royaux du Cinquantenaire à Bruxelles. Bruxelles, 1923.
- RKEA — *Schäfer H.* Die Religion und Kunst von El-Amarna. Mit einer Übersetzung des Sonnengesangs von K. Sethe. B., [1923] (Meisterwerke in Berlin).
- RM — *Smith G. E.* The royal mummies. Le Caire, 1912 (Service des Antiquités de l'Égypte. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. Nos 61051-61100).
- RMVI — *Engelbach R.* Riqqeh and Memphis VI. With chapters by M. A. Murray, H. F. Petrie, W. M. F. Petrie. L., 1915 (British School of Archaeology in Egypt and Egyptian Research Account. 19 year, 1913).

RME — *Brugsch H.* Recueil de monuments égyptiens dessinés sur lieux et publiés sous les auspices de son altesse le vice-roi d'Égypte Mohammed-Salâ-Pacha par le docteur Henri Brugsch. P. 2. Lpz.-P., 1863.

RMT — *Fabretti A., Rossi F., Lanzzone R. V.* Regio Museo di Torino. Antichità egizie. P. 1. Torino, 1882. P. 2. Torino, 1888.

RTRPhAEA — «Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes». P.

9 année (1887). P. 32-63. — *Bergmann E. v.* Inschriftliche Denkmäler der Sammlung ägyptischer Alterthümer des österreichischen Kaiserhauses.

année (1893). P. 36-62. — *Daressy G.* Tombeaux et stèles-limites de Hagi-Qandil.

année (1894). P. 123-133. — *Daressy G.* Notes et remarques.

29 année (1907). P. 162-173, 1 pl. — *Legrain G.* La grande stèle de Toutankhamanou à Karnak.

RZSI — *Spiegelberg W.* Rechnungen aus der Zeit Setis I mit anderen Rechnungen des Neuen Reiches. Strassburg, 1896.

Sh — *Flinders Petrie.* Shabtis illustrated by the Egyptian collection in University College, London. With catalogue of figures from many other sources. L., 1935 (British School of Archaeology in Egypt and Egyptian Research Account. 41 year, 1935).

SA — *Pijoán J.* Summa artis. Historia general der arte. Vol. 3. El arte egipcio hasta la conquista romana. 2 ed. Madrid, 1945.

SAK — «Studien zur altägyptischen Kultur». Hamburg.

Bd 2 (1975). S. 79-93. — *Hanke R.* Änderungen von Bildern und Inschriften während der Amarna-Zeit.

Bd 2 (1975). S. 95-101. — *Harris J. R.* Contributions to the history of the eighteenth dynasty. S. 98-101: 2. Amenhotpe III: A terminus for the coregency with Akhenaten.

Bd 2 (1975). S. 139-187, Abb. 3-8. — *Löhr B.* Ahanjāti in Memphis.

SB — *Ward J.* The sacred beetle: A popular treatise on Egyptian scarabs in art and history. Five hundred examples of scarabs and cylinders. The translations by F. Ll. Griffith. L., 1902.

SCN — *Petrie W. M. F.* Scarabs and cylinders with names, illustrated by the Egyptian collection in University College, London. L., 1917 (British School of Archaeology in Egypt and Egyptian Research Account. 21 year, 1915).

SD — *Daressy G.* Statues de divinités. T. 1. Le Caire, 1906 (Service des antiquités de l'Égypte. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. Nos 38001-39384. Vol. 28).

SE — *Hayes W. C.* The scepter of Egypt. A background for the study of the Egyptian antiquities in the Metropolitan Museum of Art. P. 2. The Hyksos period and the New Kingdom (1675-1080 B. C.). Cambridge, Mass., 1959.

SNE — *Lacau P.* Stèles du Nouvel empire. Le Caire (Service des Antiquités de l'Égypte. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire. Nos 34001-34064).

T. 1, fasc. 1, 1909 (= Catalogue..., vol. 45).

T. 1, fasc. 2, 1926 (= Catalogue..., vol. 81).

SO — «Studia orientalia». Helsinki.

43: 5 (1972). P. 3-8. — *Holthoer R.* Two inscribed Akhenaten blocks from El-Ashmunein.

SP — *Firth C. M., Quibell J. E.* The Step Pyramid. With plans by J.-P. Lauer. Vol. 1. Text. Le Caire, 1935 (Service des Antiquités de l'Égypte. Excavations at Saqqara).

SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. B. 1919. S. 477-484, — *Schäfer H.* Die Anfänge der Reformation Amenophis des IV.

ShT — *Piankoff A.* The shrines of Tut-ankh-amon. Ed. by N. Rambova. [N. Y., 1955] (Egyptian religious texts and representations prepared under the supervision of Alexandre Piankoff. Vol. 2. Bollingen series 40, 2).

STEa — *De Wit C.* La statuaire de Tell el Amarna. Bruxelles — Anvers, 1950.

SWRAAe — *Spiegel J.* Soziale und weltanschauliche Reformbewegungen im alten Ägypten. Heidelberg, 1950.

T — *Carter H., Mace A. C.* Tut-ench-Amun. Ein ägyptisches Königsgrab entdeckt von Earl of Carnarvon und H. Carter. Mit einem Beitrag. «Ägypten vor Tut-ench-Amun» von G. Steindorff, 104 Abbildungen nach photographischen Aufnahmen von H. Burton... 5. Aufl. Lpz., 1924.

Carter H. Tut-ench-amun. Ein ägyptisches Königsgrab, entdeckt von Earl of Carnarvon und H. Carter. Bd 2. Mit einem Beitrag «Zur Geschichte der ägyptischen Kunst von den Anfängen bis Tut-ench-amun» von G. Steindorff, 153 Abbildungen nach photographischen Aufnahmen von H. Burton sowie Anhängen von D. E. Derry, A. Lucas, P. E. Newberry, A. Scott und H. J. Plenderleith. Lpz., 1927.

Carter H. Tut-ench-amun. Ein ägyptisches Königsgrab, entdeckt von Earl of Carnarvon und H. Carter. 3. (Schluss-) Band. Lpz., 1934.

Tou — *Capart J.* Tout-ankh-amon. Avec la collaboration de M. Werbrouck, E. Bille-de Mot, J. M. Taupin, P. Gilbert. 2 éd., Bruxelles, 1950.

TA — *Mond R. and Myers O. H.* Temples of Armant. A preliminary survey. With chapters by M. S. Drower, D. B. Harden, S. A. Huzayyin, R. E. McEuen, and M. I. C. Myers. L., 1940.

TE — *Aldred C.* Tutankhamun's Egypt. L., 1972.

TEA — *Petrie W. M. F.* Tell el Amarna. With chapters by A. H. Sayce, F. Ll. Griffith, and F. C. J. Spurrell. L., 1894.

TE-A — *J. D. S. Pendlebury.* Tell el-Amarna. L., 1935.

TED — *Hölscher U.* The temples of the eighteenth dynasty. With contributions by Rudolf Anthes. Transl. by Mrs. K. C. Seele. Chicago, Illinois, 1939 (The University of Chicago Oriental Institute publicationis. Vol. 41. The excavation of Medinet Habu. Vol. 2).

THT — *Davis T. M., Maspero G., Daressy G., Crane L.* The tombs of Harmhabi and Touatânkhamanou (Theodore M. Davis' excavations: Bibân el Molük). The discovery of the tombs by T. M. Davis. King Harmhabi and Touatânkhamanou by sir G. Maspero. Catalogue of the objects discovered by G. Daressy. Illustrations in colour by L. Crane. L., 1912.

THVNRT — *Davies Nina de G., Gardiner A. H.* The tomb of Huy viceroy of Nubia in the reign of Tut'ankhamûn (№ 40). L., 1926 (The Theban tombs series edited by Norman de G. Davies and A. H. Gardiner, 4 memoir).

ThIAe — *Brugsch H.* Thesaurus inscriptionum aegyptiacarum. Altaegyptische Inschriften gesammelt, verglichen, übertragen, erklärt und autographiert von H. Brugsch.

6. Abt. Bautexte und Inschriften verschiedenen Inhaltes altaegyptischer Denkmäler in hieroglyphischer, hieratischer und demotischer Schrift gesammelt, besprochen und autographiert von H. Brugsch. Lpz., 1891.

TOMCE — *Galassi G.* Tehenu e le origini mediterranee della civiltà egizia. Roma, 1942.

TQT — *Davis T. M., Maspero G., Smith G. E., Ayrton E., Daressy G., Jones E. H.* The tomb of queen Tîyi (Theodore M. Davis' excavations: Bibân el Molük). The discovery of the tomb by T. M. Davis. Sketch of the life of queen Tîyi by G. Maspero. Note on the estimate of the age attained by the person whose skeleton was found in the tomb by G. E. Smith. The excavations of 1907 by E. Ayrton. Catalogue of the objects discovered by G. Daressy. Illustrations in colour by E. H. Jones. L., 1910.

TRSLUK — «Transactions of the Royal Society of Literature of the United Kingdom». 2 series. L.

Vol. 1, 1843. P. 140-148, [pl. 2]. — *Perring J. S.* On some fragments from the ruins of a temple at El Tell.

Vol. 9 (1870). P. 197-214, pl. 1- 2. — *Nicholson C.* On the disk-worshippers of Memphis.

TSBA — «Transactions of the Society of Biblical Archaeology». L.

Vol. 9 (1893). P. 333-354, 3 pl. — *Price F. G. H.* Notes upon some Egyptian antiquities in my collection.

TST — *Desroches-Noblecourt [Ch.], Antelme R., Kanawati M., Harlé D.* Toutankhamon et son temps, Petit Palais. [P., 1967].

TT — *Carter H., Mace A. C.* The tomb of Tut-ankh-amen discovered by the late earl of Carnarvon and H. Carter. Vol. 1. With 104 illustrations from photographs by H. Burton. London, Toronto, Melbourne and Sydney. 3 impression. 1927; 4 impression. 1930.

Carter H. The tomb of Tut-ankh-amen discovered by the late earl of Carnarvon and H. Carter. Vol. 2. With appendices by D. E. Derry: A. Lucas: P. E. Newberry: A. Scott and H. J. Plenderleith. With 153 illustrations from photographs by H. Burton. London, Toronto, Melbourne and Sydney, 1927.

Carter H. The tomb of Tut-ankh-amen discovered by the late earl of Carnarvon and H. Carter. Vol. 3. With appendices by D. E. Derry: A. Lucas. With 156 illustrations from photographs by H. Burton. London, Toronto, Melbourne and Sydney, 1933.

TuT — *Fox P.* Tutankhamun's treasure. London, New York, Toronto, 1951.

TTA — *Sandman M.* Texts from the time of Akhenaten. Bruxelles, 1938 (Bibliotheca aegyptiaca. 8).

TVR — *Davies N. de G.* The tomb of the vizier Ramose. Based on preliminary work by the late T. E. Peet and illustrated with the help of H. Burton, Nina M. Davies, W. B. Emery, and G. S. Mileham. L., 1941 (Mond excavations at Thebes, 1).

U — *Schaeffer C. F.-A.* Ugaritica III. Avec les contributions de Chr. Desroches-Noblecourt, H. S. Güterbock, P. Krieger, E. Laroche, O. Masson, J. Vandier. P., 1956 (Mission de Ras Shamra dirigée par C. F.-A. Schaeffer. T. 8 = Institut Français d'Archéologie de Beyrouth, Bibliothèque archéologique et historique. T. 64).

Un — «Univerzum», 176 kötet, 71/10. P. 3-16. — *R. W. Smith.* A nagy Aton kirakódsi.

U18D — *Helck W.* Urkunden der 18. Dynastie (Urkunden des ägyptischen Altertums, begründet von Georg Steindorff, in Verbindung mit Siegfried Schott herausgegeben von Hermann Grapow. [Abt. 4]).

H. 20 (S. 1646-1775). — Historische Inschriften Amenophis' III. B., 1957.

H. 21 (S. 1776-1954). — Inschriften von Zeitgenossen Amenophis' III, B., 1958.

H. 22 (S. 1955-2179). — Inschriften der Könige von Amenophis III. bis Haremheb und ihrer Zeitgenossen. B., 1958.

VHE — *Mariette-bey A.* Voyage dans la Haute-Egypte. 2 éd. T. 1. P.-Lpz., 1893.

VMPH — *Desroches-Noblecourt Ch.* Vie et mort d'un pharaon, Toutankhamon. [P., 1963].

WAeKFS — Auktion 46. Werke ägyptischer Kunst von der Frühzeit bis zur Spätantike. Ägyptische Münzen. Basel, [1972].

ZAeSA — «Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde». Lpz.

Bd 19 (1881). S. 116-131. — *Maspero G.* Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire (Suite).

Bd 21 (1883). S. 127-130. — *Piehl K.* Varia. § 3.

Bd 34 (1896). S. 63-69. — *Steindorff G.* Vier Grabstelen aus der Zeit Amenophis' IV.

Bd 36 (1898). S. 126-129, Abb. 17. — *Spiegelberg W., Erman A.* Grabstein eines syrischen Söldners aus Tell Amarna.

Bd 38 (1900). S. 113-114. — *Erman A.* Geschichtliche Inschriften aus dem Berliner Museum.

Bd 39 (1901). S. 1-10. — *Loret V.* La grande inscription de Mes à Saqqarah.

Bd 52 (1914). S. 73-87. — *Schäfer H.* Kunstwerke aus der Zeit Amenophis' IV.

Bd 55 (1918). S. 1-43, Abb. 1-7. — *Schäfer H.* Altes und Neues zur Kunst und Religion von Tell el-Amarna.

Bd 55 (1918). S. 43-49, Abb. (8) — *Schäfer H.* Die angeblichen Kanopenbildnisse König Amenophis des IV.

Bd 58 (1923). S. 36-38, Abb. 1. — *Asselbergs H.* Ein merkwürdiges Relief Amenophis' IV. im Louvre-Museum.

Bd 64 (1929). S. 113-117, Abb. 4. — *Bissing Fr. W.* von. Stele des Nechtmin aus der El Amarnazeit.

Bd 74 (1938). S. 104-108. — *Brunner H.* Eine neue Amarna-Prinzessin.

Bd 83 (1958, B.-Lpz.). S. 43-74, Abb. 4-7. — *Roeder G.* Thronfolger und König Smencn-ka-Ré (Dynastie XVIII).

ZCEER — *Montet P.* Życie codzienne w Egipcie w epoce Ramessydów XIII—XII w. p. n. e. Przetłoczyła E. Bąkowska. Warszawa, 1964.

ZZR — *Perepjolkina J. J.* Záhada zlaté rakve. Přeložila M. Pittermannová. Doslov napsal dr. F. Váhala. Praha, 1973.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3	3
Об обозначениях, принятых в книге.....	3	3
<i>Глава первая.</i> Царица Нефр-эт.....	6	6
<i>Глава вторая.</i> Чьими были южная усадьба и северный дворец в Ах-йот?.....	31	22
<i>Глава третья.</i> Из чьих божниц были камни из Шмуна?.....	51	35
<i>Глава четвертая.</i> Чьим был золотой гроб из так называемой гробницы Тэе?..	71	48
<i>Глава пятая.</i> Загадка второго фараона.....	94	63
<i>Глава шестая.</i> Соперница царицы.....	111	74
<i>Глава седьмая.</i> Дочь Амен-хотпа IV и Кэйе.....	135	89
<i>Глава восьмая.</i> О соправительстве и титуле Семнех-ке-рэ.....	155	102
<i>Глава девятая.</i> Судьбы прозвания «живущий правдою» при Семнех-ке-рэ и вторая и третья надгробные сени Тут-анх-амуна.....	184	120
<i>Глава десятая.</i> Солнцепоклонничество Семнех-ке-рэ	214	139
<i>Глава одиннадцатая.</i> Мертвец из золотого гроба.....	237	153
Приложение. Солнечное имя.....	258	167
Сокращенные обозначения изданий, в которых воспроизведены или описаны памятники.....	296	191

Юрий Яковлевич Перепелкин

КЭЙЕ И СЕМНЕХ-КЕ-РЭ

К исходу
солнцепоклоннического переворота
в Египте

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Н.Г. Михайлова*
Младший редактор *Р. Г. Канторович*
Художник *М. М. Мержеевский*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Г.А. Никитина*
Корректоры *К. Н. Драгунова*
и *Р. Ш. Чемерис*

ИБ № 13690

Сдано в набор 8/VI–1978 г.
Подписано к печати 21/XII–1978 г.
А-06004. Формат 60×90 1/16. Бум. № 1.
Печ. л. 19,5. Уч.-изд.л. 21,64.
Тираж 5000 экз. Изд.: № 3750. Зак. 440
Цена 2 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука"
Москва, К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства "Наука"
Москва, Б-143, Открытое шоссе, 28